

ОСВЕНЦИМ В ГЛАЗАХ СС

ГЕСС
БРОАД
КРЕМЕР

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ В ОСВЕНЦИМЕ
1975

Перевод: магистр **РОЗА Н. КАМИНЬСКАЯ**
Рецензенты: **ВЛАДИСЛАВ БАРТОШЕВСКИЙ** и **МЕЧИСЛАВ КЕТА**

Редактор: магистр **ДАНУТА ЧЕХ**, графическое оформление и обложка:
магистр **ТАДЕУШ КИНОВСКИЙ**, отбор иллюстративного материала:
ИЗАБЕЛА СМОЛЕНЬ, репродукции документов и фотографий: Архив
Государственного музея в Освенциме, верификация текста и корректура:
магистр **ИРЕНА СТЕФАНЬСКАЯ**

Редакционная коллегия: магистр **КАЗИМЕЖ СМОЛЕНЬ** (редактор),
магистр **ХЕРЕСА ЦЕГЛОВСКАЯ**, магистр **ДАНУТА ЧЕХ**, магистр
ТАДЕУШ ИВАШКО, магистр **БАРБАРА ЯРОШ**, **ЙРЕНА ПОЛЬСКАЯ**

Адрес редакции: Государственный музей в Освенциме

COPYRIGHT BY PAŃSTWOWE MUZEUM W OŚWIĘCIMIU

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЕЖИ РАВИЧ

Книга, предлагаемая читателям, является первой в своём роде: это сборник документов, авторами которых являются эсэсовцы из команды концентрационного лагеря Освенцим. Сначала несколько слов о каждом из этих авторов: Рудольфе Гессе, первом коменданте Освенцима; Пери Броаде, бывшем сотруднике политического отдела лагеря, т.е. лагерного гестапо и, наконец, о враче Иоганне Кремере.

О Рудольфе Гессе известно много, может быть потому, что он сам подробно написал о своей жизни; отрывок из его биографии, касающийся освенцимского периода его жизни, найдёт читатель в этой книге. И если мы посвятили наибольшее внимание именно Гессу, это понятно: его личность, так же как и его записи, требуют этого.

Рудольф Франц Фердинанд Гесс родился в 1900 году в семье отставного полковника немецкой армии. Воспитывали его сурово, в католическом духе: отец хотел, чтобы его сын стал ксёндзом. Когда Гессу было 16 лет, он добровольцем пошёл в армию и во время первой мировой войны он принимал участие в боях в Турции и Иерусалиме. В 17 лет стал младшим командиром немецкой армии. После поражения Германии, Гесс вернулся на родину и вступил в ряды восточно-прусского добровольческого корпуса, который входил в реакционную организацию, ставящей своей целью огнём и мечом уничтожить всех противников немецкого национализма и милитаризма, а значит, революционные элементы в Латвии, в самой Германии, среди польских повстанцев в Силезии и в центральной Польше.

Уже в 1922 году Гесс познакомился с Гитлером и вступил в ряды национал-социалистской немецкой рабочей партии (НСДАП); номер его партийного билета 3240 останется для Гесса на всю жизнь пред-

менгом его гордости. В 1923 году Гесс был арестован и приговорён к 10 годам тюрьмы за участие в групповом убийстве из-за угла учителя Кадова, которого коллеги Гесса по корпусу Росбаха, считали изменником. Гесс был освобождён в 1929 году, он поселяется в деревне в Мекленбурге, занимается сельским хозяйством и женится. Он прожил в деревне пять лет, там же родились трое его детей (четвёртый ребёнок родился в Дахау, пятый — в Освенциме).

В 1934 году Гесс соглашается на предложения Гиммлера, которого знал давно, оставить сельское хозяйство и перейти на действительную службу в СС. Его посылают на переподготовку в Дахау, где он позже и остаётся на второстепенном посту. В 1938 году он был переведён в Саксенхаузен, там он получил повышение, стал адъютантом в офицерском чине, а позже заместителем коменданта лагеря уже в чине капитана СС.

В мае 1940 года Гесс был направлен в Польшу для организации концентрационного лагеря в Освенциме; он пребывал там до ноября 1943 года. Позже, уже в чине подполковника, его переводят в Берлин, на пост шефа управления Д I в инспекторате концентрационных лагерей, который входил в состав главного административно-хозяйственного управления СС (ВФХА). Будучи уже на этой работе, он возвращается в Освенцим для проведения так называемой „Акции Гесс“, т.е. массового уничтожения венгерских евреев в газовых камерах Бжезинки.

После капитуляции Германии, Гесс скрывается под фамилией боцмана Франца Ланга, работает на ферме, находящейся в английской оккупационной зоне Германии. Там он был распознан и арестован 11 февраля 1946 года. Во время Нюрнбергского процесса, когда судили главных военных преступников, Гесс давал показания в качестве свидетеля защиты, а после окончания этого процесса он был передан Польше. Именно в польской тюрьме он пишет свои воспоминания. 2 апреля 1947 года Верховный народный трибунал приговорил Гесса к смертной казни через повешение. Приговор был приведён в исполнение 16 апреля 1947 года на территории бывшего концентрационного лагеря в Освенциме.

Другой была дорога доктора медицины и философии Иоганна Пауля Кремера. Пожалуй он был самым старшим по возрасту среди всех остальных эсэсовцев, которые когда-либо служили в Освенциме. Он родился в 1884 году, но свидетельство об окончании средней школы он получил только в 1909 году после добровольной военной службы. Почти накануне первой мировой войны он получил диплом доктора философии в Берлинском университете. Одновременно он изучал медицину и биологию. Уже во время войны он получил диплом врача

и доктора биологии, а в 1919 году ему был вручён диплом доктора медицины.

В последующие годы он занимал разные должности в научно-исследовательских институтах, анатомических, гистологических и биологических лабораториях. В 1929 году он защитил диссертацию на звание доцента анатомии в университете в Мюнстере. Он был ассистентом и доцентом этого же университета, специализирующимся в проблеме наследственности. Он вступил в гитлеровскую партию в июле 1932 года, незадолго до прихода к власти национал-социалистов, но был среди своих университетских коллег одним из первых, сделавших этот шаг. В 1935 году он вступает в СС; звание лейтенанта было дано Кремеру в этом же году, а после службы в Освенциме он стал на один ранг выше.

В первые три года войны мало что изменилось в профессорской жизни Кремера, до того времени, пока из-за потерь на полях войны не припомнили себе о 58-летнем эсэсовце в запасе. 29 августа 1942 года Кремера направили на службу в концентрационный лагерь Освенцим, где он пробыл около трёх месяцев. Пожалуй, это оказался наиболее насыщенный период его жизни.

Освобождённый от службы в Освенциме, Кремер возвратился в Мюнстер, где стал вести небольшие сражения, считая, что университетские власти недооценивают его заслуг „старшего партийного товарища среди мюнстерской доцентуры“, а также его научных заслуг. В этом же городе он пережил невзгоды последнего этапа войны, который должны были пройти и немцы в Германии, когда авиация союзников подвергла бомбардировке немецкие города. Там же застал Кремера и конец войны.

Он был арестован англичанами, они же обнаружили его наивно спрятанный дневник. Выданный польскому правительству, Кремер оказывается на скамье подсудимых во время процесса над гарнизоном Освенцимского лагеря. Верховный народный трибунал в Кракове приговаривает его 22 декабря 1947 года к смерти, но смертная казнь через повешение была заменена тюремным заключением из-за возраста подсудимого. После 10 лет тюрьмы Кремер был освобождён и 10 января 1958 года он возвратился в Германию.

Образцовый, как и другие заключённые-гитлеровцы, в польской тюрьме, Кремер после пересечения границы ФРГ изменяется словно по мановению волшебной палочки. Он начинает играть роль мученика „немецкого дела“ и пробует возбудить внимание к своей особе. Это не было умно, вообще-то говоря, Кремер никогда не грешил умом.

Результатом этой автопропаганды было его вторичное предстание перед судом, который приговорил его к 10 годам тюремного заключе-

Оберштурмбанфюрер СС Рудольф Гесс — первый комендант концентрационного лагеря Освенцим. Момент ареста.

ния с учётом лет проведённых в польской тюрьме. Кремер не должен был снова идти за решётку, однако приговор имел для него важные последствия: на его основе Мюнстерский университет лишил его звания доктора, не желая иметь в группе своих преподавателей военного преступника.

Кремер умер в шестидесятых годах.

Биографию Пери Брода можно рассказать в нескольких предложениях. Он родился в 1921 году в Рио-де-Жанейро. Его отец был бразилец, коммерсант, а мать — немка; с ней он вернулся в Германию и ещё учеником вступил в „гитлерюгенд“. В 1941 году он добровольно вступил в ряды СС, а в 1942 его откомандировали служить в концентрационный лагерь Освенцим. Сначала он был только охранником, но позже, опять-таки добровольно, он переходит на службу в политический отдел лагеря, где остаётся до конца существования Освенцима.

После войны он был арестован англичанами, в их руки Брод отдал документ, написанный им лично, где он рассказывает о том, что делало СС в Освенциме. Выпущенный из тюрьмы, он жил в ФРГ и занимался торговлей, но был вновь арестован 30 апреля 1959 года

в связи с Освенцимским процессом во Франкфурте-на-Майне. В 1965 году он был приговорён к 4 годам тюрьмы с учётом следственного ареста. После освобождения Брод возобновил свою коммерческую деятельность.

Так в большом сокращении выглядят жизненные дороги трёх эсэсовцев, записи которых мы предлагаем читателям. Мне кажется, что было необходимо представить их", потому что это даёт нам возможность понять, какими путями попадали разные люди на службу в лагерь унетения и убийства, как по собственной воле или неправильно понятому долгу подчинения высшему начальству, становились убийцами и палачами.

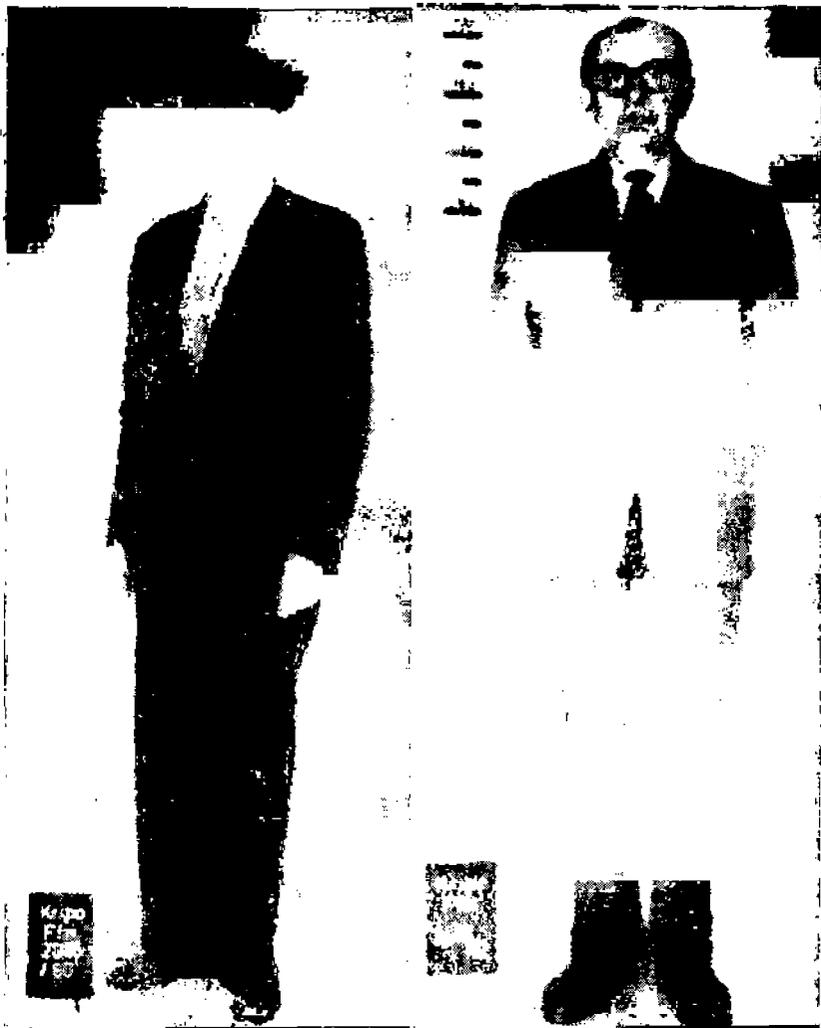
Характерно, что Брод, приступая к службе в Освенциме, был всего двадцатилетним, Гессу было сорок лет, а Кремеру — 58. Три поколения.

Кремер — формально — относится к интеллектуальной элите Германии: профессор, научный работник с двумя докторскими дипломами. Гесс — немного военный, немного фермер, имел за собой многолетнюю тюрьму за тайное убийство. Брод, ещё очень молодой, являлся продуктом воспитания гитлеровского режима.

Вот трое „хроникёров". Если мы примем во внимание обвиняемых Краковского и Франкфуртского процессов, то мозаика возрастов и профессий, охватит почти целиком все слои немецкого общества; мы найдём там бухгалтера, налогового работника, врачей, пекаря, плотника, лаборанта, слесаря, механика, фермеров, изготовителя музыкальных инструментов, маляра, горняка, официантку, владельца ресторана, торговцев, служащую почты, медсестру, извозчика, сельскохозяйственных рабочих, инструктора автомобильной езды, служащего сберкассы, официанта, пожарника, инженера, зубных врачей, аптекаря, каменщика, столяра, текстильщика, юридического консультанта...

Контингент потенциальных претендентов на убийц охватывал все поколения гитлеровской Германии и представителей почти всех социальных слоев.

Разоблачительная литература, рассказывающая о „временах презрения" и особенно об их апогеи — нацистских концентрационных лагерях — является огромной; кажется, что никакая, составленная до настоящего времени библиография, не оказалась способной вобрать в себя все книги, научные работы, воспоминания, посвященные тематике концентрационных лагерей. Для будущих поколений остаётся массовый документ, который докажет миру третьего тысячелетия то,

Унтершарфюрер СС Пери Брод (слева) — сотрудник политического отдела лагеря и обершарфюрер СС Иозеф Клер — санитар СС. Оба были обвиняемыми в первом освенцимском процессе во Франкфурте-на-Майне.

что может показаться ему нереальным, как нашим поколениям (правда только до Второй мировой войны) казались нереальными ужасы и жестокости средневековья. Именно это является самой устойчивой и самой важной ценностью, наравне с этическими, воспитательными, политическими или общественными значениями этих свидетельств.

Нужно однако обратить внимание на тот факт, что большинство этого рода документов исходит от жертв, от немногих (если сравнить число переживших с числом погибших), оставшихся в живых благодаря какой-то заминке в такой совершенной машине гитлеровского убийства; от тех, которым как-то удалось пережить, а переживши, они считали своим долгом засвидетельствовать правду. Однако немалая доля истины лежит в работах людей, которые не были живыми свидетелями или жертвами гитлеровских преступлений, не испытали их на себе; имеются в виду работы учёных в разных областях науки, публицистов и писателей — всех тех, которые подробно изучили, провели исследования и получили результаты своей работы, которые переварили в себе всю познанную реальность тех времён. В своих научных, литературных, музыкальных и изобразительных работах они пробовали отразить эту реальность.

Относительно малочисленнее — почти ничтожна — группа людей, являющихся одновременно „авторами“ преступлений и документов о них; речь идёт о тех, для которых главным жизненным занятием было человекоубийство. Многие среди руководителей, политиков или военных нацистской Германии, которые принимали только косвенное участие в ликвидации врагов Германии, опубликовали после войны свои воспоминания, где они стараются увеличить свою собственную военную славу и мирные достижения. Они заботливо обходили молчанием „стыдливые“ детали; например, Г. Б. Гизефиус, описывая своего приятеля Артура Небе, шефа государственного уголовного управления в главном управлении безопасности, как героя „движения Сопrotивления“, не вспоминает ни словом о том, что этот Небе, возглавляя „оперативную группу“ на оккупированной территории СССР, проводил массовые казни евреев. Профессионалы массовых убийств после войны вообще замолчали и, конечно, это неудивительно.

Было бы по-другому если бы Гитлер выиграл войну. Кто знает сколько бы теперь было издано в Германии воспоминаний, озаглавленных, быть может, так: „Я служил в политическом отделе концентрационного лагеря Аушвиц“, или „Я уничтожил 600000 врагов Германии“ или „Бухенвальд—Майданек—Маутхаузен. Этапы борьбы верного эсэсовца“, или „Оперативный отряд СС выполняет приказы Гитлера“.

Сверху: оберштурмбанфюрер СС Артур Либгеншель — второй комендант концентрационного лагеря Освенцим, гауптштурмфюрер СС Ганс Аумейер — начальник материнского лагеря, оберштурмфюрер СС Иоганн Пауль Кремер — лагерный врач. Все были обвиняемыми в процессе военной команды концентрационного лагеря Освенцим-Бжезинка и приговорены к смертной казни.

Однако Гитлер войну проиграл, а в результате эти дневники или воспоминания-, если далее и были написаны не увидели света. Вероятно не один автор, руководствуясь послевоенным страхом, просто-напросто уничтожил свои заметки, чтобы они не попали в посторонние не предназначенные для них руки — отдавая себе отчёт в том, что это могло бы стать доказательством в судебном процессе (как, например, получилось с дневником Кремера). Другие записи, правдоподобно, лежат хорошо спрятанные и ждут „лучших времён“. Вероятность существования немалого количества скрытых дневников и воспоминаний кажется бесспорной, потому что уж слишком большой была армия человекоубийц, чтобы оставить такое небольшое количество рукописных документов. А потому каждый обнаруженный документ имеет важное значение.

Что касается концентрационного лагеря Освенцим, в нашем распоряжении находятся три документа такого типа; их мы и предлагаем читателю. Каждый из них имеет своё значение, но наиболее важный среди них — это дневник Кремера. От двух остальных он отличается тем, что был написан не после войны, а во время её, в разгар событий, которые описываются самим же автором. Кроме того, этот документ не был предназначен для посторонних, писавшийся изо дня в день в форме записей личного характера о жизни автора, этот дневник является как бы результатом скрещивания странных, почти болезненных размышлений автора с его любовью к систематичности и порядку.

Следующим документом, если говорить о времени его „рождения“, являются записи Пери Брода, который по собственной инициативе явился после войны к британскому офицеру, вручая ему одновременно и свои записи.

Наконец, третьим документом, хорошо известным во всём мире, переведённым на многие языки и изданным во многих странах, является автобиография Рудольфа Гесса, написанная им в польской тюрьме. Она является документом первостепенной важности как из-за личности автора — занимая пост коменданта Освенцима Гесс мог знать гораздо больше о всех сторонах лагерной жизни, а непосредственная связь с административно-руководящими центрами уничтожения давала ему возможность иметь подробную информацию о всей системе уничтожения — так и благодаря подробности описания (почти 200 страниц).

Эти три свидетельства „той стороны“ мы предлагаем сегодня читателям, которые должны, по нашему мнению, мнению бывших узников Освенцима, помнить о страшных переживаниях в жизни своих отцов.

Основным долгом исследователя является критический подход к документу на который он ссылается. Критически оценить — это значит сравнить содержащиеся в документе факты со сведениями, полученными из других источников, из других документов. Сегодня мы ещё можем сопоставлять освенцимские документы не только с другими документами, но и с человеческой памятью, может быть не всегда надёжной, но дополняющей документ. Самое время сделать это, потому что люди побывавшие в немецких концентрационных лагерях, начинают умирать; бывшие узники редко доживают до глубокой старости. Если же говорить о другой стороне, об эсэсовцах — сведения, полученные во время процессов, где эсэсовцы давали свидетельские показания или были обвиняемыми, ещё и сейчас очень скудны. Бывшие эсэсовцы или говорят, что уже ничего не помнят или же сознательно (немногие составляют исключение) говорят ложь. И нужен какой-нибудь шок, чтобы они изменили свою позицию. Так получилось, например, во время судебного процесса во Франкфурте-на-Майне, где двое обвиняемых, примитивные люди в унтерофицерских чинах СС — Освальд Кадук и Стефан Барецки — разозлившись на то, что остальные обвиняемые, выше их рангом, отрицают не только свою вину, а даже и то, что они знали об убийствах в Освенциме, потеряли терпение перед лицом этой, по их мнению, вопиющей несправедливости, и раскрыли обман „толстых рыб“, сваливающих всю ответственность на освенцимские мелкие сошки.

Из всего этого видно, что стоит заняться критической оценкой этих трёх документов. Для порядка следует отметить, что документ Броада публикуется целиком; из дневника Кремера взяты записи полностью, касающиеся Освенцимского концентрационного лагеря, а фрагментарно опубликованы те части дневника, которые затрагивают другие вопросы. Из „Воспоминаний“ Р. Тесса публикуется то, что освещает жизнь в Освенциме и „окончательное решение“ еврейского вопроса. Редакция сочла нужным опустить те страницы воспоминаний, где Тесс описывает ранний период своей жизни, когда он ещё не был членом СС.

*

Важность документа Рудольфа Тесса, как наиболее достоверного источника невообразимого убийства, была подчеркнута в десятках работ историков, юристов, психологов и философов. Эти воспоминания были предметом судебных рассмотрений во время освенцимских и других процессов; они являются одновременно богатым свидетельским материалом обвинений как против инспираторов уничтожения, так и отдельных исполнителей их воли. Всё это избавляет нас от

необходимости подробного анализа содержащихся в них фактов о концентрационном лагере Освенцим; однако мы можем оценить их правдивость, степень их искренности. Именно этой стороной дела нужно было бы здесь заняться. Но остановимся только ещё на одном: что склонило Гесса, человека на которого падает самая тяжёлая непосредственная ответственность за небывалое в истории человечества массовое убийство, не только признать себя виновным, но к тому же дать подробное описание этого массового уничтожения.

На это отвечает сам Гесс:

„Я бы никогда не решился на эти откровения, на это обнажение моего самого скрытого „я“, если бы не то, что я встретился здесь с человеческим отношением, с пониманием, которые меня совершенно разоружили, на которые я никогда не имел права рассчитывать. Это человеческое понимание обязывает меня приложить все усилия, чтобы по мере возможности осветить неясные обстоятельства“¹.

„Я встретился здесь с человеческим отношением“ — пишет Гесс; „здесь“ — это значит в польской тюрьме, где находился с 25 мая 1946 г. до 16 апреля 1947 г., дня когда Гесс был казнён.

В связи с этим откровением Гесса, комментаторы его воспоминаний подчёркивают искренность его высказываний; об этом пишут особенно подробно двое польских учёных, которые часто беседовали с Гессом в польской тюрьме. Это психолог, профессор доктор Станислав Батавия и юрист, профессор доктор Ян Зен. В своём предисловии к первому изданию воспоминаний Гесса профессор Батавия пишет:

„Торможение, которое первоначально проявлял Гесс, постепенно уменьшалось и с того момента, когда он начал доверять своему собеседнику, разговоры с ним проходили в атмосфере, которая помогала ему высказываться откровенно“².

И дальше:

„Ставить под вопрос искренность высказываний коменданта Освенцимского лагеря, правдивость которых могла быть доказана только частично, безусловно можно. Однако и тот, кто наблюдал за ним, и те, которые ближе столкнулись с Рудольфом Гессом, считали, как правило, его показания правдивыми в отличие от показаний большинства военных преступников; откровенность, с которой он говорил о многих важных фактах, не раз считалась, и несправедливо, цинизмом человека без всяких моральных устоев“³.

¹ Воспоминания Рудольфа Гесса коменданта Освенцимского лагеря, Варшава 1965, Юридическое издательство, стр. 183.

² Бюллетень Главной комиссии по расследованию гитлеровских преступлений в Польше, т. VII, Варшава 1951, Изд-во Министерства Юстиции, стр. 14.

³ Бюллетень Главной комиссии по расследованию гитлеровских преступлений в Польше, т. VII, Варшава 1951, Изд-во Министерства Юстиции, стр. 28.

С этой точкой зрения соглашается и профессор Зен, который вёл предварительное расследование, предшествовавшее судебному процессу Р. Гесса, как судья и член Главной комиссии по расследованию гитлеровских преступлений. От себя он добавляет:

„Гесс... заявил, что он не хочет ни о чём умолчать, ни укрыть что-либо; он не воспользовался своим правом не отвечать на вопросы, хотя об этом ему напоминали во время его прослушиваний. Гесс охотно и исчерпывающе отвечал на вопросы, поставленные ему следователем“*.

Мнение польских авторов относительно искренности высказываний Гесса разделяют и заграничные комментаторы. Правы ли они? Я думаю, что — да, когда ими подчеркивается тот факт, что всё написанное основано на источниках, что много в них подробностей и точности, что Гесс высказался откровенно, если говорить об организации концентрационных лагерей, о методах уничтожения и убийств, об описании плана, сделанного ещё до войны и расширенного (при активном участии Гесса) в военные годы. Кажется искренней оценка, которую дал Гесс отдельным эсэсовцам, он написал о них то, что думал. В этих вопросах — я не колеблюсь употребить эти слова — заслуга Гесса является большой; если он мог сделать что-то хорошее до того, как повис на освенцимской виселице, то Гесс сделал это, написав свои воспоминания, так неразрывно связанные с историей геноцида.

Безусловно, тот факт, что Гесс написал свою автобиографию, относится к заслуге тех, кто сумел склонить его сделать это, а именно профессоров Батавии и Зена. Особенно трудной была роль Зена, его такт как официального представителя польских органов справедливости, а значит, беря формально, главного противника обвиняемого, которому нечего было терять (Гесс отдавал себе отчёт в том, что его ждёт смертная казнь) — был тем, что повлияло на решение Гесса написать свою автобиографию, и именно так, как он это сделал.

И всё же создаётся впечатление, что польские участники бесед с бывшим комендантом лагеря Освенцим и одновременно авторы вступительных статей к его автобиографии не удержались от переоценки так называемой абсолютной правдивости его воспоминаний.

Они в какой-то степени были „зачарованы“ правдивостью высказываний заключённого, следственные показания которого нашли подтверждение во время самого процесса и в письменных документах, если речь шла об организации лагеря, главных событиях его жизни

* Воспоминания Р. Гесса, стр. 19.

и массовых убийствах. Именно поэтому и всё остальное, написанное Гессом, было принято ими за чистую монету. Это можно понять: среди военных преступников Гесс действительно выделялся своей личностью; он не уклонялся от ответственности за миллионы освенцимских жертв, не приукрашивал деятельности СО, хотя находясь в польской тюрьме он продолжал говорить о своей принадлежности к нацизму.

Несмотря на всё, есть в воспоминаниях Гесса некоторые части в правдивость которых трудно мне поверить; это относится в первую очередь к тому, что он пишет сам о себе. Это правда, что в 1971 г. мы располагаем значительной информацией об Освенциме, чем та, которая находилась в распоряжении цитированных авторов: освенцимские процессы, многочисленные работы и экспонаты Государственного музея в Освенциме (особенно сообщения узников), позволяют открыть кулисы некоторых лагерных дел. Все эти материалы ещё не были доступны преждевременно умершему профессору Зену. В свете данных, известных Зену, полная правда о человеке по фамилии Гесс, не является такой, какой он пытался передать потомкам. Если хорошо вчитаться в его воспоминания, то перед вами предстанет маленький человек, втянутый в ритм огромной, всепоглощающей машины уничтожения, которой был необходимым колесиком, действующим на основе выработанного рефлекса абсолютного повиновения и фанатической веры в справедливость и необходимость всего того, что он делал. Другими словами, Гесс предстаёт перед нами, как незапятнанный, негибкий национал-социалист, поступающий бескорыстно и глубоко верящий в то, что всё делаемое им является необходимым и служит народу. Действительно, Гесс признаёт, что содеянное им было страшным злом и чувствует себя ответственным за это, однако он старается убедить, что действовал исключительно из побуждений идейного характера. Но это неправда, жаль, что это не было замечено комментаторами воспоминаний Гесса.

Здесь не место для подтверждения высказанной мной мысли, но я надеюсь, что мне представится другой случай сделать это. Здесь я хотел бы остановиться на нескольких деталях подтверждающих высказанные мною сомнения.

Коменданту лагеря не мешает тот факт, что он руководит газовой камерой миллионов людей, а имущество этих жертв передаёт нацистской Германии. Однако Гесс бывает глубоко задет, когда кто-то из эсэсовцев, имеющих доступ к вещам, оставшимся после погибших, поддаётся соблазну и совершает кражу.

„Моральный уровень надзирательниц (речь идёт об эсэсовках женского лагеря) — пишет Гесс — был, как правило, очень низким;

многие из них попадали под суд СС за кражу ценных предметов во время „Акции Рейнхардт“..⁵

В одной из глав своих воспоминаний, носящей название „Окончательное решение еврейского вопроса“, написанной в краковской тюрьме в 1946 году, читатель найдёт следующее:

„Из-за еврейского богатства в лагере образовалась очень сложная ситуация, которую уже никогда не удалось поставить под контроль. Члены СС были деморализованы, многие из них не были настолько сильны, чтобы противостоять искушению лёгкого обогащения ценными вещами евреев...“⁶

Но был ли сам комендант таким сильным, чтобы устоять перед этим искушением?

Безусловно, Гесс не „организовал“ так, как делал это простой эсэсовец, имеющий доступ до „Канады“⁷; он не мог и не был вынужден делать это. „Это правда, что моей семье было хорошо в Освенциме. Выполнялось каждое желание моей жены и детей. Дети могли играть сколько хотели, у жены было столько любимых цветов, что она чувствовала себя, как в раю“⁸ — записывает Гесс. В Освенциме, как в раю... Подтверждает это и жена Гесса, которая, согласно показаниям Станислава Дубеля, бывшего садовника Гесса, говорила: „Здесь хочу жить и здесь умереть...“⁹

Какой была эта „райская жизнь“ семьи Гесса в Освенциме? Среди старых узников Освенцима было публичной тайной то обстоятельство, что семья коменданта лагеря имела своих постоянных поставщиков, которые снабжали этот дом всем необходимым. Главным из них был немец по фамилии Гренке; он попал в лагерь, как уголовный преступник, а потом сделался гражданским служащим лагерной администрации. Именно благодаря Гессу, Гренке, занимавший пост капо и прославившийся своим жестоким обращением с узниками, был освобождён из лагеря, а потом принят на работу в качестве заведующего кожевенной фабрикой, где работало 800 узников. Среди них, в первую очередь, были портные и сапожники, а также столяры, плотники, кузнецы, слесари, обойщики, и т.д. Они работали для гарнизона СС, для нужд лагеря и, конечно, для самого коменданта, потребности которого непрерывно возрастали. Невозможно перечислить сколько раз семья Гесса пользовалась подневольной работой узников этой фабрики, которые из добра, оставшегося после погибших

⁶ См. текст на стр. 76.

⁷ См. текст на стр. 119.

⁸ „Канада“ — на лагерном жаргоне — склад с вещами после убитых евреев.

⁹ См. текст на стр. 97.

* См. текст на стр. 270.

евреев, ухитрялись сделать всё, что только могла создать в своей фантазии жена Гесса или он сам.

Автор этого предисловия сам работал в команде этой фабрики и был непосредственным свидетелем почти ежедневных работ „на бок“, которые по приказу Гренке делали специалисты для коменданта. Чего там только не было! Кожаные кресла, люстры, папки, дамские сумки, чемоданы, обувь, разные предметы из кожи и металла, детские игрушки, ковры. Кроме того, в дом коменданта доставляли разные готовые предметы, найденные среди вещей погибших (в помещениях фабрики находились часть „Канады“).

Узники, работавшие в доме коменданта, а их было немало, получали специальное „канадское бельё“¹⁰; нужно было, чтобы они хорошо выглядели и прежде всего, чтобы были чисто одеты. Супруги Гесс, так же как и остальные эсэсовцы, панически боялись свирепствовавших в лагере заразных болезней, особенно сыпного тифа. Жена Гесса получала это бельё до раздела его между узниками. Она оставляла его для своих нужд, а узникам давала старые изношенные вещи своей семьи. Гесс и его жена носили бельё, оставшееся после загazованных людей, их дети носили одежду других детей, убитых их отцом...

Жена Гесса чувствовала себя как в рату, среди освенцимских цветов. Не только цветами жив человек... Упомянутый польский узник Станислав Дубель был садовником. Он говорит: „Перед каждым таким приёмом жена Гесса говорила мне, что ей будет нужно или приказывала мне спросить об этом кухарку Софью. Ни денег, ни продовольственных карточек, необходимых для покупки продуктов, она мне не давала“. Через другого узника Дубель установил контакт с заведующим продовольственным лагерным складом унтершарфюрером СС Шебеком и, давая ему понять, что за это его ждёт повышение по службе, склонил его к тому, что унтершарфюрер СС украдкой давал ему для семьи Гесса разные вкусные вещи.

„Продовольственный склад был в то время хорошо снабжён — пишет Дубель — потому что туда поступали продукты, отобранные у евреев, привезённых в Освенцим в многочисленных эшелонах; большинство из них были направлены прямо в газовые камеры...“¹⁰

Другим поставщиком деликатесов был начальник снабженческого отдела эсэсовской кухни, обершарфюрер СС Энгельбрехт; он доставлял Гессам мясо, колбасы, папиросы. Комендант „не замечал“ большого количества продуктов в доме, „не интересовался“ откуда берутся южные фрукты, разное мясо, алкоголь в то время, когда в самой Германии существовали карточки на хлеб и обезжиренное

¹⁰ См. текст на стр. 269.

масло. Когда оке Гесс поехал в Венгрию, чтобы помочь Эйхману организовать перевоз венгерских евреев в Освенцим для уничтожения в газовых камерах, он прислал оттуда для своей жены, оставшейся в Освенциме, корзины с винами. Когда Тессы окончательно должны были покинуть освенцимский рай, потребовалось несколько вагонов, чтобы погрузить разное добро.

Итак, бескорыстие Гесса, о котором он так часто говорит, является пожалуй, мифом.

*

Так же выглядит дело в других вопросах. Гесс, например, сурово осуждает всякие интимные отношения между узницами и эсэсовцами: „Одна из надзирательниц упала так низко — говорит он с презрением, — что имела половые сношения с узниками.. Z.¹¹ Гесс обвинял одного из самых жестоких освенцимских убийц рапортфюрера Палича в том, что он был в интимных отношениях с одной из узниц концентрационного лагеря в Бжезинке. Однако в то же самое время некоторым эсэсовцам ещё в период существования концентрационного лагеря было известно одно грязное дело коменданта; в его доме работала узница Элеонора Ходыс, говорившая, что она итальянка. После нескольких месяцев работы у Гессов эта узница была переведена в женскую штрафную команду, а затем в подземелье блока № 11, куда по ночам приходил к ней Гесс. Когда оказалось, что она беременна, её бросили в стоячий карцер и морили голодом. Только благодаря случайности, а именно разногласиям, существовавшим между Гессом и начальником лагерного политического отдела, Грабнером, всё вышло на явь. Судьба этой женщины привлекла внимание Грабнера, против которого велось следствие по другому делу, и тот решил воспользоваться полученными сведениями, чтобы „отыгаться на Гессе“ с которым был „на ножках“. Грабнер рассказал о деле Гесса судьям СС, которые вели его дело в Освенциме. Эпизод с Ходыс всплыл ещё раз во время Освенцимского процесса во Франкфурте в 1985 г. Как свидетель по этому делу выступал бывший судья СС адвокат доктор Вибек.

Как мы видим, Гесс не был нацистским „святым“.

*

Есть ещё и другие дела, позволяющие сомневаться в абсолютной искренности коменданта. Это касается, в первую очередь, его отношений к узникам. Главным мотивом, повторяющимся в воспоминаниях Гесса, является утверждение, что он сам не мог предотвратить излишнее зло, существовавшее в лагере, а именно страшные издевательства и убийства узников за их мнимые провинности. По мнению

¹ См. текст на стр. 76.

Тесса, это происходило потому, что находившиеся в его распоряжении эсэсовцы, а также, немецкие узники-уголовники, присланные из Саксенхаузена, — „основатели лагеря“ — ввели именно такие порядки, перед которыми он сам был беспомощным. „С самого начала вошли в жизнь другие принципы, которые поздние неизбежно должны были привести к плачевным результатам. А была возможность избежать этого, как-то сгладить, если бы мои помощники серьёзнее отнеслись к моим идеям и планам. Не хотели и даже не были в состоянии сделать это из-за своей ограниченности, упрямства и злорадства, а в небольшой степени и лени“ — пишет Тесс¹². И далее: „Комендант лагеря определяет главное направление в руководстве и, конечно, он отвечает за всё. Но настоящим хозяином лагеря, под контролем которого находится вся жизнь в лагере, от которого целиком зависит развитие отношений в лагере — является начальник лагеря или начальник рапорта, если это человек способный и волевой“¹³.

Таким способом Тесс пытается снять с себя ответственность за „страшные результаты“ нечеловеческого режима, который был введён в концентрационном лагере Освенцим с самого начала его существования.

Правда ли всё это? Действительно ли Тесс был бессилён, хотел ли он, чтобы было лучше, а только другие делали плохо? Так не было. Свидетельствует о том подробный анализ написанных им воспоминаний, полных противоречий. Так например, Тесс пишет, что в конце 1939 года — до того, как он был направлен на службу в Освенцим — он стал начальником концентрационного лагеря в Сиксенхаузене. В соответствии с его собственными мыслями, будучи на этом посту, он мог ввести в лагерь такие порядки, которые считал наиболее подходящими. А тем временем — цитируем самого Тесса: „... если Дахау было скорее „красным“, т.е. большинство узников были политическими, Саксенхаузен был „зелёный“. В соответствии с этим была и вся атмосфера лагеря...“ И Тесс, бывший тогда начальником лагеря не изменил существовавшего положения, зелёные продолжали главенствовать в лагере.

Так же было и в Освенциме, когда Тесс был комендантом этого лагеря, потому что он делал свою ставку на зелёных и в них видел основу лагерного мира. „Красным“ он не доверял; приведённый выше пример убийцы узников, зелёного Гренке, фаворита Тесса, освобождённого им из лагеря, является только одним из многочисленных примеров. И такое положение продолжалось в Освенциме до тех пор, пока Тесс был там комендантом: власть находилась в руках

¹² См. текст на стр. 35.

¹³ См. текст на стр. 36

Штурмбаннфюрер СС Рихард Бер — третий комендант Освенцима.

„зелёных“. Когда место Тесса занял Либегеншель, тон в Освенцимском лагере стали задавать красные" и к тому же не только немцы, но и узники других национальностей, в том числе поляки, а иногда и евреи.

Улучшились отношения и внутри лагеря. Уже один этот факт является достаточным, чтобы утверждать, что в этом деле Гесс старался обелить себя.

Не один раз во время процессов над человекоубийцами-эсэсовцами, приходилось встречаться с провокационным утверждением, которое поддерживалось некоторыми адвокатами, что эсэсовцы, это были овечки, и что только сами узники убивали друг друга. До вершин обмана доходили нацисты, сочувствовавшие убийцам; Гиммлер сказал о Гейдрихе, что тот „бесконечно страдал, никогда не знал

покоя и разрядки...“, а Пауль Блобель, командовавший одним из оперативных отделов СС, которые вели резню на оккупированных территориях Советского Союза, показал во время следствия: „Я должен сказать, что наши, которые участвовали в этом, потеряли больше нервов, чем те, которые должны были быть расстреляны...“

Гесс не пошёл так далеко, и тем не менее утверждение „жертва виновата, а не убийца" ясно отразилось и в его записях, и очень странно, что комментаторы не обратили на это внимания.

Описывая жестокое убийство советских военнопленных, из которых уцелели только немногие, Гесс цинично замечает: „Однако я никогда не мог избавиться от мыслей о том, что оставшиеся в уливых русские, выдержали ценой жизни своих товарищей, что они были более бесповпадными и жестокими“.

Говоря об узниках-евреях, Гесс записывает: „Чаще всего их мучили узники-евреи, занимавшие какие-либо административные должности...“¹⁵ и далее: „Не считались ни с чем, чтобы освободить теплое

¹⁴ См. текст на стр. 57.

¹⁵ См. текст на стр. 64.

место или удержать его. Чаще всего побеждал тот, чьё поведение отличалось отсутствием какой-либо щепетильности¹⁶.

О зондеркоманде Тесс пишет: „Все они знали, что после окончания мероприятий их постигнет та же судьба, судьба тысяч их собратьев, при уничтожении которых они так хорошо помогали. И несмотря на это, они проявляли рвение, которое меня всегда удивляло¹⁷. По его мнению: „Польские узники делились на три политические группы, члены которых боролись между собой... Боролись они за важные посты... Я не колеблюсь утверждать, что некоторые смертельные случаи, вызванные сыпным или брюшным тифом, можно отнести на счёт этой борьбы за власть¹⁸“.

Другими словами: советские узники убивали своих соотечественников, евреи—евреев, поляки—поляков. Эти клеветы и ложь Тесса, так же как и утверждение, что нужно было иметь только чуть-чуть отваги, чтобы сбежать из Освенцима — всё это ускользнуло от внимания комментаторов...

В действительности советские военнопленные прибыли в Освенцим только на мученическую смерть; эсэсовцы, а в след за ними и зелёные¹⁹ капо получили приказ уничтожить их и выполняли его со всей последовательностью. И если несколькими десяткам из них удалось выжить, то это следует приписать случайности, которая в жизни лагеря не раз играла важную роль.

Узников-евреев, наиболее безоружных среди других, убивали эсэсовцы, а по их подстрекательствам и поощрениям и узники-немцы, которые были уеоловниками. От рук этих людей погибла большая часть узников-евреев в концентрационном лагере Освенцим.

Неизвестно на какой основе Тесс разделил узников-поляков на три группы; известно, что среди узников-поляков существовал раздел на левых и правых, но бесспорной правдой является и тот факт, что всех их связывала солидарность против СС и её помощников, а также и против лагерной администрации. Тесс преувеличивает утверждая, что в „борьбе за власть“ польские узники избавлялись от своих конкурентов, заражая их тифом. Бывали и такие случаи, но речь шла не о „борьбе за власть“, а о борьбе против агентов СС и шпионов политического отдела лагеря, от которых нельзя было избавиться другим способом, потому что они находились под защитой Тесса, Грабнера и их помощников.

Подробный анализ воспоминаний Тесса может принести ещё больше примеров поверхностного подхода Тесса к многим делам. Если я посвятил

¹⁶ См. текст на стр. 69.

¹⁷ См. текст на стр. 92.

¹⁸ См. текст на стр. 52.

этому так много места, то сделал это не для того, чтобы только в чёрных красках описать личность коменданта Освенцима; мне кажется, что и это нужно было сделать во имя правды. Нужно отметить что много обвинений по адресу Гесса, которые были сделаны бывшими узниками Освенцима во время Варшавского процесса, были ошибочными. Я имею здесь в виду показания коллег, которые будто бы видели, как Гесс пытал узников. Это было ошибкой, если говорить о палаче; Гесс не [^]пустился бы" до таких действий, он имел более важное, генеральное задание, которое должен был выполнить.

*к

А как выглядят в сравнении с воспоминаниями Гесса два других документа, предлагаемые читателям? Уже с чисто формальной точки зрения ни воспоминаний Брода, ни дневника Кремера нельзя считать документами равными по значению записям Гесса, потому что оба в лагерной иерархии занимали значительно более низкое положение, чем Гесс. Брод был только унтер-офицером, Кремер, что правда, был офицером, но не „специалистом" по концентрационному лагерям. Это был врач, довольно случайно запутанный в историю „анус мунди" — анального отверстия мира, как определяет он в своём дневнике Освенцим. Кроме того, Брод был очень молодым и его знания о жизни ограничивались сведениями, полученными в гитлерюгенд. Кремер был значительно старше, но даже на фоне разных выродившихся типов, прошедших через ряды СС, он был человеком с ярко выраженными психопатическими чертами; к тому же он был в Освенциме недолго.

Принимая во внимание всё вышесказанное, становится ясно, что документы Кремера и Брода нельзя приравнивать по важности к документу, оставленному Гессом. Однако невозможно обойти их вниманием в первую очередь потому, что оба автора занимали посты в наиболее „нервных" пунктах лагерной администрации и являлись составными частями освенцимского комбината смерти, связанными с его основной функцией — массовым убийством.

Брод, служивший в политическом отделе не только был в курсе дел, но и принимал участие в уничтожении узников, которое выполнялось этим отделом. Кремер, как врач, должен был, как и все врачи СС, присутствовать при уничтожении газом людей, прибывших в лагерь в еврейских транспортах и отобранных при селекции. „Присутствие" не ограничивалось пассивным наблюдением за происходящим, потому что палец врача решал, кто пойдёт прямо в газовые камеры, а кто — в лагерь. Палец Кремера был пальцем смерти: на кого указал — тому оставалось жить столько, сколько продолжались

„формальности“ пути до газовой камеры, потом раздевалка и коробки с газом, который вбрасывал эсэсовец в закрытое помещение.

Итак, Кремер и Брод видели и знали многое; их записи дополняют своими важными и страшными подробностями то, что оставил Гесс.

В некотором смысле воспоминания Брода похожи на воспоминания Гесса. Брод старается объективно писать о том, что он видел и пережил в Освенциме, но с одним условием: он не пишет всей правды о себе и собственной роли. Брод, что правда, не старается показывать себя в лучшем свете, как это делает Гесс, но применяет другую тактику — просто обходит молчанием свою особу. То, что оба документа похожи, то что один приуменьшает, а другой замалчивает, психологически понятно, потому что оба были написаны после войны и предназначались для победителей. Одно дело документ, вручённый непосредственно после войны неориентировавшемуся в освенцимской проблематике офицеру английской разведки (наверное очень довольному тем, что нашёлся один „справедливый“), к тому же владеющий английским языком), и другое — показания перед судом, который знает какую роль в лагере играл политический отдел, а к тому же ещё встреча лицом к лицу с бывшими узниками, свидетелями происшедших событий. На суде во Франкфурте, где Брод был одним из обвиняемых, его воспоминания были дополнены в той части, которая касалась его самого. Подробно описывая массовые казни польских узников у „стены смерти“ блока № II, бывший унтершарфюрер СГ обошёл молчанием собственное поведение. Во время процесса обвиняемый Брод не мог уже ничего добавить; перед показаниями свидетелей, видевших, как он принимал участие в этих казнях (как и остальные работники политического отдела), Брод должен был сознаться, что так было.

Брод осуждает пытки, которым подвергали узников в лагерном гестапо, и снова — ни слова о себе. Свидетели, бывшие узники, обвиняют его; было доказано, что и он сам пытал и избивал узников. Но по закону ФРГ за эти преступления, в момент когда происходил суд во Франкфурте уже не судили из-за давности преступления; наказанию подлежало только убийство. В обосновании приговора суд утверждает, что „существует сильное подозрение в том, что Брод убивал людей во время допросов, но этому нет бесспорных доказательств“. Поэтому Брод не был приговорён за свой доказанные преступления; однако то, что мы знаем о нём — достаточно, чтобы оценить его поведение.

Брод описывает ужасающие сцены прибытия еврейских эше-

лонов, люди из которых были направлены в газовые камеры прямо с железнодорожной платформы. Где он был тогда? Разве он не принимал участия в массовом убийстве? Сам он об этом не говорит. Франкфуртский суд пришёл к заключению, что является бесспорным факт присутствия Брода на железнодорожной платформе, однако невозможным было точно установить как часто он там присутствовал, а потому суд принимает решение в пользу Брода: он был там самое большое два раза, и в это время в Освенцим прибывали эшелоны с венгерскими евреями. Эти эшелоны, обычно были значительно многочисленнее, считается, что каждый раз, по крайней мере 1000 человек были обречены на смерть".

Итак сравнение записей Брода с фактами судебного процесса позволяет заполнить пробелы в его воспоминаниях, если говорить о нём самом.

И снова нужно подчеркнуть, что если Брод избегает говорить о своей собственной роли в Освенциме, описанные им факты из жизни лагеря, свидетелем которых он был сам или просто узнал о них, соответствуют истине. Это ясно видно при сравнении рассказанного Бродом с воспоминаниями бывших узников лагеря и другими документами, которые гитлеровцы не успели уничтожить. Безусловно в сравнении с воспоминаниями Гесса, написанное Бродом, является более узким, но всё-таки это обогащает наши сведения об Освенциме новыми фактами, которые были забыты Гессом и неизвестны узникам. Например, история бунта украинских эсэсовцев или зверской расправы с узницами в Будах.

*

Абсолютно иной характер имеет дневник Кремера; в отличие от предыдущих документов он добавляет относительно немного к тому, что нам уже известно об Освенциме. Однако нужно отметить особенно важное, что есть в этом дневнике: подтверждение врачом СС той роли, которую играл в лагере санитарный персонал СС, фактически участвовавший в массовом убийстве. В отличие от воспоминаний Гесса и Брода, этот дневник много говорит об авторе, который вёл его исключительно для себя, без намерения сделать его публичным достоянием. Значит этот документ более искренний.

Дневник этот писался день за днём, по горячим следам, под впечатлением дневных переживаний. То, что он оказался достоянием публичности, было делом случайным. Кремер не даёт оценки тому, что происходит в Освенциме, как это делают Гесс и Брод, он только записывает в дневнике то, что непосредственно касается его самого. Только от случая к случаю он изливает свои чувства, как например, в записи от 2 сентября 1942 года:

„УВ 3 часа утра я первый раз лично участвовал в специальной операции. В сравнении с ней ад Данте показался мне почти комедией. Недаром Аушвиц называют лагерем уничтожения“¹⁹.

Или, например, запись от 5 сентября 1942 года:

„Сегодня в полдень на специальной операции в женском лагере (мусульманки): ужас из ужасов. Гауптшарфюрер Тило, гарнизонный врач, был прав сегодня, говоря мне, что мы здесь находимся при анус мунди [анальном отверстии мира]...“²⁰

Однако это только немногочисленные следы его личных оценок; значительно чаще сухая запись о „специальной операции“ соседствует с подробным описанием меню в эсэсовской столовой. Ни участие в событиях „анус мунди“, ни „ужас из ужасов“ не лишали аппетита доктора философии и медицины из Мюнстера.

Так сложилось, что я имел возможность подробно прокомментировать как дневник Кремера, так и записи Брода, потому что я был переводчиком обоих документов²¹. Конечно, я уже не могу добавить ничего нового, а тем более необыкновенного, если говорить о характере этих документов, но я позволю себе повторить несколько замечаний о Кремере:

„... Очень скудные данные, о количестве составов, посланных в Освенцим главным управлением имперской безопасности, в селекции которых Кремер принимал участие (о четырёх эшелонах нет никаких указаний), показывают, что за время своего короткого пребывания в лагере он успел послать в газовые камеры из общего числа 12291: 10717 мужчин, женщин, и детей. Добавим к этому, что в это не входят узники-„мусульмане“, которые тоже были посланы Кремером на газовую смерть или на смерть, вызванную уколом фенола в сердце...“

Необыкновенно отвратительный факт освенцимского преступления Кремера — это использование сложившихся обстоятельств для „научных целей“. Мы знаем, что не один он, а десятки, сотни нацистских „научных работников“ и даже большие фармацевтические фирмы, использовали в качестве „подопытных кроликов“ для своих экспериментов беззащитных узников“.

Этот немецкий профессор зашёл так далеко в своём научном любопытстве, что указывал на свои „объекты“, т.е. истощённых узников, разговаривал с ними, задавая им разные вопросы, чтобы потом по его распоряжению их сразу же убили, а препараты, взятые

¹⁹ См. текст на стр. 200.

²⁰ См. текст на стр. 201.

²¹ Воспоминания Пери Брода впервые были опубликованы в „Освенцимских тетрадах“ № 9, а дневник Кремера публиковался во фрагментах в „Освенцимских тетрадах“ № 13.

с селезёнки, печени и поджелудочные железы от трупов этих людей, служили Кремеру материалом для изучения биологических изменений, происшедших в человеческом организме под воздействием голода. Тот факт, что экспериментальный материал для Кремера брался с трупов только что убитых людей — является символическим доводом дегенерации науки в гитлеровской Германии.

Мы уже упоминали о том, что Кремер имел психопатические черты, но одновременно это был доцент университета, занимавший разные должности. Преступные идеи и практика нацистов дала широкое поле деятельности такого сорта людям. Если рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, говоря о славянах, называет их „озверевшими людьми“¹, не говоря уже о „евреях-полулюдях“, то именно те, которые находились под бесприкословным влиянием мифа о подчинении, но были нормальными, как например Гесс, а также психопаты, как Кремер, получают возможность для преступной деятельности. Если это полулюди или полужвери — значит их можно и даже нужно убивать газом, расстреливать, уничтожать уколами фенола или ручкой лопаты, а может и нужно сделать из них экспериментальные объекты, потому что „нашей заботой, нашим долгом является наш народ, наша кровь и ни о чём, ни о чём другом не должны мы заботиться, думать, для них мы должны работать и бороться“²³.

Отсюда вытекает двойственность его оценок. Кремер, как было уже сказано, не останавливался, ни перед чем, если говорить об убийствах узников, когда нужно было получить „материал из абсолютно свежих трупов“; но одновременно, после своего „освенцимского приключения“, возвратившись в свой почтённый Мюнстер, который был подвергнут бомбардировке американскими воздушными силами, господин доцент сурово осудил „воздушных гангстеров“¹, упрекая их в „отсутствии человечности“ (запись от 22 января и 26 марта 1945 г.). А значит неважно, что делают, однако важно — кто делает и кто является жертвой.

Если немцы, а среди них и сам Кремер, совершают ужасные преступления — тогда всё в порядке, а если это делают союзники, желающие положить конец этим преступлениям, сражаясь с Германией, это — недостаток человечности и гуманности.

Добавим ещё одно: рассеянные там и сям в дневнике Кремера псевдо-критические замечания об отношениях в нацистской Германии не имеют ничего общего с так называемой оппозицией автора к гитлеровскому режиму, что Кремер пробовал доказать во время своих судеб-

¹ Из речи Гиммлера к генералам СС в Познани 4 октября 1943 г.

²³ Там же.

На скамье подсудимых во время процесса над военной командой концентрационного лагеря Освенцим-Бжезинка. Краков, Верховный народный трибунал. В первом ряду слева направо: Артур Либегеншель, Мария Мандель и Ганс Аумейер.

ных процессов; псевдокритика вытекала только из буйного тщеславия этого „учёного“: его странная идея — „открытие“ так называемой наследственности приобретённых физических увечий (эти коты с куцыми хвостами), не говоря уж об абсурдности этой гипотезы, не могла найти признания в милитаризованном нацистском государстве, где сотни и тысячи искалеченных на фронтах, с ампутированными руками и ногами, наводили страх в городах и деревнях. В действительности Кремер был послушным национал-социалистом, прячущим только свою обиду на то, что за верность не был соответственно награждён. Завистливый и малодушный, он видел служебные продвижения других, а сам считал себя пострадавшим, пожалуй, даже жертвой заговора врагов нацизма.

*

Если бы в 1933 году Гитлер не пришёл к власти в Германии, никто на свете не знал бы о том, что существовали люди по фамилии Гесс, Брод и Кремер.

Что правда, фамилия Гесс уже прогремела в 1923 году, когда он был осуждён за участие в тайном убийстве; но в те времена таких

убийц было немало. Если бы не триумф нацистов в 1933 году, Гесс после тюрьмы канул бы в неизвестность.

О Пери Броаде, родившимся на другом полушарии и возвратившимся позже с матерью в Германию, где он готовил себя к торговле, нельзя сказать и этого. Прожил бы свою серую жизнь, не привлекая внимания.

Иоганн Кремер? В нормальных обстоятельствах он не сделал бы карьеры, в погоне за куцыми хвостами котлов он сделался бы посмешищем мира учёных, может быть даже одним из тех „профессоров“, которых в своё время так гениально высмеял Генрих Гейне, проклятый Гитлером.

Кто услышал бы о фамилиях— символах зла, Гиммлерах, Гейдрихах, Эйхманах, Мюллерах? Кто бы остановил внимание на освенцимских Кадуках, Богерах, Грабнерах, Паличах? Им дала жизнь преступная система, благодаря которой ничего не значившие в обществе люди, стали вдруг хозяевами жизни и смерти тысяч, сотен тысяч, миллионов людей. Не только с бессмысленным подчинением, но и с охотой, и далее с неожиданной последовательностью — как Гесс — выполняли они свою преступную работу. Сделавшись необходимой частью аппаратуры в машине уничтожения, они достигли апогея своей жизни, вооруженные неограниченной властью. Они воспользовались ею, чтобы вырасти в собственных глазах и погрязнуть в нечеловеческой жестокости.

Это фашизм создал Гесса, Броада, Кремера и всех остальных. А потом все вместе они стали орудием этой фашистской системы. Это хорошо, что после их никчёмной деятельности остался след не только в памяти тех немногочисленных жертв, которые выжили, но и в собственных записях палачей. Может быть, эта страшная лекция истории поможет понять миру к чему ведёт несправедливый строй, строй зла и презрения к другим людям. Может быть, мир сумеет сделать соответствующие выводы и получит науку на будущее?

Пусть так будет!

ВОСПОМИНАНИЯ

РУДОЛЬФА

ГЕССА

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ В ОСВЕНЦИМЕ (1940—1943)

Так я стал комендантом организующегося в Освенциме лагеря-карантина.

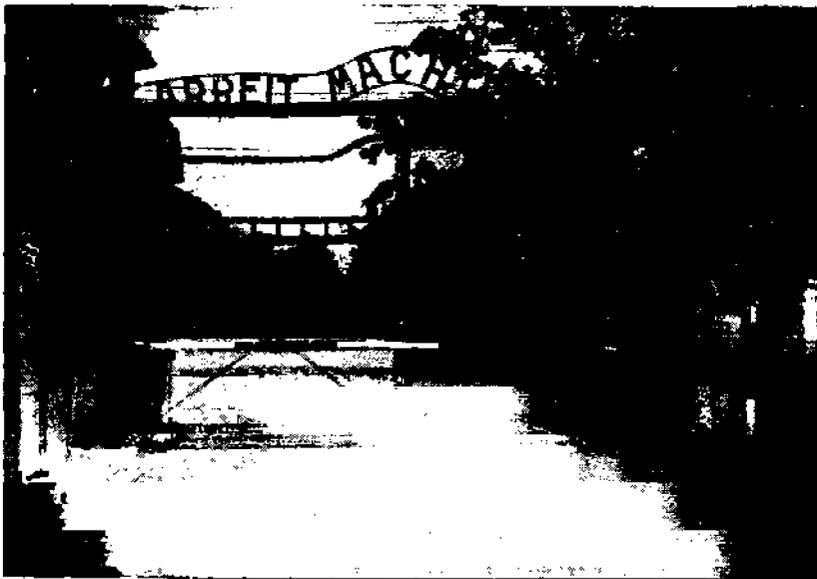
Это было далеко, в Польше. Там, без всяких ограничений, мог проявить „неудобный“¹ Гесс своё горячее стремление к работе. Так думал Глюке, инспектор концентрационных лагерей. При таких обстоятельствах я приступил к решению новых задач, поставленных передо мной. Что касается меня лично, то я никогда не думал, что так скоро стану комендантом: несколько опытных начальников лагерей уже давно ждали назначения на этот пост.

Задачи, стоявшие передо мной не были лёгкими. Используя уже существующие здания, которые, что правда, были хорошо построены, но находились в плохом состоянии и кишели паразитами, я должен был в самый короткий срок организовать пересыльный лагерь для 10000 узников². С точки зрения гигиены нехватало всего. Уже перед моим отъездом, ещё в Ориенибурге³, меня предупредили о том, что я не могу рассчитывать на полную по-

¹ Гесс имеет в виду мнение коменданта концентрационного лагеря Саксенхаузен оберфюрера СС Ганса Лорица. Более подробные сведения о лицах, фамилии которых упоминаются Гессом, а также Кремером и Бродом, помещены в конце книги как биографические заметки.

² Было решено организовать лагерь на территории бывших польских казарм, вошедших в ведомство Вермахта. Казарменные бараки были деревянные и каменные, и находились в одном из районов Освенцима, который называется Засоле. Согласно первичным планам инспектора концентрационных лагерей, Освенцим должен был стать карантинным лагерем, т.е. пересыльным лагерем для узников-поляков.

³ Гесс говорит об инспекторате концентрационных лагерей.

Освенцим. Вход в концентрационный лагерь Освенцим. Над воротами надпись по-немецки: „Работа делает свободным“. Фото сделано после освобождения лагеря.

мощь и что, по возможности, я всё должен решать сам; там, в Польше ещё есть то, чего уже несколько лет нет в Германии.

Значительно легче организовать абсолютно новый лагерь, чем из уже существующих случайных зданий и бараков, неподходящих для концентрационного лагеря, суметь быстро сделать что-то такое, что можно было бы использовать под лагерь, да ещё не делая при этом значительных перестроек, согласно требованиям полученного приказа.

Вскоре после моего приезда в Освенцим, инспектор полиции безопасности и службы безопасности во Вроцлаве⁴ обратился ко мне с вопросом: когда я смогу принять первые эшелоны узников.

Я понимал, что из Освенцима можно сделать что-то полезное только благодаря коллективной неустанной работе, начиная с коменданта лагеря и кончая последним узником. Чтобы привлечь всех к выполнению поставленных задач, я должен был ломать все традиции и навыки, характерные для концентрационных лагерей. Если я был обязан требовать от своих офицеров и солдат

⁴ В это время им был оберфюрер СС Арпад Виганд.

самых высоких достижений, то и я сам обязан был давать им хороший пример. Когда будили рядового эсэсовца, вставал и я. Я был уже на посту, когда он только ещё начинал свою службу; и только поздним вечером шёл я отдыхать. Мало было в Освенциме таких ночей, когда меня не беспокоили телефонными звонками и не вызывали на службу, потому что произошло что-то непредвиденное. Если я хотел, чтобы узники хорошо работали, то к ним должны были лучше относиться. А в ежедневной практике бывало как раз наоборот. Я надеялся, что смогу обеспечить узников хорошим питанием и жильём, что с этой стороны в Освенциме будет лучше, чем бывало обычно в старых лагерях.

Всё что мне казалось неправильным, плохо организованным в старых концентрационных лагерях, я хотел сделать по-другому в Освенциме. Я думал, что это даст мне возможность рассчитывать на узников, на то, что они станут охотнее работать. Нужно было сделать так, чтобы узники отдавали работе всю свою энергию и силы. Я с полной уверенностью рассчитывал на то, что мне удастся привести в жизнь мои планы.

Уже в первые месяцы, и даже недели, я заметил однако, что мои благие намерения и желания, разбиваются о сопротивление многих офицеров и солдат СС⁵, находившихся в моём подчинении, об их низкие человеческие качества. Разными способами, бывшими в моём распоряжении, я старался убедить моих сослуживцев в правоте своих замыслов и стремлений. Я пробовал объяснить им, что только работая сообща наш коллектив сможет достичь хороших результатов, что только при таких условиях работа может быть плодотворной и мы сможем выполнить, поставленные перед нами задачи. Напрасные старания влюблённого!

⁵ Охранные отряды национал-социалистской немецкой рабочей партии, известные под названием СС, были созданы Гитлером в 1925 г. Они являлись как бы партийным авангардом; целью их деятельности было обеспечение порядка и спокойствия для партийных собраний. После 1933 года, когда Гитлер пришел к власти, С С стала огромной машиной, в состав которой входили как бы три основных звена:

1. „Общие СС“

2. Военные отряды СС (Ваффен СС). До начала второй мировой войны именно в этих отделах рядовые члены СС добровольно проходили четырёхлетнюю военную подготовку, что заменяло им отбывание обязательной военной службы. Эти отделы составляли стержень военных сил СС, сражавшихся позже на фронтах.

3. Соединения СС „Мёртвая голова“; они использовались на службе в концентрационных лагерях. До 1934 года эти отделы входили в состав „Общих СС“, а позже, благодаря стараниям Теодора Эйкке, получили самостоятельность и были значительно расширены. В начале войны в СС был введён татуаж, обозначающий группу крови. Буквы, соответствующие группе крови, татуировали под левой подмышкой.

Гауптшарфюрер СС Герард Палич — начальник рапорта в материнском лагере.

Многолетнее обучение Эйкке⁶, Коха⁷, Лорица оказало глубокое влияние на „старых“ лагерных работников; оно вошло им в тело и кровь так глубоко, что даже те, у которых были самые лучшие намерения, уже не умели поступать иначе, чем это бывало на протяжении многих лет лагерной службы. „Новые“ быстро учились от „старых“, к сожалению не самому лучшему.

Я хотел, чтобы инспекторат концентрационных лагерей направил в моё распоряжение хотя бы несколько хороших офицеров и унтер-офицеров СС, но всё напрасно: Глюке просто не хотел сделать этого. Так же было с узниками, которых нужно было назначить на административные посты. Для этой цели начальник рапорта⁸ Палич должен

был найти тридцать профессиональных преступников разных „специальностей“ (главное управление имперской безопасности не захотело освободить политических заключённых и направить их на административные посты в Освенцим). Среди

⁶ Первый инспектор концентрационных лагерей.

⁷ Тогда комендант концентрационного лагеря в Бухенвальде.

⁸ Обычно им был эсэсовец в чине младшего командира. Прежде всего в его обязанности входило следить за количественным составом узников во время утренних и вечерних проверок. Все начальники блоков подчинялись начальнику рапорта, а он — непосредственно начальнику лагеря.

⁹ Главное управление имперской безопасности (РСХА) было учреждено в 1939 году. Его первым руководителем был шеф полиции безопасности и службы безопасности обергруппенфюрер СС Рейнхард Гейдрих. После того, как Гейдрих был убит в Праге 5 июня 1942 года членами чешского движения Сопротивления, его место, в январе 1943 года, занял обергруппенфюрер СС Эрнст Кальтенбруннер, который в 1946 году был приговорён к смертной казни Международным военным трибуналом в Нюрнберге.

Главное управление имперской безопасности, так же как и главное административно-хозяйственное управление СС (ВФХА) (см. стр. 74, прим. 89), являлось одним из двенадцати главных управлений верховного руководства СС, будучи одновременно департаментом в имперском министерстве внутренних дел.

Главное управление имперской безопасности состояло, в свою очередь, из семи отделов-управлений, из которых IV был назван — управлением тайной государственной полиции.

узников Саксенхаузена¹⁰, которых предоставили в распоряжение Палича, он выбрал, по его мнению, тридцать лучших¹¹. Однако если принять во внимание мои намерения, то даже десять из них не были годны для той работы, которая их ждала. Палич руководствовался своим собственным понятием о том, как надо относиться к узникам; его этому научили, он к этому привык и весь склад его ума не позволял ему поступать иначе.

Таким образом все мои проекты, бывшие как бы фундаментом организации лагеря, с самого начала были обречены на провал. С самого начала вошли в жизнь другие принципы, которые позднее неизбежно должны были привести к плачевным результатам. А была возможность избежать этого, как-то сгладить, если бы мои помощники серьёзнее отнеслись к моим идеям и планам. Не хотели и даже не были в состоянии сделать это из-за своей ограниченности, упрямства и злорадства, а в немалой степени и лени. Для них именно ничтожества представляли ценность, потому что соответствовали их взглядам, их отношению к жизни.

Непосредственное руководство лагерем находится в руках его начальника, хотя и бесспорным является тот факт, что комендант

¹⁰ Саксенхаузен был одним из первых концентрационных лагерей, созданных на территории Германии после прихода Гитлера к власти. В июле 1936 года туда перевели узников одного из старейших лагерей в Эстервеген. Позднее Саксенхаузен стал всё быстрее заполняться политическими узниками, в большинстве коммунистами. Вскоре руководство СС решило превратить этот лагерь в образцовый, где должны были готовить кадры надзирателей из рядов СС. В этом же лагере должны были изучать на практике результаты методов, применяемых к узникам, находящимся в долготермом заключении. В начале своего существования Саксенхаузен был как бы специально предназначен для узников, рекрутирующихся из высоких государственно-политических сфер. Шло время и он превратился в экспериментальный лагерь, а выработанные там формы работы приводились в жизнь в других концентрационных лагерях. Как лагерь образцовый, Саксенхаузен стал учреждением осуществляющим надзор за другими концентрационными лагерями; это было главным фактором при выборе Ораниенбурга местопребыванием инспектората концентрационных лагерей; решение было принято высшими инстанциями СС. С 1938 года Саксенхаузен стал лагерем, где находились узники самых разных национальностей.

Общее число узников, прошедших через этот лагерь, превышает 200 тысяч; эти заключённые были зарегистрированы. Фактически число узников было значительно выше, потому что до конца 1939 года номера умерших, освобождённых или переведённых в другие лагеря, давали новоприбывшим. Кроме того в лагере погибло большое количество людей (расстрелянных или загазованных), которые не были зарегистрированы. За 5 лет существования лагеря в нём погибло 110 тысяч человек. На посту коменданта лагеря поочерёдно находились: штандартенфюрер СС Карл Отто КОХ, оберфюрер СС Герман Барановски, оберфюрер СС Ганс Лорнц, штандартенфюрер СС Кейндль.

¹¹ Речь идёт о 30 узниках, привезённых в концентрационный лагерь Освенцим 20 мая 1940 года; они получили номера от 1 до 30. Это были уголовные преступники, немцы. Из них было составлено лагерное самоуправление. Почти все они отличались исключительным садизмом и жестокостью по отношению к другим узникам лагеря.

оставляет свой след на повседневной жизни узников. Степень влияния коменданта зависит от того, как часто появляется он на сцене лагерной жизни, от его характера и заинтересованности. Комендант лагеря определяет главное направление в руководстве и, конечно, он отвечает за всё. Но настоящим хозяином лагеря, под контролем которого находится вся жизнь в лагере, от которого целиком зависит развитие отношений в лагере — является начальник лагеря или начальник рапорта, если это человек способный и волевой.

Комендант лагеря намечает главные пути развития концентрационного лагеря; он выдаёт приказы, касающиеся жизни узников в целом, исходя из тех задач и планов, которые стоят перед ним. Однако точное выполнение его приказов зависит исключительно от воли и разума руководства лагеря: начальника или рапортфюрера, если только комендант не решил взять на себя обязанностей своих подчинённых при условии, что он не доверяет этим людям и считает, что они неспособны правильно выполнить приказы, которые были им даны. Только так можно быть уверенным, что все распоряжения и указания выполняются соответственно воли коменданта лагеря.

Даже командиру полка нелегко узнать были ли его приказы выполнены в абсолютном соответствии с его замыслами, особенно если это касается дела, выходящего за рамки нормальных, привычных дел. Насколько же труднее коменданту лагеря узнать правильно ли были поняты и точно выполнены его приказы, имеющие отношение к узникам, а часто это бывали важные приказы. Повседневный контроль над тем, каким образом осуществляется власть над узниками, был делом невозможным. С точки зрения дисциплины и престижа комендант лагеря не может расспрашивать узников об их начальстве СС, исключая безусловно крайние случаи, когда речь идёт о расследовании совершённого преступления. Но даже и тогда, почти без исключения, узники ничего не говорят или отвечают очень расплывчато, боясь репрессий¹². Я очень хорошо знал это в Дахау¹³ и Саксенхаузене, где сначала я был

¹² Целью каждого концентрационного лагеря, в том числе и Освенцима, было психическое к физическое уничтожение узников. Это достигалось лагерными властями с помощью как массового террора, так и индивидуального. В сущности „хозяйном жизни и смерти“ узника был каждый эсэсовец, который мог каждую минуту „убрать“ узника, если бы тот последний отважился пожаловаться на что-то лагерному начальству.

¹³ Концентрационный лагерь Дахау был открыт 22 марта 1933 года и являлся одним из первых лагерей, организованных в Германии. Это был показательный лагерь, готовивший кадры эсэсовцев для других лагерей. С марта 1933 года до февраля 1940 г. там держали в основном

начальником блока¹⁴, потом рапорта, а затем начальником лагеря. Мне хорошо известно, как в лагерях изменяют и даже абсолютно извращают, невыгодные приказы и к тому же делают это так, что выдавший их даже не замечает этого.

Вскоре и в Освенциме я убедился в том, что здесь будет то же самое. Радикальная перемена могла наступить только при условии освобождения от служебных обязанностей всего руководства лагеря, но на это никогда бы не согласился инспекторат концентрационных лагерей. Я был не в состоянии лично проследить, как в деталях выполнялись мои приказы. Я мог бы это сделать только в том случае, если бы целиком отказался от своей главной задачи — организовать и открыть в короткий срок концентрационный лагерь — и взял бы на себя роль начальника лагеря.

Именно в начальной стадии организации лагеря, учитывая образ мыслей его руководства, я должен был бы постоянно находиться в нём. А однако я вынужден был часто уезжать из лагеря, потому что большинство моих подчинённых всех рангов не имело достаточной квалификации, чтобы правильно решать текущие дела.

Чтобы открыть лагерь и обеспечить питанием узников, я должен был лично проводить собрания с хозяйственными отделами, со старостой и президентом регенства. Административный начальник лагеря¹⁵, мой подчинённый, был абсолютным глупцом и я вынужден был проводить за него разные совещания, чтобы организовать доставки продуктов, хлеба, мяса или картошки для гарнизона освенцимского лагеря и заключённых. Я даже ездил в деревни за соломой.

Я не мог рассчитывать на самую незначительную помощь со стороны инспектората концентрационных лагерей и должен был

противников гитлеризма и немецких евреев, а позже австрийцев и чехов. К моменту начала войны в Дахау находилось около 2 тыс. поляков, граждан Германии. 27 сентября 1939 года лагерь был передан под начальство Теодора Эйкке, который был обязан сформировать на его территории фронтальную дивизию Ваффен СС. В лагере осталось около 100 заключённых для выполнения срочных работ и обслуживания парников. Свыше 4 тыс. узников перевели в другие лагеря. После соответствующей подготовки, в феврале 1940 года эсэсовцы были отправлены на фронт, а в освободившиеся блоки поместили новых узников, привезённых из концентрационных лагерей в Бухенвальде и Флоссенбурге, а также в Маутхаузене и Саксенхаузене. До апреля 1944 года через Дахау прошло свыше 200 тыс. узников, из них погибло 150 тыс. Первым командантом лагеря был штандартенфюрер СС Гильмар Веккерле, а затем поочерёдно: оберфюрер СС Гейнрих Дейбель, оберфюрер СС Ганс Лориц, штурмбанфюрер СС Алекс Пиорковски, оберштурмбанфюрер СС Мартин Вейс, оберштурмбанфюрер СС Эдуард Вейтер.

¹⁴ Эсэсовец в чине младшего командира СС, отвечающий за всех узников одного блока.

¹⁵ Вначале это был унтерштурмфюрер СС Макс Мейер, направленный в Освенцим из инспектората концентрационных лагерей.

обо всем заботиться сам: разными способами доставать грузовые и легковые машины, запасные части к ним, ездить в Рабку и Закопане за котлами для лагерной кухни, а в Судеты — за кроватями и сенниками. С начальником строительства я ездил доставать необходимые строительные материалы, потому что сам он ничего не мог сделать.

А в это время компетентные власти всё ещё продолжали вести в Берлине споры о том, как нужно расширять лагерь в Освенциме.

Согласно договору весь объект находился в ведении военных властей и был передан СС только на время войны.

Главное управление имперской безопасности, начальник полиции безопасности в Кракове, а также инспектор полиции безопасности и службы безопасности во Вроцлаве, всё время запрашивали о том, когда мы сможем принять значительно большее количество узников, а я всё ещё не знал откуда взять хотя бы 100 метров колючей проволоки. В Гливицах на сапёрских складах лежали груды колючей проволоки, но я ничего не мог получить оттуда без согласия штаба сапёрных войск, находившегося в Берлине. Невозможно было добиться помощи в этом вопросе от инспектората концентрационных лагерей, а поэтому я должен был просто-напросто украсть часть необходимой для меня колючей проволоки. Я отдал приказ размонтовывать остатки полевых военных укреплений и разбивать бункеры, чтобы иметь армированное железо. Когда оказывалось, что где-то есть нужные мне строительные материалы, я просто приказывал забрать их, не интересуясь тем, кому они принадлежат и не заботясь о том, что я превышаю свою власть — ведь я должен был со всем справиться сам.

Одновременно с этим проходило выселение польских жителей из первой зоны прилегающей к лагерю, а во второй были начаты работы. Я должен был заботиться об использовании полученной таким способом территории¹⁶.

¹⁶ В связи с тем, что было решено создать в Освенциме концентрационный лагерь, с территории прилегающей к нему было выселено польское население. Это происходило двумя этапами: первый имел место в июне 1940 года. Тогда было выселено около 2 тыс. людей, живших недалеко от бывших казарм польской армии и зданий Польской табачной монополии. Второй этап выселения — июль 1940 года, охватил жителей улиц Короткая, Польная и Легионов. В ноябре того же года произошло третье выселение, оно коснулось района Засоле. Мероприятия по выселению продолжались и в 1941 году: в марте и апреле были выселены жители деревень Бабице, Буды, Райско, Бжезинка, Брошковице, Плавы и Харменже. В общем были выселены люди с территории в 40 км² и она была объявлена сферой интересов лагеря; в 1941—43 годах на этой территории были созданы подсобные лагеря сельскохозяйственного профиля: рыбные хозяйства, птицеводческие и скотоводческие фермы.

В конце ноября 1940 года рейхсфюреру СС¹⁷ было послано первое донесение и получен приказ о расширении лагеря. Мне казалось, что в связи с расширением и строительством основного лагеря у меня и так уже слишком много работы, однако это было ещё не всё: первое донесение было началом бесконечной цепи новых инструкций и планов.

Вначале я был совершенно поглощён, просто одержим, порученным мне заданием и указаниями; трудности, встречающиеся на моём пути, ещё больше разжигали мой энтузиазм, я не хотел капитулировать, моё тщеславие не позволяло мне это сделать. Я дел только работу.

Все эти разнородные дела не позволяли мне уделять много времени жизни в лагере и самим узникам. Это совершенно понятно. Я вынужден был отдать целиком судьбу узников в руки таких отрицательных типов, как Фрич¹⁸, Мейер¹⁹, Зейдлер²⁰ и Палич, хотя я и знал, что они не организуют для узников такого лагеря, как я планировал. Но я мог посвятить себя только одному заданию и должен был выбрать между узниками и энергичной работой над расширением и застройкой лагеря. Каждое из этих заданий требовало полной отдачи сил и полного посвящения; совмещение их было делом невозможным.

Однако моей главной задачей была и осталась навсегда — постройка лагеря, его последовательное расширение. С годами вставали новые задачи, но основное задание, целиком поглощавшее меня, осталось без изменений; ему посвящал я все мысли и старания, ему должны были подчиниться все остальные дела; только с этой точки зрения руководил я комплексом других дел и только под этим углом я смотрел на всё остальное.

Глюке не раз говорил мне, что моя главная ошибка в том, что я всё делаю сам вместо того, чтобы позволить работать дюйм подчинённым. Надо смотреть снисходительно на ошибки людей, которые были сделаны ими в результате того, что люди эти просто неспособны сделать лучше; не всё бывает так, как человеку хотелось бы. Глюке не принял моего упрека в том, что в Освенциме я не располагаю наилучшим человеческим материалом, если говорить об офицерах и унтеро-фицерах СС, что дело не столько в их неспособности, сколько в их сознательном халатном отношении

• Генрих Гиммлер.

¹⁸ 1, начальник лагеря в 1940—41 гг.

" Правильнее Майер, был 2. начальником лагеря.

²⁰ Был 2. начальником лагеря после Майера.

к службе, и что именно это обстоятельство заставляет меня вмешиваться в самые важные и спешные дела.

Глюке считал, что комендант лагеря должен руководить лагерем из своего кабинета и с помощью приказов и телефона держать в руках весь лагерь; абсолютно хватит того, что комендант время от времени пройдёт по лагерю. Святая наивность! Это объясняется только тем, что Глюке сам никогда не работал ни в одном лагере, поэтому-то он никогда не мог понять меня и моих трудностей.

Это непонимание со стороны моих начальников доводило меня, почти до отчаяния; я вкладывал в мою работу все свои способности, волю, я целиком посвящался ей, а Глюке видел в этом только каприз и развлечение. По его мнению, у меня было отношение маньяка к той задаче, которая была передо мною поставлена, и дальше этого я ничего не видел.

Приезд в лагерь рейхсфюрера СС в марте 1941 года выдвинул новые задачи⁸¹, но не оказал мне ни малейшей помощи в наиболее важных, горящих делах. Я утратил последнюю надежду на улучшение лагерных кадров СС, на то, что я получу в распоряжение людей, которые будут достойны моего доверия. Я должен был продолжать работать с теми „великими“, которые находились в моём подчинении и продолжать расстраиваться и беспокоиться из-за них. У меня было лишь несколько подчинённых, которым можно было доверять, однако они, к сожалению, не занимали ответственных постов. Я взваливал на них очень много работы, и часто слишком поздно убеждался в том, что многочисленные обязанности приносили вред.

Окружённый людьми незаслуживающими моего доверия, я стал в Освенциме другим человеком. До этого я видел в людях, особенно в коллегах, только хорошее и это длилось так долго, пока я не убеждался в противном. Моя добрая вера не раз сыграла со мной злую шутку. В Освенциме я изменился, я знал, что сослуживцы обманывают меня на каждом шагу, каждый день я переживал всё новые и новые разочарования. Я стал подозрительным и везде

⁸¹ Гесс имеет в виду первую инспекцию Гиммлера в Освенциме. Это было в марте 1941 года. В результате проведенного контроля лагеря и территории прилегающей к нему, Гиммлер приказал так расширить лагерь, чтобы туда можно было поместить 30 тыс. узников. Им также было отдано распоряжение организовать в деревне Бжезинка лагерь для 100 тыс. военнопленных и дать в распоряжение концерна ИГ-Фарбениндусти 10 тыс. узников для использования на строительстве промышленных объектов в местности Дворы около Освенцима. Гиммлер потребовал самого широкого и разностороннего использования земель прилегающих к лагерю: строительство ферм и активизацию работ механических мастерских лагеря. Он подчеркнул, что на основе лагеря должны быть созданы большие оборонные предприятия, что дало бы возможность СС быть первой в области вооружения немецкой армии.

усматривал желание ввести меня в заблуждение, я видел только плохое. В каждом новом человеке я видел заранее только зло[^] и поэтому я морально ранил и настроил против себя много хороших и честных людей.

Дружба, товарищеские отношения, которые до этого были для меня святым делом, стали теперь смешны именно потому, что старые коллеги так сильно меня разочаровали и обманули. Мне опротивели все товарищеские вечеринки, я не хотел никуда ходить и был доволен, если сумел найти повод, чтобы не прийти и извиниться за своё отсутствие. Коллеги упрекали меня за это. Так же и Глюке не раз обращал моё внимание на то, что в Освенциме нет товарищеской атмосферы между комендантом и его офицерами. А я просто был уже неспособен на это, разочарование было слишком велико.

Я всё больше замыкался в себе, становился всё более недоступным, с каждым днём делался всё твёрже. Моя семья, особенно жена, страдала от этого. Я бывал просто невыносим: я ничего не видел, кроме работы и задач, возложенных на меня. Это вытеснило из меня всё человеческое. Жена пробовала вырвать меня из этой замкнутости, приглашая наших добрых знакомых. Вместе с моими коллегами она пыталась сделать так, чтобы я не отгораживался от них²². Она приглашала к нам гостей и устраивала дружеские встречи вне дома, хотя самой ей это тоже не нравилось. На какое-то время я был вырван из моего сознательного одиночества, однако новые разочарования вновь толкнули меня на мою стеклянную стену.

Даже посторонних людей огорчало моё поведение, однако я уже не мог поступать иначе. В результате постоянных разочарований я сделался в какой-то степени мизантропом. Часто бывало так, что на вечерах среди близких знакомых я становился вдруг молчаливым и отталкивающим; охотнее всего я бы ушёл, чтобы быть в одиночестве, потому что вдруг мне не хотелось никого видеть. Усилием воли я брал себя в руки и с помощью алкоголя старался избавиться от подступающего плохого настроения, снова становясь разговорчивым, оживлённым и даже весёлым.

²² Из показаний Анели Беднарской, которая была у Гесса домашней работницей, вытекает, что дважды в месяц комендант лагеря устраивал вечера для своих коллег и членов их семей. На этих вечерах бывали гауптштурмфюрер СС Шварц с женой, оберштурмфюрер СС Шварцгубер, гауптштурмфюрер СС Зейдлер, гауптштурмфюрер СС Крамер с женой и другие. Бывали на этих вечерах у Гесса и директора близлежащих промышленных предприятий, например, директор шахты в Бжешчах Отто Гейне.

Алкоголь быстро вызывал у меня хорошее настроение и чувство доброжелательства ко всему свету; никогда ни с кем не ругался я под влиянием алкоголя. В состоянии опьянения я уступал во многом, на что никогда бы не согласился в трезвом виде. И однако я никогда не пил один и никогда у меня не было такого желания. Пьяным я тоже никогда не был и под влиянием выпитого не устроил никакого скандала. Когда бывало „по горло“, потихоньку уходил. Под влиянием алкоголя я никогда не пренебрёг служебными обязанностями. Как поздно ни возвратился бы я домой, на следующий день я пунктуально приходил на службу в бодром состоянии.

Такого же поведения я требовал от своих офицеров. Это был вопрос дисциплины. По-моему, отсутствие руководителя в начале рабочего дня, да ещё из-за алкоголя, оказывает самое глубокое деморализующее влияние на подчинённых. Но я не находил понимания; офицеры подчинялись приказу, вынужденные к этому моим присутствием, но всячески ругали „старого“.

Если я хотел справиться с возложенным на меня заданием, я должен был быть как мотор, который всё время подталкивает вперёд, подгоняет на строительстве, увлекая за собой всех, начиная от рядового эсэсовца, кончая узником. Я должен был преодолевать на строительстве не только трудности, вызванные войной, но одновременно с этим, каждый день, каждый час, постоянно я боролся с равнодушием и халатностью моих сотрудников, с их нежеланием поддержать меня. Активному сопротивлению можно противостоять, но перед лицом пассивного чувствуешь себя бессильным, потому что его очень трудно ухватить, хотя повсюду и видны его следы. И если нельзя было поступать иначе, я вынужден был силой принуждать к работе тех, кто не хотел работать.

Если перед войной концентрационные лагеря были целью сами по себе, то во время войны они стали — согласно воле рейхсфюрера — средством для достижения цели. Прежде всего они служили теперь войне, вооружению: по мере возможности на предприятиях военной промышленности²³ работали узники. Каж-

²³ Использование рабочей силы узников концентрационных лагерей имело в 1933—1945 годах разные аспекты; этот период можно разделить на три основных этапа.

Лагеря, созданные в 1933—1939 гг. имели своей главной целью, кроме изоляции противников Гитлера, сосредоточение антисоциальных и преступных элементов и „перевоспитание“ их при помощи работы. СС организовала концентрационные лагеря в Маутхаузене, Флоссенбурге и Гросс-Розене, где находились каменоломни. Дело было в том, что Гиммлер, от имени СС,

дый узник должен был быть использован на военном предприятии и обязанностью коменданта было со всей беспощадностью приспособить лагерь для этой цели, Освенцим, по воле рейхсфюрера СС, должен был стать мощным центром военной промышленности. Заявления, сделанные Гиммлером²⁴ по случаю посещения лагеря в марте 1941 года не оставляли в этом никаких сомнений. Новый лагерь для 100000 военнопленных, расширение старого лагеря до 30000 узников, приготовление для Буны²⁴ 10000 узников — все эти цифры говорили сами за себя. В то время эти масштабы были новыми в истории концентрационных лагерей; лагерь, рассчитанный на 10000 узников казался тогда необыкновенно большим.

Мою бдительность увеличил тот факт, что рейхсфюрер СС настаивал на самом быстром расширении лагеря, на увеличении темпов его строительства; он не хотел считаться ни с какими трудностями, проблемами, нехватками, которые иногда почти невозможно было избежать. Его отношение к существенным упрекам,

обещал Гитлеру доставить камень для строительства, находящихся в ведении партии на территории всей Германии.

В 1940—42 годах целью концентрационных лагерей было уничтожение при помощи непосильной работы узников, прибывших с оккупированных гитлеровцами территорий. Но не нужно забывать, что уже и тогда рабочую силу узников использовали на промышленных предприятиях.

После ноября 1942 года вплоть до капитуляции, в связи с тем, что в Германии была проведена тотальная мобилизация, концентрационные лагеря становятся дешевым источником рабочей силы, которую СС продаёт концернам, военным и гражданским предприятиям. Этот последний период открылся распоряжением Гиммлера от 14 декабря 1942 года, в силу которого главное управление имперской безопасности приказало доставить в концентрационные лагеря до конца января 1943 года 35 тыс. узников, способных работать. Факт сосредоточения сотен тысяч узников в концентрационных лагерях в период победы Советской армии под Сталинградом был тесно связан с потребностями оборонной промышленности, которой нехватало рабочей силы.

²⁴ Буна — химический комбинат в Дворах, недалеко от Освенцима; входил в концерн ИГ-Фарбениндустри. На новой фабрике была начата продукция искусственной резины, называемой „буна“, а также синтетического бензина. Уже в апреле 1941 г. было приступлено к строительству предприятия Буна-Верке, где широко использовались узники освенцимского лагеря, лежавшего в 7 км от Двор. Сначала узников пригоняли на работу пешком, а позже стали привозить их в товарных вагонах. По требованию концерна на прифабричной территории был выстроен лагерь, куда в октябре 1942 года перевели освенцимских узников, работавших на химическом комбинате.

Этот лагерь был вначале филиалом Освенцима, но в ноябре 1943 г., в период раздела Освенцима на три лагеря, его стали называть Аушвиц III. Этот лагерь был „руководящим“ для всех подсобных освенцимских лагерей, созданных на шахтах, металлургических заводах и других промышленных предприятиях.

Согласно показаниям д-ра Отто Амброса, члена управления ИГ-Фарбениндустри, общая сумма, заплаченная СС за освенцимскую рабочую силу составила в течение двух с половиной лет 20 миллионов марок. Из показаний бывших узников вытекает, что в Буне погибло около 30 тыс. человек.

выдвинутым гаулейтером²⁵ и президентом регенства²⁶, натолкнули меня на мысль о том, что готовится что-то необыкновенное.

Я уже привык ко многому? что касалось как СС, так и рейхсфюрера. И всё-таки эта суровая неумолимость и настойчивость, с какой Гиммлер требовал скорейшего выполнения своих текущих приказов, была для него чем-то новым. Это заметил даже Глюке. И за выполнение этих планов отвечал только я, исключительно один только я. Из ничего и без ничего я должен был как можно быстрее (согласно понятию того времени) построить что-то огромное; без всякой действенной помощи начальства, как показал существовавший до этого времени опыт, да ещё с такими „помощниками“.

А как обстояли мои дела с рабочей силой? Что было сделано с узниками? Руководство лагеря приложило максимум усилий, чтобы в отношении к узникам сохранить традиции Эйкке; Дахау — Фрич и Саксенхаузен — Палич, к тому ещё надо прибавить Бухенвальд — Мейер: они все старались один перед другим в применении „лучших методов“²⁷. Они не верили мне, когда я повторял им, что методы Эйкке уже давно устарели, потому что концентрационные лагеря претерпели изменения. Ограниченные умы этих людей нельзя было вывести из круга идей, которые заложил в них Эйкке, и нужно сказать, что эти идеи более соответствовали складу их ума. Мои приказы, которые шли вразрез с тем, чему их научил Эйкке, они просто переделывали. Ведь не я, а скорее они задавали тон в лагере: они инструктировали узников, занимавших разные должности, начиная от самых ответственных, кончая на самом незаметном писаре блока. Им подчинялись начальники блоков, получавшие от них указания о том, как следует обходиться с узниками.

Но я об этом уже много сказал и напекал. Перед лицом пассивного сопротивления я был бессилён. Это может казаться правдой только тем, кто сам на протяжении нескольких лет нёс службу в концентрационном лагере. Только такой человек может меня понять.

Я уже раньше писал о том, какое влияние оказывали на рядо-

²⁵ Гесс имеет в виду начальника округа Верхней Силезии Фрица Брахта.

²⁶ В это время президентом Катовицкого регенства был доктор Шпрингорум.

²⁷ Гесс в характеристике Теодора Эйкке, написанной в тюрьме, дал следующую оценку его отношения к узникам:

„... узники были для него навсегда врагами государства, за ними нужно хорошо следить, обращаться сурово, а в случае сопротивления уничтожать. Так он учил и воспитывал своих офицеров и солдат СС“. Такое же отношение к узникам — несмотря на пробы показать это иначе — было у самого Гесса. Доказательством этого могут служить условия жизни и судьбы узников Освенцима.

вых узников те, которые являлись их непосредственными начальниками, т.е. узники занимавшие разные должности. Это было особенно заметно в огромной массе узников концентрационного лагеря Освенцим-Бжезинка и имело решающее значение. Казалось бы, что одинаковая судьба и общ те страдания должны были привести к несгибаемой солидарности, неразрывной, крепкой общности. Нет ничего ошибочнее думать так. Н^где безграничный эгоизм не проявляется так ярко, как в условиях лагерной жизни; чем труднее она становилась, тем острее проявлялся эгоизм, вытекавший из инстинкта самосохранения. Даже те люди, которые в условиях нормальной жизни со всей добротой и охотой помогали другим, в лагерных условиях способны были беспощадно тиранить своих же товарищей, если это хоть в какой-то степени облегчало их собственную жизнь. Что же говорить о натурах эгоистичных, холодных, имеющих склонности к преступлениям; они равнодушно, безжалостно относятся к несчастью своих товарищей, если это принесит им хотя бы самую маленькую пользу.

Особенно страдают впечатлительные натуры, узники с мягким характером ещё не убитым грубостью лагерной жизни. Они проходят через неопишуемые моральные пытки из-за низкого, грубого отношения к ним, не говоря уже о фдзических последствиях такого отношения. Необузданное самоволие и жестокость надзирателей не ранит их так глубоко и болезненно, как гнусное отношение к ним со стороны товарищей по несчастью. Психику этих людей разрушает то обстоятельство, что в полной беспомощности и бессилии они должны смотреть на то, как узники, имеющие в своих руках власть, мучают своих же товарищей. Беда тому, кто протестует против этого и пытается заступиться за обиженного. Террор людей, которым принадлежит власть внутри лагеря является слишком жестоким, чтобы кто-то мог отважиться на сопротивление.

Почему узники, занимавшие даже самые небольшие дэлжности таким образом относились к другим узникам, ев зим товарищам по несчастью? Они поступали так, потому что хотела показаться с лучшей стороны стражникам и надзирателям с таким же способом мышления; они старались показать, как репытлыто они могут поступать, надеясь тем самым получить какую-то выгоду для себя или, по крайней мере, чем-то облегчать себе жлзья — всегда за счет других узников. Весгя *себя* таким образ ж позвал яг им стражник или надзиратель, который для собственной выгоды равнодушно наблюдает за этим илл нередко хвалят поведение такого рода, исходя из низких побуждений, злых намерений. Бывает

и так, что он даже провоцирует такое поведение, потому что ему доставляет сатанинскую радость „натравливание” одних узников на других.

Среди должностных узников есть и такого рода типы, которые мучают физически и психически других только потому, что в основе их характеров лежит хамство, вульгарность и склонность к преступлениям. Не раз своим садизмом они затравливали человека на смерть. Даже во время моего пребывания в тюрьме, вплоть до сегодняшнего дня, хотя и в мсём небольшом поле зрения, хотя в значительно меньшей степени, я вновь и вновь имею возможность видеть, как подтверждается именно то, о чём я говорил выше.

Нигде настоящее лицо „Адама”²⁸ не проявляется так чётко, как в условиях лишения свободы. Всё что даётся воспитанием, всё приобретённое, что не составляет его сущности, исчезает. С течением времени тюрьма принуждает его снять все маски и перестать играть роль воспитанного человека. Человеческая сущность показывается во всей своей обнажённости, человек предстаёт перед нами таким, каким он есть: добрым или злым.

Какое влияние оказывала жизнь в Освенциме на разные категории узников?

Для немцев, несмотря на то, какого цвета треугольник²⁹ они носили, жизнь в лагере не была проблемой. Почти без исключения они занимали „высокие” посты, а в результате этого имели всё, что было необходимо для потребностей тела. Они могли „организовать”³⁰ то, чего не могли достать обычным способом. Эта возможность „организовать” существовала для всех „высокопоставленных” узников вне зависимости от национальности и треугольника. Степень успеха определялась только способностями, отвагой, риском и отсутствием совести. Возможности были всегда. После того, как было начато массовое уничтожение евреев³¹

²⁸ Здесь ото употреблено в значении человека первобытного.

²⁹ Узников концентрационных лагерей обозначали треугольниками разных цветов в зависимости от причины по которой они попали в лагерь. Например, политических заключённых обозначали красными треугольниками, уголовников — зелёными, антиобщественных — чёрными, членов секты Иеговы — фиолетовыми, гомосексуалистов — розовыми.

³⁰ „Организование” — па жаргоне узников означало найти способ раздобыть продукты, одежду, лекарства и другие предметы обихода не путём обкрадывания своих товарищей, а, например, взять тайком со складов контролируемых эсэсовцами.

³¹ Гесс говорит о так называемом „окончательном решении еврейского вопроса”. Таким критонимом обозначали гитлеровцы мероприятия связанные с пересылкой в концентрационный лагерь Освенцим транспортов с евреями. Эти транспорты были предназначены для уничтожения в газовых камерах Бжезинки. (См. часть воспоминаний Гесса „Окончательное решение

практически не существовало ничего, чего невозможно было бы „организовать“. Узники, наделённые властью, имели в то же время свободу передвижения, что было необходимым условием для „организования“³².

До начала 1942 года главный контингент лагеря составляли узники-поляки³³. Все они знали, что останутся в лагере, по крайней мере, до конца войны. Большинство из них были уверены, что немцы проиграют войну, а после Сталинграда в этом уже никто не сомневался. Они получали новости от неприятеля и очень хорошо ориентировались в действительном положении Германии; слушать сводки, передаваемые неприятелем, не было делом трудным. В Освенциме было достаточно радиоаппаратуры³⁴, и даже в моём доме слушали радиопередачи. Кроме того, существовало достаточно способов для тайной пересылки разных писем. Это делалось через гражданских рабочих и даже эсэсовцев³⁵. Вообще источников информации было много. Новые узники были источником самых свежих новостей. Неприятельская пропаганда утвержда-

еврейского вопроса», стр. 99). 'Вещи, оставшиеся после погибших в газовых камерах, поступали в огромные хранилища: 35 бараков, называемых узниками „Канада“, помещались в Бжезинке на участке „Bild“.

³² Несмотря на то, что утверждает Гесс, возможность „организования“ была ограничена, в первую очередь потому, что узники не могли беспрепятственно ходить в Освенциме, а также между отдельными участками лагеря в Бжезинке. Даже узники выполнявшие административную работу, могли переходить из одного лагеря в другой под надзором эсэсовцев. Это обстоятельство затрудняло „организацию“, одновременно вынуждая узников оплачивать эсэсовца, а часто нескольких, знавших об „организовании“.

³³ До марта 1942 г. в Освенциме были в основном узники-поляки. Кроме того там находились немцы, чехи, югославы и советские военнопленные. С апреля 1942 г. в Освенцим начали прибывать многочисленные транспорты с евреями из разных стран оккупированной Европы. Среди них было много евреев польского происхождения.

Узники-поляки старались всеми способами, чтобы их не высылали в другие концентрационные лагеря, находившиеся в глубине Германии. Среди узников-поляков большинство относилось к политическим заключённым. Опираясь на свою деятельность перед арестом, они сумели в тяжёлых лагерных условиях организовать подпольную работу движения Сопротивления и наладить связь с представителями других национальностей. Была создана международная координационная ячейка, направляющая нелегальную, конспиративную работу в лагере. В международном руководстве лагерной организации движения Сопротивления поляки были основным костяком, направляющим конспиративную работу. Все эти факты имели немалое влияние на то, что до конца существования Освенцима поляки являлись самой многочисленной национальной группой, превышающей количественно отдельные группы узников других национальностей.

³⁴ Радиооборудование находилось в руках лагерной команды СС. Узники не имели возможности слушать радио; только те из узников, которые работали в служебных помещениях или на квартирах эсэсовцев могли иногда, оставаясь без надзора, воспользоваться этим и послушать радиопередачу. Если таким узникам удавалось „поймать“ не немецкую радиостанцию, то они могли в строжайшей тайне передать своим коллегам полученную информацию.

³⁵ Официально узникам было разрешено высылать письма раз в две недели на специальных бланках и на один и тот же адрес. Письма должны были быть написаны по-немецки, запреща-

ла, что поражение держав „Оси“ является только делом времени, и если смотреть с этой точки зрения, то узники-поляки не имели причины для отчаяния³⁶.

Вопрос был только в том, кому посчастливится дожить до этого времени. И эта неуверенность была причиной того, что моральное состояние поляков во время пребывания в лагере было очень тяжёлым. К этому присоединился страх перед случайностями, которые могли произойти с каждым: это могла быть заразная болезнь, которую узник из-за плохого физического состояния не мог перенести, или он мог быть неожиданно расстрелян или повешен, как заложник, или вдруг вызван на чрезвычайный суд и приговорён к смерти за участие в движении Сопротивления. Заключение мог умереть в результате истязаний, его мог постичь, кем-то специально подстроенный, смертельный случай во время работы. Такого рода случайности могли произойти на каждом шагу.

Вопрос, наполняющий каждого страхом: сможет ли он физически пережить лагерь, пытаюсь всё хуже и хуже, живя в ужасных гигиенических условиях и к тому же подвергаясь во время работы самым разным атмосферным явлениям? К этому присоединилось постоянное беспокойство о судьбе близких: находятся ли они ещё на свободе или тоже арестованы? И вообще живы ли?

Многих соблазняла мысль о совершении побега, который позволил бы вырваться из этого жалкого существования. Бежать из Освенцима не представляло специальных трудностей, суще-

лось давать какую-либо информацию о положении в лагере. Обычно письмо ограничивалось стереотипным утверждением, что узник „здоров и чувствует себя хорошо“. Всякие другие сообщения, которые узники пытались передать, подвергались уничтожению лагерной цензурой. Следует ещё сказать, что некоторым узникам, среди них всем евреям, было абсолютно запрещено писать письма.

Впреки тому, что пишет Гесс, нужно заметить, что только немногочисленные узники могли пользоваться посредничеством гражданских рабочих и только единицы — посредничеством эсэсовцев.

“ В соответствии с предположением лагерных властей, узник должен был жить в лагере не более трёх месяцев. Начальник лагеря гауптштурмфюрер СС Фрич так приветствовал прибывших в лагерь узников:

„Вы приехали сюда не в санаторий, а в немецкий концентрационный лагерь, из которого только один выход: через трубу. Если это кому-то не нравится, то может хоть сейчас идти на проволоку. Если в транспорте есть евреи, то они не имеют права жить больше двух недель. Если есть скёндзы, то они могут жить один месяц, остальные — три месяца“.

Очень много узников погибло сразу же после прибытия в лагерь из-за голода, избиений и издевательства лагерных властей. Из числа тех, кому удалось выжить в течение первого периода жизни в лагере, десятки людей умирали в результате различных заболеваний. Из общего числа 405222 зарегистрированных узников Освенцимского лагеря осталось в живых лишь около 60 тысяч. Среди них много умерло сразу же после освобождения или в течение ближайших месяцев от болезней и крайнего истощения организма.

ствовало бесщётное количество возможностей³⁷. Обстоятельства благоприятные для побега найти можно было легко: усыпить бдительность часовых не было делом невозможным, достаточно было иметь немного отваги и счастья. Безусловно, когда всё ставится на одну карту, нужно принимать во внимание и возможность неудачи, и то, что всё может окончиться смертью.

Однако мыслям о побеге мешал страх перед репрессиями: арест близких, ликвидация десяти или больше товарищей по несчастью. Но многие не думали о последствиях³⁸ и решались на побег. Когда они оказывались за цепью часовых, им помогало местное население. Потом всё шло гладко. Если же их постигала неудача — это был конец. И так, и так погибну — это было лозунгом.

Их товарищи по несчастью, построенные в шеренги, должны были маршировать мимо трупа узника, который был застрелен при попытке к бегству. Заключённые должны были знать, чем это может кончиться; и зрелище это отпугивало многих, но более твёрдые решались на побег несмотря ни на что. Если им посчастливилось, они могли оказаться среди тех 90% беглецов, которым побег удался³⁹.

Что могли чувствовать эти марширующие узники? Если я умею читать по лицам, то на них было написано сочувствие несчаст-

³⁷ Сведения Гесса не соответствуют правде. В концентрационном лагере Освенцим, как и в других лагерях, были приняты острые меры, препятствующие побегам узников. К наиболее важным следует отнести: выселение поляков с территории прилегающей к лагерю (см. стр. 38 прим. 16), обнесение лагеря колючей проволокой под током высокого напряжения и кольцом сторожевых вышек, которое образовывало так называемую малую цепь стражи, снимаемую во время рабочего дня. Тогда лагерь, с прилегающими к нему участками на которых работали узники, окружали большой цепью стражи. Это были вооружённые посты эсэсовцев, а также караулы на вышках, расположенных в двустах метрах одна от другой. Ночью заграждения из колючей проволоки были ярко освещены прожекторами. В случае приближения узника к заграждению по нему стреляли из автоматов со сторожевых вышек. Если узнику и удалось иногда невидимым подойти к проволоке, то дотронувшись до неё, он погибал от тока высокого напряжения.

В результате такого прочного отрыва лагеря от внешнего мира представляется трудным говорить здесь о „бесщётном количестве возможностей“, тем более, что узникам было очень трудно укрыться после побега с территории лагеря из-за своей полосатой одежды, стрижки наголо, а позднее и татуировки лагерного номера на предплечьях.

³⁸ Чаще всего побегу не были свидетельством отсутствия угрызений совести или тревоги за жизнь своих товарищей. Нередко побегу были необходимы, чтобы избежать например, смертной казни. Очень часто решающим был страх перед арестом уже в самом лагере и пребыванием во время следствия в бункерах блока № 11, а также перед изощрёнными пытками.

³⁹ Процент удавшихся побегов, указанный Гессом, не находит подтверждения в проводимых на эту тему исследованиях. Общее число узников и узниц, совершивших побег в период с 1940 по 1945 гг. (считая Бжезинку, Моновице и подсобные лагеря) равняется 667. Известно, что из них было схвачено гитлеровцами 270 человек, т.е. больше 40%. Отсутствие данных о поимке других узников не свидетельствует о том, что остальные побегу были удачными.

ному, смешанное с чувством мести и надеждой на возмездие, когда придёт время. Было на лицах и удивление, вызванное судьбой погибшего. То же рисовалось на лицах узников, собранных смотреть на смертную казнь через повешение. Однако во время этой казни более отчётливо виднелся на лицах ужас, страх перед тем, что и его, может быть, ждёт та же судьба.

Я должен вспомнить тут о чрезвычайном суде и ликвидации заложников, потому что это касалось исключительно узников-поляков. Обычно заложники находились в лагере довольно долго; ни они сами, ни руководство лагеря не знали, что людей этих арестовали, как заложников. И вдруг приходил телетайп с приказом главного управления имперской безопасности или начальника полиции безопасности: „Узники, фамилии которых указаны ниже, должны быть расстреляны или повешены как заложники“⁴⁰. Через несколько часов нужно было сообщить о выполнении смертного приговора.

Этих узников забирали во время работы или вызывали на проверку. Те, которые сидели в лагере давно, уже знали что их ждёт или предчувствовали свою судьбу. Всех направляли в лагерную тюрьму, где им зачитывали смертный приговор. В первый период, т.е. 1940—1941, расстрел заложников производило специальное воинское отделение, позднее каждого из них убивали из мелкокалиберного пистолета выстрелом в затылок⁴¹. Тяжелобольных умерщвляли в ревире⁴² специальными уколами⁴³.

Чрезвычайный суд приезжал из Катовиц в Освенцим каждые 4—6 недель; его заседания проходили в лагерной тюрьме⁴⁴. Допрос

⁴⁰ Среди других здесь можно назвать группу художников, привезённых в Освенцим 24—25 апреля 1942 г. Они были арестованы в кафе в Кракове в связи с покушением на высокопоставленного офицера СС, имевшим место в аэропорте Раковиче недалеко от Кракова. Из 198 привезённых в лагерь, 168 было расстреляно 27 мая 1942 г. во дворе блока № 11 под, т.н. „Стеной смерти“.

⁴¹ Первый раз таким образом были расстреляны узники 11 ноября 1941 г. Приговор привёл в исполнение гауптшарфюрер СС Герхард Палич.

⁴² Название лагерной больницы, которое узники взяли от эсэсовцев.

⁴³ Не только. В истории Освенцимского лагеря известны факты приведения в исполнение приговоров, вынесенных на больных узниках. Это происходило в блоке № 11. Например, широко известный факт убийства 31 июля 1942 г. профессора Ягеллонского университета, Мариана Гешчикевича, которого его товарищи, пробуя спасти от казни, поместили в лагерную больницу. Однако по приказу СС пришлось отнести здорового профессора на носилках во двор блока № 11, где он был застрелен Паличем из мелкокалиберного пистолета.

⁴⁴ Чрезвычайный полицейский суд из Катовиц судил поляков (гражданских лиц), привозимых в Освенцимский лагерь из следственной тюрьмы, находившейся в Мысловицах. Судебное заседание было настоящей пародией. Хорошо описал такое „заседание“, вынесение приговоров и приведение их в исполнение один из членов политического отдела Освенцимского лагеря эсэсовец Пери Брод (см. фрагмент из его воспоминаний стр. 138).

узников, находящихся под следствием этого суда, вели с помощью переводчика в присутствии членов суда, подсудимых спрашивали признают ли они себя виновными. Я не раз был свидетелем того, как во время допроса узники сами открыто признавались в своих поступках. Особенно отважно вели себя некоторые женщины. В большинстве случаев суд выносил смертный приговор, который сразу же приводили в исполнение. Все эти узники, так же как и заложники, шли на смерть отважно и спокойно, веря в то, что отдают свою жизнь на служение Родине. Я часто видел в их глазах фанатизм, напоминающий мне членов секты „Свидетеле Иеговы” и их поведение перед смертью.

Иначе вели себя заключённые-уголовники, которых чрезвычайный суд приговорил к смерти за грабежи и коллективные кражи; они стонали, просили о пощаде или были тупо равнодушны.

В Освенциме во время приведения в исполнение смертных приговоров можно было наблюдать ту же картину, как в Саксенхаузене: те, которые умирали во имя определённой идеи, шли на смерть смело и спокойно⁴³, а уголовники вели себя равнодушно или просили помиловать.

Хотя условия жизни в Освенциме действительно были плохими, ни один узник-поляк не хотел, чтобы его перевели в другой лагерь. Когда заключённые узнавали, что их должны перевести в другой лагерь, они делали всё возможное чтобы остаться в Освенциме. Когда в 1943 году пришёл приказ о том, что все поляки должны быть переведены в лагеря, находящиеся на территории Германии, я был засыпан просьбами из разных отделов лагеря, где указывали на необходимость оставить поляков на местах их работы. Пришлось потребовать принудительной процентной замены. Я никогда не слышал о том, что какой-то узник-поляк Добровольно хотел перевестись в другой лагерь. Однако я никогда не смог узнать по какой причине они так судорожно держались за Освенцим⁴⁶.

⁴³ См. текст воспоминаний П. Брода стр. 136.

⁴⁶ Этот факт можно легко объяснить. Во-первых, лагерь в Освенциме находился на польских землях, хотя они и были включены в состав Третьего Рейха. Сознание того, что, несмотря на изоляцию, они всё-таки находятся на территории своей страны, помогало узникам переносить тяготы лагерной жизни. Этот же факт играл большую роль в случае, если узник принимал решение бежать: он мог рассчитывать на активную помощь со стороны поляков, чего не могло быть на территории Германии среди немецкого населения. Во-вторых, было важным и то обстоятельство, что узники в некотором смысле акклиматизировались в среде освенцимских узников, своих товарищей, а потому всякая смена лагеря грозила ухудшением условий жизни и уменьшением возможности выжить.

Польские узники делились на три политические группы, члены которых боролись между собой. Наиболее сильной была национал-шовкистская группа. Боролись они за важные посты. Узник, которому удалось занять важную должность, быстро окружал себя узниками своей группы и старался отстранить от власти узников других групп. Нередко это делалось с помощью никчёмных интриг. Я не колеблюсь утверждать, что некоторые смертельные случаи, вызванные сыпным или брюшным тифом, можно отнести на счёт этой борьбы за власть. Не раз врачи говорили мне, что именно в лагерной больнице конфликты между разными группами проявлялись особенно остро; то же самое происходило и в трудовом отделе. Этот отдел и лагерная больница играли главную роль в жизни концентрационного лагеря; кто сумел в них устроиться, тот и правил и делал это, мягко говоря, без умеренности. Занимая важный пост, можно было устроить своих друзей на те места, где их хотелось иметь; можно было перевести на другую работу или вообще отделаться от нежелательных узников, бывших в немилости. В Освенциме всё было возможно⁴⁷.

Политическая борьба велась в Освенциме не только среди польских узников. Политические антагонизмы существовали во всех концентрационных лагерях и среди узников всех национальностей. Даже среди красных испанцев в Маутхаузеке существовали две группы резко выступавшие одна против другой.

Даже в то время, когда я сам отбывал наказание, мне пришлось как-то быть свидетелем идеологической борьбы между левыми и правыми узниками.

Руководство лагеря старательно поддерживало эти антагонизмы и даже разжигало их, чтобы не допустить до постоянного объеди-

⁴⁷ Гесс пишет об этой проблеме несколько односторонне, выдвигая на передний план борьбу и противоречия между представителями отдельных лагерных группировок. Касаясь этого вопроса не следует забывать однако о факте организации помощи для многих узников. Прежде всего их старались поместить в „лучшие“ команды, которые выполняли более лёгкую работу или в те, которые работали в помещениях. Этим занималась лагерная организация движение Спротивления. Другой формой борьбы этой организации за облегчение жизни политических узников была борьба за так называемое „красное самоуправление“. Организация старалась, чтобы на должностях капо, блоковых и др. находились политические узники, хорошо понимавшие свою роль в жизни лагеря. Чаще всего гитлеровцы отдавали эти должности в руки уголовников, издевавшихся над узниками ради того, чтобы нравиться эсэсовцам. Благодаря тому, что политические узники могли оказывать влияние на разные области лагерной жизни, помощь организации проникала и в стены больницы. Там спасали от верной смерти многих выдающихся людей: учёных, артистов, политических и общественных деятелей, которые не смогли бы выдержать убийственной физической работы. Политические узники, занимавшие разные посты, помогали ликвидировать лагерных шпионов, доносы которых могли повредить другим узникам.

нения всех узников. Не только политические антагонизмы, а ещё больше „цветные“ играли важную роль в лагере⁴⁸.

Ни одно, даже самое сильное руководство не могло бы удерживать в повиновении и руководить тысячами заключённых, если бы ему не помогал взаимный антагонизм узников. Чем больше существует противоречий, чем больше обостряется борьба за власть между узниками, тем легче руководить лагерем.

*Divide et impera!*⁴⁹ — этим лозунгом пользуются не только в большой политике; в жизни концентрационного лагеря он является фактором, который не должен быть забыт.

Другой многочисленной группой были в лагере советские солдаты, попавшие в плен. Их силами мы должны были вести строительство нового концентрационного лагеря в Бжезинке, предназначенного для советских военнопленных. Русских привезли из лагеря военнопленных в Ламбиновицах⁵⁰ в Верхней

⁴⁸ Гесс имеет в виду антагонизмы между политическими узниками (носившими красные треугольники) и узниками-уголовниками (носившими зелёные треугольники). В Освенциме и Бжезинке антагонизмы между разными группами узников играли важную роль в борьбе за так называемое „красное самоуправление“.

⁴⁹ „Разделяй и властвуй“ — этот старый римский принцип нашёл широкое применение в политике эсэсовцев по отношению к узникам. Например, лагерные власти назначали на должность блокового — узника не той же самой национальности, к которой относилось большинство заключённых данного блока; похоже складывались и отношения в рабочих командах.

⁵⁰ По-немецки Ламсдорф; там был организован гитлеровцами один из самых больших лагерей для военнопленных. Он занимал территорию в 25 км² и был обнесён двойным рядом колючей проволоки.

Военнопленные, попавшие в этот лагерь, умирали от голода и непосильной физической работы.

История Ламбиновиц, как лагеря для военнопленных, начинается в прошлом столетии. В 1862 году, по приказу Бисмарка, готовившегося к войне, там начали строить большой военный полигон. Во время франко-прусской войны, часть этой территории была использована для лагеря, в котором держали французских военнопленных. Эту двойную роль — полигона и лагеря для военнопленных — играли Ламбиновице уже до конца второй мировой войны,

В несколько недель после нападения гитлеровцев на Польшу полигон в Ламбиновицах был преобразован в новый лагерь для военнопленных и получил номер »VIII В“. Первыми были привезены в этот лагерь польские военнопленные, а затем французские, голландские, югославские и английские. Были там и американцы, канадцы, итальянцы, румыны и венгры.

После нападения Германии на Советский Союз в этот лагерь стали привозить и советских военнопленных. Все лагерные бараки были уже к тому времени переполнены военнопленными других национальностей, и Ламбиновице не могли вместить всех новопривываемых. В июле 1941 года был организован новый лагерь Ламбиновице „VIII F“; он стал местом уничтожения многих тысяч советских военнопленных, находившихся в этой новой части лагеря прямо под открытым небом, на территории обнесённой колючей проволокой. В сущности это был лагерь Уничтожения.

В 1944 году в Ламбиновице пришёл последний транспорт с военнопленными — это были участники Варшавского восстания.

Во время второй мировой войны через Ламбиновицкий лагерь прошло около 300 тысяч

Силезии в состоянии полного истощения. В Ламбиновице их пригнали пешком; шли они несколько дней и во время этого марша не получали, почти, никакой еды. Иногда во время остановок их загоняли на ближайшие поля и там они собирали и ели всё, что можно было съесть. В Ламбиновицах находилось около 200000 советских военнопленных. Жили они, в основном, в землянках, которые сами же выкопали. Им выдавали еду в недостаточном количестве и к тому же нерегулярно; они варили себе в ямах, большинство „сжирало“ свою порцию сразу же, не дожидаясь, когда еда будет готова. Впрочем, едой это назвать было нельзя.

В 1941 году Вермахт не был приготовлен к такому количеству военнопленных. Административный аппарат, занимавшийся проблемами пленных, не отличался гибкостью и активностью, а потому не мог быстро приспособиться к создавшемуся положению. Надо заметить, что после поражения в 1945 году немецкие военнопленные оказались не в лучшем положении. С этим массовым явлением и союзники имели большие трудности. Военнопленных просто-напросто сгоняли на подходящий участок поля, ограждённого колючей проволокой и предоставляли самих себе. Они „преуспевали“ точно так же, как и русские⁵¹.

С помощью русских военнопленных, большинство из которых едва держалось на ногах, я вынужден был строить лагерь в Бжезинке. Согласно распоряжению рейхсфюрера СС, в Освенцим должны были направлять только самых сильных военнопленных, способных работать неограниченно. В то же самое время офицеры конвоя утверждали, что выбрали самых лучших из тех, которые были предоставлены в их распоряжение.

Советские военнопленные не отказывались работать, но из-за слабости не были в состоянии что-либо сделать. Я точно знаю, что когда они находились ещё в материнском лагере, мы постоянно

военнопленных 18 национальностей; 2/3 из этого числа были русские. См. Станислав Луковский „Гитлеровские преступления в Ламбиновицах и Славенщицах на землях Ополья в 1939—1945 гг“, Катовице 1965, изд. „Силезия“. А также книга „Ламбиновице“, Варшава 1967, изд. „Спорт и туристика“.

⁵¹ Кажется Гесс забывает или намеренно обходит молчанием тот факт, что согласно планам руководителей Германии, русские военнопленные должны были быть уничтожены. Немецкие же военнопленные, попавшие в лагеря после капитуляции, должны были находиться там только определённый срок. Если было доказано, что они не являются военными преступниками, их освобождали. Немецких военнопленных никто специально не морил голодом и не убивал преднамеренно. То положение, о котором вспоминает Гесс сложилось в первый период после капитуляции.

давали им добавочные порции⁶², но это не принесло никаких результатов: истощённые организмы уже не могли сопротивляться и не были в состоянии функционировать. В результате полного истощения советские военнопленные умирали как мухи из-за самой лёгкой болезни. Я видел, как многие умирали, глотая свёклу или картошку.

Около 5000 русских какое-то время работали на разгрузке вагонов с брюквой; она грудями лежала на железнодорожном полотне и ничего нельзя было сделать — у русских не было сил работать. Бессмысленно, бесцельно ходили они вокруг или прятались в каком-нибудь безопасном месте, чтобы хоть что-то съесть, или искали тихое место, где могли бы спокойно умереть.

Хуже всего было во время оттепели зимой 1941—1942 гг. Русские переносили холод легче, чем влажность и постоянную сырость. Они жили в недостроенных бараках, сделанных кое-как в первый период организации Бжезинки. В таких условиях смертность среди них постоянно возрастала; даже тех узников, которые ещё держались на ногах, становилось с каждым днём всё меньше. Не помогало добавочное питание, они глотали всё, что только могли достать, но никогда не бывали сыты.

Однажды я видел, как на дороге между Освенцимом и Бжезинкой целая колонна, состоящая из нескольких сотен советских военнопленных, бросилась вдруг в сторону ближайших куч картошки, а стража, абсолютно не ожидавшая этого, ничего не могла сделать. К счастью я подъехал вовремя и мне удалось навести порядок. Русские набросились на картошку, невозможно было их отогнать; некоторые из них умирали, сжимая в руках клубни. Никто ни с кем не считался, инстинкт самосохранения в своём

⁶² До настоящего времени эта информация не нашла подтверждения в тех сведениях, которые нам известны. В целях уничтожения советских военнопленных верховное командование немецкой армии (ОКБ) и министерство продовольственного снабжения установили более низкие нормы для советских военнопленных, чем для военнопленных других национальностей. Это касалось как количества, так и качества пищи. 6 августа 1941 года верховное командование немецкой армии выдало распоряжение относительно продовольственного рациона для советских военнопленных; согласно этому распоряжению на 28 дней каждому из них полагалось: 6 кг. хлеба, 400 г. мяса, 440 г. жиров и 600 г. сахара. В хлебе могло быть только 50% муки, остальное — разные добавки без всякой калорийности. Мясо только конское, а жиры — искусственные. Если бы дневные рационы не обкрадывали, то советский военнопленный получал бы ежедневно 515 калорий.

В Освенциме рационы для военнопленных были хуже, чем для узников. Военнопленные получали в течение дня пол-литра супа из гнилой брюквы, 300—350 г. хлеба с минимальной добавкой маргарина или 50 г. колбасы. Очень скоро физическое состояние военнопленных, уже прибывших в лагерь в состоянии истощения, становилось катастрофическим; люди качались на ногах, почти не могли двигаться и становились абсолютно равнодушны к тому, что их окружало.

самом резком проявлении не допускал никаких человеческих чувств.

Случаи людоедства не были в Бжезинке редкостью. Однажды я сам наткнулся на труп русского, лежащего среди куч кирпича, у трупа каким-то тупым орудием была вырезана печень. Люди убивали друг друга, чтобы добыть хоть что-нибудь съедобное. Однажды, проезжая верхом на лошади, я увидел, как один русский ударил другого, спрятавшегося за кучей кирпича и жующего хлеб, кирпичом по голове, чтобы забрать этот кусок хлеба. Прежде чем я успел пройти через ворота и оказаться на месте — я был за проволочным ограждением — русский, лежащий на куче кирпича, был уже мёртв: у него был разбит череп. В клубящейся массе русских я уже не мог найти убийцу.

Во время земляных работ на площадке первого строительного участка, когда копали рвы, не раз находили трупы русских с недостающими частями тела: убитых частично съедали, а потом выбрасывали в какую-нибудь заболоченную яму. Таким образом открылось таинственное исчезновение многих русских.

Из окон моей квартиры я видел однажды русского, тащившего пустой котёл за блок комендатуры; узник с жадностью выскрёбывал стенки котла. Вдруг из-за угла показался другой русский, остановился на минуту, а потом вдруг бросился на выскрёбывавшего котёл, толкнул его на колючую проволоку по которой шёл ток, и исчез вместе с котлом. Часовой на вышке видел всё происшедшее, но не успел выстрелить в убежавшего. Я сразу же позвонил начальнику караула и приказал выключить ток, а потом пошёл в лагерь искать виновного, но мне не удалось его найти. Человек, упавший на проволоку, был мёртв. Это уже были не люди, а животные, ищущие пищу.

Из свыше 10000 русских военнопленных, которые должны были быть главной рабочей силой на строительстве лагеря в Бжезинке, к лету 1942 года осталось в живых только несколько сотен⁶³. Среди оставшихся были наиболее стойкие, они работали очень

⁶³ Из лагерных документов вытекает, что в Освенцим было привезено 11957 военнопленных, фамилии которых были зарегистрированы. Из этого числа было переведено в концентрационный лагерь Флоссенбур 49 человек, удалось сбежать 29 военнопленным. 17 января 1945 г. на последней проверке в Освенциме было 92 военнопленных. Можно предположить, что число удачных побегов было выше, но в лагерных документах фигурирует только 29. Кроме этих 11957 советских военнопленных, находившихся в Освенциме, туда привезли ещё 1818, фамилии которых не были занесены в учетные книги лагеря. Они были уничтожены разными способами: расстреляны, отравлены в газовых камерах. Среди этой группы было 900 политических коммиссаров. Итак, всего в Освенцим было направлено 13775 военнопленных.

хорошо, и из них были сформированы летучие рабочие команды, которые посылали на те строительные участки, где требовалось быстро кончить работу. Однако я никогда не мог избавиться от мыслей о том, что оставшиеся в живых русские, выдержали ценой жизни своих товарищей, что они были более беспощадными и жестокими.

Летом 1942 года, если я не ошибаюсь, этим узникам удалось совершить массовый побег⁵⁴. Большинство из них было расстреляно, но многим, всё-таки, удалось убежать. Те, которые были схвачены, утверждали, что причиной побега был страх перед отправкой в газовые камеры, охвативший русских при известии, что они будут переведены на только что отстроенный участок лагеря. Они не верили, что это простой перевод на другое место, подозревали обман. Однако этих военнопленных никогда не намеревались отправить в газовые камеры. Они безусловно знали о ликвидации советских политруков и комиссаров, и поэтому боялись, что их ждёт та же судьба. Так начинается массовый психоз, приводящий к таким результатам.

Многочисленной группой были в лагере и цыгане. Цыган стали направлять в концентрационные лагеря задолго до войны, когда начали приводить в жизнь мероприятия против антиобщественных элементов. Один из отделов имперской уголовной полиции занимался исключительно надзором за цыганами. В цыганских лагерях находились и те люди, которые не были цыганами, а просто присоединились к ним. Таких людей брали из цыганских лагерей и направляли в концентрационные лагеря, как антиобщественный элемент, питающий отвращение к работе. Кроме того, в цыганских лагерях постоянно проводились селекции на основе биологических критериев.

Рейхсфюрер СС хотел сохранить два самых главных цыганских рода (я уже не помню, как они называются). По его мнению это были прямые потомки индогерманских первобытных народов, которые сохранили в довольно чистом виде свой антропологический аип и обычаи. Эти цыгане должны были стать объектом специальных исследований; их должны были зарегистрировать и взять под охрану. В будущем планировали собрать цыган этих

⁵⁴ На основе свидетельств живущего участника этого побега Андрея Александровича Погожева, он состоялся 6 ноября 1942 г. В этом массовом побеге участвовало около 100 советских военнопленных, которым удалось уйти из лагерной зоны. Судьба участников побега неизвестна. Известно, что Погожеву и другому военнопленному Виктору Кузнецову удалось после двух недель скитаний, добраться до окраин Рыбника. Там они были схвачены немецкой полицией, и отправлены в лагерь для военнопленных в Ллмбиновицах.

двух родов со всех стран Европы и поселить их на территориях, специально предназначенных для них.

В 1937—38 гг. все кочевые цыгане были направлены в так называемые жилые лагеря, находившиеся недалеко от больших городов, что облегчало надзор за ними.

В 1942 г. был издан указ, согласно которому цыгане, проживающие на территории Германии, а также и те, у которых была примесь цыганской крови, должны быть арестованы и высланы в Освенцим⁸⁵. Исключение было сделано только для цыган двух главных родов, считавшихся чистыми с расовой точки зрения; этих цыган должны были поселить в Оденбургском округе около озера Нейзидлер. Цыгане, привезённые в Освенцим, должны были оставаться в так называемом семейном лагере до конца войны.

Указания, на основании которых были проведены аресты, не были достаточно подробными; разные отделения уголовной полиции проводили их в жизнь по-разному, а потому дошло до того, что среди арестованных были такие лица, которые никак не должны были там оказаться. Не раз арестовывали солдат, приехавших с фронта в отпуск; многие из них были несколько раз ранены или имели высокие награды. Причиной этого было то обстоятельство, что отец, мать или дед их были цыганами или просто имели примесь цыганской крови. Среди арестованных оказался даже один из видных партийных деятелей, дед которого прикочевал в Лейпциг, как цыган. Сам он был владельцем большого предприятия в Лейпциге, участвовал в мировой войне и был награждён. Одна из арестованных студенток оказалась председателем союза немецких девушек в Берлине. Были и другие похожие случаи⁸⁶. Я написал об этом рапорт в управление имперской уголов-

⁸⁵ Речь идёт о приказе Гимmlера от 14 декабря 1942 г.; он был выдан в согласии с договором подписанным Гимmlером и министром правосудия Тираком. Среди пунктов этого договора были следующие:

№ 2: „Исключение антиобщественных элементов из общих законов справедливости и передача их рейхсфюреру СС в целях уничтожения при помощи работы. Будут переданы все интернированные евреи, цыгане, русские, украинцы, затем поляки, получившие больше, чем 3 года; чехи или немцы получившие больше, чем 8 лет, в зависимости от решения министра правосудия“.

№ 14: „Решено, что принимая во внимание цели, поставленные правительством и касающиеся восточных проблем, евреи, цыгане, русские, поляки и украинцы не будут судиться обычными судами относительно уголовных дел, а будут переданы рейхсфюреру СС“. Нюрнбергский процесс № IV, док. ПС-654.

29 января 1943 г. главное управление имперской безопасности выдало приказ об аресте всех цыган, живущих на территории Третьего Рейха и на оккупированных территориях. Все они должны были быть отправлены в концентрационные лагеря. В Освенцим первые транспорты цыган пришли в конце февраля и начале марта 1943 г.

* Писал об этом и Брод. См. отрывок из его воспоминаний стр. 174.

ной полиции, в результате чего были пересмотрены дела цыганского лагеря и последовали многочисленные освобождения. Однако это было каплей в море среди огромной массы других узников.

Я уже не помню сколько цыган и людей с примесью цыганской крови было в концентрационном лагере Освенцим⁵⁷. Знаю только, что они целиком занимали часть лагеря, рассчитанную на 10000 человек⁵⁸. Общие условия жизни, существовавшие тогда в Бжезинке, не позволяли создать новый семейный лагерь; отсутствие самого необходимого лишало нас какой-либо возможности держать там цыган хотя бы до конца войны. Невозможно было обеспечить нормальным питанием даже детей. Только в продолжении некоторого времени, опираясь на приказ рейхсфюрера СС (и с известной долей хитрости) мне удалось получать в снабженческих отделах продовольствие для маленьких детей. Но это длилось недолго, потому что министерство продовольствия отказало концентрационным лагерям в каких бы то ни было специальных продуктовых рационах для детей.

В июле 1942 года в Освенцим приехал рейхсфюрер С С. Я очень подробно показал ему цыганский лагерь⁵⁹. Он осмотрел всё очень внимательно: видел переполненные жилые и больничные бараки, плохие санитарные условия, барак с заразными больными. Видел он и детей больных номой⁶⁰: худенькие детские тела с огромными дырками на щеках. Этот медленный распад живого тела! Болезнь

⁵⁷ Последние исследования позволяют утверждать, что в Бжезинку было привезено 22667 цыган: 10873 женщины и 10094 мужчин. Каждая из этих групп была пронумерована отдельно, но все были обозначены буквой „Z“. Кроме того, в концентрационный лагерь в Бжезинке, было направлено 1700 цыган (мужчин, женщин и детей), у которых подозревали сыпной тиф; их сразу отправили в газовые камеры,

⁵⁸ Цыганский лагерь в Бжезинке помещался на участке „ВПе“, это был семейный лагерь. Санитарные условия жизни в этом лагере были ужасные и это являлось причиной многих заразных болезней. Заболевших отправляли в газовые камеры. Более подробно судьбу цыган описал Ежи Фицовский в книге „Цыгане на польских дорогах“, Краков 1965, Литературное издательство, стр. 117—129.

⁵⁹ Гиммлер посетил концентрационный лагерь Освенцим второй раз 17—18 июля 1942 г. Гесс совершил существенную ошибку, потому что в июле 1942 г. он не мог показывать Гиммлеру цыганского лагеря в Бжезинке; этот лагерь ещё не существовал (см. стр. 58 прим. 55). Описанный здесь Гессом факт относится к весне 1944 г., когда он снова получил должность командующего гарнизоном СС, сменив на этом посту оберштурмбанфюрера СС Артура Либегеншля, назначенного комендантом в концентрационный лагерь Майданек. Ему же подчинялись трудовые лагеря в Варшаве, Радоме, Будзыне и Ближние.

⁶⁰ Это вид рака, который поражает слизистую оболочку рта. Чаще это бывает у детей в результате истощения и ослабления организма и кончается смертью.

Рудольф Гесс (первый справа) во время инспекции концентрационного лагеря Освенцим рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером (первый слева) и ответственными лицами СС из Берлина.

Освенцим. Обершарфюрер СС Людвиг Плагге — начальник рапорта (первый справа) и Рудольф Гесс (в середине) вероятно во время официального посещения лагеря гаулейтером Брахом.

эта всегда напоминала мне прокажённых, виденных когда-то мною в Палестине⁶¹.

Гиммлер выслушал цифры, касающиеся смертности среди цыган. В сравнении с общими цифрами смертности в лагере, она не была высокой, если не говорить о смертности среди детей: не думаю, что новорождённые жили дольше, чем несколько недель. Гиммлер подробно всё осмотрел и дал мне приказ ликвидировать цыган, предварительно выбрав среди них работоспособных, как это обычно делалось с евреями. Тогда я обратил его внимание на тот факт, что цыгане, направленные в лагерь, не были отобраны на основе плана, разработанного им самим специально для Освенцима. После этого Гиммлер распорядился, чтобы управление имперской уголовной полиции в кратчайшее сроки провело соответствующую селекцию среди цыган.

Это длилось два года⁶². Работоспособные цыгане были переведены в другие лагеря. К августу 1944 года в Освенциме осталось около 4 тысяч цыган, которых должны были уничтожить в газовых камерах. До последних минут они не знали что их ждёт; они поняли это только по дороге к крематорию I⁶³. Заставить их войти в газовые камеры было делом нелёгким; сам я этого не видел, но мне говорил Шварцгубер⁶⁴, что ни одна ликвидация евреев не была такой трудной. Для него это было особенно тяжёлым, потому что он знал почти всех цыган и был с ними в хороших отношениях,

⁶¹ Гесс был в Палестине во время первой мировой войны. Этот период своей жизни он описал в своих воспоминаниях в главе „На войне (1916—1918)“.

⁶² Уничтожение цыган в Бжезинке началось 2 августа 1944 г. после обеда; и длилось это не 2 года, а всего только два-три месяца.

Происходило оно следующим образом. После обеда 2 августа на перрон железнодорожной ветки в Бжезинке был подставлен пустой товарный состав. В него загнали 1408 цыган из основного материнского лагеря в Освенциме. Среди них было: 813 мужчин, 105 мальчиков в возрасте 9—14 лет и 490 женщин. Их должны были перевезти в другие концентрационные лагеря, находившиеся в Германии. Их сородичи поощались с ними через ограждения из колючей проволоки. Поезд отошёл от перрона в 4 часа дня. Эти цыгане поехали в концентрационный лагерь Бухенвальд.

В 7 часов вечера лагерные власти объявили цыганский лагерь в Бжезинке нэ особом положении: было запрещено входить на участок „Вие“ и выходить оттуда. В цыганский лагерь приехали грузовые машины и группа эсэсовцев, которая должна была принимать участие в ликвидации цыган; 2897 женщин, детей и мужчин было отвезено в газовые камеры. Цыганский лагерь в Бжезинке перестал существовать.

⁶³ Это было в крематориях ЖЧ° IV и V. Гесса тогда не было в лагере, потому что 29 июля 1944 г. он выехал в Ораниенбург, куда он был снова переведён на работу на пост начальника управления D1, на который он вступил в ноябре 1942 г. См. стр. 68 прим. 78. Поэтому Гесс ошибается, называя номер I крематория.

⁶⁴ Начальник мужского лагеря в Бжезинке.

а их огромное доверие можно сравнить только с доверием, встречающимся у детей.

Если говорить о моральных страданиях цыган, находящихся в тяжёлых лагерных условиях, то насколько я мог заметить, они переносили их довольно спокойно, хотя и были лишены привычной для них свободы, а их склонность к бродяжничеству была парализована. Ведя примитивный образ жизни на свободе, они были привычны к тесным помещениям, плохой гигиене, и, частично, к скудному питанию. Не относились они трагически ни к болезням, ни к частой смерти. В глубине своей они оставались детьми: были легкомысленными, охотно веселились даже во время работы, к которой никогда не относились серьёзно; в самом плохом они искали хорошие стороны и были оптимистами.

Я никогда не видел у цыган понурого, полного ненависти взгляда. Когда мы приходили к ним в лагерь, они выходили из бараков, начинали играть на музыкальных инструментах, говорили детям, чтобы те танцевали, и как всегда, показывали свои штучки.

В цыганском лагере был садик для детей, где они могли играть сколько хотели в разные игрушки⁶⁵. Когда с цыганами разговаривали, они отвечали на вопросы доверчиво и свободно, высказывали все свои пожелания. У меня всегда было впечатление, что они не понимали до конца своего настоящего положения и того, что они находились в тюрьме.

Отношения между цыганами были очень воинственные; причиной этого была разнородность племён и родов, а также горячая цыганская кровь, которая быстро приводит к ссорам. Однако внутри каждого рода цыгане были очень привязаны один к другому и сжиты. Когда в лагере производили отбор трудоспособных, в результате чего были разбиты семьи, доходило до трогательных сцен, полных страданий и слёз. Однако все понемногу успокаивались, когда им говорили, что скоро они снова будут вместе.

Некоторое время работоспособные цыгане находились в основном лагере в Освенциме; они делали всё возможное, чтобы видеться со своими родственниками, хотя бы изредка, хотя бы только издалека. Довольно часто во время проверок мы должны были искать молодых цыган: скучая по родителям они тайком пробирались в цыганский лагерь⁶⁶.

⁶⁵ „Детский садик“ был „открыт“ в цыганском лагере в июне 1944 г., за месяц до ликвидации цыганского лагеря. Это было пародией в условиях лагерной жизни, больные и истощенные дети не имели сил играть и делать гимнастику.

⁶⁶ Это не очень похоже на правду, потому что между Бжезинкой и Освенцимом было 3 км., а к тому же узники не имели права выходить.

Когда я был уже в Ораниенбурге, в инспекторате концентрационных лагерей, цыгане, знавшие меня ещё в Освенциме, часто спрашивали меня о своих родственниках уже погибших к тому времени в газовых камерах. Мне было очень трудно отвечать уклончиво именно потому, что они мне верили. Хотя в Освенциме цыгане и причиняли мне много хлопот, они были однако моими любимыми узниками, если вообще можно так выразиться.

Цыгане не могли долго переносить одну и ту же работу, охотно, по-цыгански, сменяли её. Больше всего любили работать в транспортно-спортивной команде. Это позволяло им повсюду ходить и удовлетворять своё любопытство, а к тому же не упустить возможности украсть. Влечение цыган к воровству и бродяжничеству было у них в крови и невозможно было этого искоренить. У них абсолютно другие взгляды на мораль. Воровство не является для них чем-то позорным и они не могут понять, как можно за это наказывать.

Всё что я сказал, касается большинства цыган, находившихся в лагере, таких, которые до своего попадания в лагерь, постоянно бродяжничали, среди них были и люди со смешанной кровью, просто присоединившиеся к цыганам. Другое дело оседлые цыгане, жившие в городах; они уже много взяли от цивилизации, к сожалению не то, что является в ней самым лучшим.

Было бы очень интересно и дальше наблюдать за жизнью и обычаями цыган, если бы не категорический приказ, который до середины 1944 года знали в Освенциме кроме меня, только врачи. Согласно приказу рейхсфюрера СС врачи должны были потихоньку ликвидировать больных и особенно детей. А цыгане именно к врачам относились с полным доверием! Нет ничего более тяжёлого, чем необходимость относиться ко всему как к чему-то обыкновенному, хранить хладнокровие, быть беспощадным и не сочувствовать.

А как лишение свободы влияло на евреев, которые с 1942 года были основным контингентом узников Освенцима?⁶⁷ Как вели себя они?

Я хорошо знал евреев ещё с Дахау; они находились в концентрационных лагерях с момента их основания. Но тогда ещё евреи имели возможность эмигрировать, если какое-нибудь государство

⁶⁷ Это было результатом того, что гитлеровцы приступили к так называемому „окончательному решению еврейского вопроса“. После селекции узников, привозимых в Освенцим, трудоспособных мужчин и женщин направляли в блоки. Количество этих людей было разным и зависело от запроса на рабочую силу; в среднем это было от 5% до 30% количественного состава эшелона.

давало им позволение на въезд. Их пребывание в лагерях было только вопросом времени, денег или заграничных связей. Многие евреи в течение нескольких месяцев оформляли нужные визы и могли выйти из лагеря. Только евреи, опозорившие расу⁶⁸ или те, которые до прихода Гитлера к власти были замешаны в скандальные процессы, должны были оставаться в концентрационных лагерях.

Евреи, имевшие возможность эмигрировать, думали только о том, чтобы их жизнь в лагере шла, по возможности, без всяких осложнений. Работали они старательно, если только могли — ведь большинство из них не были привычны к физической работе — вели себя как можно спокойнее и тщательно выполняли свои обязанности.

Жизнь евреев в Дахау не была лёгкой и они работали на фабрике щепня. Под влиянием Эйкке и „Штюрмера“⁶⁹, вывешенного везде в казармах и столовых, стража относилась к ним очень враждебно. Другие узники делали то же самое, считая их „врагами, имеющими губительное влияние на немецкий народ“.

Влияние „Штюрмера“, вывешенного также в концентрационном лагере, чувствовалось и среди узников не бывших антисемитами, а евреи, защищаясь, старались подкупить именно таких. У них были деньги, позволявшие им купить в столовой всё что они хотели. Для них не было трудностью найти любое количество безденежных узников, которые за папиросы, колбасу и сладости были готовы на любые услуги. При помощи капо⁷⁰ евреи получали более лёгкую работу; они попадали в больницу благодаря узникам из персонала санитаров. Один еврей — за пачку папирос — устроил так, что ему содрали ногти с больших пальцев ног, что позволило ему попасть в лагерную больницу.

Чаще всего их мучили узники-евреи, занимавшие какие-либо административные должности. Среди них особенно отличался блоковый Эшен, повесившийся позднее от страха перед наказанием за гомосексуализм. Именно этот блоковый страшно мучил

⁶⁸ Гесс имеет в виду нарушение параграфов 1 и 2 нюрнбергских законов от 15 сентября 1935 г. об охране немецкой крови и чести. Нюрнбергские постановления не только запрещали представителям немецкой расы вступать в брак с евреями, но даже иметь какие-либо интимные отношения. Нарушение этих параграфов рассматривалось, как „опозорение расы“.

⁶⁹ „Дер Штюрмер“ — название еженедельника, сеющего антисемитскую пропаганду. Он начал выходить с 1923 г.

⁷⁰ Капо — термин взят из итальянского языка; это был узник выполняющий административную работу, осуществляющий надзор за рабочей бригадой. Впервые этот термин стали употреблять в концентрационном лагере в Дахау, а потом и в остальных гитлеровских концентрационных лагерях.

евреев и не столько физически, сколько психически; подстрекал их к нарушению лагерного режима, а потом угрожал жалобой, разжигал ссоры, чтобы иметь возможность написать рапорты. Однако начальству не доносил, а держал евреев под постоянной угрозой того, что обо всём доложит. Этот человек был олицетворением зла. По отношению к эсэсовцам отличался Эшен отвратительным лакейством, а в отношении к узникам той же расы был готов на любую подлость.

Несколько раз я пробовал снять его с поста, но это оказалось невозможным, потому что Эйкке лично настаивал на том, чтобы я этого не делал.

Эйкке придумал для евреев массовое наказание специального рода. Когда во всём мире снова началась кампания против концентрационных лагерей, он приказал евреям оставаться в кроватях целый месяц и даже квартал. Они могли вставать и выходить из блока только в столовую и на поверки. Проветривать помещение было запрещено и окна были наглухо закрыты. Это было тяжёлое наказание, отрицательно повлиявшее на психику людей. В результате принудительного лежания узники достигли такого нервного напряжения, что уже не могли видеть друг друга и часто доходило до страшных драк.

Эйкке считал, что вся пропаганда против концентрационных лагерей организована евреями, которые вышли из Дахау, и поэтому оставшиеся в лагерях должны понести за это возмездие.

Я должен сказать, что из-за отвратительных приёмов, рассчитанных на пробуждение самых низменных инстинктов, я был противником антисемитского журнала „Штюрмер“, издаваемого Штрейхером. К тому же этот журнал выдвигал на первый план сексуальные проблемы, да к тому же ещё в порнографической грязной форме. Если понимать антисемитизм глубоко, то „Штюрмер“ не помогал ему, а наоборот — нанёс ущерб, сделал много плохого. Ничего удивительного, что после поражения стало известно, что редактором журнала был еврей и он писал наиболее отвратительные провокационные статьи⁷¹.

Как фанатичный национал-социалист, я был убеждён в том, что наша идея, изменяясь в соответствии с характерными чертами отдельных народов, распространится во всех странах и займёт там главенствующее положение. Так было бы уничтожено еврейское господство. Ведь антисемитизм не был на свете чем-то абсо-

⁷¹ По мнению Мартина Брошата, директора Исторического института в Мюнхене, информация поданная здесь Гессом не нашла подтверждения до сегодняшнего времени.

лютно новым. Он вспыхивал с особой силой **тогда**, когда евреи слишком сильно стремились к власти, когда их мелкие делишки становились слишком очевидными для общественного мнения. По-моему разнузданное подстрекательство журнала „Штюрмер“ не шло на пользу антисемитизму; идейное уничтожение евреев требовало более совершенного оружия. Я верил, что самое лучшее и сильное, существовавшее в нашей идеи, проложит себе дорогу.

Я не ожидал от коллективного наказания, применённого Эйкке к евреям, хотя бы самого маленького эффекта, если говорить о попытке таким способом препятствовать распространению ужасных слухов о происходящем в концентрационных лагерях. Нападки продолжались бы даже тогда, если из-за этого были бы расстреляны сотни и тысячи людей. Однако в то время я считал справедливым, чтобы евреи, находящиеся в наших руках, были наказаны за распространение их собратьями сведений о лагерной жизни, о её ужасах.

В ноябре 1938 года пришла так называемая „хрустальная ночь“, инсценированная Геббельсом⁷² в ответ на то, что в Париже был застрелен Эрнст фон Рат⁷³; убийцей был еврей. По всей Германии были разгромлены еврейские магазины (в них по крайней мере были выбиты стёкла), подожжены синагоги, а пожары было запрещено тушить. Все евреи, игравшие ещё какую-то роль в торговле и промышленности, были арестованы и направлены в предварительное заключение в концентрационные лагеря в целях „обеспечения им безопасности от гнева народа“.

Только после этих событий я ближе столкнулся с евреями; до этого в Саксенхаузене евреев почти не было, и вдруг, словно еврейское нашествие. Раньше в Саксенхаузене, почти, не было взяточничества; теперь оно стало явлением массовым и приобрело разные формы. Узники-уголовники встретили евреев радостно, как возможный объект эксплуатации. Нужно было запретить евреям иметь деньги, иначе в лагере могло сложиться положение, которое невозможно было бы контролировать.

Евреи вредили друг другу как только могли. Каждый старался получить хоть какую-нибудь должность, и больше того — пользуясь поблажливостью услужливых капо — придумывали такие новые должности, которые помогли бы им выкрутиться от работы. Ради „спокойного места“ евреи не колебались устра-

⁷² Министр пропаганды при Гитлере.

⁷³ Эрнст фон Рат был секретарем немецкого посольства в Париже. 7 ноября 1938 г. он был ранен взрывом Г. Грыншпаном, а через 2 дня умер. Этот случай послужил претекстом для гитлеровских властей, которые развязали антисемитскую кампанию.

нить других узников, давая против них ложные показания. Когда-же становились „кем-то“ — безжалостно и хамски мучили своих товарищей; они превосходили во всём „зелёных“. Многие евреи были доведены таким поведением до отчаяния и, чтобы покончить с этим, „пошли на проволоку“⁷⁴ или пробовали бежать, чтобы быть застреленными во время попытки к бегству. Некоторые просто повесились. Комендант доносил Эйкке об увеличении таких случаев и тот ответил: „Только не мешайте им, пусть евреи жрут один другого“.

Я хотел бы обратить внимание на тот факт, что я лично никогда не чувствовал ненависти к евреям. Это правда, что они были для меня врагами нашего народа и именно поэтому я считал, что с ними нужно поступать так же, как и с другими узниками. Исходя из этого принципа, я никогда не делал различий; чувство ненависти вообще является для меня чуждым. Однако я хорошо знаю, что такое ненависть и как она выглядит; я видел её и чувствовал на себе её плоды.

Первоначальный приказ рейхсфюрера СС, выданный в 1941 году, требовал уничтожения всех евреев, без исключения. Теперь этот приказ был изменён: работоспособных евреев следовало направлять на предприятия военной промышленности; после этого Освенцим стал еврейским концентрационным лагерем, масштабы которого до того времени были беспрецедентны⁷⁵.

Если в предыдущие годы евреи рассчитывали на то, что в один прекрасный день будут освобождены⁷⁶ и это давало им возможность психически легче переносить тяготы лагеря, то теперь в Освенциме евреи не имели на это никакой надежды. Все без исключения знали, что обречены на смерть и будут жить только до тех пор, пока смогут работать; у большинства из них не было никаких иллюзий относительно своей судьбы. Они были фаталистами: терпеливо и равнодушно переносили лагерную нищету и страдания. Потеря надежды на возможность избежать приготовленной для них судьбы, породила у них полное равнодушие к окружающему. Этот психический надлом ускорял физический

⁷⁴ „Пойти на проволоку“ — это значило в лагерной терминологии покончить жизнь самоубийством, дотронувшись до колючей проволоки под током высокого напряжения. Но часто узник не успевал дойти до проволоки: его убивали часовые-эсэсовцы, несшие вахту на сторожевых вышках.

⁷⁵ Гиммлер был вынужден изменить своё решение в результате постоянной нехватки рабочей силы для военной промышленности и связанных с ней других отраслей производства, работавших для армии.

⁷⁶ Эти возможности существовали практически только перед так называемой „хрустальной ночью“.

конец; у них уже не было желания жить, всё не имело для них никакого значения; самая лёгкая болезнь оканчивалась смертью. Раньше или позже их ждал конец.

На основании своих наблюдений, я со всей настойчивостью утверждаю, что высокая смертность среди евреев была прежде всего обусловлена их психическим состоянием⁷⁷, а потом уже тяжёлой физической работой, к которой большинство из них не были привычны, недостаточным питанием, тесными помещениями и другими трудностями лагерной жизни. Смертность евреев в других местах, в других концентрационных лагерях, где условия жизни были лучше, не была значительно ниже: однако она всегда превышала показатели смертности среди других узников. Во время моих инспекционных поездок по распоряжению Д I⁷⁸ я много об этом наслышался и лично убедился.

Ещё заметнее проявлялось это среди евреек; они гибли значительно быстрее, хотя мои собственные наблюдения позволяют мне утверждать, что женщины, в общей массе, значительно более стойкие и выдерживают значительно дольше, как физически, так и психически.

Сказанное мною касается большинства узников-евреев, однако иначе вели себя евреи из интеллигентных кругов. Психически они были сильнее, проявляли больше воли к жизни; чаще всего это были люди, привезённые с Запада. Именно эти люди, особенно если они были врачами, хорошо знали какой конец их ждёт; и всё же они надеялись па счастливое стечение обстоятельств, которые помогут им спасти жизнь. И, конечно, они рассчитывали на поражение Германии — ведь вражеская пропаганда легко доходила и до них.

" Высокая смертность среди евреев была вызвана также необыкновенно тяжёлыми бытовыми условиями жизни в гетто. Там они жили не только в строгой изоляции от населения города, но были обязаны выполнять самую тяжёлую физическую работу при минимальном продовольственном рационе. Уже перед своим прибытием в лагерь евреи были очень истощены и полны страха от всего того, что с ними произошло во время их жизни в гетто.

" В ноябре 1943 г. по предложению Поля лагерь в Освенциме был разделен на 3 части; одновременно произошла смена на посту коменданта лагеря. 11 ноября оберштурмбанфюрер СС Артур Либегеншель, бывший до этого времени начальником управления Д1 в инспекторате концентрационных лагерей, стал комендантом Освенцимского лагеря, а его место в инспекторате занял Гесс. 22 ноября лагерь в Освенциме был разделён на 3 самостоятельные части: 1 — концентрационный лагерь Аушвиц I (основной, материнский), комендант лагеря оберштурмбанфюрер СС А. Либегеншель, 2 — концентрационный лагерь Аушвиц II — Биркенау (Бжезинка), комендант штурмбанфюрер СС Фриц Гартенштейн. Одновременно Бжезинка была разделена на мужской лагерь (начальник унтерштурмфюрер СС Иоганн Шварцгубер) и женский (начальник лагеря унтерштурмфюрер СС Франц Геслер), 3 — концентрационный лагерь Аушвиц III — Моюв-виц (комендант унтерштурмфюрер СС Генрих Шварц).

Самым главным для таких людей было получить какой-нибудь пост, какое-нибудь „тёплое место“, дающее им возможность выделиться из общей массы узников, позволяющее им улучшить их материальное положение и иметь разные выгоды. Всё это уменьшалось до какой-то степени и возможность случайной смерти. Ради достижения такого „жизненного положения“, в самом глубоком значении этих слов, они пускали в ход всю свою изобретательность и силу воли. Чем надёжнее было место, тем сильнее стремились овладеть им, тем ожесточённее боролись за него. Не считались ни с чем, чтобы освободить тёплое место или удержать его. Чаще всего побеждал тот, чьё поведение отличалось отсутствием какой-либо щепетильности. Я постоянно слышал о разных попытках „убрать“ то одного, то другого с „жизненного места“. В разных лагерях я хорошо изучил методы борьбы за власть, которую вели между собой различные политические группы и отдельные узники, носившие треугольники разного цвета; везде происходило то же самое, если речь шла о борьбе и интригах за получение жизненного поста. И всё же от освенцимских узников-евреев я смог ещё многому научиться. „Потребность — мать открытий“, а здесь на карту была поставлена жизнь.

Нередко бывало так, что число узников, занимавших „безопасные“ места, вдруг резко падало, хотя к тому не было видимых физических причин, например, болезней или ухудшения условий жизни. Это происходило потому, что эти люди узнавали о гибели своих близких родственников. Для евреев вообще характерны тесные родственные связи и смерть близких приводит к тому, что оставшиеся в живых теряют волю к жизни, она становится для них бессмысленной и за неё уже не стоит бороться.

Но я видел и что-то абсолютно иное; это было во время массового уничтожения евреев, но об этом я напишу позже.

Вышесказанное относится и к узникам, к женщинам всех контингентов, с той только разницей, что для них всё это было значительно тяжелее и значительно глубже угнетало их, потому что условия жизни в женском лагере были без всякого сравнения хуже, чем в мужском. У женщин было меньше пространства, а санитарно-гигиенические условия не соответствовали никаким нормам⁷⁹.

⁷⁹ 16 августа 1942 г. узницы, занимавшие в материнском лагере Освенцим блоки №№ 1—10 Эти блоки были отделены каменной стеной от мужского лагеря) были переведены в Бжезинку на участок „В1а“. Женщины жили там в каменных бараках, разделенных на боксы. Перегородки служили одновременно нарами. Боксы были трёхэтажные: на гнилой соломе спало обычно 8 узниц. Первоначально такой барак был рассчитан на 550 узниц, потом на 744, а практически в каждом таком бараке находилось около 1000 женщин. Печка, установленная вдоль барака не

Никогда в женском лагере не было должного порядка и навести его было делом невозможным, потому что с самого начала там царила страшная теснота со всеми вытекающими из неё последствиями. Все недостатки мужского лагеря возрастали в женском, словно под увеличительным стеклом. Когда женщины доходили до определённой границы существования, конец наступал быстро; безвольные, они ещё бродили по лагерю, как привидения, и тихо умирали. Эти ходячие трупы были ужасны.

Бывшие в Освенциме „зелёные“ узницы (уголовницы), относились к особому роду; я думаю, что в Равенсбрюке⁸⁰ отобрали для Освенцима самый плохой элемент⁸¹. По сравнению с мужчинами-уголовниками они были ещё более подлыми, никчёмными, хамоватыми. В большинстве своём это были проститутки, имевшие по несколько судимостей, многие из них вызывали отвращение. Можно было предполагать, что такие бестии будут мучить находящихся под их властью узниц, однако невозможно было этого избежать. Во время посещения Освенцима в 1942 году⁸² рейхсфюрер СС выразил мнение, что именно такого типа должны быть надзирательницы в женском лагере. Немногие из них умерли, исключая случаи, когда причиной смерти была заразная болезнь и духовные страдания были для них неизвестны.

была в состоянии его обогреть, отопление было слишком примитивным. Глинистые пачвы Бжезинки, не пропускавшие воду и влажный климат с большим количеством осадков приводили к тому, что большую часть года лагерь просто тонул в грязи, которая вливалась в бараки и затопляла нижние боксы. Вначале не было даже канализации и водопровода, чувствовался недостаток воды, санитарное состояние лагеря было катастрофическим и это являлось источником многих эпидемий кожных и сыпного тифа. Больных узниц и наиболее истощённых после селекции отправляли в газовые камеры. Селекции проводили не только в жилых бараках, но и в больнице.

⁸⁰ Концентрационный лагерь Равенсбрюк был открыт в 1939 г., он находился недалеко от небольшого городка Фюрстенберг, на северо-западе от Берлина. В 35 км. от Равенсбрюка был концентрационный лагерь Саксенхаузен; строительство этого лагеря началось в 1938 г., осенью. На строительных работах использовались узники Саксенхаузена. В 1942 г. рядом с женским лагерем Равенсбрюк был заложен мужской лагерь.

Равенсбрюк был единственным женским лагерем на территории Германии, вплоть до начала второй мировой войны там держали немок, считавшихся врагами гитлеровской партии, а также немецких евреек. Во время войны, до августа 1944 г., в этот лагерь стали привозить женщин из всех стран, оккупированных гитлеровцами. В августе 1944 г. туда привезли женщин из восставшей Варшавы и других концентрационных лагерей. Этот лагерь был ликвидирован в апреле 1945 г.; всего в этом лагере находилось 132000 женщин. Комендантом Равенсбрюка был сначала оберштурмфюрер СС Отто Кегель, затем гауптштурмфюрер СС Фриц Зурен, который был временно заменён штурмбанфюрером СС Зауером.

⁸¹ Гесс имеет в виду первый транспорт 999 женщин, прибывший в Освенцим 26 марта 1942 г. Среди них находились будущие надзирательницы женского концентрационного лагеря.

⁸² Речь идёт о втором посещении Гиммлером концентрационного лагеря Освенцим. Это произошло 17—18 июля 1942 г.

Бжезинка. Фрагмент лагерного участка ("В II"). На первом плане узищы на земляных работах.

Бжезинка. Фрагмент лагерного участка ("VII"). Фото сделано после освобождения лагеря.

Резня в Будах ещё сегодня стоит перед моими глазами; „зелёные“ поубивали там французских евреек: они душили узниц, разрывали их на части, убивали секирами⁸³. Это было страшно. Я не думаю, что мужчины могли бы превратиться в таких зверей.

К счастью не все „зелёные“ и „чёрные“⁸⁴ узницы были такими выродками. Встречались среди них такие, которые хорошо относились к уницам, но за это их не любили другие надзирательницы, не понимавшие такого отношения к подчинённым.

Абсолютной противоположностью являлись исследовательницы священного писания⁸⁵, которых называли „библейскими пчёлами“ или „библейской молью“. К сожалению, таких было очень мало. Фанатички, в большей или меньшей степени, они являлись, несмотря на это именно тем элементом, который был нам особенно нужен. Эти узницы работали в многолетних эсэсовских семьях, в офицерском казино СС и, главным образом, были заняты на сельскохозяйственных работах, например, на птицеводческой ферме в Харменжах⁸⁶ и других подсобных лагерях такого же профиля⁸⁷. Не нужно было их охранять, не было необходимости в караулах; они работали старательно, потому что именно так наказывал Иегова. В большинстве своём это были пожилые немки, однако довольно многочисленной группой были молодые голландки.

Две старые женщины работали в моём доме почти 3 года; моя жена говорила мне не раз, что она сама не могла бы лучше заботиться обо всём, чем эти две сектантки. Особенно трогательно они относились к детям, как младшим, так и старшим; наши дети были привязаны к ним, как к близким родственникам. Сначала мы с женой боялись, что эти узницы попытаются привлечь детей к своей вере, но оказалось, что они этого не делали и даже никогда не разговаривали с детьми на религиозные темы. Это было довольно странно, если помнить об их фанатизме.

⁸³ Другой вариант событий в Будах даёт в своих воспоминаниях Брод (см. стр. 150).

⁸⁴ Имеются в виду узницы, обозначенные чёрными треугольниками и буквами „ASO“ (asoziale); в большинстве своём это были проститутки. Гитлеровцы относили к этой группе так называемые антиобщественные элементы.

⁸⁵ Сектантская группа под названием „Свидетели Иеговы“; носили фиолетовые треугольники и буквы „IBV“ (сокращение от немецкого названия международного союза исследователей священного писания — *Internationale Bibelforschungsverein*).

⁸⁶ Птицеводческая ферма Харменже, где 8 декабря 1941 г. был основан концентрационный подсобный лагерь. История этого лагеря была опубликована в „Освенцимских тетрадах“, 1969, № 11, Издательство Государственного музея в Освенциме, стр. 37—67.

⁸⁷ Это были подсобные лагеря, организованные в одном из имений в Бабицах, в Будах и Плазах, а также в Ранске на экспериментальном участке сельскохозяйственных растений. Истории всех этих подсобных лагерей были опубликованы в „Освенцимских тетрадах“, №№ 9—11.

Среди исследователек священного писания были очень странные женщины. Одна из них, работая у офицера СС, старалась по глазам угадывать все его желания, но из-за принципа отказывалась чистить его мундир, фуражку, сапоги — всё что имело отношение к войску. Она даже не хотела дотрагиваться до таких предметов.

Обычно сектантки были довольны своей судьбой; они верили,, что страдают в лагере для Иеговы и что потом их ждёт заслуженное место в его королевстве, которое скоро будет на земле. Интересно тот факт, что все они были убеждены в том, что страдания и смерть евреев, являются заслуженной карой за то, что их предки изменили Иегове. Я всегда считал этих людей душевнобольными, которые однако были по-своему счастливы.

Остальные узницы: польки, чешки, украинки, русские — были заняты на сельскохозяйственных работах, если у них хватало на это сил. Благодаря этой работе они оказывались за стенами переполненного лагеря, что позволяло им избежать пагубного влияния перенаселённости. В Раиске и жилых помещениях земельных хозяйств узницам было значительно лучше. Я часто убеждался в том, что узники, работавшие в сельском хозяйстве и не жившие в лагерных помещениях производили абсолютно другое впечатление. Они страдали психически значительно меньше по сравнению с теми, которые всё время оставались в массовых лагерях. Мою правоту подтверждает то обстоятельство, что заключённые работали в сельском хозяйстве очень охотно, выполняя всё что от них требовали.

Условия жизни в женском лагере—со всех точек зрения—были значительно труднее уже в самом начале его существования ^ когда он являлся ещё частью основного лагеря. Уже тогда он был переполнен и означал для узниц психическую смерть, приводившую позже или раньше к тяжёлому физическому надлому. Когда в лагерь доставили евреек из Словакии⁸⁸, бараки оказались забитыми до чердаков, водные и канализационные устройства едва могли обслужить 1/3 общего числа узниц.

Для поддержки необходимого порядка в этих переполненных муравейниках мне нужны были другие помощники, чем надзирательницы, присланные мне из Равенсбрюка; но я должен на-

⁸⁸ В период с 26 марта по 29 апреля 1942 г. в лагерь пришло 9 транспортов с женщинами-еврейками общей численностью 6250. Это были женщины из Словакии; их направил в лагерь IV отдел — гестапо главного управления имперской безопасности, который занимался вопросом, ликвидации еврейского населения.

помнить, что они не были лучшими представительницами администрации этого лагеря.

В Равенсбрюке были созданы для надзирателей благоприятные жилищные условия; для них делали всё, чтобы они только остались в лагере. Этим администрация лагеря стремилась привлечь на работу новых надзирательниц. Они получали высокую зарплату, которую не могли бы получать в другом месте, их не перегружали работой. Короче говоря, рейхсфюрер СС и особенно Польш⁸⁹, приказали уделять большое внимание условиям жизни надзирательниц Равенсбрюка. О перенаселении ещё не было и речи. Теперь эти надзирательницы оказались в Освенциме, где должны были организовать женский лагерь в очень тяжёлых условиях. К тому же не надо забывать, что ни одна из них не приехала добровольно.

Уже в самом начале большинство из них хотело снова вернуться в свой прежний лагерь, к своей спокойной, удобной жизни.

В то время старшей надзирательницей⁹⁰ была немка Лангенфельд⁹¹; она не была достаточно квалифицированной, чтобы справиться с возложенными на неё задачами, однако это не мешало ей упорно игнорировать любые указания, данные начальником лагеря. Убедившись в том, что беспорядки такого рода не могут дальше продолжаться, я на собственную ответственность отдал распоряжение о подчинении руководства женского лагеря администрации мужского лагеря. Почти не бывало так, чтобы во время проверок совпадали цифры, показывающие численность женского лагеря. В этой суматохе надзирательницы бегали, как разъярённые наездки и не знали с чего начать. Старшая надзирательница, считавшая себя единоличной начальницей женского лагеря, выслала жалобу на то, что ей приказано подчиняться равному ей по рангу. В результате я был вынужден отменить своё распоряжение.

Во время инспекционного пребывания рейхсфюрера СС в Освенциме, в июле 1942 года, я доложил ему—в присутствии старшей надзирательницы — о всех недостатках и сказал, что Лангенфельд никогда не сможет руководить женским лагерем и не справится с задачами по его расширению. Одновременно я обратился с прось-

⁸⁹ Начальник главного административно-хозяйственного управления СС; оно являлось составной частью главного управления СС, а также входило одновременно, как департамент, в министерство внутренних дел. Организованное в 1942 г. главное административно-хозяйственное управление делилось на 5 групп, из них группа Д целиком занималась концентрационными лагерями, а группа В руководила и осуществляла контроль за всеми промышленными предприятиями, которые были в ведомстве СС.

⁹⁰ Это соответствовало функции начальника мужского лагеря.

⁹¹ Была первым начальником женского лагеря в Освенциме, а позже в Бжезинке.

бой о том, чтобы старшая надзирательница подчинялась начальнику мужского лагеря. В этом мне было отказано несмотря на представленные веские доводы, свидетельствующие о непригодности к работе как Лагенфельд, так и большинства её подчинённых. Рейхсфюрер считал, что женским лагерем должна руководить женщина, а в помощники ей следует дать одного из офицеров СС. Но какой же офицер хотел подчиниться женщине? Каждый офицер, назначенный по необходимости в женский лагерь, просил меня как можно быстрее отозвать его с занимаемой должности. Когда в женский лагерь прибывали очень большие транспорты, я сам руководил их разгрузкой, если у меня было время.

Так женский лагерь с самого начала оказался в руках узниц. По мере того, как он разрастался и становился менее доступным для контроля, явление самоуправления узниц-надзирательниц приобретало всё более отчётливые формы. Хотя на посту „старшей лагеря“ и других важных должностях находились „красные“, однако фактическая власть была в руках „зелёных“ узниц, бывших наиболее изворотливыми и жестокими.

Капо в большинстве своём относились к „зелёным“ или „чёрным“. Именно в результате всего этого условия жизни в женском лагере всё ещё находились в плачевном состоянии⁹².

Однако старые надзирательницы были на голову выше тех, которые пришли им на смену. Несмотря на широкую вербовочную работу, которую вели национал-социалистские женские организации, добровольно шли работать в концентрационные лагеря очень немногие, а потому возрастающий спрос можно было удовлетворить только дорогой принуждения.

Каждое предприятие, использовавшее в качестве рабочей силы женщин-узниц, было обязано прислать определённый процент своих работниц на должности лагерных надзирательниц. Вполне понятно, что война вызвала повсеместную нехватку квалифицированной рабочей женской силы, и поэтому фирмы не отдавали в распоряжение лагеря своих лучших кадров. Кандидатки в надзирательницы „учились“ несколько недель в Равенсбрюке, а потом направлялись в разные лагеря. Ясно, что лучшие из них были оставлены в этом лагере; это были те, которые казались руководством лагеря самыми подходящими, потому что и там должны были организовать новые женские рабочие лагеря. Освенцим снова оказался в конце.

⁹² Женский лагерь всегда находился в руках СС, а верховная власть — у начальницы лагеря. Гесс старается освободиться от ответственности за нечеловеческие условия жизни в женском лагере.

Так обстояло дело с надзором в женском лагере. Моральный уровень надзирательниц был, как правило, очень низким; многие из них попадали под суд СС за кражу ценных предметов во время „Акции Рейнхардт”⁹³, однако это была только часть, схваченная на месте преступления. Несмотря на тяжёлые наказания, грозившие им, они продолжали красть и использовать рядовых узниц, как посредниц.

Для примера приведу следующий факт: одна из надзирательниц упала так низко, что имела половые сношения с узниками, в большинстве своём „зелёными” капо, и брала в качестве платы ювелирные изделия из золота. Для маскировки бесчестного поведения она стала любовницей одного штабшарфюрера и в его доме прятывала „заработанное тяжёлым трудом”. Этот глупый человек не имел ни малейшего понятия о делишках своей возлюбленной и был очень удивлён, когда у него были найдены украденные предметы. Рейхсфюрер СС приговорил эту надзирательницу к пожизненному заключению в концентрационном лагере и наказанию плетью (два раза по 25 ударов).

Если в мужском лагере распространённым явлением был гомосексуализм, то в женском лесбийская любовь не относилась к редкости. В борьбе с этим явлением не помогали ни суровые наказания, ни отправка в штрафную команду⁹⁴. Бесперывно поступали донесения о половых отношениях между надзирательницами и узницами. Все эти факты свидетельствуют о моральном уровне надзирательниц. И нет никакого сомнения в том, что они не отдавали себя целиком своей работе и обязанностям. Рассчитывать на них было нельзя. Не существовало и слишком больших возможностей для наказания их за служебные преступления. Домашний арест мог быть скорее привилегией, дающей им возможность остаться дома, если была плохая погода. Все санкции по

⁹³ Условное название генерального плана уничтожения еврейского населения и передача в руки СС имущества погибших людей. Этот план носил имя группенфюрера СС Гейдриха, убитого в Праге участниками чешского движения Сопротивления.

⁹⁴ В первый период существования лагеря штрафная женская команда помещалась в Будах, находившихся в 7 км. от Освенцима. Команда эта была организована в июне 1942 г. в ответ на побег узницы-польки Иоанны Новак из Лодзи; в штрафную команду были направлены политические узницы-польки, а позднее немки, еврейки из Словакии и Франции; всего в этой команде было около 400 узниц, которые работали на очистке и углублении прудов и разных земляных работах. Вечером 16 августа 1942 г., т.е. в тот же самый день, когда женский лагерь был перенесён из Освенцима в Бжезинку на участок „В1а”, туда перегнали из Буд женскую штрафную команду. В ней было тогда только 137 женщин, из этого видно, что за время около двух месяцев погибли 243 женщины. С этого времени штрафная женская команда всегда находилась в Бжезинке, выполняя там наиболее тяжёлые работы, а также чистила и углубляла пруды в Харменжах.

отношению к надзирательницам должны были быть предварительно утверждены инспектором концентрационных лагерей или самим Полем. Причём желательнее было применять как можно меньше наказаний, всякие недоразумения рекомендовалось исправлять при помощи спокойных поучений и соответствующей помощи. Безусловно надзирательницы всё это знали и большинство из них пользовалось этим.

Я всегда уважал женщин, однако в Освенциме я понял, что мои взгляды должны сузиться. Сначала нужно внимательно наблюдать за женщиной, прежде чем относиться к ней с полным уважением.

Всё сказанное мною выше относится к большинству надзирательниц, но надо отметить, что среди них были и порядочные женщины, достойные доверия. Однако таких было немного⁹⁵. Не требуется подчёркивать, что в таких условиях и таком окружении им было очень трудно, но вырваться из всего этого они не могли, потому что были военнообязанными. Некоторые из них жаловались мне, а чаще моей жене, на свою трудную жизнь. Их можно было утешать только тем, что война должна кончиться, но в действительности это было слабым утешением.

Женские бригады, оработавшие за территорией лагеря, охранялись при помощи служебных собак. Уже в Равексбрюке женщины-надзирательницы получили в помощь собак. Это было сделано с целью уменьшения количественного состава караула, охраняющего узников, работавших вне лагеря. Что правда, надзирательницы были вооружены пистолетами, но оейхсфюрер СС рассчитывал, что собаки будут действовать на узниц ещё более устрашающе, ведь женщины обычно очень боятся собак, а мужчины обращают на них значительно меньше внимания.

При огромном количестве узников в Освенциме, надзор за командами, работавшими не на территории лагеря, всегда был проблемой, потому что численность гарнизона была недостаточной. При охране большого участка работ пользовались обычно цепной расстановкой стражи, однако эту систему нельзя было применить

⁹⁵ Всё что известно о лагере из документов или рассказов бывших узниц не позволяет нам назвать фамилии хотя бы одной надзирательницы, которая вела бы себя относительно порядочно. Положительным характеристикам некоторых надзирательниц противоречат данные судебного процесса над командой концентрационного лагеря Освенцим-Бжезинка. Эзесовцев судил Верховный народный трибунал в Кракове; к смерти были приговорены Мария Мандель и Терезе Брандль, к пожизненному заключению Верховный трибунал приговорил Луизу Данц, а к 15 годам тюрьмы Алице Орловски и Гильдегард Марте Лехерт. Части надзирательниц удалось избежать польского суда, а часть предстала перед судом, который был проведён над членами команд концентрационных лагерей Равенсбрюк и Берген-Бельзен.

при копании рвов и сельскохозяйственных работах, потому что участок работы изменялся и бывало, что даже несколько раз в течение одного дня. Надзирательниц не хватало и караул с собаками стал делом необходимым. Однако даже 150 собак оказалось недостаточным⁹⁶, хотя рейхсфюрер СС считал, что одна собака может заменить двух охранников. Если речь идёт о женских командах, то это было бы возможно из-за страха, который питают женщины к собакам.

С уверенностью можно сказать, что освенцимская „собачья команда“ была (если говорить о солдатах), редким образцом существовавшим когда-либо, но в самом отрицательном смысле. Когда обратились с предложением к солдатам, кто из них хотел бы пройти специальную подготовку и быть проводником сторожевого пса, то половина батальона выразила своё желание. Люди рассчитывали на то, что в этой команде их служба будет более лёгкой и разнообразной. Однако невозможно было принять всех желающих и тогда командиры отделений нашли необыкновенно хитрый выход из создавшегося положения: они направили в эту команду самых плохих солдат и таким способом избавились от них. Пусть теперь другие думают, что с ними делать. Среди этих солдат только немногие не имели дисциплинарных наказаний. Если бы командир этой „собачьей“ дружины внимательнее просмотрел документы этих солдат, он не послал бы их на учёбу. Во время подготовки в специальной школе в Ораниенбурге некоторые из солдат были признаны абсолютно непригодными к работе и отосланы обратно.

Солдаты, прошедшие спецподготовку, вернулись в Освенцим и из них было сформировано „собачье отделение“. Сразу было видно с какой „необыкновенной“ командой имеешь дело! А что же начинало делаться, когда она вступала в действие! Солдаты играли с собаками или спали в укромном месте: ведь собака разбу-

⁹⁶ Центральное руководство в Берлине выдало 16 октября 1942 года приказ о строительстве псарни на 250 служебных собак; запланировано это было на широкую ногу и ассигновано 81000 марок. Из существующих документов видно, что при строительстве этого объекта была принята во внимание точка зрения лагерного ветеринарного врача и приняты все меры к созданию хороших санитарных условий. Не забыли отвести для собак большую территорию с газонами, и построили ветеринарную больницу и специальную кухню. В связи с тем, что ремонт крыш собачьих будок запаздывал, начальник собачьей команды объявил, что он подаст рапорт о своём уходе с занимаемой должности, потому что не хочет отвечать за болезни собак в случае их простуды из-за протекавших крыш. См. кн. Яна Зена: „Концентрационный лагерь Освенцим-Бжезинка“ (Аушвиц-Биркенау). Варшава 1964, Юридическое издательство, стр. 49–50.

Факт этот заслуживает особого внимания, если представить себе, что одновременно с этой заботой о животных, лагерные власти относились с полным равнодушием к санитарно-гигиеническим условиям, в которых жили тысячи узников Освенцимского лагеря. (См. прим. 79 стр. 69).

дит в случае „приближения неприятеля“; не забывали они развлекаться и разговорами с надзирательницами и узницами. Многие из них имели регулярные отношения с „зелёными“ надзирательницами. Постоянные затруднения в женском лагере облегчали им частые посещения „своей“ команды.

От скуки, ради развлечения они натравливали собак на узниц. Если их заставляли врасплох за этим занятием, то они объясняли, что собака сама бросилась на узницу, потому что та вепа себя подозрительно или говорили, что потеряли повод. Они всегда имели наготове разные объяснения⁹⁷.

Согласно регламенту солдаты обязаны были каждый день дрессировать ее бак и обучать их. Из-за того, что подготовить новых специалистов было трудно, перевод солдат из „собачьей команды“ в другие не являлся лёгким делом; это допускалось только в случае особенно тяжёлых служебных нарушений, например: приговор, вынесенный судом СС, плохое обхождение с собаками или непростительная халатность по службе [...].

Солдаты знали, что ничего страшного их не ждёт, что от службы освободить их не так-то легко. Другой командир научил бы и таких разуму, но эти господа имели более важные задания. Сколько же неприятностей было у меня из-за этой команды, сколько неприятных разговоров с её командиром⁹⁸. Глюке считал, что я никогда по-настоящему не понимал глубоких проблем этого отделения. И это было причиной того, что мне никогда не удалось добиться согласия Глюкса на увольнение со службы одного из офицеров, присутствие которого в лагере становилось абсолютно невозможным. Вероятно, удалось бы избежать многих неприятностей, если бы Глюке относился ко мне по-другому.

В ходе войны рейхсфюрер СС всё больше и больше старался заменить старые методы надзора за узниками различными техническими средствами, например: переносные заграждения из колючей проволоки, проволочные заграждения под током высокого напряжения, расстановка мин, широкое применение собак. Комендант, нашедший эффективный способ уменьшения численности охраны, должен был тот час же продвинуть по службе. Однако это не дало никаких результатов.

Рейхсфюрер СС надеялся, что собак можно натренировать так, чтобы они всегда окружали узников, как отару овец, и таким

⁹⁷ Кажется Гесс забывает о том, что собак специально тренировали так, чтобы они бросались на узников. Науськивание собак на беззащитных женщин было для эсэсовцев делом обыкновенным.

⁹⁸ В это время им был оберштурмбанфюрер СС Фриц Гартенштейн.

Моновице около Освенцима. Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер (первый слева в первом ряду), инженер Фауст (второй слева в гражданской одежде) и Рудольф Гесс (на первом плане) во время инспекции строительных участков концерна ИГ-Фарбениндустри.

образом псбеги стали бы делом невозможным. Но все попытки дсбиться этого потерпели крах, ведь люди это не скот. Человек господствует над собаками, которые являются и останутся только животными. Хотя у собак был выработан отрицательный рефлекс на запах и одежду узников, хотя они и были выдрессированы так, что ни при каких обстоятельствах не позволяли узникам приближаться — всё это не помогало. Если узникам удавалось в каком-либо месте отвлечь внимание ссбак, то без охраны оставался большой участок, откуда можно было бы бежать; кроме того, ссбаки не могли помешать коллективному псбегу. Безусловно они могли бы наброситься на нескольких узников, но были бы однако убиты вместе со своими „пастухами“.

Далее, Гиммлер хотел, чтсбы ссбаки заменили часовых на сторожевых вышках; они должны были бегать на определённых участках около лагеря или между проволочными заграждениями, которые были установлены около других объектов, где постоянно работали узники. Ссбаки должны были сигнализировать о приближении узников к проволочным заграждениям и препятствовать

попыткам перерезать проволоку. И это тоже не давало результатов. Собаки или засыпали где-то или легко поддавались обману со стороны узников. Если ветер дул в противоположную сторону от того места, где находился патруль, то собачий лай не долетал до него; по той же причине собаки нередко просто не замечали, что происходит.

Расстановка мин имела положительные и отрицательные стороны. Мины нужно было расставлять очень точно и аккуратно наносить на план, потому что уже через квартал они теряли свою боеспособность и нужно было их менять. По разным причинам на заминированном пространстве приходилось оставлять свободные места, и узники могли точно узнать где существуют проходы, свободные от мин.

Глобцник" приказал заминировать территорию около мест массового уничтожения. Но, несмотря на тщательное заминирование Собибора, евреи, зная свободные от мин проходы, сумели сбежать и убили почти всех надзирателей¹⁰⁰. Перед изобретательностью человеческого разума бессильны как животные, так и техника. Даже двойное проволочное ограждение под током высокого напряжения можно, во время сухой погоды, спокойно и хладнокровно перерезать с помощью простейших инструментов. Такие попытки не раз оканчивались успехом. Зато солдаты слишком близко подходившие с внешней стороны лагеря к проволочному ограждению, нередко платили жизнью за эту неосторожность.

Я уже говорил неоднократно о том, что своей главной задачей считал расширение лагеря, строительство в кратчайшие сроки

¹⁰⁰ В то время начальник СС и полиции в Любelsком дистрикте.

Дистрикт — это административная единица; часть оккупированных польских земель стала называться гитлеровцами Генеральным губернаторством; оно то и делилось на дистрикты.

¹⁰⁰ В марте 1942 г. немцы приступили к строительству центра массового уничтожения в Собиборе (повят Влодава, воеводство Любелское). Центр вступил в действие в мае 1942 г.; сначала его территория равнялась 12 га., а затем, по мере расширения лагеря, достигла 58 га. Собибор действовал до середины октября 1943 г. Там было отравлено выхлопными газами около 250000 узников. 14 октября 1943 г. узники в лагере взбунтовались, во главе стояла тайная организация, которую возглавлял советский военнопленный, капитан Александр Печерский, а также еврейский узник Леон Фельдгандлер, из поселка Жулкевки. В эту организацию входило около 150 евреев из Голландии, Польши и Советского Союза. Сроком начала восстания был ускорен тем фактом, что в лагерь перестали приходить эшелоны с еврейским населением, предназначенным к уничтожению, и это позволило предполагать, что лагерь будет ликвидирован в ближайшее время со всеми находящимися там узниками. Узники убили несколько эсэсовцев и украинских националистов из лагерной стражи. Однако только небольшому количеству узников удалось сбежать: тем, кто смог пройти через заминированные поля, окружавшие лагерь и добраться до леса. Остальные были перебиты эсэсовцами; однако после этих событий этот центр уничтожения не возобновил своей деятельности.

при использовании всех наличных средств, объектов СС, находящихся в границах концентрационного лагеря Освенцим. Если наступал более спокойный период, позволявший мне думать, что уже виден конец распоряжениям и требованиям рейхсфюрера СС, а следовательно и строительным работам, тогда вдруг¹ снова приходили планы и снова нужно было что-то делать экстренными темпами.

Эта постоянная спешка, это вечное требование рейхсфюрера СС увеличить темпы — при ежедневных трудностях, вызванных войной и огромном постоянном притоке узников — всё это привело к тому, что я думал только о своей работе и на всё² смотрел с этой точки зрения. Подгоняемый сам, я не давал отдыха и моим подчинённым: эсэсовцам, гражданским служащим, заинтересованным учреждениям, фирмам и узникам. Для меня существовало только одно: всё быстрее продвигаться вперёд в своей работе, чтобы улучшить положение и иметь возможность выполнить полные приказы.

Рейхсфюрер С С требовал от каждого полной отдачи своих сил при выполнении служебных обязанностей, вплоть до самоотречения. Чтобы мы могли выиграть войну, каждый человек в Германии должен был полностью отдать свои силы. Согласно приказу рейхсфюрера СС концентрационные лагеря должны были увеличить военный потенциал Германии; этой цели без всяких оговорок нужно было подчинить всё. Точка зрения Гиммлера ярко проявлялась в его, почти сознательном, игнорировании отвратительных взаимоотношений, царивших в лагере и становившихся невыносимыми. Работа на военную промышленность должна продолжаться и ничто не должно мешать ей, нужно преодолеть все трудности.

Я не мог сделать ничего, что могло бы препятствовать этому; я обязан был быть ещё суровее, ещё бесчувственнее и ещё беспощаднее к судьбе узников. Я видел всё очень ясно, иногда даже слишком реально, но я не мог поддаваться этому. И перед конечной целью — необходимостью победы в войне — всё, что умирало по дороге, не должно было удерживать от стремлений и должно было считаться не имеющим никакого значения.

И именно так понимал я тогда свои задачи. Мне нельзя было идти на фронт и я обязан был на родине делать для фронта всё, что было в моих силах.

Сейчас я вижу, что мои усилия не могли повлиять на исход войны, но в то время я глубоко верил в нашу победу и считал, что я должен сделать всё и ничего не упустить из вида.

Согласно воли рейхсфюрера СС Освенцим стал самым большим в человеческой истории местом уничтожения людей. Когда летом 1941 года Гиммлер отдал приказ о том, что Освенцим будет местом массового уничтожения, я не мог даже в самой незначительной степени вообразить ни размеров этого, ни результатов¹⁰¹. Действительно этот приказ был чем-то неслыханным и ужасающим, но обоснование его убедило меня в том, что истребление является делом необходимым. В то время я не задумывался над этим, я получил приказ и обязан был его выполнить. Я не мог позволить себе судить о том, является ли массовое уничтожение евреев необходимостью или нет; так далеко я не мог смотреть. Если сам фюрер¹⁰² выдал приказ об „окончательном решении еврейского вопроса“, то старый член национал-социалистской партии, и тем более офицер СС не мог над этим задумываться. „Фюрер приказывает, мы-повинуемся“ — этот лозунг не был для нас только фразой, мы понимали его очень глубоко и серьёзно.

Во время моего пребывания в тюрьме, мне говорили не раз, что я мог отказаться от выполнения этого приказа, что я мог даже застрелить Гиммлера. Я не думаю, что среди тысяч офицеров СС нашёлся бы хоть один, который позволил бы себе хотя бы подумать об этом. Это было просто невозможно. Правда, многие офицеры СС роптали и даже насмеялись над некоторыми приказами рейхсфюрера СС, но всегда их выполняли. Несгибаемая суровость рейхсфюрера причинила много неприятностей не одному офицеру СС, однако никто из них не отважился бы — я в этом глубоко уверен — покушаться на его жизнь даже в самых тайных мыслях. Личность рейхсфюрера СС была неприкосновенна; важнейшие приказы, выданные им за подписью Гитлера, были делом святым. Ни у кого даже не могло возникнуть мысли задуматься над ними, высказать своё собственное мнение о них. Приказы эти выполнялись бесприкословно, до кошта, до сознательной отдачи жизни, как это сделало немало офицеров СС во время войны.

Ведь недаром при подготовке будущих членов СС обращали большое внимание на факт безграничного посвящения японцев своему государству и цезарю, являвшемуся для них одновременно и богом. Всё это не проходило бесследно, как нередко бывает с университетскими лекциями, а глубоко проникало в умы солдат

¹⁰¹ Подробнее Гесс описывает это в части воспоминаний „Окончательное решение еврейского вопроса“. (См. стр. 99).

¹⁰² Речь идёт об Адольфе Гитлере.

и офицеров. Рейхсфюрер СС хорошо знал чего можно требовать от своих охранных отрядов.

Посторонние не в состоянии понять, что не было ни одного офицера СС, который посмел бы не выполнить требование рейхсфюрера, или убить его потому что им был выдан беспощадный приказ. Любой приказ фюрера, а для нас также и рейхсфюрера СС, всегда был правильным и справедливым. Даже англичанин, если в нём выработано национальное самосознание, руководствуется в государственных делах принципом — *right or wrong — my country*¹⁰³.

До того, как началось массовое уничтожение евреев, почти во всех концентрационных лагерях в течение 1941—1942 гг. были уничтожены политруки и политкомиссары Советской армии. В соответствии с тайным распоряжением фюрера, специальные отделения гестапо разыскивали политруков и политкомиссаров в лагерях для военнопленных³⁰⁴; если таковые были найдены, их сейчас же переводили в ближайший концентрационный лагерь и там быстро ликвидировали. Чтобы обосновать эти меры, были распространены слухи о том, что русские убивают на месте каждого немецкого солдата, являющегося членом НСДАП¹⁰⁵, а особенно членов СС. К тому же утверждали, что политическим работникам Советской армии было приказано в случае, если они попадут в плен, сеять панику в лагерях для военнопленных и саботировать работу.

Политработники Советской армии были присланы в Освенцим из лагерей для военнопленных. Первые транспорты, являвшиеся немногочисленными, были расстреляны специальными отрядами. Во время моего отсутствия, когда я находился в служебной

¹⁰³ „Правильно или неправильно, но это моя родина“.

¹⁰⁴ Лагерный режим советских военнопленных определялся специальной инструкцией, изданной 6 июня 1941 г.; она называлась „Основы, определяющие пребывание в лагерях политических комиссаров“ и была разработана верховным командованием немецкой армии на базе указаний данных Гитлером 30 марта 1941 г. На основе этой инструкции начальник главного управления имперской безопасности Рейнхардт Гейдрих, группенфюрер СС, выдал 17 июля 1941 года (сразу же после нападения на СССР) специальный приказ, в котором говорилось о необходимости убивать тех советских военнопленных, которые могут быть опасны для национального социализма. Этот приказ касался в первую очередь государственных и партийных работников и особенно „профессиональных революционеров“, затем народных комиссаров Красной армии, евреев, советской интеллигенции и тех лиц, которых считали агитаторами или „фанатическими коммунистами“. 15 января 1942 г. Глюке, как инспектор концентрационных лагерей, отдал приказ провести селекцию среди советских военнопленных, направленных в концентрационные лагеря для уничтожения. Но уже значительно раньше, в ноябре 1941 г. в Освенцим из Катовиц приехала специальная комиссия гестапо. Целью её работы, по всей вероятности, было разделение советских военнопленных на соответствующие группы на ос.Екгае приказа Гейдриха от 17 июля 1941 г.

¹⁰⁵ Была создана в 1919 г. как немецкая рабочая партия, позднее стала называться национал-социалистская немецкая рабочая партия.

командировке, мой заместитель, начальник лагеря Фрич, уничтожил группу советских военнопленных при помощи газа¹⁰⁶, циклон Б¹⁰⁷, который обычно использовали в лагере против насекомых; на складах всегда имели запасы этого газа. После моего возвращения Фрич доложил мне об этом и при следующем эшелоне снова был применён этот газ. Происходило это в подземельях 11 блока¹⁰⁸. Я сам, с противогазовой маской на лице наблюдал за этим. В переполненных камерах смерть наступала быстро: сразу после того, как был вброшен циклон. Короткий сдавленный крик — и всё было кончено.

Первый случай уничтожения людей при помощи газа не дошёл

¹⁰⁶ Из сохранившихся документов известно, что первая проба уничтожения людей при помощи газа была проведена в подземелье блока № 11; другого случая подобного факта установить не удалось. Хотя Гесс отрицает своё присутствие на первой пробе уничтожения людей газом, далее он пишет следующее: „Первый случай уничтожения людей при помощи газа не дошёл до глубины моего сознания, может быть потому, что я находился под сильным впечатлением от всей процедуры. Лучше я припоминаю себе уничтожение газом 900 русских; это было вскоре после этого, в старом крематории, потому что использование помещений 11 блока требовало слишком много приготовлений“.

¹⁰⁷ Цианистый водород является одним из наиболее быстродействующих отравляющих веществ. В Освенциме циклон Б употребляли в виде небольших комочков земли насыщенной цианистым водородом. Циклон Б производился немецким товариществом борьбы с вредителями, которое входило в концерн ИГ-Фарбениндустри. Трест „Теш и Штабенов“ (Геста) занимался доставкой циклона в лагерь; лагерные грузовые машины привозили циклон со складов этого треста в Дессау. На основе лагерных документов и сопоставлений оборотов фирм Дегеш и Тесты можно судить, что в Освенцим было доставлено газа циклон Б в следующем количестве: 1942 г. — 7478,6 кг., 1943 г. — 12174,09 кг. Чистая прибыль этих фирм от продажи циклона Б равнялась в 1941 г. 45735,78 марок, а в 1943 г. — 127985,79 марок.

¹⁰⁸ 3 сентября 1941 г. в блоке № 11 первый раз было проведено уничтожение людей газом циклоном Б; это происходило так. Начальник лагеря гауптштурмфюрер СС Карл Фрич отобрал 9 человек среди 19 узников, находившихся в бункерах блока № 11. В тот же самый день, 2 сентября, после обеда, он приказал этим девяти и ещё нескольким узникам из штрафной команды перенести на чердак все кровати из камер блока 11. Одновременно штрафная команда была переведена из этого блока в блок № 5а, строительство которого ещё не было закончено. 3 сентября по приказу эсэсовцев, санитары перенесли около 250 больных из лагерной больницы в бункеры блока № 11. Загнали в бункеры и 600 советских военнопленных, в основном офицеров и политкомиссаров. После этого окна подвалов были засыпаны землей. Эсэсовцы всыпали газ и закрыли двери. 4 сентября рапортфюрер СС Палич с газовой маской на лице открыл двери бункеров и убедился, что некоторые узники ещё были живы. Досыпана была новая порция газа и двери снова закрыли. На следующий день, вечером 5 сентября, из блока 5а взяли 20 узников из штрафной команды и санитаров из больничных блоков. Всех их привели во двор блока № 11 и сказали, что они будут выполнять специальную работу, о которой нельзя никому рассказывать, а за нарушение тайны им грозит смерть. Им обещали дать после этой работы повышение продовольственных порций. Во дворе блока № 11 находились офицеры СС, члены освенцимской команды: Фрич, Майер, Палич и лагерный врач. Узникам дали газовые маски, они должны были сойти вниз, в бункеры и вынести оттуда трупы погибших от газа. Во дворе с трупов снимали военные мундиры, а тела грузили на телеги. Трупы узников были в белье. Тела погибших возили в крематорий до поздней ночи.

до глубины моего сознания, может быть потому, что я находился под сильным впечатлением от всей процедуры. Лучше я припоминаю себе уничтожение газом 900 русских; это было вскоре после этого, в старой крематории, потому что использование помещений 11 блока требовало слишком много приготовлений¹⁰⁹.

Пока шла разгрузка транспорта, в потолке морга этого крематория было сделано несколько отверстий. Русские должны были раздеваться в помещении перед моргом, а потом входить в него. Люди делали это совершенно спокойно, потому что им было сказано, что они должны пройти дезинфекцию. Морг смог вместить как раз такое количество людей, какое прибыло с транспортом. Как только все вошли, двери закрыли и через отверстия в потолке всыпали газ. Я не знаю долго ли умирали люди, но какие-то шорохи слышались довольно продолжительное время. Когда вбрасывали газ, несколько военнопленных догадались в чём дело и закричали. Их крики подхватили остальные, люди стали напирать на дверь изнутри, однако она выдержала этот напор.

Морг открыли только через несколько часов, помещение проветрили, и тогда первый раз я увидел в таком большом количестве трупы загазованных людей. Хотя я значительно хуже представлял себе смерть от газа, мне всё же стало не по себе — меня охватил страх. Смерть от газа всегда казалась мне особенно мучительной, потому что наступала в результате удушья, но на трупах не было видно никаких следов судорог. Как мне объяснили врачи, циклон Б парализует лёгкие и действие его так сильно и молниеносно, что не оставляет признаков удушья, как это бывает с углекислым газом или при смерти от недостатка кислорода.

Над вопросом уничтожения советских военнопленных я тогда не задумывался: таков был приказ и я обязан был его выполнить. Но я скажу открыто, что загазование этого транспорта успокоило меня: ведь скоро нужно было начать массовое уничтожение евреев, а ни я, ни Эйхман¹¹⁰, оба мы не знали точно каким способом можно это осуществить. Должны были применить какой-то газ, но не знали какой и как. А теперь мы нашли как газ, так и способ его применения.

Меня всегда охватывал страх, когда я думал о массовых расстрелах, особенно женщин и детей; я с трудом переносил массовые

¹⁰⁹ Это произошло тоже в сентябре 1941 г.: на 900 советских военнопленных было испытано действие газа в морге крематория № 1. Ни удушенные газом 3 сентября 600 советских военнопленных, ни следующие 900 не были внесены в лагерные регистрационные книги; учёт прибывших советских военнопленных начали вести только с октября 1941 г.

¹¹⁰ Начальник еврейского реферата в главном управлении имперской безопасности.

расстрелы заложников и другие экзекуции, производимые по приказу рейхсфюрера СС или гпавного управления имперской безопасности¹¹¹. Я стал спокойнее, потому что теперь мы могли обойтись без резни, крови, потому что жертвы не будут страдать до самых последних минут. Именно об этом думал я, когда вспоминал что рассказывал Эйхман о расстреле евреев солдатами оперативных отделов¹¹², вооружёнными автоматами и пистолетами. Происходили ужасные сцены: подстреленные пробовали убежать, а раненых, прежде всего детей и женщин, добивали.

Причиной частых самоубийств среди солдат оперативных отделений был постоянный вид крови, и это становилось невыносимым. Несколько солдат сошло с ума, а большинство, выполняя свою службу, поддерживало силы алкоголем. По рассказам Гефле¹¹³, подчинённые Глобоцника, нёвшие службу в местах массового уничтожения¹¹⁴ употребляли алкоголь в страшном количестве.

Весной 1942 года из Верхней Силезии прибыли первые эшелоны евреев, которых требовалось полностью уничтожить. Прямо с железнодорожной платформы их пригнали к бункеру I^{н 5}, на-

¹¹¹ Сказанное подтверждает, что в Освенциме имели место многочисленные казни заложников и массовые расстрелы гражданских лиц, особенно участников движения Сопротивления и советских военнопленных. Это подтверждает и Брод в своих воспоминаниях. (См. стр. 145).

¹¹² Оперативные отряды были частями т.н. „оперативных групп“, создание которых связывалось с нападением на Польшу. В 1939 г. было принято совместное решение главнокомандующего сухопутных войск и начальника полиции безопасности и службы безопасности (им был Гейдрих) о том, что в каждом военном соединении будет существовать специальная часть, состоящая из представителей полиции и СС. Задача этой части — выявление и уничтожение вредных элементов на территориях занимаемых Вермахтом на востоке. „Оперативные группы“ состояли из направленных туда членов гестапо, службы безопасности и уголовной полиции. На территорию Польши вступили 5 немецких армий, а следовательно было 5 оперативных групп плюс одна специальная оперативная группа, которая должна была контролировать и обеспечивать бесперебойную работу промышленных предприятий Верхней Силезии.

Особенно кровавую деятельность развели эти оперативные группы на территории СССР, она не ослабевала в течение всего оккупационного периода.

Приговор Американского военного трибунала в Нюрнберге от 10 апреля 1948 г. признал, что эти группы уничтожили 2 миллиона мужчин, женщин и детей. Во время этого процесса (№ IX) судили командующих этих оперативных групп.

¹¹³ Офицер штаба у группенфюрера СС Глобоцника.

¹¹⁴ Гесс имеет в виду лагерь уничтожения в Собиборе, Белжце, Трешлинке, а частично и в Майданеке. Там производили массовое уничтожение еврейского населения. Все эти центры находились в Любелском округе, где шефом полиции и СС был Глобоцник.

¹¹⁵ Бункер № 1, как и находящийся недалеко от него бункер № 2, был обыкновенным деревенским домом, пг Испособленным для уничтожения людей газом циклоном Б. Эти дома являлись первыми такого рода помещениями на территории Бжезинки. О процессе уничтожения людей в этих долах пишет Брод (см. стр. 164) и лагерный врач оберштурмфюрер СС И. Кремер (см. стр. 201).

ходившемуся на территории бывшей крестьянской усадьбы. Шли они через поля, где позднее был строительный участок III¹¹⁶. Их сопровождали Аумейер¹¹⁷, Палич и несколько начальников блоков; они беззаботно разговаривали с евреями, расспрашивая их о профессиях, о том, что они умеют делать. Этим они хотели ввести евреев в заблуждение.

Когда евреи пришли к бункеру, им было приказано раздеться. Вначале они спокойно входили в помещения, где должна была происходить „дезинфекция“, но вскоре несколько из них начало проявлять беспокойство и говорить о смерти от газа. Поднялась своего рода паника; евреев, находящихся ещё снаружи поспешили загнать в камеры и завинтили за ними дверь.

Когда приходили следующие транспорты, сразу же обращали внимание на беспокойных и не спускали с них глаз. Если замечали волнение, то сеявших его незаметно отводили за барак, и так, чтобы никто из евреев не видел, застреливали из мелкокалиберного пистолета. Само присутствие и спокойное поведение узников из зондеркоманды¹¹⁸ уменьшало волнение тех, которые предчувствовали что-то плохое; успокаивающе действовало и то обстоятельство, что узники из этой команды входили в бункеры и оста-

¹¹⁶ Лагерь в Бжезинке должен был состоять из четырех строительных участков. В 1942 г. отдали в эксплуатацию участок № I (там помещался мужской и женский лагеря); в 1943—44 гг. были отданы в эксплуатацию лагеря, находившиеся на строительном участке II (цыганский лагерь, мужской карантинный, мужской, мужской больничный, еврейский семейный лагерь, складские помещения и Депотлагерь, т.е. лагерь для венгерских евреев). В семейном еврейском лагере находились люди, привезённые из Терезиенштадта, а на складах названных „Эффектен-лагерь“ или „Канада“ хранили вещи, отобранные у евреев, привезённых в лагерь на уничтожение. В 1944 г. приступили к застройке III строительного участка; в незаконченных бараках в июне и июле 1944 г. жили еврейки, фамилии которых не были занесены в регистрационные лагерные книги. Лагерь этот называли тоже „Депотлагерь“ а потом „Мексика“. IV участок так и не был застроен. Срав. план лагеря.

¹¹⁷ После перевода Фрича занял его место: первого начальника лагеря.

¹¹⁸ Зондеркоманда (специальная команда) была занята на исключительно трудных и страшных работах: сжигание трупов в крематориях и на огромных кострах. В зондеркоманде были исключительно евреи, которых посылали туда прямо после прибытия в лагерь, а поэтому они абсолютно не могли себе представить, какую работу они будут выполнять. Довольно регулярно, с целью уничтожить живых свидетелей своих преступлений, гитлеровцы ликвидировали часть узников этой команды, а на их место брали вновьприбывших. Эсэсовцы оставляли основные кадры этой команды: капо и техников крематорных печей. Члены зондеркоманды жили в лучших условиях, чем остальные узники лагеря, но были абсолютно изолированы от своих товарищей, а за попытку установить контакт с лагерем им грозила смерть. Однако, несмотря на все принятые предосторожности, сведения о том, какую работу выполняла зондеркоманда просачивались не только в лагерь, но и за его пределы. Осталось в живых несколько узников этой команды, это Станислав Янковский (vel Альтер Фейнзильбер), Шлама Драгон, Генрик Таубер, Генрик Мандельсбаум, которые дали свои показания или даже опубликовали свои воспоминания, как, например, доктор Миклош Нишли („Лаборатория доктора Менгеле“). После войны на

вались там до самого конца, так же как и эсэсовец, стоявший у дверей.

Однако самым важным было сохранение порядка во время марша колонны евреев к бункеру и в раздевалке. Только без криков, только без спешки! Если кто-то не хотел раздеваться сам, прибежали к помощи уже раздевшихся или узников из зондеркоманды, стремившихся к тому, чтобы всё шло быстро и евреи не имели времени на размышления.

Усердная помощь зондеркоманды в этих обстоятельствах была чем-то единственным в своём роде. Я никогда не был свидетелем и никогда не слышал от других, чтобы члены этой команды хотя бы одним словом намекнули людям, предназначенным умереть от газа, о том, что их ждёт. Наоборот, они делали всё, чтобы их обмануть, и особенно успокоить тех, которые что-то предчувствовали. Если евреи не верили эсэсовцам, то доверяли узникам той же самой национальности. Обычно в зондеркоманду посылали исключительно тех евреев, которые были привезены из той же самой страны, откуда прибыл транспорт для газа; это делалось прежде всего для того, чтобы узники могли с ними разговаривать и успокаивать их. Приехавшие евреи просили рассказать о жизни в лагере, расспрашивали обычно, где находятся в данное время их знакомые и родственники, попавшие в предыдущие транспорты. Интересен был тот факт, как члены зондеркоманды обманывали своих соотечественников, с какой настойчивостью убеждали их и как жестами подкрепляли свои рассказы.¹¹⁹

Многие женщины прятали своих детей под кучами одежды; члены зондеркоманды обращали на это особое внимание и так долго уговаривали ту или иную женщину, что она в конце заби-

территории лагеря было найдено 6 рукописей, принадлежащих членам зондеркоманды; эти рукописи были зарыты около крематориев №№ II и III в Бжезинке. Они являются страшным обвинением, которое оставили после себя погибшие люди. Рукописи были опубликованы в специальном номере „Освенцимских тетрадей“ (№ II), они позволяют создать полную картину жизни и работы узников зондеркоманды.

¹¹⁹ То о чём говорит Гесс относится к эсэсовцам, которые несли свою службу на железнодорожной ветке и конвоирам колонн, движущихся к газовым камерам. Эсэсовцы, несущие специальную службу при разгрузке эшелонов, предназначенных к уничтожению, получали дополнительные порции водки, сигарет, колбасы и хлеба. Об этом ясно пишет в своем дневнике лагерный врач оберштурмфюрер СС Кремер (см. запись от 5 сентября 1942 г., стр. 201). Зондеркоманда не принимала участия в уничтожении людей, она очищала газовые камеры от трупов, сжигала их, выгребала пепел и вывозила его из крематориев. Кроме того члены зондеркоманды вырывали у трупов золотые зубы, отрезали волосы, искали на телах убитых спрятанные драгоценности. В декабре 1944 г. гитлеровцы, затирая следы своих преступлений, использовали узников из зондеркоманды при разрушении крематориев и земляных работах на участках, где были овраги и костры для сжигания трупов.

рала ребёнка с собой. Женщины прятали детей, боясь что дезинфекция может им повредить.

Маленькие дети, которых раздевали в таких непривычных для них условиях, обычно плакали, однако ласковые слова матери или узников из зондеркоманды успокаивали их; веселясь и дружелюбно переговариваясь, с игрушками в руках, они входили в газовые камеры. Я заметил, что женщины предчувствовавшие или несомневавшиеся в том, что их ждёт, несмотря на смертельную тревогу в глазах, ласково разговаривали и шутили с детьми, уговаривая их сделать то или другое.

Однажды какая-то женщина подошла ко мне, и, показывая на своих четверых детей, которые спокойно шли держась за ручки помогая этим самому маленькому идти по неровной земле, шепнула: „Как у вас хватает сил убить этих милых, красивых детей? Или у вас нет сердца?“

Какой-то старик, проходя около меня, сурово сказал: „Немцам придётся тяжело расплатиться за массовое уничтожение евреев“. Глаза его горели ненавистью. Он спокойно вошёл в газовую камеру не заботясь о других.

Одна молодая женщина обратила на себя моё внимание ещё во время селекции на платформе: она была очень взволнована и не похожа на еврейку. Около неё было двое детей. Теперь же она привлекла моё внимание тем, что очень охотно, то тут, то там, помогала раздеваться детям и старым женщинам. Детей с ней уже не было. До самого конца она была среди многодетных женщин, сердечно разговаривала с детьми и успокаивала их. Одной из последних вошла в газовую камеру, в дверях задержалась и сказала: „Я с самого начала знала, что в Освенциме нас ждёт смерть. Я не хотела быть причисленной к трудоспособным и поэтому взяла себе чужих детей. Я сознательно хотела пережить всё это до конца, полностью. Наверное это не продлится долго. Будьте здоровы!“¹²⁰

Иногда случалось, что раздеваясь, женщины начинали душе-раздирающе кричать, рвали на себе волосы, становились, как безумные. Тогда их быстро отводили за бункер и там убивали из мелкокалиберного пистолета выстрелом в затылок.

Бывало и так, что женщины, видя как выходят из камеры члены -зондеркоманды и понимая что должно наступить, посылали нам разные проклятия.

Я видел однажды, как одна женщина старалась выпихнуть из

¹²⁰ Прощание, о котором говорит Гесс, кажется маловероятным.

газовой камеры через ещё не совсем закрытую дверь, своих маленьких детей и просила с плачем: „Оставьте в живых хоть моих дорогих детей!“

Такие душераздирающие сцены не были редкостью и производили тяжёлое впечатление на всех присутствующих.

Весной 1942 года сотни здоровых людей проходили под цветущими фруктовыми деревьями крестьянской усадьбы, и чаще всего ничего не подозревая, шли на смерть в газовые камеры. Эта картина зарождающейся жизни и жизни уходящей ещё сегодня стоит перед моими глазами.

Уже во время селекции на железнодорожной платформе бывало много происшествий; мужчин отделяли от женщин и детей, семьи разбивались, людей охватывало волнение, беспокойство. Следовавший за этим отбор трудоспособных ещё более углублял это состояние. Конечно члены семей хотели быть вместе, отобранные возвращались к своим близким, а женщины с детьми старались присоединиться к мужьям или старшим детям, признанным трудоспособными.

Нередко все так перемешивались, что мы бывали вынуждены проводить повторную селекцию; у нас не было достаточно места, чтобы улучшить методы проведения отбора. Всякие пробы успокоить возбуждённых людей ни к чему не приводили и часто приходилось наводить порядок силой¹²¹.

Я уже говорил несколько раз, что у евреев сильно развиты родственные чувства, они цепляются друг за друга, как репейник. И всё-таки личные наблюдения позволяют мне утверждать, что им не хватает чувства товарищества и взаимопомощи. Можно было бы думать, что при таких обстоятельствах один должен охранять другого, помогать ему. Нет, наоборот: я часто встречался с этим лично и слышал от других, что евреи, особенно с Запада, давали адреса своих скрывающихся собратьев. Неизвестная женщина, уже находясь в газовой камере, крикнула младшему офицеру ещё один адрес какой-то еврейской семьи. Один мужчина — судя по одежде и манере поведения — из высшего общества, уже раздеваясь, протянул мне лист бумаги, на котором были записаны адреса многих голландских семей, укрывавших евреев.

Я не могу понять, что склонило этих людей к доносам; скрывалась ли причина этого в личной мести, в зависти или они просто не хотели, чтобы другие жили, когда их самих уже не будет.

Удивительным было и всё поведение членов зондеркоманды.

¹²¹ Об этом же рассказывает и Брод. См. отрывок из его воспоминаний, стр. 164.

Бжезинка. Селекция женщин и детей, прибывших в транспорте, направленном на уничтожение.
Фото СС.

Все они знали, что после окончания мероприятий их постигнет та же судьба, судьба тысяч их собратьев, при уничтожении которых они так хорошо помогали. И несмотря на это, они проявляли рвение которое меня всегда удивляло. Члены этой команды не только никогда не говорили жертвам о том, что их ждёт, не только заботливо помогали им раздеваться, но даже применяли силу к сопротивлявшимся, увозя их за барак и придерживая во время расстрела. Они вели свои жертвы так, чтобы те не могли видеть офицера стоявшего с пистолетом наготове и ожидавшего удобный момент, чтобы приложить его к затылку человека. Так же поступали они с инвалидами и больными, которые не могли дойти до газовой камеры; члены зондеркоманды делали это так естественно, словно сами были ответственны за проведение экстерминации.

Они вытаскивали трупы из газовых камер, вырывали у них золотые зубы, обрезали волосы, тащили в ямы или везли в печи. Они поддерживали огонь в этих ямах, они полевали трупы жиром, и наконец, они шевелили горящие трупы, чтобы обеспечить прилив воздуха.

Они выполняли все эти работы как бы с тупым равнодушием, словно это было что-то обыкновенное; во время работы они ели или курили. Даже при такой страшной работе, как сжигание полуразложившихся трупов в массовых могилах^{12*}, они не переставали есть.

Бывало, что среди уже погибших в газовых камерах или идущих туда, кто-то из зондеркоманды видел своих близких. Безусловно эти люди страдали, и однако не было никаких проявлений недовольства. Я был свидетелем такого случая.

Вытаскивая трупы из газовой камеры, находящейся в крестьянском домике, один из членов зондеркоманды вдруг остановился, как вкопанный, простоял так несколько секунд, а потом двинулся за остальными товарищами, несшими трупы. Я спросил капо, что произошло и тот ответил, что этот человек увидел труп своей жены. Я ещё некоторое время наблюдал за этим узником, но его поведение не отличалось ничем особенным: он спокойно, как и раньше, таскал трупы. Немного позже я вновь пришёл в эту команду, узник сидел вместе с другими и ел, словно ничего не произошло. Смог ли он так глубоко скрыть своё волнение или так уже притупились его чувства, что даже такой факт не смог его взволновать?

Что давало евреям из зондеркоманды силы для выполнения такой страшной работы днём и ночью, беспрестанно? Рассчитывали ли они на какой-то особенный случай, который позволит им счастливо проскользнуть совсем близко от смерти? Или уже так оступели и ослабли от всех ужасов, что не имели сил покончить с собой, чтобы избежать такого „существования“?¹²³

Наблюдая за ними очень внимательно, я всё-таки яе смог понять до конца их поведения. Жизнь и смерть евреев поставила передо мной не одну загадку, которую я не был в состоянии разгадать.

Ко всему рассказанному я мог бы ещё добавить бессчётное количество других фактов, но всё вместе взятое только частично, в недостаточной степени может освятить ход массового уничтожения евреев.

Те, которые принимали участие в этом массовом убийстве, те,

¹²² В начале 1942 г., когда было приступлено к массовому уничтожению в бункерах №№ 1 и 2 в Бжезинке, трупы погибших закапывали в огромных специальных ямах. Гесс говорит здесь о другой зондеркоманде, которая с осени 1942 г. стала выкапывать и сжигать трупы, зарытые первой зондеркомандой.

¹²³ Анализ психики узника, члена зондеркоманды, пробует сделать в своей рукописи один из членов этой команды, Залмен Левенталь; рукопись была опубликована в „Освенцимских тетрадах“ (№ II). Она свидетельствует о нечеловеческих отношениях ээсовцев к людям призывным в лагерь.

до сознания которых дошло оно со всеми вытекающими последствиями, не могли оставаться равнодушными.

Всем — за немногим исключением — направленным на эту страшную „работу“, на эту „службу“, а также и мне, происшедшие события дали много пищи для размышления. Во время моих контрольных обходов мест массового уничтожения, сослуживцы, участвовавшие в экстерминации, подходили ко мне, чтобы поговорить, поделиться впечатлениями; они хотели, чтобы я их успокоил, чтобы рассеял их сомнения. В своих откровенных разговорах они ставили один и тот же вопрос: существует ли крайняя необходимость во всём этом, нужно ли это делать? Надо ли уничтожать сотни тысяч женщин и детей? А я, в глубине души задававший себе тот же вопрос бессчётное количество раз, я обязан был ссылаться на приказ фюрера и таким способом успокаивать их. Было моим долгом говорить, что уничтожение евреев является необходимостью, что это нужно для Германии, что этим мы избавим навсегда наших потомков от самых злейших врагов.

Безусловно, что приказ фюрера и обязательность его выполнения членами СС являлись фактами бесспорными, но людей однако преследовали сомнения. Я же в любом случае не мог признаться в них. Чтобы помочь остальным я должен был продемонстрировать непоколебимую уверенность в справедливость и необходимость этого неукоснительного и твёрдого приказа.

Все наблюдали за мной, стараясь угадать какое впечатление производят на меня описанные сцены, и мою реакцию на них; наблюдали именно с этой точки зрения и обсуждали каждое моё слово. Я обязан был очень хорошо владеть соб^й, чтобы под влиянием нервного возбуждения от всего увиденного, не выдать собственных сомнений. Я должен был казаться холодным, бессердечным и бесстрастным смотря на происходившее, от которого у каждого сжималось сердце, если в нём ещё были человеческие чувства. Я даже не мог отвернуться, когда меня охватило обыкновенное человеческое волнение; я должен был на всё смотреть равнодушно. Я обязан был спокойно смотреть на то, как матери с плачущими или смеющимися детьми шли в газовые камеры.

Однажды двое мальшей так увлеклись игрой, что мать не могла их оторвать от неё; и даже евреи из зондеркоманды не хотели забрать детей. Никогда не забуду взгляда этой матери, молящего о пощаде: она знало, что всех их ждёт. Евреи находившиеся в газовой камере начинали уже волноваться, и я должен был действовать. Все смотрели на меня, я сделал знак одному из офицеров. Он взял на руки упирающихся детей и под душераздирающие

рыдания матери, идущей сзади, отнёс малышей в газовую камеру. Под влиянием сочувствия я охотнее всего провалился бы под землю, но мне нельзя было показывать свои чувства.

Смотреть на всё — было моим долгом. Днём и ночью присутствовал я при вытаскивании трупов из газовых камер и сжигании их, часами наблюдал я за вырыванием золотых зубов, за тем, как отрезали волосы и проделывали другие ужасные процедуры. Много часов провёл я среди отвратительного запаха, когда вскрывали старые массовые могилы и сжигали полуразложившиеся трупы.

Лагерные врачи дали мне понять, что я должен собственными глазами увидеть процесс уничтожения газом, и в результате я должен был смотреть через окошко газовой камеры на то, как умирают люди.

Время от времени рейхсфюрер СС присылал в Освенцим видных деятелей партии или СС, которые знакомились с ходом операции массового уничтожения евреев¹²⁴; среди них нередко бывали активные сторонники этого мероприятия. Всё увиденное производило на них сильное впечатление, они становились молчаливыми и тихими при виде „окончательного решения еврейского вопроса”. Нередко они спрашивали меня, как я и мои подчинённые можем всё время смотреть на этэ, как у нас хватает сил выдержать. Я всегда отвечал, что приказ фюрера должен быть выполнен с железной последовательностью, и поэтому все человеческие чувства должны исчезнуть. Каждый из этих визитёров говорил, что не хотел бы выполнять такого задания; даже Мильднер¹²⁵ и Эйхман, которые без всякого сомнения были толстокожими, не хотели поменяться со мной местами. Никто мне не завидовал.

Часто я подолгу разговаривал с Эйхманом обо всём, что касалось „окончательного решения еврейского вопроса”, но я никогда не показывал своих тяжёлых внутренних переживаний. Всеми способами я старался узнать, как сам Эйхман смотрит на это „окончательное решение”. Однако у Эйхмана не было сомнений, он был совершенно одержим идеей уничтожения всех евреев, которые попали и ещё могли попасть в руки. Он не менял своей точки зре-

¹²¹ В Освенциме были и присутствовали при уничтожении людей в газовых камерах: 16 июня 1942 г. группенфюрер СС Глюке; 17 июля 1942 — рейхсфюрер СС Гиммлер; 11 сентября 1942 г. штандартенфюрер СС Энно Лоллинг — начальник санитарного отдела главного хозяйственно-административного управления; 23 сентября 1942 г. группенфюрер СС Поль; 25 сентября 1942 г. доктор медицины проф. Эрнст фон Гравец — главный врач СС, руководитель главного-санитарного управления СС и представитель немецкого Красного креста, а кроме того, оберштурмбанфюрер СС А юльф Эйхман, группенфюрер СС Глобонник и другие.

¹²⁵ Начальник государственной полиции в Катовицах.

ния ни тогда, когда мы были одни, ни тогда, когда находился в состоянии сильного опьянения. „Мы должны как можно быстрее, безжалостнее, с холодным равнодушием произвести уничтожение евреев, потому что проявление любой мягкости сейчас, позднее выльется в суровую месть по отношению к нам“. Перед лицом такой беспощадной последовательности я должен был похоронить все свои человеческие „тормоза“, как можно глубже.

Да, я должен признаться, что мои человеческие эмоции казались мне, после таких разговоров с Эйхманом, почти что изменой фюреру. Я не мог найти выхода из своих душевных мук. Я был обязан продолжать руководить мероприятиями по уничтожению, массовыми убийствами; и я продолжал равнодушно смотреть на то, что трогало меня очень глубоко. Я был вынужден хладнокровно относиться ко всему, хотя даже самые незначительные детали не доходящие часто до сознания других, оставались в моей памяти. [...]

Если я был чем-то взволнован слишком сильно, то не мог вернуться домой, в мою семью. Я садился на лошадь и в бешеной скачке старался отогнать страшные картины. Часто среди ночи я шёл в конюшню и там, среди своих любимцев, мне удавалось отыскать покой.

Бывало и так, что находясь дома, я вдруг обращался в своих мыслях к каким-то деталям экстерминации, и тогда я вынужден был уйти: я не мог выдержать в сердечной семейной обстановке. Я смотрел на веселых, играющих детей, на счастливую жену с младшей дочкой и мне не раз приходила в голову мысль о том, долго ли ещё будет продолжаться наше счастье. Моя жена никогда не могла объяснить себе почему я так часто бываю угрюмым и приписывала это неприятностям по службе.

Присутствуя ночью при разгрузке эшелонов с людьми, находясь рядом с газовыми камерами и кострами на которых горели трупы, я часто думал о своей жене и детях, не связывая однако этих мыслей со всем происходящим вокруг. Нередко то же самое слышал я от своих подчинённых, которые были женаты, и несли службу при крематориях. Когда видишь женщин с детьми, которые идут в газовые камеры, невозможно избавиться от мыслей о собственной семье.

Я забыл что такое счастье с того момента, когда в Освенциме приступили к массовому уничтожению евреев. Я не был доволен собой. Неизвестно было когда кончится всё это и когда я смогу выполнить свою основную задачу; нельзя было полагаться на тех, которые должны были помогать мне в работе. Подчинённые не

Освенцим. Вилла в которой жил Рудольф Гесс со своей семьей. Так она выглядит в настоящее время. Фото Тадеуш Киновский.

понимали меня и не хотели выслушивать. Положение, в котором я находился не было ни приятным, ни завидным. И всё-таки все в Освенциме думали, что коменданту живётся хорошо.

Это правда, что моей семье было хорошо в Освенциме. Выполнялось каждое желание моей жены и детей. Дети могли играть, сколько хотели, у жены было столько любимых цветов, что она чувствовала себя, как в раю.

Узники старались изо всех сил делать приятное жене и детям, стараясь оказать им хоть какую-нибудь услугу. Мне кажется, что никто из узников не мог бы сказать, что в нашем доме к нему относились плохо. Моя жена охотнее всего сделала бы подарок

Р

каждому, работавшему в нашем доме. Дети постоянно просили у меня сигареты для узников. Особенно сильно они привязались к садовникам.

Вся наша семья отличалась необыкновенной любовью ко всему, что было связано с природой; все мы особенно сильно любили животных. Каждое воскресенье я ездил с женой и детьми по полям, ходили по конюшням, невозможно было обойти и псарни. Больше всего мы любили двух наших лошадей и жеребёнка. У детей в саду всегда были редкие животные, которых приносили узники. Это были черепахи, куницы, кошки, маленькие ящерицы. Летом дети плескались в садовом бассейне или в реке Соле. Самой большой радостью для них было, когда и я купался вместе с ними. Но у меня было слишком мало времени для моих детей.

Сейчас я горько жалею о том, что не посвятил больше времени своей семье, но я всегда думал, что моё первостепенное дело — служба. Это преувеличенное чувство обязанности делало мою и так нелёгкую жизнь ещё более невыносимой. Моя жена постоянно остерегала меня говоря: „Не думай всё время о службе, думай также и о своей семье“. Но что могла знать моя жена о настоящей причине моего угнетённого состояния. Она никогда об этом не узнала.

„ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА“ В КОНЦЕНТРАЦИОННОМ ЛАГЕРЕ ОСВЕНЦИМ.

Летом 1941 года — не могу сейчас точно указать ни месяца, ни числа — я был неожиданно вызван к рейхсфюреру СС в Берлин. Этот вызов был сделан непосредственно через секретариат его адъютантуры. Гиммлер принял меня один на один, без адъютанта, что не соответствовало его обычаям, и объявил следующее:

Фюрер потребовал окончательно решить еврейский вопрос, и мы, члены СС, должны выполнить этот приказ. Центры уничтожения, существующие на востоке¹, не смогут справиться с теми мероприятиями, которые должны быть проведены в широком масштабе. Поэтому я пришёл к выводу, что Освенцим поможет нам решить эту задачу и достигнуть намеченной цели; я выбрал его не только потому, что он хорошо расположен с точки зрения коммуникации, но ещё и потому, что его территорию можно легко изолировать и замаскировать. Сначала я хотел доверить выполнение этого задания одному из высших офицеров СС, но позже я отказался от этой мысли, стараясь заранее избежать трудностей при разграничении компетенций. Я решил доверить вам выполнение этого приказа; это дело очень трудное и тяжёлое, требующее абсолютного посвящения несмотря ни на какие препятствия, которые могут возникнуть. Подробности вы узнаете от штурмбакфюрера СС Эйхмана из главного управления имперской безопасности, который в ближайшее время явится к вам. Когда придёт время, я дам соответствующие указания управлениям, которые примут участие в выполнении этого задания.

Этот приказ вы должны сохранять в строжайшей тайне даже от своих начальников. После разговора с Эйхманом вы должны срочно прислать мне чертежи проектированного устройства. Евреи объявлены врагами немецкого народа и они должны быть уничтожены; все евреи, которые попадут в наши руки во время войны, будут уничтожены без всякого исключения. Если теперь нам не удастся уничтожить биологических сил еврейства, то с будущим еврей уничтожат немецкий народ.

Получив такой важный приказ, я немедленно возвратился

¹ Вероятнее всего Гиммлер имел в виду территорию Советского Союза, где специальные оперативные группы „ликвидировали“ гражданское население, которое считалось „нежелательным элементом“. Сначала эта „ликвидация“ осуществлялась при помощи массовых расстрелов, а позже люден убивали выхлопными газами в специально оборудованных грузовых машинах (душегубках).

в Освенцим, не явившись даже к моему непосредственному начальству в Ораниенбурге.

Вскоре после этого ко мне в Освенцим приехал Эйхман и посвятил меня в планы мероприятий, которые должны были быть проведены в отдельных странах; сейчас я уже не могу точно сказать в каком порядке это должно было осуществляться, но на первом месте была восточная часть Верхней Силезии и прилегающие к ней территории Генерального губернаторства. Позже, в зависимости от обстоятельств, одновременно евреи из Германии и Чехословакии, а потом с запада: Франции, Бельгии, Голландии. Эйхман назвал также приблизительные цифры транспортов, только я уже не могу их вспомнить. Говорили мы и о способе уничтожения; во внимание принимался только газ, потому что ликвидация такого количества людей, которые мы предполагали, абсолютно не могла быть осуществлена путём расстрела. К тому же присутствие детей и женщин было бы тяжёлым фактом для эсэсовцев, которые должны были бы участвовать в расстреливании.

Эйхман познакомил меня с методом уничтожения людей выхлопными газами в специальных грузовых машинах². Так делали в то время на востоке. Но это невозможно было бы применить к тем массовым транспортам, которые планировались для Освенцима. Уничтожение углекислым газом, при помощи душей и ванн, как это делалось с душевнобольными в некоторых центрах в Германии³, потребовало бы большого количества построек; к тому же

² Официально эти машины назывались „зондерваген“ (специальная машина). Эти машины-газовые камеры употребляли уже в марте 1940 года на территории, т.н. земли Варты. В них убивали душевнобольных из больницы „Кохановка“ около Лодзи. В сентябре 1941 года эти „душегубки“ были использованы при уничтожении евреев в лесу около Казимежа Бискупьего, в 40 км. от Хелмна. Машины эти были привезены из Берлина. В результате исследований, проведенных после войны, удалось установить, что были два типа таких машин: один — небольшого размера, для 80—100 человек и второй — для 150 человек. Кузовы этих машин были сделаны из плотно прилегающих одна к другой досок, внутри они были обиты листовым железом; двери, расположенные в конце кузова, не имели никаких щелей, что делало невозможным доступ воздуха. Труба по которой поступали выхлопные газы помещалась под кузовом и входила в него, ровно в половине своей длины, через пол. Чтобы труба не засорилась, отверстие её было прикрыто железной сеткой. Внутри кузова на полу была деревянная решётка. Водители такой машины проходили специальную подготовку.

³ Не только с душевнобольными. 28 июля 1941 года по приказу Гимmlера в Освенцим прибыла специальная комиссия в состав которой входил доктор Хорст Шуман. Этой комиссии были переданы все инвалиды, слабоумные, хронически больные, которые были отобраны среди заключённых под видом того, что они будут переведены в другой лагерь на более лёгкую работу. По приказу доктора Шумана этот транспорт (575 узников) отвёз начальник рапорта Геслер в психиатрическую больницу в Зонненштейн. Согласно отчёту Геслера, который был сделан Гессу, эти узники были уничтожены в бане углекислым газом, который впускали через душевые отверстия.

доставки газа для такого количества людей, были бы делом очень проблематичным. В этом вопросе мы не приняли никакого решения. Эйхман хотел узнать о каком-то газе, применение которого не требовало бы специальных помещений⁴, а доставка не была бы трудной.

Мы объехали территорию лагеря, чтобы выбрать место, и решили, что для нашей цели подходит крестьянская усадьба⁵, лежащая на северо-западе; позднее это был внешний строительный участок III в Бжезинке. Усадьба лежала в отдалении, её загоразживал лес и заросли, и в то же время она не была отрезана от железной дороги. Трупы можно было бы закапывать в глубоких длинных ямах на большой поляне. В то время мы ещё не думали о сжигании трупов. Мы высчитали, что в помещениях, которые были там — при условии законопачивания щелей — будет можно уничтожать за один раз соответствующим газом, около 800 человек. Этот подсчёт оказался позднее правильным.

Эйхман ещё не мог указать мне точной даты начала этих мероприятий по уничтожению евреев, потому что всё находилось ещё в стадии приготовления, и рейхсфюрер СС не выдал указаний приступить к их выполнению.

Эйхмай возвратился в Берлин, чтобы отчитаться перед рейхсфюрером СС о наших переговорах. Через несколько дней я послал Гиммлеру с курьером план расположения и детальный чертёж оборудования. Я никогда не получил ответа или решения по этому делу; только Эйхман когда-то позднее сказал мне, что рейхсфюрер СС согласен с этим проектом.

В конце ноября в Берлине в кабинете Эйхмана состоялась конференция всего еврейского реферата, на которую вызвали и меня. Представители Эйхмана в разных странах сделали отчёты о том, как проходят антиеврейские мероприятия, какие трудности встречаются при их приведении в жизнь, например, проблема помещений для арестованных, подготовка железнодорожных составов, расписание поездов-транспортов. Я не мог узнать, когда начнётся это огромное мероприятие, кроме того, Эйхман не нашёл ещё подходящего газа⁶.

Осенью 1941 года на основе тайного приказа, гестапо ро-

⁴ Из воспоминаний Гесса вытекает, что этот приезд Эйхмана имел место до 3 сентября 1941 года, т.е. перед первой пробой уничтожения газом в подземельях блока № 11.

⁵ Речь идёт о бункере № 1 — первая газовая камера, где убивали циклоном Б. Это было в специально приспособленной крестьянской усадьбе, которая принадлежала выселенным уже крестьянам Вихаю и Рыдзюню.

⁶ Кажется, что автор перепутал время описанных здесь фактов. Если конференция была в ноябре, то может быть Гесс не сказал Эйхману о первом применении газа циклона Б третьего сентября. Однако возможно, что конференция была именно в начале сентября, потому что нем-

Общий вид Бжезинки. Фото сделано после освобождения лагеря.

зЫскивало в военных лагерях русских „политруков“, комиссаров и важных политических деятелей, все указанные лица были переданы в ближайшие концентрационные лагеря в целях уничтожения⁷. В Освенцим в обыкновенном порядке приходили небольшие транспорты с этими военнопленными; их расстреливали в ямах откуда был выбран гравий. Ямы эти находились около зданий Монополии⁸. Расстрелы этих людей производили и во дворе блока 11. Во время одной из моих служебных командировок, гауптштурмфюрер СС Фрич, мой заместитель, по собственной инициативе применил газ при уничтожении советских военнопленных⁹. Он приказал поместить военнопленных

юго далее автор вспоминает: „Во вреџ следующего приезда Эйхмана в Освенцим, я сообщил ему и применении циклона Б; мы решили, что будем использовать этот газ во время мероприятия 10 массовому уничтожению евреев“. См. стр. 103.

⁷ См. „Воспоминания“ Гесса, стр. 84, примеч. 104.

⁸ Речь иџдет о зданиях, находившихся на территории материнского лагеря, которые до этого принадлежали Табачной монополии.

⁹ Описанная здесь первая проба применения газа во время отсутствия Гесса уже была прокомментирована. См. стр. 85, примеч. 106.

в камеры, находящиеся в подвалах и, надев противогаз, Фрич бросил в камеры газ циклон Б, который незамедлительно вызвал смерть.

Газ циклон Б употреблялся в Освенциме фирмой „Теш унд Штабснов“ для борьбы с паразитами, и поэтому администрация лагеря всегда имела на складах какое-то число банок с этим газом. Вначале, этот газ могли применять только служащие фирмы „Теш унд Штабсенов“, принимая при этом максимальные меры предосторожности. Однако позднее несколько санитаров прошли специальную подготовку в этой фирме и стали дезинфекторами³⁰, употребляющими этот газ при борьбе с различными паразитами.

Во время следующего приезда Эйхмана в Освенцим, я сообщил ему о применении циклона Б; мы решили, что будем использовать этот газ во время мероприятий по массовому уничтожению евреев. Применение этого газа на советских военнопленных продолжалось, но теперь уже не в блоке 11, где после каждого газования нужно было проветривать все помещения по крайней мере два дня.

³⁰ Это были эсэсшцы, прошедшие специальную подготовку.

В качестве газовой камеры воспользовались моргом при крематории¹¹, двери тщательно законопатили, а в потолке пробили отверстия через которые вбрасывали газ.

Однако я припоминаю себе только один транспорт с советскими военнопленными, в нём было **900** человек и они были уничтожены в этом помещении; сжигание их трупов длилось несколько дней. В крестьянской усадьбе, которая была специально приспособлена для уничтожения евреев, русских не уничтожали.

Я не могу сказать, когда началось уничтожение евреев, возможно это было еще в декабре **1941** года, а может быть только в январе 1942 г.; вначале это были евреи из восточной части Верхней Силезии, арестованные по приказу катовицкого штата¹². Эти транспорты разгружались на железнодорожной ветке Освенцим-Дзедзице, насколько я ещё помню, каждый из них насчитывая не более, чем **1000** человек.

На железнодорожной платформе члены лагерной команды СС принимали евреев от конвоиров, а потом, под наблюдением начальника лагеря, евреев в двух группах, отводили в „бункер” — так было названо место уничтожения. Багаж оставался на платформе, потом его перевозили на сортировочные склады, называемые „Каладэй”. Они находились между оружейными заводами¹³ и складом строительных материалов¹⁴. Евреи должны были раздеваться эколо бункера, им говорили, что они должны пройти дезинсекцию, отвшение. Все помещения, а их было пять, заполняли иодьми одновременно, затем тщательно завинчивали двери, и во штурь помещений, через специальные отверстия сыпали из короек газ циклон Б. Через полчаса двери открывали — в каждой гзбе было двое дверей — вытаскивали трупы, грузили их на шатформы узкоколейки и вывозили в ямы. Грузовые машины ввозили одежду на сортировочные склады.

Всю эту работу — помощь при раздевании, заполнение бункера, чистка бункера, вывозка трупов, выкапывание ям и их засыпка — **исе** это выполнята зондеркоманда, состоявшая из евреев, которые

¹¹ Речь идёт о старом крематории под номером I; он находился в Освенциме I напротив госпиши для эссовцев.

¹² Государственная полиция (штатсполицей — штапо) — название политической полиции, отличие от полиции уголовной и полиции порядка.

В гитлеровской Германии это была тайная государственная полиция (гехейме штатсполицей — гестапо), ас 1936года полиция безопасности (зихерхейтполицией — зиппо), объединившая стапо и уголовную полицию.

¹³ Находились в материнском лагере и официально назывались Дейче Аустритунгсверке ;АВ). ВХОДИЛИ В концерн, который был собственностью СС, там работали освенцимские узники.

¹⁴ Находились в материнском лагере в Освенциме. См. план.

жили в специальных помещениях. Согласно плану Эйхмана, они тоже должны были быть уничтожены после выполнения определённого количества такого рода работы.

Уже во время уничтожения первых еврейских транспортов Эйхман привёз приказ рейхсфюрера СС, согласно которому у всех трупов нужно было вырывать золотые зубы¹⁵, а у женских — срезать волосы¹⁶. И эту работу выполняла зондеркоманда.

В то время ответственным за выполнение мероприятий по уничтожению был начальник лагеря¹⁷ или начальник рапорта³⁸. Больных, которых невозможно было ввести в газовую камеру, убивали выстрелом в затылок из мелкокалиберного оружия. При этом должен был присутствовать врач СС; газ вбрасывали специально подготовленные дезинфекторы санитарной службы.

В то время, как весной 1942 года мероприятия по уничтожению не были ещё многочисленными, летом того же года число транспортов так возросло, что мы должны были оборудовать новые места уничтожения. Была выбрана крестьянская усадьба¹⁹, лежащая на запад от будущих крематориев III [IV] и IV [V]²⁰; там было установлено необходимое оборудование. Около бункера I были построены два барака, а рядом с бункером II три барака-раздевалки. Бункер II был больше и мог вместить приблизительно 1200 человек.

¹⁵ Сначала золотые зубы перетапливали зубные врач-эззовцы. Когда в строй вступил крематорий III там сделали специальную мастерскую для перетапливания золота, работали в ней только члены зондеркоманды. Золотые слитки высылали в главное санитарное управление СС.

¹⁶ У женских трупов отрезали волосы, потом их сушили на крышах крематориев, паковали в мешки и отсылали в глубь Германии на фабрики, где из них делали фетр и портняжный волос. На основе расследований известно о существовании следующих фабрик, перерабатывавших, человеческие волосы:

фирма Хельд в Фридланде (сейчас Мершов недалеко от Вроцлава),

фирма Алекс Цинк в Рот недалеко от Нюрнберга,

красильная фабрика акционерного товарищества Форст в Лаузиц,

фетровая фабрика в Катшер (теперь Силезская фабрика плюша и ковров в Кетже).

Вероятно концентрационный лагерь Освенцим высылал волосы на фабрики находящиеся в Баварии и в Силезии. Фирмы, покупавшие волосы, платили по 0,50 марки за килограмм. После освобождения лагеря на его территории было найдено в мешках 7000 кг волос, которые лагерные власти уже не успели вывезти.

¹⁷ В то время эту должность занимал гауптштурмфюрер СС Ганс Аумейер.

¹⁸ В то время это был гауптштурмфюрер СС Герард Палич.

¹⁹ Речь идёт о бункере 2 приспособленном под газовую камеру, оборудованную на территории крестьянской усадьбы, принадлежавшей выселенному крестьянину Гармату.

²⁰ С целью сохранить немецкую нумерацию крематориев, употребляемую в официальных гитлеровских документах, а также нумерацию принятую в изданиях Освенцимского музея, в тексте рядом с номерами крематориев в Бжезинке, данных Гессом, указывается в квадратных скобках первоначальная нумерация употребляемая в планах-оригиналах.

1942 года трупы закапывали в братских могилах; только в конце лета их стали сжигать, сначала на кострах, на которые клали около 2000 трупов, а позже сжигание происходило в ямах, где ранее уже хоронили. Вначале трупы обливали нефтяными продуктами, а позже метанолом; их жгли непрерывно днём и ночью. В конце ноября массовые могилы были пусты. Число похороненных в массовых могилах равнялось 107000. В это число входили не только загазованные, начиная с первых транспортов до времени, когда трупы стали сжигать, но и тела заключённых умерших в Освенциме зимой 1941—1942 годов; в этот период долго не работал крематорий при реви́ре. В это же число входили также все умершие в Бжезинке.

Рейхсфюрер СС во время своего посещения Освенцима лето» 1942 года внимательно наблюдал весь ход операции по уничтожению, начиная с разгрузки транспорта на железнодорожной ветке до вытаскивания трупов из бункера II. В то время трупы ещё не сжигали. Он не задавал вопросов, вообще не разговаривал на эту тему. При этом присутствовали гаулейтер Брахт и обергруппенфюрер Шмаузер²¹.

Вскоре после посещения Гимmlера приехал штандартенфюрер СС Блобель²² из управления Эйхмана и привёз приказ, согласно которому было необходимо очистить все массовые могилы и сжечь трупы. К тому же с пеплом нужно было поступать так, чтобы в будущем было невозможно определить число погибших.

В Хелмне²³ Блобель уже испробовал разные способы сжигания трупов и Эйхман приказал ему показать мне эти устройства. С этой целью вместе с Геслером я поехал в Хелмно²⁴. По приказу Блобеля там были построены временные печи разного типа. Сжигание производилось с помощью бензина и дров; были сделаны пробы уничтожения трупов с помощью взрывчатых материалов, но это не дало положительных результатов. Пепел рассыпали по лесистой

²¹ Главный командующий полиции юго-восточного округа СС во Вроцлаве.

²² Один из начальников зондеркоманд, входящих в состав оперативных групп, действовавших на Востоке.

²³ Хелмно на Нере (Кольский район, воеводство Познаньское). Организация центра массового уничтожения началась в ноябре 1941 года. Он вступил в действие 8 декабря 1941 года; жертвы уничтожали в специальных машинах выхлопными газами. Трупы сжигали в Жуховских лесах около шоссе между Колом и Домбьем. Общее число уничтоженных в Хелмне равняется около 360 тыс. человек; это были главным образом евреи из Лодзкого и Познаньского воеводства и дети из Замойщины, из Чехословакии (деревня Лидице), а кроме того поляки, схваченные в уличных облавах и старики из дома для престарелых во Влоцлавке.

²⁴ Выезд был 16 сентября 1942 г. Гесса сопровождали унтерштурмфюреры СС Геслер и Вальтер Деяко.

территории, причём до этого кости подвергали перемолке, превращая их в порошок.

Штандартенфюрер Блобель получил приказ отыскать и уничтожить все массовые могилы на востоке; его штаб носил шифр 1005²⁵. Работы, связанные с этим приказом, выполнялись командами, состоящими из евреев, которых расстреливали после окончания каждого участка работ. Концентрационный лагерь Освенцим был обязан постоянно доставлять евреев в отряды штаба 1005.

Будучи в Хелмне я видел тамошние приспособления для уничтожения людей — грузовые машины, оборудованные так, что в них уничтожали людей выхлопными газами. Однако начальник команды²⁰, выражая своё мнение об этом способе уничтожения, назвал его очень ненадёжным, потому что газ образовывался нерегулярно и его количество часто было недостаточным, чтобы вызвать смерть.

Я не мог узнать сколько трупов было в массовых могилах в Хелмне и сколько из них уже было сожжено. Штандартенфюрер Блобель прекрасно знал количество массовых могил на востоке, но он был обязан сохранять это в строжайшей тайне.

Первоначально, согласно приказу рейхсфюрера СС, все еврея, направляемые в Освенцим ведомством Эйхмана, должны были быть уничтожены; именно так поступали с евреями из Верхней Силезии^{*7}. Однако когда стали приходиться в Освенцим первые транспорты с немецкими евреями, был получен приказ отбирать среди евреев трудоспособных мужчин и женщин и посылать их работать на предприятия военной промышленности. Этот приказ был выдан ещё до организации женского лагеря²⁸ и необходимость

²⁰ Имеется в виду „зондеркомандо 1005“ — „бригада смерти“, целью которой было очистить Львовский округ от массовых могил, сжечь находившиеся в них трупы и затереть все следы убийств, оставленные на этой территории. Описание операции этой бригады содержит дневник Леона vel Арье Лейба Величкера, включённого в эту команду вместе с другими евреями. Он находился в „зондеркомандо 1005“ с 15 июня до 20 ноября 1943 года, когда ему удалось сбежать в Кживицкий лес, где работала в то время бригада.

Леон Величкер: „Бригада смерти (Зондеркомандо 1005)“. Дневник. Лодзь 1946, издательство Главной еврейской исторической комиссии при Центральном комитете польских евреев.

²⁵ Гесс говорит о начальнике зондеркоманды.

²⁸ Еврейские транспорты из Верхней Силезии уничтожались в январе 1942 года в бункере № 1 в Бжезинке.

* Гесс ошибается. Женский лагерь в Бжезинке ("В1а") вступил в действие в августе 1942 года. Первые транспорты немецких евреев пришли значительно позже, в октябре того же года. В этих эшелонах были евреи из разных немецких концентрационных лагерей; это было в период, когда все лагеря „очищались“ от узников-евреев. Еврейское же население из Германии стали привозить а лагерь только с февраля 1943 года.

организации такого лагеря в Освенциме встала именно в связи с этим приказом.

На территории концентрационных лагерей было построено много предприятий оборонного значения. Узников посылали работать на оружейные фабрики, находившиеся и за границами лагерей. В результате всего этого вдруг обнаружилась нехватка узников, в то время как ещё недавно коменданты лагерей, находившихся в Германии, должны были прикладывать много стараний, чтобы найти работу для узников.

Евреи могли работать только в Освенциме, Освецим-Бжезинка должен был быть чисто еврейским лагерем; узников других национальностей нужно было перевести в другие концентрационные лагеря. Этот приказ никогда до конца не был приведён в жизнь; из-за недостатка рабочей силы евреев посылали работать и на военные предприятия находившиеся за территорией лагеря.

Кто из евреев трудоспособен, а кто — нет должны были определять врачи СС, однако не раз это делалось начальником лагеря или начальником трудового отдела. Это происходило без моего согласия и я даже не знал об этом. В связи с этим часто доходило до трений между врачами СС и начальниками трудового отдела. В лагере обнаруживались разные точки зрения среди офицеров. Эти различия во взглядах углублялись ещё более тем фактом, что даже наивысшие власти Берлина истолковывали приказ рейхсфюрера СС противоречиво.

Сторонники Эйхмана и Мюллера²⁹ в главном управлении имперской безопасности были глубоко заинтересованы в уничтожении как можно большего числа евреев. Главный врач СС³⁰, дававший инструкции по проведению селекции считал, что при отборе на работу нужно брать только абсолютно здоровых евреев, потому что слабые, пожилые или частично трудоспособные вскоре не смогут работать, и в результате приведут к ухудшению общего уровня состояния здоровья, к необходимости увеличить количество больничных барачков, врачей, лекарств, а наконец они всё равно будут уничтожены.

Сторонники Поля и Маурера³¹ в главном административно-хозяйственном управлении СС были заинтересованы в том, чтобы

²⁹ Начальник управления IV (управление тайной государственной полицией) в главном управлении имперской безопасности.

³⁰ Этот пост занимал обергруппенфюрер СС доктор медицины профессор Эрнст Роберт Гравинц.

³¹ Начальник управления ДП (трудовой отдел) в главном административно-хозяйственном управлении СС.

получить как можно больше рабочих рук для военной промышленности, даже если позднее евреи станут нетрудоспособными.

Ситуация постоянно ухудшалась ещё и тем, что неограниченный спрос на лагерную рабочую силу со стороны министерства вооружения³² и организации „Тодт“³³ всё время возрастал. Рейхсфюрер СС сбещал двум этим ведомствам поставить такое количество рабочей силы, что выполнить это было бы никогда невозможно.

Штандартенфюрер Маурер, шеф отдела ДП был в огромном затруднении, чтобы как-то, хотя бы частично, удовлетворить запросы двух этих учреждений; он приказал начальникам трудовых отделов иметь как можно больше рабочих рук.

Невозможно было получить ясного решения от рейхсфюрера СС; я лично придерживался того мнения, что на работу нужно направлять только тех евреев, которые были совершенно здоровые и сильные.

Селекция происходила так: вагоны разгружались один за другим; оставив багаж, евреи должны были цепочкой проходить перед врачом СС, который приглядывался к ним в то время как они двигались и решал кто из них пригоден к работе. Трудоспособных тот час же отводили небольшими группами в лагерь; эти люди составляли приблизительно 25—30% от общего числа транспортов. Но процентное соотношение трудоспособных и нетрудоспособных было в разных транспортах разным. Например, среди греческих евреев было только 15% трудоспособных, а были транспорты евреев из Словакии целиком трудоспособные³⁴. Врачей и санитарный персонал всегда направляли в лагерь.

Уже во время первых проб сжигания трупов под открытым небом оказалось, что делать это постоянно будет невозможно.

³² Во главе этого министерства стоял Фриц Тодт, а после его смерти (он погиб в авиационной катастрофе) в феврале 1942 года, на его место был назначен архитектор Альберт Шпеер.

³³ Организация „Тодт“ была основана министром Фрицом Тодтом, она имела наполовину военный характер и занималась вопросами организации работы для иностранной рабочей силы.

³⁴ Несмотря на такое хорошее — по мнению Гесса — физическое состояние узников, они погибали очень быстро. Из документов судебного процесса Гесса ясно видна смертность среди узников-евреев из Словакии, которые были направлены в лагерь без селекции в период с 17 апреля по 20 июня 1943 года; это выглядит так:

из 973 человек, привезенных 17 апреля, за 17 недель погибло 885 человек (91%);

из 464 человек, прибывших 19 апреля в течение 16 недель погибло 454 (98%);

из 543, прибывших 23 апреля за 16 недель погибло 502 (92,5%);

из 442, привезенных 24 апреля за это же время погибло 419 человек (94,8%);

из 423 узников, прибывших 29 апреля за 15 недель погибло 403 человек (95,3%);

из 404 прибывших 20 июня за 8 недель погибло 359 человек (88,9%).

Значит из 3243 словацких евреев, направленных в лагерь без селекции на железнодорожной платформе, к дню 15 августа 1942 года осталось в живых лишь 227 человек.

Когда была плохая погода или дул ветер, запах от горевших трупов распространялся на многие километры вокруг, что привело к тому, что население, жившее вокруг лагеря, стало говорить о сжигании евреев, несмотря на все усилия партийной и административной антипропаганды. Безусловно, что все эсэсовцы, принимавшие участие в мероприятиях по уничтожению евреев получили суровые инструкции сохранять *всё* в строжайшей тайне, но позднейшие судебные процессы показали, что эти инструкции не выполнялись³⁵. **Болтливость** не остановили даже самые тяжёлые наказания.

К тому же противовоздушная оборона протестовала против костров, огни которых были видны издалека. И всё-таки нужно было сжигать трупы и ночью, если мы не хотели затормозить прибытие новых эшелонов. Расписание поездов, связанное с определёнными, намеченными мероприятиями, было утверждено на конференции в министерстве коммуникации и следовать ему было делом необходимым, если мы хотели избежать перегрузки и неразберихи на железных дорогах; точность диктовалась и необходимостью войны.

Все вышеуказанные причины привели к тому, что в **кратчайшие** сроки были запланированы, а потом и выстроены два огромных крематория, а в 1943 году ещё два, меньших размеров³⁶. Строительство запроектированного позже ещё одного большего крематория не было осуществлено³⁷, потому что осенью 1944 года рейхсфюрер СС отдал приказ о немедленной приостановке мероприятий по уничтожению евреев³⁸.

Большие крематории I [II], II [III] были выстроены зимой

³⁵ В архивах Государственного музея в Освенциме находится фотокопия расписки, данной одним из членов эсэсовской команды лагеря унтершарфюрером СС Герардом Аппелем. Она "ласит:

»1. Меня поставили в известность и я знаю, что меня ждёт смертная казнь, если я посягну на еврейское имущество. 2. Все мои действия, связанные с эвакуацией евреев, я должен сохранять в абсолютной тайне, даже от моих товарищей. 3. Я обещаю отдать все мои силы и способности на отличное выполнение доверенной мне работы". Процесс Гесса, том 12, стр. 178.

³⁶ Все четыре крематория вступили в строй в 1943 году. „Большими“ крематориями Гесс называет крематории II, III, а „маленькими“ — IV и V. Точные сроки вступления в строй: 1 марта 1943 г. — крематорий II, 25 июня 1943 г. — крематорий III, 22 марта 1943 г. — крематорий IV и 4 апреля 1943 г. — крематорий V. Значит, если использовать терминологию Гесса, начала был отдан в эксплуатацию „маленький“ крематорий IV, потом „большой“ II, ещё один маленький V, а потом „большой“ III.

³⁷ Гесс имеет в виду, запланированный уже в 1943 году крематорий VI, его не начали строить из-за поражений гитлеровской армии на восточном фронте.

³⁸ Согласно показаниям! штабартенфюрера СС Курта Бехера, Гиммлер выдал этот приказ 6 ноября 1944 года.

Бжезинка. Прибытие эшелона с людьми, обреченными на уничтожение. Железнодорожная платформа. Фото СС.

Бжезинка. Разделение семей после прибытия в лагерь. Фото СС.

1942—1943 гг. и отданы в эксплуатацию весной 1943 г.; в каждом из них было пять трёхроторных печей, в которых можно было сжечь за 24 часа 2000 трупов. Техника сжигания не позволяла увеличивать этого количества. Сделанные в этом направлении попытки привели к большим авариям и не раз даже к полной осановке печей.

В обоих крематориях были подземные раздевалки и газовые камеры, в которые можно было подавать воздух или отсасывать его; печи находились выше и трупы поднимали в лифтах. Газовые камеры могли вместить по 3000 человек, однако до такого количества никогда не дошло, потому что в отдельных прибывавших транспортах не бывало такого количества людей.

В крематориях III [IV] и IV [V], которые были меньше, можно было сжечь за 24 часа 1500 трупов; количество это было указано эрфуртской фирмой „Топф“, которая вела их строительство. Дирекция строительства из-за нехватки нужных материалов, что было вызвано войной, вынуждена была вести работы, сокращая расходы, а потому решено было сделать раздевалки и газовые камеры наземными, а печи более мощными. Вскоре оказалось, что четырёхроторные печи, построенные таким способом, не могут выполнить первоначальных планов.

Крематорий III [IV] вскоре уже совсем вышел из строя и ничего нельзя было сделать, а крематорий IV [V] работал не на полную мощность, потому что каждые 3—4 недели перегорали печи или лопались трубы. Трупы погибших чаще всего сжигали в ямах за IV [V] крематорием.

Временное помещение I³⁹ было разобрано, когда началась застройка III участка лагеря в Бжезинке.

Помещение II⁴⁰ — называемое в последствии крематорием на открытом воздухе или бункером V, — было в эксплуатации до самого конца; им пользовались, когда в крематориях I [II]—IV [V]⁴¹ была авария. При увеличении интенсивности мероприятий по уничтожению, газование днём проводили в бункере V, а если транспорты приходили ночью — в крематориях I [II]—IV [V]. Возможности сжигания трупов в бункере V⁴² были почти неограниченные до тех пор, пока можно было жечь днём и ночью. Но

³⁹ Бункер № 1. См. прим. 115, стр. 87.

⁴⁰ Бункер № 2. См. прим. 19, стр. 105.

⁴¹ Вновь вступили в ход при уничтожении венгерских евреев в 1944 году.

⁴² Должно быть при бункере V (бункер № 2), потому что говорится о сжигании на открытом воздухе.

с 1944 года воздушные налёты неприятельской авиации не позволяли делать этого по ночам.

Самая высокая цифра загазованных и сожжённых за сутки, которая когда-либо была достигнута, равнялась немногим более 9000 во всех крематориях исключая III [IV].⁴³ Это было летом 1944 года во время венгерской операции,⁴⁴ когда вместо трёх ожидавшихся эшелонов, прибыло за сутки пять переполненных поездов.

Крематории были выстроены в конце обеих транспортных артерий в Бжезинке; во-первых, чтобы не увеличивать ещё больше лагерной территории и следовательно — охраны, во-вторых, они должны были быть близко от лагеря, потому что после окончания мероприятий по уничтожению евреев их хотели использовать в качестве бань.

Их здания должны были закрывать каменные стены или заборы из кустарника, но от этого вынуждены были отказаться из-за недостатка средств. Все места уничтожения были замаскированы временными заборами.

Три железнодорожных пути между строительными участками

⁴³ Согласно показаниям свидетелей, членов зондеркоманды, в августе 1944 года за день сжигали 25 тысяч трупов.

⁴⁴ Называли её также „Акция Гесс“, потому что Геммлер назначил бывшего коменданта Гесса ответственным за мероприятия по уничтожению венгерских евреев. На это время он был откомандирован из инспектората концентрационных лагерей, который находился в Ораниенбурге, в концентрационный лагерь Освенцим. Гесс прибыл в лагерь 8 мая 1944 года, стал начальником эззовского гарнизона и занялся приготовлением средств уничтожения в Бжезинке, ожидая прибытия эшелонов из Венгрии. Он лично проследил за тем, чтобы были починены все печи крематория V, и рядом с ним приказал выкопать ещё пять глубоких ям для сжигания трупов. По его распоряжению был введён в строй неработавший уже к тому времени бункер № 2, а рядом была построена раздевальня. Были откопаны старые ямы для сжигания тел, увеличили темп перестройки разгрузочного перрона и железнодорожной ветки (три пути) внутри лагеря. Кроме того Гесс отозвал из подсобного лагеря Гливице I гауптшарфюрера СС Отто Моля, бывшего шефа крематориев, и назначил его ответственным за сжигание трупов загазованных людей на открытом воздухе. Гесс отдал приказ увеличить численность узников работавших в крематориях (зондеркоманды) и на сортировке вещей, привезённых евреями (команда „Канада“). Во время уничтожения венгерских евреев, Гесс часто ездил в Будапешт, чтобы координировать наплыв эшелонов. Вместе с прибытием первых транспортов с венгерскими евреями, в лагерь приехал и Эйхман, который лично контролировал и всячески торопил проведение этих мероприятий. Транспорты начали прибывать 16 мая 1944 года. Каждый день приходили 2—5 эшелонов, а в каждом из них 40—50 вагонов приблизительно по сто человек в каждом вагоне. Часть эшелонов направляли прямо в газовые камеры без проведения отбора. Бывали дни, когда приходило больше поездов с евреями и тогда, закрытые вагоны стояли на боковых путях по несколько часов. В некоторых транспортах евреи уже были поделены по возрасту и полу. Венгерских евреев привозили в Освенцим под предлогом „переселения“ на Восток, а поэтому им было приказано привезти строительное дерево. В действительности оно служило для сжигания трупов загазованных людей. „Венгерская операция“ шла непрерывно до середины сентября.

I и II в Бжезинке должны были быть перестроены в крытый вокзал и доведены до крематориев III [IV] и IV [V] таким способом, чтобы посторонние лица не могли видеть как разгружаются эшелоны. Но и этот план не был приведён в жизнь из-за недостатка средств.

Рейхсфюрер СС далее решительно настаивал на всё более широком привлечении еврейской рабочей силы в военную промышленность; в результате этого Польша была вынуждена принять во внимание и тех евреев, которые потеряли трудоспособность. Был получен приказ старательно лечить и хорошо кормить шесть недель всех нетрудоспособных евреев, чтобы позже они могли работать⁴⁵. До этого приказа все нетрудоспособные евреи *уничтожались* в газовых камерах вместе с прибывшими в эшелонах, или если болели и находились в лагерной больнице, получали смертельный укол.

Этот приказ был настоящей насмешкой, если говорить о положении в концентрационном лагере Освенцим-Бжезинка. Нехватало всего, почти не было лекарств и мест в лагерной больнице, так что лежать могли только тяжелобольные. Снабжение продуктами было абсолютно недостаточным, а министерство питания из месяца в месяц ограничивало его ещё больше.

Все поставленные условия не могли быть приняты во внимание. Они не дали бы результатов, но нужно было попробовать. В результате в лагере получился острый недостаток помещений для здоровых узников, чего уже невозможно было исправить, а это привело к ухудшению общего состояния здоровья, что способствовало расширению заразных болезней. Этот приказ, почти незамедлительно, вызвал увеличение смертности, и мне не кажется, что он стал причиной возвращения на работу на военное предприятие хотя бы одного нетрудоспособного еврея.

*

Транспорт — Юден — так назывались все эшелоны, приехавшие в лагерь по распоряжению ведомства Эйхмана, т.е. РСХА — IV Б⁴⁶. Уведомления об их прибытии носили следующую отметку: „Транспорт отвечает соответствующим директивам и должен быть включён в СБ“⁴⁷.

⁴⁶ Эти распоряжения были выданы только 9 и 14 декабря 1944 года, т.е. уже тогда, когда мероприятия по уничтожению евреев в основном уже были остановлены из-за общей ситуации на фронтах и всё растущей потребности на рабочую силу для военной промышленности.

⁴⁷ РСХА — IV Б 4 — сокращённое название управления Эйхмана.

* Шифр, который употреблялся руководителями концентрационных лагерей и высшими гитлеровскими предводителями, для обозначения людей предназначенных к уничтожению. СБ — специальное отношение, что означало смерть в Освенциме.

Евреи, попавшие в лагерь в первоначальный период, до приказа о массовом уничтожении, относились к евреям, находящимся в „охранном аресте” или к другим категориям узников⁴⁸.

На предыдущих допросах я указал, что в Освенцим было привезено на уничтожение два с половиной миллиона человек⁴⁹. Эта цифра была дана Эйхманом моему начальнику группенфюреру СС Глюксу незадолго до окружения Берлина, когда Глюке был вызван на отчёт к рейхсфюреру СС. Только Эйхман и его заместитель Гюнтер располагали точными данными о количестве уничтоженных евреев.

Согласно приказу рейхсфюрера СС в Освенциме должны были сжигать все документы каждого прибывшего транспорта; ни один

⁴⁸ Узников относили к ранним категориям в зависимости от поводов ареста. Главной причиной, позволяющей направить арестованного в лагерь, должен был быть письменный указ, выданный или IV управлением тайной государственной полиции или V управление уголовной полиции в главном управлении имперской безопасности. В таком указе были приведены поводы ареста, которые и решали к какой категории будет отнесён узник в концентрационном лагере. IV управление давало решение: об охранным аресте политических узников, Гомосексуалистов (их относили к категории антисоциальных) и людей, которых нужно было „воспитывать”. Это же управление давало ордера на аресты членов секты „Свидетели Иеговы”, а также иностранных граждан, если могла появиться необходимость выдать их другому государству.

V управление давало приказы о предварительном аресте обыкновенных преступников, цыган, разных антиобщественных элементов (кроме гомосексуалистов) и других, которые направлялись в лагерь после пребывания в тюрьмах, где они отбывали полученные по суду сроки. Кроме того, в лагере была отдельная группа узников — полицейская. Это были узники, находящиеся под следствием. Сравните фрагмент из воспоминаний Броада, стр. 138. Ян Зен: „Концентрационный лагерь Освенцим-Бжезинка” (Аушвиц-Биркенау) Варшава, 1956, стр. 31—32.

⁴⁹ Государственный музей в Освенциме не располагает полной документацией, на основании которой можно было бы точно определить количество людей, погибших в концентрационном лагере Освенцим и его подсобных лагерях. Существующие в настоящее время приблизительные цифры были установлены на основании документов Чрезвычайной государственной советской комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских агрессоров и их союзников, Международного военного трибунала в Нюрнберге, где судили главных военных преступников и Верховного народного трибунала в Польше. Указанные этими органами цифры базируются частично на документах высших властей СС, комендатуры Освенцима, на документах лагерной организации движения Сопротивления, на показаниях свидетелей, заключениях судебных экспертов и специалистов, а также на выяснениях эсэсовцев, которые были даны ими во время разных судебных процессов. Из анализа всех перечисленных выше документов вытекает, что 21 миллион евреев было уничтожено в газовых камерах; к тому на о добавить ещё 1 миллион арийцев и евреев, погибших от голода и болезней. Это количество относится к периоду, когда комендантом лагеря был Рудольф Гесс, т.е. с 14 июня 1940 года (дата основания лагеря) до отъезда Гесса в Оранienбург 1 декабря 1943 года. После этого, вплоть до освобождения лагеря 27 января 1945 года погибло ещё около 1 миллиона человек (арийцев и евреев), что и даёт общее количество около 4-х миллионов жертв концентрационного лагеря Освенцим.

документ, могущий служить источником информации не должен был существовать.

Как шеф управления Д I я лично сжёг все документы, находившиеся в моём кабинете. Уничтожению подвергались и документы в других отделах; по утверждению Эйхмана так же поступили с документами рейхсфюрера СС и главного управления имперской безопасности; только в личных папках Гимmlера могли ещё быть кое-какие данные. Если из-за халатности в некоторых управлениях не была уничтожена часть писем или радиограмм, они всё-таки не могут служить достоверным источником для определения общего числа жертв.

Я никогда не знал общего числа уничтоженных и не располагал никакими возможностями установить эту цифру. В моей памяти сохранились только некоторые цифры, касающиеся самых больших мероприятий по уничтожению; эти цифры несколько раз называл мне Эйхман или его помощник:

Верхняя Слезия ⁵⁰ и Генеральное губернаторство ⁵¹	250000
Германия ⁵² и Терезин ⁵³	100 000
Голландия ⁵⁴	95000
Бельгия ⁵⁵	20000

⁵⁰ Еврейские эшелоны из Верхней Слезии начали прибывать в Освенцим зимой 1941/42 гг.; первые из этих эшелонов были уничтожены в газовой камере крематория I в материнском лагере.

⁵¹ Транспорты с евреями из Генерального губернаторства прибыли в Освенцим в 1943—1944 гг.

⁵² Первые транспорты с евреями из Германии пришли в лагерь в феврале 1943 года.

⁵³ Город в Чехословакии, немецкое название Терезиенштадт. Во время второй мировой войны гитлеровцы организовали там в ноябре 1941 года гетто, которое имело пересельный характер; это было сделано для евреев из так называемого Протектората Чех и Моравии. С 6 февраля 1942 года гитлеровцы стали высылать туда евреев из смешанных семей, это были люди из Германии, Австрии и Голландии. Всего там находилось 140 тысяч евреев (70 тысяч из Протектората), из которых погибло 33419 в результате страшных условий жизни. Осталось в живых 17 тысяч, остальных — 86954 гитлеровцы вывезли в разные концентрационные лагеря и центры уничтожения; узники из Терезина были и в Освенциме. Первый транспорт евреев из Терезина прибыл туда 28 октября 1942 года. 9 сентября 1943 года в Бжезинке на участке „ВПБ“ был организован специальный лагерь для евреев из Терезина; к находившимся там евреям относились лучше, им позволили оставить вещи, они жили семьями, им не остригли волос, им позволили писать письма своим родственникам каждые две недели, а также получать посылки. Был организован детский сад и дети получали лучшую пищу. Несмотря на это, смертность в этом лагере была очень высокой. В 1944 году, ещё оставшиеся в живых, были уничтожены во время двух мероприятий по уничтожению: 9 марта и 11—12 июля. Уже после ликвидации этого лагеря, из Терезина 30 сентября снова пришел транспорт с евреями; так было до конца октября 1944 года.

⁵⁴ Первый транспорт с голландскими евреями прибыл в Освенцим 17 июля 1942 года. Транспорты эти продолжали прибывать до сентября 1944 года.

⁵⁵ Первый транспорт с евреями из Бельгии прибыл 5 августа 1942 года; бельгийские евреи прибывали в Освенцим до августа 1944 г.

Франция ⁵⁶	110000
Греция ⁵⁷	65000
Венгрия ⁵⁸	400000
Словакия ⁵⁹	90000

Я не помню цифр касающихся мероприятий меньшего масштаба, но они были однако незначительны в сравнении с указанными выше цифрами⁶⁰.

Я считаю, что число два с половиной миллиона погибших является слишком высоким; возможности уничтожения имели границы и в Освенциме. Цифры, указанные бывшими узниками являются плодом воображения и не имеют никаких оснований.

Акция Рейнхардт — это было зашифрованное название целого ряда мероприятий, связанных с конфискацией, сортировкой и продажей вещей привозимых евреями в транспортах и оставшихся после уничтожения этих людей. Каждому члену СС, присвоившему себе что-нибудь из еврейских вещей грозила смерть. Это был приказ рейхсфюрера СС. Невозможно себе представить и оценить стоимость вещей отобранных у евреев; это исчисляется сотнями миллионов.

Огромные богатства были украдены членами СС, полицейскими, узниками, гражданскими служащими, рабочими, железнодорожниками. Ещё и сейчас многое из этого богатства спрятано или закопано в земле на территории лагеря Освенцим-Бжезинка.

При разгрузке еврейских эшелонов весь привезённый ими багаж оставался на железнодорожной платформе до того момента,

⁵⁶ Первый транспорт с французскими евреями пришел в Освенцим 30 марта 1942 года; это продолжалось до сентября 1944.

⁵⁷ Первый транспорт с греческими евреями прибыл в Освенцим 20 марта 1943 года; с этого дня до 16 августа 1944 года в лагерь прибыли по крайней мере 22 транспорта с общим числом 54533 человек. Из них 41776 были уничтожены в газовых камерах, а 12757 — направили на работу в лагерь. Указанное число греческих евреев, направленных в Освенцим, не охватывает абсолютно всех, а только тех, которые прошли через селекцию; число греческих евреев могло быть значительно больше, потому что были транспорты целиком отправленные прямо с платформы в газовые камеры.

Данута Чех: Прибытие и уничтожение греческих евреев в концлагерном лагере Освенцим, „Освенцимские тетради“, № 11, стр. 22.

⁵⁸ Срав. прим. 44, стр. 113.

⁵⁹ Первый эшелон с евреями из Словакии прибыл в Освенцим 26 марта 1942 года и это продолжалось до октября 1944.

⁶⁰ Здесь Гессом не указаны такие государства как: Австрия, Болгария, Югославия, Литва, Латвия, Норвегия, Советский Союз, город Триест, Украина, Италия.

пока все прибывшие не были отправлены в лагерь или в крематории. Потом специальные транспортные команды перевозили все вещи сначала на сортировочный склад Канада I⁶¹, где их дезинфицировали и сортировали. Так же и вся одежда, оставшаяся после уничтожения в бункерах I и II и крематориях I [II]—IV [V] перевозилась на этот сортировочный склад. Однако в 1942 году Канада I не успевала сортировать вещи; несмотря на постройку дополнительных сараев и барачков, увеличение числа узников, работавших на сортировке днём и ночью, несмотря на загрузку большого количества товарных вагонов с отсортированными вещами— часто около 20 — горы багажа всё росли. Тогда в 1942 г. было приступлено к строительству нового склада Канада II в западной части строительной площадки II в Бжезинке⁶², а также бани и дезинфекционного барака для прибывавших узников⁶³. Тот час же, после окончания строительства, тридцать новых барачков⁶⁴ были заполнены до отказа, а горы неотсортированных вещей продолжали возвышаться между ними. Количество команд, работавших на сортировке всё время увеличивалось, но не могло быть и речи о том, чтобы справиться вовремя с привозимыми вещами, если каждое мероприятие длилось от 4 до 6 недель; только в период между ними можно было навести хоть какой-то порядок.

Одежду и обувь подвергали осмотру, чтобы найти спрятанные там ценные предметы (в таком количестве вещей этот осмотр мог быть только поверхностным); затем одежду и обувь или отдавали на склад, или отправляли в лагерь для узников. Позднее вещи эти стали высылать и в другие лагеря. Значительную часть этого добра передавали переселенческим общественным организациям, а позже жертвам воздушных бомбардировок. Много вещей получили предприятия военной промышленности для рабочих-иностранцев. Одежда, бельё и т.п., тоже передавали общественным организациям или оставляли для нужд лагеря⁶⁵; большие партии белья шли и в другие лагеря.

⁶¹ „Канада“ I находилась на территории материнского лагеря в Освенциме.

⁶² „Канада“ II была на участке „Bllg“.

⁶³ В лагере его называли зауна.

⁶⁴ Было выстроено 35.

⁶⁵ 23 января 1945 года, за пять дней до освобождения лагеря советскими войсками, эсэсовцы подожгли 35 барачков-складов, которые были полны вещей, отобранных у евреев; их не успели вывезти. В 6 бараках, частично уцелевших, было найдено после освобождения 1185345 мужских и дамских костюмов, 43255 пар мужской и женской обуви, 13694 ковра, огромное количество зубных щёток и кисточек для бритья, а также других мелких предметов домашнего обихода.

Ценные предметы принимал особый административный отдел лагеря, после чего специалисты сортировали их; так же поступали с найденными деньгами. Если речь идёт о ценных предметах, то это бывали необычайно дорогие вещи, особенно, если приходили еврейские эшелоны с Запада: драгоценные камни, стоимость которых исчислялась миллионами, золотые и платиновые часы, украшенные бриллиантами, кольца, серьги, очень **дорогие** из-за своей тонкой работы колье. Деньги всех стран исчислялись миллионами; часто при одном человеке находили сотни тысяч, обычно в банкнотах по тысячи долларов. Каждый уголок одежды, багаж и человеческое тело — всё это использовалось, чтобы спрятать дорогие предметы.

Отсортировав эти драгоценные вещи после каждого большого мероприятия, их грузили вместе с деньгами на машины и отправляли в Берлин, в главное административно-хозяйственное управление СС, а оттуда в имперский банк. В этом банке был специальный отдел, занимавшийся только ценностями, поступавшими в ходе операции против евреев. Эйхман сказал мне однажды, что эти **Драгоценности** и валюту продавали в Швейцарии и, что ими был полностью наводнён швейцарский рынок.

Обыкновенные часы тысячами высылали в Саксенхаузея; там были огромные часовые мастерские, где работали сотни узников. Это контролировал Маурер из ДП⁶⁶. В этих мастерских часы сортировали, чинили и отправляли в распоряжение фронтальных отделов СС и армии для служебных целей.

Золотые зубы перетапливали в слитки в больнице СС; это делалось зубными врачами. Затем эти слитки отправляли в главное санитарное управление. В запломбированных зубах не раз находили драгоценные камни огромной стоимости.

Отрезанные женские волосы высылали на одну из фабрик в Баварии; их использовали для целей военной промышленности.

Плохую одежду чинили; обувь разрезали на куски, часть из которых шла в употребление, а остальное перерабатывали в кожаную муку.

Из-за еврейского богатства в лагере образовалась очень сложная ситуация, которую уже никогда не удалось поставить под контроль. Члены СС были деморализованы, многие из них не были настолько сильны, чтобы противостоять искушению лёгкого обогащения ценными вещами евреев. Самые суровые кары лишения свободы

⁶⁶ Трудовой отдел в главном административно-хозяйственном управлении СС.

и даже смертные приговоры не были достаточным предостережением⁶⁷.

Благодаря еврейскому богатству перед узниками открылись неожиданные возможности⁶⁸. С этим следует связать большинство побегов. За легко полученные деньги, часы, кольца и другие предметы, узники покупали у эсэсовцев алкоголь, табак, продукты, фальшивые документы, оружие, боеприпасы. Такого рода сделки были на повестке дня. В Бжезинке узники получили даже ночной доступ в женский лагерь и купили себе ласки некоторых надзирательниц. В результате всего этого пострадала общая дисциплина в лагере. Те, у которых были ценности, могли купить себе лучшую работу, хорошее отношение капо и блоксовых, и даже постоянное пребывание в лагерной больнице с самым хорошим уходом. Несмотря на строжайший контроль ничего не удалось изменить. Еврейское золото стало проклятием лагеря.

Насколько мне известно, кроме Освенцима существовали следующие центры уничтожения евреев:

Хелмно около Лодзи⁶⁹ — выхлопные газы
Треблинка на Буге⁷⁰ — выхлопные газы
Собибор около Люблина⁷¹ — выхлопные газы

⁶⁷ О деятельности специальной комиссии, задачей которой было ликвидировать злоупотребления в лагере, пишет в своих воспоминаниях Пери Брод (срав. стр. 182). До настоящего времени не установлен факт смертного приговора для кого-нибудь из эсэсовцев за кражу еврейского имущества со складов „Канады“.

⁶⁸ Это утверждение не имеет оснований, потому что доступ до цеховых вещей, отобранных у евреев, имели немногочисленные узники, главным образом те, которые работали на складах „Канады“.

⁶⁹ Срав. прим. 23. стр. 106.

* Треблінка II лежит на землях деревни Волька-Окронглик (община Косов, повят Соколов Подляски, воеводство Варшавское), её площадь — 13,45 га. Строительство центра уничтожения началось 1 июня 1942 г. силами еврейских рабочих, привезенных из близлежащих поселков. Первый транспорт предназначенный на уничтожение прибыл 23 июля 1942 г., особенно много транспортов прибывало до середины декабря 1942 г., а потом число людей, направляемых на уничтожение, значительно уменьшилось. В феврале или марте 1943 г. в лагерь приезжал Гиммлер и с этого времени началось массовое сжигание трупов уничтоженных людей.

2 августа 1943 г. в лагере начался бунт, организованный совместными усилиями узников лагерей Треблінка I и II; в это время сгорело несколько лагерных устройств. После этих событий началась систематическая ликвидация лагеря, но, несмотря на это, в конце августа 1943 г. туда прибыло несколько транспортов. Лагерь был ликвидирован в ноябре 1943 г.

Общее число людей погибших в Треблінке II от выхлопных газов в газовых камерах равняется более чем 800 тысяч. Это были евреи из Польши и девяти европейских стран а также поляки.

⁷¹ Срав. прим. 100. стр. 81.

Белжец около Львова⁷² — выхлопные газы
 Люблин (Майоднек)⁷³ — циклон Б.

Кроме того много центров уничтожения было на восточных территориях, например, около Риги; там евреев расстреливали, а трупы сжигали на кострах.

Я видел только Хелмно и Треблинку, но Хелмно уже не действовало. В Треблинке я видел всю процедуру. Там было несколько камер выстроенных прямо рядом с железнодорожной линией; в них могли поместить несколько сотен человек. По железнодорожной платформе, которая была на уровне вагонов, евреи шли в одежде прямо в эти камеры. Рядом с ними был построен гараж, в котором находились моторы больших грузовых машин и танков; их пускали в ход и выхлопные газы по специальным трубам поступали в камеры, вызывая смерть находящихся там людей. Проходило почти полчаса прежде чем в камерах становилось тихо. Через час их открывали, трупы вытаскивали, снимали одежду, а потом их жгли на сложенных рельсах при помощи брёвен, облитых бензином. Когда я был в Треблинке все загазованные умерли, однако мне говорили, что моторы не всегда работали равномерно, и это приводило к недостатку газа для уничтожения всех, находившихся в камерах. Многие только теряли сознание и нужно было их расстреливать. То же самое я слышал в Хелмне. Эйхман говорил, что и в других местах случались подобные вещи. Однажды в Хелмне евреи, находившиеся в машине-душегубке, пробовали сбежать, выломав стены.

Опыт показал, что циклон Б с полной уверенностью и быстро вызывает смерть особенно в сухих и хорошо закрытых помещениях с, по возможности, многочисленными отверстиями для ввода газа, к тому же если камера целиком заполнена людьми. Я никогда не видел сам и не слышал о том, чтобы хоть один человек, под-

⁷² Осенью 1941 г. гитлеровцы начали строительство лагеря уничтожения для евреев в Белжеце (повят Томашов Любельски, воеводство Любельское). В середине марта 1942 г. в лагерь прибыли первые эшелоны с местными евреями, которые были уничтожены выхлопными газами в газовых камерах; уничтожение велось до весны 1943 г., т.е. до момента ликвидации лагеря. Всего там погибло около 600 тыс. евреев из разных районов Польши и других стран Европы. Там же было убито 1500 поляков за то, что они оказывали помощь евреям.

⁷³ Люблин (Майданек) был открыт ранней осенью 1941 г. как лагерь для военнопленных. С ноября 1941 г. был концентрационным лагерем, хотя официально был таковым только с середины 1943 г.; первыми узниками были уголовники из Германии, а потом украинцы и поляки из Любельского воеводства. С апреля 1942 года стали приходить в этот лагерь транспорты евреев из Словакии, Чехии, Франции, Греции и Генерального губернаторства. Первые устройства для уничтожения циклоном Б вступили в строй в мае и июне 1942 г.

Общее число погибших в Майданеке превышает 360 тыс., 25% из них были убиты в газовых камерах.

вергшийся действию газа в Освенциме, был ещё жив в момент, когда открывали двери камеры, а это делали через 30 минут после введения газа в камеру⁷⁴.

Уничтожение в Освенциме происходило следующим образом. Евреев, предназначенных к уничтожению, делили на две группы: мужчин и женщин, а потом, как можно спокойнее, вели их к крематориям. В раздевалке узники из зондеркоманды разговаривали с евреями на их родном языке, объясняя им, что их привели сюда только для дезинфекции, чтобы они могли вымыться; они советовали тщательно складывать вещи и запомнить, где они их оставили, чтобы после дезинфекции быстро и легко могли найти свою одежду. Члены зондеркоманды были сами заинтересованы в том, чтобы всё происходило как можно быстрее, спокойнее и без всяких неожиданостей⁷⁵.

Раздевшись, евреи шли в газовую камеру, где в потолке было что-то похожее на душевые установки и водопроводные трубы и это создавало впечатление бани. Сначала входили женщины и дети, а потом мужчины, которых было всегда меньше. Почти всегда всё проходило спокойно, потому что узники из зондеркоманды уговаривали трусливых или тех, кто как-то предчувствовал несчастье; они же, как и один из эсэсовцев, оставались в газовой камере до самой последней минуты.

Потом двери быстро закрывали, завинчивали, и уже ждущие дезинфекторы вбрасывали циклон Б в отверстия, находившиеся в потолке. По специальным устройствам газ падал вниз, до самого пола; это приводило к его немедленному распространению, и через щель в дверях можно было видеть, как стоящие ближе к газопроводящим устройствам, тотчас же падали мёртвые. Одна треть людей умирала сразу, остальные начинали толкаться, кричать, судорожно хватать воздух. Однако крики быстро затихали, переходили в хрипение и через несколько минут все лежали; самое большое через 20 минут, никто уже не шевелился.

⁷⁴ Этот случай описывает в своей книге „Лаборатория доктора Менгеле“ непосредственный свидетель событий д-р Миклош Нишли, один из членов зондеркоманды.

⁷⁵ Лагерные власти были заинтересованы именно в таком способе проведения уничтожения из-за необходимости быстрой разгрузки транспортов прибывавших один за другим; это гарантировало ритмичность работы газовых камер и печей крематориев, которые действовали день и ночь, например, во время уничтожения венгерских евреев.

Что касается членов зондеркоманды, то они просто старались, чтобы люди, идущие в газовые камеры, не знали что их ждёт и поведение этих узников избавляло идущих на смерть от НЦЕ больших страданий.

Результат действия газа можно было видеть уже через 5—10 минут, это зависело от погоды: было ли сухо или влажно, тепло или холодно; зависело это и от качества газа, оно не всегда было одинаковым; от количества здоровых или больных людей, детей, стариков. Люди теряли сознание через несколько минут, это зависело от их местоположения по отношению к газопроводящим устройствам. Дольше всех выдерживали здоровые и молодые люди, быстрее гибли дети, старики и больные, слабые, а также те, кто кричали.

Через полчаса двери открывали, включали вентиляцию и сразу начинали вытаскивать трупы. На них не было никаких следов, пятен, они не были скрючены судорогами; только через несколько часов появлялись обычные знаки разложения; трупы очень редко были покрыты калом, не было телесных увечий, лица не были искажены.

Затем узники из зондеркоманды выдергивали у трупов золотые зубы, отрезали волосы у женщин, а потом лифтами перевозили трупы наверх в печи.

Число трупов входивших в одну печь равнялось трём, но это зависело от размеров тел, что влияло также и на время сжигания, в среднем требовалось 20 минут. Как я уже говорил, в крематориях I [II] и II [III] могли сжечь за сутки около 2000 трупов, всякое увеличение этого числа приводило к аварии. Крематории III [IV] и IV [V] могли сжечь 1500 трупов⁷⁶, но насколько мне известно, до такого числа никогда не дошло. Сжигание шло непрерывно и так же непрерывно убирали из поддувал печей спадавший туда пепел. Его дробили, а потом вывозили на грузовых машинах и лопатами сбрасывали в Вислу; пепел растворялся в воде и уплывал. Таким способом поступали в крематории IV [V] и в бункере II.

Процесс уничтожения в бункерах I и II был таким же, как и в крематориях, только там сильнее чувствовалось влияние атмосферных условий.

Всё связанное с процессом уничтожения выполняли евреи из

⁷⁶ Согласно заключению инженера Романа Давидовского, профессора Горно-металлургической академии в Кракове, среднее число трупов сожжённых за 24 часа в тридцати печах крематориев II и III равнялось 5 тысячам, а в 16 печах крематориев IV и V — 3 тысячам. В своих подсчётах проф. Давидовский принял во внимание трехчасовый перерыв в сутки для очистки печей от шлака и разные мелкие зазоры и остановки, которых невозможно избежать при такой интенсивной работе. Такие же цифры указывают непосредственные свидетели, члены зондеркоманды, работавшие в крематориях II—V, а именно Генрик Таубер и Альтер Фейдильбер vel Станислав Янковский.

зондеркоманды; они делали свою работу с тупым равнодушием, все их старания сводились к тому, чтобы окончить как можно быстрее и иметь длинный перерыв, поискать табак и еду в одежде погибших. Хотя их хорошо кормили и они получали добавочные порции, часто можно было видеть, как таща одной рукой трупы, в другой они держали что-то съестное и жевали. Даже такая страшная работа, как выкапывание и сжигание трупов, находившихся в общих могилах, не мешала им есть; они не выходили из равновесия, видя трупы своих близких, которые им предстояло сжечь⁷⁷.

Летом 1943 года, когда я приехал в Будапешт, чтобы встретиться с Эйхманом, я узнал от него о дальнейших мероприятиях по уничтожению евреев. В это время в Венгрии находилось почти 200000 арестованных евреев из Подкарпатской Украины; до отправки в Освенцим их держали в зданиях кирпичного завода. Эйхман ожидал, что из Венгрии будет доставлено в Освенцим около трех миллионов евреев. Это число указала ему венгерская жандармерия, проводившая аресты. Вывоз их в Освенцим должны были осуществить ещё в 1943 году, но политические трудности в венгерском правительстве всё время задерживали это дело. Особенно венгерская армия, высший командный состав, был против передачи евреев в руки немецких властей, а потому большинство евреев было зачислено в рабочие отряды при венгерских фронтовых дивизиях. Этот факт затруднял действия жандармерии, она не могла производить аресты. Осенью 1944 года, когда аресты охватили сам Будапешт, там остались уже только слабые и больные евреи. Общая цифра евреев, вывезенных из Венгрии, скорее всего не превышает полмиллиона.

Следующей страной должна была быть Румыния; Эйхман ожидал, на основании данных своего представителя в Бухаресте, около четырёх миллионов.

Но переговоры с румынским правительством были очень трудными: антисемитские элементы хотели осуществить уничтожение евреев на территории Румынии. Там уже были широкие антиеврейские выступления: евреев хватали, убивали, бросали в глу-

⁷⁷ Что касается итогов, точка зрения была уже высказана в прим. 118 и 119 на стр. 88-89.

Психическое состояние узников зондеркоманды во время их работы, связанной с процессом уничтожения, лучше всего показывают воспоминания членов этой команды, опубликованные во 2-ом специальном номере „Освенцимских тетрадей“.

бокие пропасти в Карпатах. Но часть правительства всё-таки считала, что евреев нужно вывести в Германию.

Одновременно должна была наступить очередь Болгарии. Там насчитывалось, по предварительным данным, два с половиной миллиона евреев. Соответствующие учреждения Болгарии соглашались на вывоз евреев, но предпочитали подождать конца переговоров с Румынией.

Считалось, что Муссолини согласен выдать итальянских евреев и тех, что находились в итальянской части Греции; но узнать количество, хотя бы приблизительно, было невозможно.

Ватикан и королевский дом, т.е. все противники Муссолини, хотели любой ценой помешать выдаче евреев. Поэтому Эйхман абсолютно не рассчитывал на Италию.

Наконец, Испания. Влиятельные круги обратились в представительство Германии, желая экстерминации евреев, но Франко и его сторонники были противниками этой идеи. Эйхман не очень верил в то, что испанские евреи будут выданы.

Ход войны сделал все эти планы напрасными и спас миллионам евреев жизнь⁷⁸.

⁷⁸ Числа указанные Гессом отличаются от данных протокола конференции в Ванзее которая состоялась 20 января 1942 г. по делу „окончательного решения еврейского вопроса“. В этом протоколе указано следующее количество евреев в разных странах, предназначенных к уничтожению: Болгария 48 тыс., Испания — 6 тыс., Румыния — 342 тыс., Венгрия — 742800 тыс Италия (вместе с Сардинией) — 58 тыс.

ВОСПОМИНАНИЯ

ПЕРИ

БРОАДА

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ В ОСВЕНЦИМЕ

Концентрационный лагерь Освенцим, известный в Польше как „лагерь смерти“, находился недалеко от города с тем же названием. Основанный в 1940 году¹, лагерь занимал болотистые земли между Вислой и её притоком Солой. Бывшие казарменные и фабричные постройки² послужили основой для дальнейших развернутых строительных работ. Сначала существовал так называемый »материнский лагерь" Освенцим, который тянулся параллельно шоссе, идущему по берегу Сола и связывающему деревню Райско с городом Освенцим. С шоссе можно было увидеть, рядом с главным входом в лагерь, роскошную виллу коменданта лагеря Гесса, оберштурмбанфюрера СС. Въезд в лагерь преграждал шлакбаум. Рядом с ним эсэсовцы, несущие вахту, тщательно проверяли каждого входящего или выходящего будь то военный или гражданский. С правой стороны за этим шлакбаумом находилась главная караульная, а чуть наискосок напротив — комендатура.

От глаз людей скрывала лагерь длинная бетонная стена; из-за неё видны были только караульные вышки и крыши скучных построек из красного кирпича. В лагере было 28 двухэтажных блоков; в большинстве из них находились заключённые, несколько блоков было отведено для больных, канцелярии, хранения одежды и других целей. Кроме того в лагере была кухня для узников.

¹ Первые узники были привезены в лагерь 14 июня 1940 года из тюрьмы в Тарнове. Это были поляки. Но перед этим в Освенцим из Саксеюсаузена доставили 30 немецких узников, которые были уголовниками. Из них эсэсовцы создали для себя вспомогательный административный аппарат.

² Эти постройки принадлежали раньше Польской табачной монополии.

Освенцим. Часть лагеря. Ограждение. Фото сделано после освобождения лагеря.

Кроме бетонной стены лагерь ограждали два ряда колючей проволоки, тянувшейся на уровне выше человеческого роста³. По проволоке проходил электрический ток, а ночью она была освещена густой сетью ламп. На караульных вышках были установлены сильные прожекторы, которыми можно было осветить весь лагерь. За колючей проволокой, от стороны лагеря, сразу начиналась так называемая „нейтральная зона“: полоса щебня шириной в три метра. Без предупреждения стреляли в каждого, кто оказывался в этой зоне. Количество узников в „материнском лагере“ достигало 20—25 тысяч человек.

На расстоянии 5—6 км. от этого основного „материнского лагеря“, в конце 1941 года и в начале 1942 года был заложен знаменитый подсобный лагерь Бжезинка⁴, в котором позже держали 30 тысяч узниц и от 30 до 60 тысяч узников. Вечером из окон поезда, идущего из Вельска в Освенцим, видно было по левой стороне, словно нить сверкающих жемчужин, бесконечный шнур

³ Высота проволоки равнялась 4 метрам.

⁴ Биркенау, филиал главного лагеря; его называли также Аушвиц II.

ярких ламп и ряд оштукатуренных бетонных столбов. Это было ограждение концентрационного лагеря Бжезинка. Сотни бараков-конюшен без окон и примитивные каменные домики⁵ служили помещениями для узников. Лагерь делился на три строительных участка: женский лагерь — участок 1, строительство участка 2 было закончено раньше всех и он был разделён на шесть секторов, предназначенных для разных целей. Один из этих секторов был, например, общим лагерем для больных, другой — цыганским лагерем, ещё один — карантинным для новоприбывших.⁶ Когда 17 января 1945 года пришлось поспешно оставить Освенцим и Бжезинку, на участке 3 ещё шли строительные работы. В готовых бараках разместили ткацкую фабрику, а часть из них использовали, как временные помещения для узников.

Условия жизни в Бжезинке были ещё более невыносимыми, чем в самом Освенциме. На каждом шагу непроходимая грязь, воды, чтобы помыться вообще не было. Узники спали на трёхэтажных деревянных нарах по шесть человек на каждой полке. Сенников почти не было. Поверки были два раза в день, а это означало многочасовое стояние в грязи, воде, холоде. Если днём шёл дождь, то ночью узникам приходилось спать на нарах в мокрой одежде. Ничего удивительного, что каждый день умирали сотни людей.

Сторожевые вышки, окружавшие Освенцим и Бжезинку, составляли „малую цепь стражи“. Днём караульные посты на этих вышках снимали, но взамен их окружали всю территорию лагеря огромным кольцом „большой цепи стражи“. Именно на территории, окружённой этим большим кольцом стражи, вынуждены были работать заключённые. Они работали на фабриках и в полях под надзором капо и „передовиков“. Вдоль границы „большой цепи стражи“ были поставлены остерегающие таблицы со страшным черепом и надписью: „Зона концентрационного лагеря Освенцим. Вход воспрещён. Стреляют без предупреждения“.

Но и без этих таблиц всё гражданское население старалось держаться подальше от этой ужасной территории: было слишком легко навлечь подозрение в шпионаже и попытке установить связь с узниками, а в результате самому попасть в лагерь. Бригады узников, работавшие за границами лагеря, охранялись конвоирами,

⁵ В Бжезинке были построены два вида бараков: деревянные и каменные, кирпичные.

* Прибывших в лагерь сначала помещали на несколько недель в карантинные блоки, и только после этого направляли в общий лагерь, где их распределяли на работу. Карантин был обязательным и для немногочисленных узников, которые были освобождены из лагеря. Его называли „выходным карантинном“.

число которых зависело от количества узников. Вечером, когда все рабочие бригады узников, находившиеся вне границ „большой цепи стражи“, возвращались в лагерь, цепь этой стражи снималась с караульных вышек и вместо неё на вахту вставала „малая цепь стражи“.

Каждый раз, когда рабочая бригада возвращалась в лагерь, перед входом в него, начальники блоков тщательно пересчитывали узников. Если оказывалось, что кого-то не хватает, „большая цепь стражи“ оставалась на местах и одновременно начинались поиски с собаками. Однако бывало, что узникам, сумевшим незаметно отдалиться от своей рабочей команды, удавалось спрятаться на территории в границах „большой цепи стражи“, а ночью проскользнуть между эсэсовцами, расставленными на расстоянии 30—40 метров, и убежать. В наказание за побег все узники должны были целую ночь простоять на улице⁷. После такой ночи, **полной** страданий, рано утром сразу начиналась работа.

Нечеловеческие условия гигиены, абсолютно недостаточное питание, тяжёлая работа и разные страдания были причиной того, что после нескольких недель или самое большое месяцев пребывания в лагере, значительная часть узников умирала. Даже женщины, одетые в шинели русских солдат или лохмотья, должны были выполнять самые тяжёлые работы: они носили камень или копали землю. В лагерных условиях могли прожить дольше только те узники, которым удалось получить какой-нибудь пост или попасть на работу в одну из немногочисленных бригад, занятых на относительно лёгкой работе. Освенцим был лагерем уничтожения, самым большим, который когда-либо существовал в истории. За время его существования в нём было уничтожено 2—3 миллиона евреев, а кроме этого тысячи поляков, русских, чехов, югославов и людей других национальностей⁸.

Только сам вид колючей проволоки, по которой проходил ток, и таблицы с надписью: „Внимание! Опасно для жизни!“, не говоря уже о часовых с автоматами и пистолетами и мёртвых голых кирпичных домах— всё это приводило каждого нового узника в состояние безнадежности, вселяло в него убеждение, что выйти отсюда на свободу почти невозможно. Люди, жизненная энергия которых не могла противостоять лишению свободы, уже через

⁷ Это было лишь одной из форм наказания за попытку к бегству. В 1941 году в случае побега одного из узников, руководство лагеря (комендант, начальник лагеря) брало из блока или из рабочей команды сбежавшего 10—20 узников и заключало их в подземелье 11 блока, где через несколько дней они погибли от голода.

⁸ См. стр. 115 прим. 49.

несколько дней добровольно шли на смерть. Работая в бригадах за территорией лагеря, они на виду у стражи входили в запрещённую зону для того, чтобы ТЖ застрелили, или просто „шли на проволоку“⁹, как это называлось на лагерном жаргоне. Электрический ток высокого напряжения, серия выстрелов из автомата и смерть спасали их от дальнейших мучений. Когда ночью раздавались выстрелы, каждый знал, что снова отчаяние толкнуло человека на колючую проволоку и теперь его тело, как изорванная тряпка, лежит в нейтральной зоне. За время существования лагеря в этой зоне лежало непоресчитанное количество людей. Горячая тоска по свободе и близким, болезни, голод и избиения привели их к решению положить конец существованию, которое было недостойным человека. Других находили утром висевшими на нарах на собственном поясе. В таких случаях блокочный лаконично докладывал в рапорте начальнику лагеря о количестве самоубийств. Представители службы по расследованию¹⁰ прибывали на место происшествия, фотографировали тело со всех сторон, вели скрупулёзные допросы свидетелей, чтобы выяснить не был ли убит другим заключённым. Страшным цинизмом был пропитан этот спектакль¹¹. Слово представители СС действительно интересовались судьбой одного несчастного в лагере, где методично, каждый день замучивали на смерть тысячи.

[БЛОК 11]

Для каждого, кто знал бывший концентрационный лагерь в Освенциме, блок 11 был чем-то особенным. Снаружи он почти не отличался от других блоков. К главному входу вело несколько каменных ступеней. На правой стороне блока, около дверей с небольшим застеклённым окном, через которое можно было увидеть коридор, идущий через всё здание, висела скромная табличка с цифрой 11. В отличие от других лагерных блоков, двери блока 11 всегда были закрыты. Когда звонили, появлялся часовой СС. Его шаги гулко отдавались в словно вымершем здании. Он недоверчиво приглядывался через окошко к каждому прибывшему>

⁹ „Пойти на проволоку“ могло иметь место только на территории лагеря, который был окружён колючей проволокой под током высокого напряжения.

¹⁰ Один из секторов политического отдела, находящегося в блоке Ля 26.

¹¹ Брод хорошо ориентировался в том, что эсэсовцы получали 3 дня, или даже больше,, за убийство узника приблизившегося к колючей проволоке. Официально это была награда за „предотвращение побега узника“.

а потом отсылал его или впускал, но только в том случае, если это было абсолютно необходимо. И только теперь можно было увидеть огромную решётку с такими же дверями, которая отделяла заднюю часть помещения. Уже снаружи каждому прибывшему бросалась в глаза одна страшная деталь: окна корпуса были почти целиком замурованы, и свет пробивался внутрь только через щель шириной в ладонь. Даже на окнах подвала были частые решётки¹². В некоторых местах на уровне подвальных окон можно было увидеть странные жестяные коробки о предназначении которых трудно было догадаться¹³.

Площадка между блоком 11 И параллельным ему блоком 10¹⁴ была ограждена с двух сторон от ненужных любопытных взглядов высокой каменной стеной. Массивные деревянные ворота с „глазком“, который закрывался изнутри, преграждали въезд во двор. Когда же прибывший замечал к тому же, что и окна соседнего корпуса были закрыты косыми обшивками из досок,¹⁵ он начинал понимать, что двор 11-го блока должен иметь специальное предназначение.

Но даже закончив служебные дела в канцелярии, помещавшейся сразу же за входом и выйдя из блока, человек знал, соб-

¹² Решётки были вмурованы с внутренней стороны окон; к тому же с внешней стороны они были закрыты каменными заслонами, которые не позволяли узникам, находящимся в камере увидеть хоть что-нибудь происходящее около блока. Окна на первом этаже были тоже заделаны решеткой, а замурованные до 2/3 высоты были позднее только окна на втором этаже.

¹³ Эти коробки в форме корзинки заслоняли отверстия, через которые проходил воздух в темницы и стоячие бункеры.

¹⁴ В 1940—1942 гг. блок № 10 был жилым блоком в мужском лагере. В 1941 г. в нём жили узники воспитательной команды, которая была создана в то время. С марта 1942 г. до августа 1942 г. этот блок был жилым блоком женского лагеря, занимавшего блоки от № 1 до № 10. В конце 1942 г. в этот блок завезли медицинское оборудование; был установлен рентгеновский аппарат, гинекологические столы и подготовлен операционный зал; в результате был создан гинекологический отдел, как в обыкновенной больнице. В апреле 1943 г. этот блок был передан в распоряжение профессора доктора Карла Клауберга, там он проводил опыты по стерилизации. Своих жертв он выбирал, в основном, среди евреек. В этом же блоке вёл исследования в области рака штурмбанфюрер СС доктор Эдуард Вирте, бывший одновременно гарнизонным врачом Освенцима. Он делал операции узникам, у которых подозревали рак. Хорст Шуман вёл наблюдения и оперировал узниц, которые предварительно были подвергнуты стерилизации при помощи облучения рентгеном в опытной лаборатории, находящейся в женском лагере в Бжелшке. В апреле 1943 г. одно из помещений блока № 10 было отдано Институту гигиены СС, который должен был заниматься исследованиями в области бактериологии, химии, патологической анатомии и т.д. Однако через месяц этот институт был перенесён в Райско, недалеко от Освенцима.

¹⁵ Окна соседнего 10 блока, выходящие во двор 11 блока, были закрыты досками, чтобы помешать узникам, находящимся в этом блоке, видеть происходящее во дворе 11 блока, особенно производившиеся там казни. Но, несмотря на это, рискуя жизнью, узники наблюдали через щели за казнями своих товарищей.

ственно говоря, только то, что побывал в прославленном аресте комендатуры, где в каких-то там камерах сидят заключённые» Выходя из спёртой духоты блока, сам не замечая того, он дышал с облегчением.

В кабинете начальника отдела II¹⁶ комендатуры собрались все референты и писари. Шеф отдела, унтерштурмфюрер СС Макс Грабнер, проводит служебное совещание. Мужчина среднего роста гордо пыжится за письменным столом. Корявые фразы, плохой немецкий язык, несмотря на серебряные нашивки мундира, говорят о том, что у этого человека нет образования. Посвященные знают, что до войны он пас коров на каком-то горном пастбище, а теперь он с гордостью носит мундир СД¹⁷ с отличиями секретаря гестапо по уголовным делам. Грабнер недоволен работой отдела, ему представляют слишком мало штрафных рапортов на узников, а также предложений об экзекуциях. Тупо смотря перед собой, он обвиняет подчинённых в мягкости. Никто из них не отваживается на ответ или оправдание. Приказ Грабнера: в будущем надо проявлять больше суровости — принимается в молчании, стучат каблук сапог.

В результате бесчеловечной жестокости, отсутствия каких-либо угрызений совести, болезненной гордости, жажды власти и известного всем лицемерия, Грабнер стал первым человеком в Освенциме. Даже комендант лагеря штурмбакфюрер СС Гесс, который не уступал Грабнеру ни в садизме, ни в отсутствии какой-либо щепетильности, старается, насколько это возможно, не быть в состоянии войны с этим самонадеянным человеком.

Заседания бывают обычно в субботу, до обеда. Грабнер привык, как он цинично заявлял, использовать конец каждой недели для „очистки бункера“¹⁸. После заседания весь отдел должен идти в лагерь, в блок II. Собственно говоря, нужны были только 3—4 референта, но Грабнер приказывал идти всем: среди своего многочисленного штаба он чувствует себя лучше.

В служебном помещении II блока ждут появления начальника лагеря гауптштурмфюрера СС Аумейера. Ожидание должно подчеркнуть важность его особы. И вот тяжело ступая, баварец маленького роста, входит в кабинет. Острый, крикливый голос сразу же выдаёт пьянство его обладателя. Жестокость, таящаяся в глазах и чертах лица, скрывается за приклеенной улыбкой.

¹⁶ Политический отдел.

¹⁷ Служба безопасности СС.

¹⁸ Узники лагеря называли это „очищением“ или „опораживанием“ бункера.

Аумейер непрестанно хвалится своей близкой дружбой с Гиммлером и золотым значком партии. Службистой походкой входит за ним его рапортфюрер Штвиц, унтершарфюрер СС. Потом приходит еще врач СС. Надзиратель бункера и начальники блоков дополняют комиссию, которая удаляется в подвалы, чтобы начать „очистку”. Широкий коридор, такой же как я на первом этаже, разделён мощной решёткой с дверями; его пересекают небольшие параллельные коридоры, в каждом из них находится от 3-х до 5-и камер. Их толстые двери с „глазками” обиты стальными листами. Воздух в подвале такой спёртый, что нечем дышать. Глухое бормотание за дверями камер. Яркий свет ещё сильнее подчёркивает острый контраст между полом, окрашенным в чёрный цвет и белой штукатуркой стен; поблескивают черепа на касках эсэсовцев. Всё это создаёт страшную картину.

Надзиратель ареста находит в связке нужный ключ и открывает первые двери камеры. Теперь он должен отодвинуть ещё два железных засова. Побег из этой тюрьмы, находящейся к тому же в лагере, окружённым колючей проволокой с электрическим током, дело абсолютно невозможное. Из переполненной тесной камеры вырывается удушливый смрад. Один из узников кричит: „Смирно”! — и несчастные фигуры в грязных голубовато-серых лохмотьях становятся в шеренгу. Ничего невозможно прочесть на их лицах; видно только, что многие с трудом держатся на ногах. С равнодушием людей, у которых желание жить уже сломлено, поддаются они процедуре, которая должна решить их судьбу и через которую, может быть, они уже несколько раз счастливо прошли. Аумейер прикладывает список арестантов к двери и вместе с Грабнером приступает к „суду”.

Первый узник называет свою фамилию и говорит сколько времени сидит в бункере. Начальник лагеря коротко спрашивает рапортфюрера за что узник попал в бункер. Если это был приговор политического отдела, что было особенно часто в делах, связанных с побегам, решающий голос принадлежал Грабнеру. Потом лагерные „сановники” решают какой дать штрафной рапорт: 1 или 2. Узники, получившие эти штрафные рапорты, выходят из камер и строятся в среднем коридоре в две группы. Остальные продолжают находиться в „подследственном аресте”.

„Преступления” узников, получивших штрафной рапорт 1, состояли, например, в том, что они взяли откуда-то несколько картофели, или у них было больше белья, чем полагалось по норме, или кто-то закурил во время работы и другие подобные пустяки. Им повезёт, если всё кончится на избииении плетью или временным

переводом в штрафную команду¹⁹, что означает особенно тяжёлую работу²⁰.

Иначе поступают с несчастными дальнейшая судьба которых определена „штрафным рапортом 2“. Синим карандашом, так чтобы все видели, Аумейер выводит толстый крест рядом с фамилией **узника**, а концы этого креста старательно заканчивает маленькими поперечными чёрточками. И, конечно, ни для кого не является тайной, что означает „штрафной рапорт 2“. Группу узников с „лёгкими случаями“, которым в этот раз подарили жизнь, ведут теперь в лагерь, чтобы привести в исполнение полученные ими наказания.

Началась и „разгрузка“ больших общих камер на первом и втором этажах. Из этих камер был виден двор 11 блока. Заключённых из этих камер — часто в них бывало больше **100** человек, мужчин и женщин — переводят в другие камеры на противоположной стороне блока. Теперь их направляют в мужские и женские камеры.

Приговорённых к смерти переводят в умывальню на первом этаже. Узники, работавшие в 11 блоке как очистители и писари, заслоняют окно одеялом и приказывают своим несчастным товарищам раздеваться. Чернильным карандашом смертникам пишут на груди огромные цифры. Это номера по которым потом легче будет зарегистрировать трупы в морге или в крематории²¹. Приговорённые уже наверно простились с жизнью, и, может быть, сознание того, что через несколько минут они освободятся от своих мучителей и страданий, приносит им некоторое облегчение.

А в это время Аумейер, Грабнер и часть оставшихся эсэсовцев, направляются во двор. Остальные уже ушли: никто не хочет быть вместе с Грабнером, потому что бесконечные выговоры этого гестаповца по поводу кажущейся ему мягкости в отношении к заключённым, являются опасными. А надо заметить, что люди Грабнера — это фанатики, которых можно подозревать в разных вещах, но только не в мягкосердечии.

Около каменного забора во дворе 11 блока установлена чёрная стена, состоящая из чёрных изоляционных плиток. Она была последней границей жизни тысяч невинных людей, патрио-

¹⁹ В сокращении СК. Была создана в июле-августе 1940 года; сначала помещалась в одной из комнат блока № 3а, а потом на первом этаже блока № 11. 8 мая 1942 года штрафная команда была переведена в Бжезинку на участок "Bib". Позже, когда этот участок был отдан для женского лагеря, её перенесли в блок 11 мужского лагеря на участок "Bild".

²⁰ Штрафная команда работала м. пр. на строительстве водоотводного канала в Бжезинке (его называли королевским рвом). Узники работали целый день, даже в то время, когда другие заключённые могли отдыхать. Эту команду охраняли наиболее озверевшие эсэсовцы, например, гауптшарфюрер СС Отто Молль, а также капо и блоковые.

²¹ Это относится к периоду до марта 1942 года, когда была введена татуировка узников.

тов, которые не хотели предать своей родины взамен материальных выгод; около нее прощались с жизнью те, кто по воле роковых обстоятельств был пойман при побеге; рядом с ней гибли люди, привезённые гитлеровцами из всех оккупированных стран. Они сохраняли до конца верность своей Отчизне.

Расстреливал рапортфюрер или надзиратель ареста.²² Чтобы не привлекать внимания пешеходов на шоссе, проходившем недалеко от каменной стены, употребляли мелкокалиберный пистолет с 10—15 пулями. Аумейер, Грабнер и кто-нибудь из прислужников этих палачей, пряча за спиной взведённые пистолеты, стоят широко расставив ноги. Они упиваются своею властью. В глубине двора нескольких перепуганных могильщиков с носилками для трупов²³. Они должны выполнить свою работу, на их лицах написан ужас и они не в силах скрыть его. Около чёрной стены стоит узник с лопатой; другой, более сильный, выбранный среди уборщиков, бегом выводит во двор две первые жертвы. Держа их за плечи, он прижимает их лицами к стене. Когда кто-то повёртывает голову, слышится приказ: „Прямо!“. Большинство узников — это едва держащиеся на ногах скелеты. Многие из них провели месяцы в вонючей камере, где не выдержал бы и зверь, и, несмотря на это, некоторые всё же кричат в последнюю минуту: „Да здравствует Польша!“ или „Да здравствует свобода!“ В таких случаях ретивый помощник палачей спешит выстрелить в затылок или старается заставить молчать при помощи жестоких ударов. В это время эсэсовцы, так уверенные в своём могуществе, раздражаются смехом, однако в действительности они не любят этих доказательств национальной гордости и непоколебимой любви к свободе, несломленных никаким террором.

Так умирали поляки и евреи, а в это время немецкая пропаганда трезвонила о том, что это рабские существа, которые просят пощады, что им не полагается никаких жизненных прав, во всяком случае никаких из тех прав, которые полагаются немцам. Это были разные люди: женщины и мужчины, молодые и старые. Всегда, почти без исключения, можно было наблюдать одну и ту же картину: эти люди собирали остатки своих сил, чтобы умереть с честью. Никакой просьбы о помиловании, а чаще последний взгляд, полный безграничного презрения. Примитивные слуги убийства могли ответить на это только садистским бешенством.

²² Брод не говорит всей правды. Приведение приговора в исполнение осуществляли и члены политического отдела, в котором работал и Брод.

²³ Брод имеет в виду узников, которые носили трупы.

Еле слышно падает выстрел за выстрелом, хрипя падают жертвы; палач проверяет попали ли в цель, в затылок, пули, выпущенные с расстояния нескольких сантиметров. Он ставит ногу на голову лежащего, оттягивает кожу и смотрит в глаз, чтобы этим способом проверить жив человек или уже мёртв. Аумейер и Грабнер присматриваются к этому со знанием дела. Если застреленный ещё хрипит, один из этих фюреров СС отдаёт приказ: „Э¹⁰¹ должен получить ещё раз!“ Выстрел в висок или в глаз окончательно оборвёт несчастную жизнь.

Убирающие трупы, бегают туда и обратно, кладут их на носилки и сбрасывают их в кучу в другом конце двора; там всё больше окровавленных тел. Ещё довольно долго у расстрелянных течёт по спине из раны на затылке тоненькая струйка крови. Молчаливо, без каких-либо знаков волнения, узник с лопатой засыпает песком иеющую лужу крови. Он делает это каждый раз, после того, как увозят два трупа. Палач продолжает механически заряжать пистолет и расстрел продолжается. Если иногда наступает замедление, он откладывает пистолет и начинает навистывать какую-нибудь песенку или сознательно разговаривает со стоящими рядом на совершенно посторонние темы. Своим циничным поведением он хочет показать свою твёрдость и то, что для него абсолютно ничего не значит „истребление этой банды.“ Он гордится тем, что без всяких угрызений совести убивает этих невинных людей. Если кто-то крутит головой, он приставляет ствол пистолета к затылку, прижимая узника лицом к стене. Именно так поступают, если узник выкрикивает патриотические слова. Эсэсовцы понимают, что это последнее проявление фанатической веры обречённых на смерть, морально поддерживает узников по другой стороне стены и укрепляет их национальное самосознание.

Нередко последние минуты человека, стоящего около чёрной стены, ужасно затягиваются. Он чувствует, как холодное дуло упирается ему в затылок, слышит треск спуска... осечка! Уставший палач отнимает револьвер от затылка, долго разбирает его, объясняя присутствующим, что пора бы уж справиться новый револьверчик. Никто не обращает внимания на предсмертные муки жертвы, ожидающей под стеной; обречённого поддерживают за плечо железной хваткой; и снова пистолет приставлен к затылку. Он действует. Но бывало, что осечки случались не один раз. Только через час окончится эта неопишуемая страшная игра.

Грабнер „очистил“ свой бункер и наслаждается теперь хорошим завтраком. Двор 11 блока снова выглядит вымершим. Только что

загребли песок перед чёрной равнодушной стеной. На другом конце двора, над большими черно-красными пятнами, бренчит рой мух. Через лагерь проходит широкий тѣхкный след. Он начинается под тяжѣлыми деревянными воротами с „глазком”, которые закрывают въезд во двор 11 блока, и тянется через лагерьные ворота в направлении крематория.

А В это время, около главных лагерных ворот оркестр, состоящий из заключѣнных, играет резвый немецкий марш и рабочие команды узников выходят на послеобеденную смену. Нелегко удержать ровный шаг в бесформенных деревянных колодках на стѣртых до крови стопах ног. И те, кто „подпадает”, получают немилосердный пинок или удар по лицу.

В умывальне 11 блока уборщики сортируют одежду расстрелянных. Палач в хорошем настроении. Он вытирает на мундире несколько пятнышек крови и начинает готовиться к воспитательному докладу для солдат. Тема: „Задачи СС в Европе”...

[ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ СУД]

Один — два раза в месяц в концентрационном лагере Освенцим происходили заседания „чрезвычайного полицейского суда”. Это был орган тайной государственной полиции, главный центр которого находился в Катовицах. Во время этих заседаний и появлялся хозяин жизни и смерти Верхней Силезии оберштурмбанфюрер СС и государственный советник доктор Мильднер. Это был один из наиболее кровавых людей Германии. Уже его внешний вид свидетельствовал о его деспотизме. Особенно привлекал внимание его мощный череп и два холодных глаза с пронизывающим насковозь взглядом. Он возглавлял тайную полицию в Катовицах и был председателем чрезвычайного суда. Этот суд регулярно заседал в Освенциме, потому что в концентрационном лагере можно было сразу привести приговор в исполнение. Главное управление имперской безопасности в своём приказе гестапо требовало приводить в исполнение на территории концентрационных лагерей те приговоры, которые не должны были быть осуществлены публично для запугивания населения. Чрезвычайный суд приговаривал поляков и фольксдойч²¹ за „политические и уголовные преступления”. К политическим преступлениям относились, например: слушание вражеского радио и разговоры об услышанном, подозре-

²¹ Так называли поляков, которые подписали специальный документ, относящий их к немецкому гражданству. Одних принуждали сделать это, других заносили в списки немецких граждан не спрашивая их согласия.

ние в принадлежности к одной из польских организаций движения Сопротивления, подозрение в том, что кто-то был курьером одной из таких организаций, или дал для неё деньги. Как уголовных преступников судили людей за тайную торговлю; однако самые драконовские меры не могли затормозить развитие черного рынка: поляки получали что-то около половины продуктов рациона предназначенного для немцев, а этого, безусловно, не хватало для **Самого** скромного существования.

Организационной подготовкой заседаний чрезвычайного суда занимался секретарь уголовной полиции Кауц, который тоже работал в катовицком гестапо. Он носил мундир СД. Это был малозаметный человек, с невинными толстыми стёклами очков. Выглядел он, как обыкновенный служащий, и трудно было догадаться по его виду, какое необыкновенное задание ему поручено. Жертвы чрезвычайного суда привозили в Освенцим на специальных грузовиках из разных тюрем, но чаще всего из тюрьмы в Мысловицах²⁵. Худые, болезненно бледные лица свидетельствовали о долгом пребывании в тюрьме и мучительных допросах. Люди бы;ш одеты в гражданское, и, несмотря на плохое физическое состояние, прочно закованы в кандалы. Иногда перед прибытием некоторых транспортов, эсэсовцев, которые должны были принять заключённых и доставить их в общую камеру 11 блока, предупреждали об опасности заразиться. Дело было в том, что среди подсудимых чрезвычайного суда были нередки случаи заболевания сыпнш тифом. Вообще сыпной тиф и другие заразные болезни были в тюрьмах, как и в лагере, на повестке дня.

Все арестованные, мужчины и женщины, которые должны были предстать перед чрезвычайным судом, обычно уже были прослушаны и дали «показания». Однако бывали случаи, когда комиссии, ведущие расследование для гестапо, приезжали прямо в Освенцим.

Арестованных сразу же привозили для допросов в лагерь и держали, как заключённых полиции. Перед каждым судебным заседанием Кауц приносил также и списки людей, которых уже раньше направили в лагерь, в качестве узников предварительного заключения, что позволяло людям надеяться избежать смерти, однако теперь их брали из рабочих команд и помещали в 11 блок. Каждый из узников должен был считаться с тем, что неожиданно может стать жертвой самовластья Грабнера или получить приговор чре-

²⁵ На первом этаже 11 блока помещали узников, привозимых чаще всего из полицейской тюрьмы в Мысловицах. Вероятно из-за того, что эта тюрьма была переполнена, первый этаж 11 блока был как бы её резервным помещением.

звычайного суда; если кто-то во время допроса назвал его фамилию, самое маленькое подозрение или простая случайность — всё это могло решить его дальнейшую судьбу.

В середине 1943 года каждое утро можно было увидеть в концентрационном лагере Освенцим своеобразную процессию. Она шла от лагерных ворот, над которыми большими буквами было написано „*Арбейт махт фрей*”⁶ в направлении бывшего почтового барака, освобожденного для следственных целей. Во главе шло восемь узников, подследственных полиции, которые несли два загадочных деревянных предмета, напоминавших скорее всего строительные леса. За ними с трудом, поддерживая друг друга под руки, шли к месту допроса ещё 60—80 их товарищей. Многочисленные гестаповцы в мундирах завершали это безнадёжное шествие. У нескольких из них были за ремнями плети известные во всех концентрационных лагерях: сухие, соответствующим образом обработанные короткие полицейские кнуты. Кроме этого в их оснащение входили пишущие машинки и толстые папки с судебными актами. Людей абсолютно неспособных к сопротивлению, эскортировали конвоиры с автоматами. У входа в барак гестаповцы брали деревянные предметы неизвестного назначения и вместе с теми узниками, которых они хотели прослушать первыми, исчезали за дверями. Большинство узников под охраной конвоиров оставалось ждать во дворе.

Вскоре можно было услышать несущиеся из барака крики гестаповцев, ведущих допрос, шум падающих стульев и звуки ударов. Далеко разносились крики варварски истязаемых людей. Каждый, кто не сразу признавал себя „виновным”, того, кого подозревали в том, что он знает фамилии „членов банд”, или что-то о спрятанном оружии — ждали жестокие пытки. Немного было в Освенциме таких, которые догадывались для чего используются эти загадочные деревянные предметы, похожие чем-то на строительные леса. Посвященные в тайну знали, что это были „качели”; так цинично называли эти орудия пыток.

Строительство „качелей” в Освенциме было начато по инициативе одного гестаповца.²⁷ Он прибыл в Освенцим с одной из комиссий гестапо для прослушивания одного узника. Однажды из комнаты, где он вёл допрос, раздался странный придушен-

⁶ „Работа делает свободным”.

²⁷ Во время Освенцимского процесса во Франкфурте, свидетели утверждали, что „качели” были „открытием” Богера, члена политического отдела. Бесспорным является тот факт, что ввёл их в Освенцим, как орудие пытки, Богер.

ный стон. Войдя в эту комнату, даже привыкшие видеть в лагере самые неожиданные вещи, были удивлены открывшейся перед ними картиной. На расстоянии метра один от другого стояли два стола. Узнику приказали сесть на пол и положить руки на согнутые колени; на них надели кандалы, а потом между локтями и коленями просунули прочную жердь. Затем концы жерди положили на столы и скованный человек повисал головой вниз. Началось избивание по голым стопам и заду; били так сильно, что пытаемый раскачиваясь делал не раз целые обороты, и всякий раз, когда зад оказывался в удобной для удара позиции, гестаповец бил изо всей силы. Когда узник кричал слишком страшно, садист-гестаповец надевал ему на голову газовую маску; теперь слышны были только приглушенные стоны. Время от времени маску снимали и спрашивали, будет ли он, в конце концов, давать показания. Его обвиняли в том, что он хранил оружие; человек этот был жертвой бессовестного доноса.

Через 15 минут замирали конвульсии пытаемого, он уже не мог говорить. Когда снова сняли маску и велели признаться, человек только слабо тряс головой. Его штаны окрасились в красный цвет, кровь капала на пол; потом голова упала и он потерял сознание.

Однако это не нарушило хладнокровия гестаповца. С улыбкой специалиста он вынимал из кармана пузырёк с острым запахом и подсовывал его под нос узнику. И действительно, через несколько минут узник приходил в себя. Ягодицы человека были абсолютно разбиты и по-видимому удары уже не причиняли ему боли, не увеличивали ее, и поэтому инквизитор придумал что-то новое: вливать в нос узнику кипяток. Неопишуемая, жгучая боль. Палач достиг своей цели.

С иронической уверенностью выигравшего повторили вопрос, жестоко истязаемый человек кивнул головой. Теперь снимали жердь со столов, опирая её одним концом о пол так, чтобы связанный соскользнул с жерди. Только с большим трудом удавалось снять кандалы с отёкших фиолетовых запястий рук. Часто узник уже не мог подойти к столу, чтобы подписаться под своими „показаниями“. Тогда его били кнутом куда попало: по стриженной .X>лове, по спине, сопровождая это ещё и пинками. В конце концов, кое-как ему удавалось встать на ноги, взять ручку, которую еле-еле держали его пальцы и подписать свои „показания“. Дрожащие буквы и следы потной ладони на бумаге свидетельствовали о том, что здесь имел место „заострённый“ допрос с „применением всяких средств, находящихся в распоряжении“. В официальных след-

ственных документах это часто называли ещё „подробным расспрашиванием“. Этот следственный метод находил в Освенциме широкое применение. Однако это приспособление с двумя столами, на которых жердь просовывалась туда и обратно и даже позволяла несчастному упасть прямо на пол, признали слишком привилегированным, и поэтому приказали строительным мастерским изготовить два деревянных приспособления с подвижными стальными штангами. Это означало увеличение страданий, потому что теперь можно было вертеть пытаемого вокруг металлической штанги.

При помощи таких методов велись расследования в бараке. Однажды комиссия гестапо работала в лагере в течение 2—3 недель; речь шла о специальном мероприятии. Внезапно было арестовано 600 человек: мужчин и женщин, поляков и фольксдойч; их обвиняла в „антигосударственной деятельности“ и „политических заговорах против Рейха“. В тюрьме в Мысловицах свирепствовала эпидемия тифа и она была закрыта. К тому же она была и переполнена. По этой причине 600 арестованных было направлено прямо в Освенцим и размещено на втором этаже 2-го блока.²⁸ Это было огромное помещение без внутренних перегородок; на пол положили тонкие соломенные тюфяки. Гестаповцы не хотели допустить, чтобы подследственные чрезвычайного суда хоть как-то общались с узниками лагеря. Целыми неделями эти 600 человек должны были лежать на жировах в этом закрытом помещении. В такой же позиции они должны были и есть. Стража, вооружённая автоматами, получила приказ стрелять в каждого, кто осмелится пошевелиться или подняться. Однако у большинства узников в результате перенесённых страданий и страха перед тем, что их ещё ожидало, не исключая возможности смерти, наступила полная апатия. Среди этих людей находились беременные женщины. Стража, и та, неохотно несла свою службу при этих несчастных; не говоря уже о страшном однообразии, в этом помещении роилось от вшей, блох и тараканов.

И вот наступил день, когда 210 человек из 600 заключённых должны были предстать перед чрезвычайным судом; остальные были отправлены в предварительный арест. 210 человек перевели в одно из помещений 11 блока, а напротив приготовили большую комнату для судебного заседания. В неё поставили длинный стол и ряд стульев с председательским креслом для Мильднера. На столе стояли стаканы, а со стены одобрительно посматривали

²⁸ Описанный Бродом случай имел место 12 февраля 1943 года.

Гитлер и Гиммлер. Два окна в этой комнате, закрытые решётками, а не замурованные, как остальные окна в блоке, позволяли видеть проходящие тут же заграждения из колючей проволоки. Немного дальше всё закрывала стена.

Наконец перед 11 блоком останавливается светло-голубой „оппель-адмирал“ и появляется Мильднер. Благоговейно приветствуя эсэсовцев, вытянувшихся по стойке „смирно“, он с поднятой рукой входит на лестницу и вступает в блок. *Он* приветствует Грабнера и Аумейера, которым можно принимать участие в судебном заседании. Кауц тащит судебные акты. На них надпись: „Гехейм штатсполицей Каттовиц“²⁹. Мильднер садится в кресло, рядом с ним штурмбанфюрер д-р Эйзеншмидт. Остальные присутствующие, обмениваясь весёлыми приветствиями и рассказывая анекдоты, не спеша занимают места за столом. Что-то ещё говорят о профессиональных делах, хвалятся последними успехами, критикуют деятельность отсутствующих собратьев; когда же, наконец, Мильднер открывает заседание, каждый с серьёзным лицом застывает в наиболее важной позе. С самодовольной улыбкой Мильднер поздравляет присутствующих с юбилейным, двухсотым заседанием чрезвычайного суда. Затем он кивает эсэсовцам, стоящим у дверей, это знак того, что можно вводить обвиняемых.

Кауц называет первую фамилию. Часовые СС передают её дальше, писарю, который находится в помещении вместе с заключёнными. Среди толпы людей, которые ожидают смертного приговора после долгих неописуемых мучений, среди приглушённых разговоров, слышится ответ: „Здесь!“ Одна из фигур с запавшими глазами, шатаясь, направляется в сторону выхода. Писарь помогает человеку дойти до дверей, за которыми заседает суд. Писарь сам является узником, и кто знает, может быть и его в ближайшее время ждёт та же судьба. „Преступника“ ставят около дверей. Мильднер зачитывает ему основания судебного приговора: „В результате расследований государственной полиции поляк... нарушил законодательство немецкого государства, потому что...“.

Чаще всего начиналось так, а в конце монотонно и равнодушно падала фраза: „Чрезвычайный суд тайной государственной полиции в Катовицах приговаривает его к смерти!“.

Отважный убийца поглядывает по сторонам с видом не допускающим никакой критики и принимает кивки головой в знак согласия, как вещь нормальную. Подсудимый не получает последнего

²⁹ Тайная государственная полиция Катовице.

Освенцим. Блок смерти 'блок № 11) и ворота, ведущие во двор этого блока. Фото сделано после войны.

ДДИИР

Освенцим. Блок смерти. Зал заседаний ускоренного суда. Музейная экспозиция.

слова. Всё это не длится и минуты. Кауц часто не успевает отыскивать нужные дела, и тогда Мильднер неохотно посматривает на него и начинает нетерпеливо барабанить по столу пальцами. У Кауца на лбу выступают капельки пота.

Если подсудимый, чья фамилия была названа писарем, отвечает не сразу, то остальные начинают нетерпеливо повторять её; эти люди не хотят затягивать последних минут.

Вводят 16-летнего мальчика. Голодный, он украл что-то съедобное в магазине, и поэтому его отнесли к немногочисленным «уголовникам». Мильднер окончил читать смертный приговор, положил бумагу на стол. Его пронзительный взгляд останавливается на маленькой бледной фигурке в лёгкой одежде. Раздельно подчёркивая каждое слово, он говорит: „Мать у тебя есть?“ — Мальчишка опускает глаза и отвечает едва слышно, в голосе его слёзы: „Да“. — „Боишься умирать?“ — Мясник с бычьей шеей испытывает людей и с садизмом нас лаж дае гея страхом жертвы. Мальчик уже ничего не говорит, только легко дрожит. „Сегодня мы тебя застрелим“ — говорит Мильднер, стараясь, чтобы его голос был похож на голос оракула. — »И так тебя когда-нибудь повесили бы. Через час будешь мёртвый!“.

Время от времени в таком духе Мильднер „разговаривает“ с людьми, которых приговаривает к смерти. Он не может скрыть своего удовольствия от сознания того, что именно он решает вопрос о жизни и смерти. Особенно по отношению к женщинам даёт он волю своему садизму. Он говорит им в неприличной форме об ожидающем их расстреле.

[РАССТРЕЛ В СТАРОМ КРЕМАТОРИИ³⁰]

Меньше чем через два часа заседание суда окончено. Из 210 человек 206 приговорены к смерти, четверо было направлено в лагерь. Мильднер спешит на место казни. Ни за что он не согласился бы отсутствовать во время приведения приговора в исполнение.

Во дворе 11 блока узники построились в шеренги по пять человек. Сегодня их очень много и поэтому расстреливать будут не у чёрной стены, а сразу в крематории. Давая задний ход, закрытый грузовик въезжает в открытые ворота. Как символ прощания с жизнью, лежат теперь на земле нательные иконки, крестики и другие самые дорогие предметы. Их оставили здесь перед смертью заключённые³¹. Сейчас, в последние минуты каждый по-

³⁰ Брод имеет в виду крематорий I в главном лагере в Освенциме.

³¹ Сомнительно. Скорее им содрали.

грузён в мысли а своих близких, о своём прошлом. Грузовик ездит туда и обратно. Каждый раз в него впихивают как можно больше людей.

Большая голубая машина Мильднера уже стоит перед крематорием. Старый крематорий в Освенциме находился в 100 м от лагеря; сначала в этом здании думали сделать небольшой овощной склад³². С трех сторон крематорий окружён земляным валом, па котором посеяли траву, посадили мялые цветочки и деревья. Крышей служила бетонная плита. Вход закрывала высокая стена в которой было двое ворот: въездные и выездные. Там. каждый вечер разгружали узники переполненные телеги, которые прибывали из 28 блока³³. Это делалось как можно дальше от глаз нежелательных зрителей. Тот, кто не был в курсе дела не мог бы догадаться, что этот прямоугольный, живописно заросший пригорок — крематорий. Но возможно его внимание привлекла бы согнутая иод прямым углом и торчащая из крыши толстая металлическая труба. Из неё слышалось монотонное бормотание. Однако мало вероятно, чтобы непосвящённый догадался, что это вентилятор, предназначенный для того, чтобы сделать чуть-чуть почище воздух в помещении с трупами. Также и квадратная кирпичная труба, находящаяся немного подальше и соединённая под землёй с четырьмя печами, не наводила на мысль ни о чём чрезвычайном. Однако всё было иначе, когда начинал дуть ветер и голубой дым, выходящий чаще всего небольшими голубыми облачками, начинал стелиться по земле. Характерный острый запах сгоревших волос и мяса можно было почувствовать на расстоянии многих километров. Когда в печах сжигали одновременно 4—6 трупов и чёрные клубы дыма вырвались из трубы, или когда ночью поднимался из неё высокий бушующий столб огня — тогда каждому становилось ясно, что представляет собой этот пригорок. Со стороны противоположной улице, насыпь прерывалась; там было закрытое решётками окно, через которое проникал в печи свежий воздух.

Из тёмного помещения долетал страшный шум стальных лопэт и металлических крюков при помощи которых в печи подбрасывали кокс и впихивали в огонь трупы. Внутри крематорий состоял

³² Это помещение было овощным складом в казармах польской армии, занимавшей эту территорию до сентября 1939 года. Лагерные власти приспособили это помещение под крематорий и газовую камеру.

³³ В подвалах этого блока был морг, где находились трупы -узников умерших в лагере, застреленных там или просто у итых. В морг не складывали трупов узников, которые были повешены или расстреляны согласно полученному приговору.

Освенцим. Коридор крематория I. Фото сделано после войны.

из трёх помещений: раздевалка, морг, помещение с печами. В морге, кроме вентилятора, было в потолке шесть люков для проветривания помещения; их выходные отверстия завинчивались крышками. Приговорённые стояли во дворе перед крематорием. Фонарь из литого железа, висящий над входом, придавал крематорию вид милого, тихого дома. Он был повешен здесь как бы в насмешку над теми, кто безвозвратно пересекал порог этого дома. И через этот же порог каждый день вывозили трупы.

Группами по сорок человек, приговорённых к смерти чрезвычайным полицейским судом, вводили в раздевалку; там они снимали одежду. Стража СС стоит у входа в морг, там расстреливают. Туда вводят по десять человек. В раздевалке слышны крики, выстрелы, удары голов о цементный пол. Происходят ужасные сцены. У матерей отнимают детей; мужчины, по выправке которых можно догадаться, что это военные, в последний раз подают друг другу руки. Некоторые произносят последнюю молитву.

А в то время рядом идёт бесчеловечное постыдное убийство. Десять раздетых узников входит в помещение, стены забрызганы кровью, в глубине видны тела расстрелянных. По жёлобу, проходящему по середине, бежит широкий поток крови. Люди должны подойти к трупам и встать около них. Идут по крови; не один издаёт вдруг крик, узнав в хрипящем на полу человеке, кого-то близкого, может быть, отца.

Расстреливает правая рука начальника лагеря гауптшарфюрер СС Палич. Привычным выстрелом в затылок он лишает жизни одного за другим. В помещении становится всё теснее от трупов. Холодным взглядом присматривается к работе исполнителя своих приговоров Мильднер. Он находится здесь со всем своим штабом. И около него лежат горы трупов.

Наконец, часовые из раздевалки рапортуют о том, что уже никого нет. Палич начинает ходить между расстрелянными и добивает тех, которые ещё хрипят или шевелятся. Потом он прикладывает оружие к ноге, поворачивается к своему шефу и застывает по стойке „смирно“. Это знак того, что он выполнил его волю. Мильднер смотрит на него многозначительно, с демонической улыбкой и медленно поднимает руку в гитлеровском приветствии. Несколько секунд он неподвижно стоит в этой позе; так он выражает признание своему прислужнику-палачу. Потом медленно поворачиваясь и перескакивая через трупы, со все ещё поднятой рукой, Мильднер направляется к выходу. Он весело прощается с эсэсовцами, стоящими по обеим сторонам.

Теперь в отделе II кипит работа над протоколами расстрелов;

причина смерти: несколько выстрелов в грудь — один в сердце и два в лёгкие. Осторожность соблюдается, и даже в самых секретных протоколах никогда не хотят признаться в том, что в национал-социалистской Германии существует что-то в роде выстрела в затылок.

Так умирали узники, приговорённые к смерти оберштурмбанфюрером СС доктором Мильднером. Однако нередко были приговоры к повешению. Тогда во дворе блока 11 устанавливали двенадцать виселиц³⁴. Они были сделаны так, что их можно было уложить в землю и замаскировать деревянными прикрытиями. Это напоминало углубления для спортивных сооружений в гимнастических залах. Много изобретательности в уничтожении проявляли в Освенциме.

Гауптштурмфюрер СС Аумейер не пропустил возможности отличиться своей беспримерной жестокостью. Это произошло при повешении тринадцати польских инженеров, в ответ за попытку совершить побег одним из товарищей, который работал на строительстве³⁵. Казнь состоялась на площади перед лагерной кухней во время проверки³⁶. Железную перекладину укрепили на двух столбах. Верёвки виселицы оказались слишком короткими и при падении не вызвали перелома шейного позвонка, а только это могло ускорить смерть несчастных жертв. Прошло уже несколько минут, как убрали табуреты из-под ног жертв, а тела всё ещё конвульсивно подрагивали. Хотя Аумейер и говорил обычно: „Пусть себе немного покачаются“, — однако в этот раз всё слишком затягивалось и он отдал приказ экзекуционной команде: „Зацепить!“. Стоящие недалеко узники сжимали незаметно кулаки, глядя на страдания своих товарищей. В глазах их стояли слёзы.

Даже мёртвых не оставляли в покое; это чаще всего было заметно после расстрелов в крематории или в 11 блоке. Один из врачей СС, обычно гауптштурмфюрер СС Китт или оберштурмфюрер СС доктор Вебер, бросались на тёплые ещё тела и вырезали у них мясо с бёдер или ягодиц для бактериологических культур института гигиены. Этот институт находился недалеко от лагеря,

³¹ Во дворе 11 блока были две переносные виселицы на которых вешали узников. Кроме того, там было несколько небольших столбов, напоминающих своим видом виселицу. На этих столбах приводили в исполнение наказание, которое называлось „вешание на столбе“.

³⁶ Побег был осуществлён 20 мая 1943 года; сбежало трое узников из геодезической команды: Станислав Хыбинский, Казимеж Яжембовский и Юзеф Роттер.

³⁶ 19 июля 1943 года во время вечерней проверки было повешено 12 узников: Збигнев Фольтанский, Юзеф Ганцаж, Мечислав Куликовский, Чеслав Марцинш, Богуслав Орт, Леон Райзер, Тядеуш Рапач, Эдмунд Сикорский, Януш Схпетуский-Погоновский, Станислав Ставинский, Юзеф Войтыга и Ежи Возняк.

на шоссе ведущим в Райско. Во главе института гигиены стоял оберштурмфюрер СС доктор Вебер, он был бактериологом. Об этом институте было известно немного; однако знали, что в ряде его лабораторий работали узники, которые были специалистами в области химии и биологии. Под ведомством этого института находился 10-ый блок материнского лагеря в Освенциме; в этом блоке держали несколько сотен евреек, на которых проводили опыты. Не было никакой возможности проникнуть в этот блок, он был абсолютно изолирован от внешнего мира. На первом этаже размещались лаборатории и палаты для больных. На втором этаже было одно громадное помещение с трёхярусными кроватями для „подопытных объектов“, которым позволяли ходить. Иногда этих узниц строили в шеренги и под усиленным конвоем проводили по лагерю. Так выглядели прогулки. Тайны 10-го корпуса хранили очень строго и бдительно следили за тем, чтобы узницы не общались с другими заключёнными. В этом корпусе вели свои опыты проф. Клауберг и поручник доктор Шуман; им помогали несколько узников-евреев, которые были специалистами. Целью этих опытов были: сыпной тиф, стерилизация при помощи облучения и искусственное оплодотворение. Эксперименты по стерилизации стоили жизни многим тысячам людей. Особенно болезненными были опыты по искусственному оплодотворению, они велись без всякого обезболивания. Ни один из врачей СС не считал эксперименты, проводимые в 10 блоке тем, чем они были — жестоким убийством. Ведь объектами для опытов были евреи, которые были лишены каких-либо прав и исключены из-под защиты закона.

^БУНТ В БУДАХ

Буды — это маленькая деревушка в 4-х км. от Освенцима; всего несколько бедных домов, большинство из них пустует, потому что часть жителей «добровольно решила» уехать работать в Германию³⁷, а часть находилась в концентрационных лагерях за то, что якобы саботировали „мирную отстройку Востока“. Именно в этой деревне был организован подсобный лагерь для заключённых, которые должны были работать на полях, принадлежащих концентрационному лагерю³⁸. Заключённые были

³⁷ В действительности поляки были просто выселены с территории, находящейся вокруг лагеря. Часть из них была вывезена в так называемую Генеральную губернию, часть в Судеты или на принудительные работы в глубь Германии.

³⁸ Из покинутых хозяйствах работали команды узников, которых сначала приводили сюда из лагеря, а потом там был организован один из подсобных освенцимских лагерей.

размещены в большом бараке и в здании школы, расположенной на краю деревни. Весь лагерь был обнесён колючей проволокой, но то обстоятельство, что она не находилась под током высокого напряжения и была слабо освещена, позволяло предполагать, что за ней держали не слишком опасных узников.

Буды — это женский лагерь. На первом этаже школы жили начальница лагеря и блоковая; обе немки, бывшие проститутки. На этом же этаже была кухня и палата для больных. Наверху, под чердаком, в помещении с двумя окнами, спало несколько немок, которые занимали разные посты в лагере, а также много узниц-евреек.

Однако большинство женщин находилось в бараке; их было 300—400: еврейки, украинки, польки. Луга, леса, озера, окружавшие лагерь были так красивы, что трудно было поверить, что среди всего этого царит голод, жестокость и отчаяние. Но это было именно так. Всё характерное для каждого из концентрационных лагерей пришло вместе с узницами и сюда, в этот идиллический уголок.

Однажды ранним осенним утром 1942 года заместитель Грабнера, Воснитца, ассистент по уголовным делам, ещё один следственный референт и двое писарей получили приказ немедленно взять пишущую машинку, бумагу и сесть в большую машину, ждущую перед комендатурой. Не было сказано ничего конкретного, но по лицу Грабнера можно было догадаться, что происходит что-то важное. Машина немедленно трогается и с большой скоростью направляется в сторону Буд. Недалеко от лагеря часовой останавливает машину, загораживая дорогу. Узнав Грабнера, он извиняется и говорит, что комендант Освенцима приказал ему задерживать на шоссе все машины, если у них нет специального разрешения. Машина продолжает путь и подъезжает к лагерю, где Грабнер приказывает всем выйти. По дороге, он сказал мимоходом, что в Будах бунт.³⁹

Работники отдела II с большим интересом проходят через ворота лагеря, часовые салютуют. Какое-то странное пение — брэнчание слышится в воздухе. И вдруг перед глазами открывается страшная

* Это было в первых днях октября 1942 года. Во время следствия Гесс так описал это: „Все произошло поздней ночью; как только меня известили об этом, я поехал в лагерь и убедился, что француженки были убиты кольями, секирами; у некоторых головы были отрублены, часть из них была выброшена через окна“. Процесс против коменданта бывшего концентрационного лагеря в Освенциме Рудольфа Гесса перед Верховным народным трибуналом в Варшаве, т. 21, к. 43.

картина, требуется немало времени, чтобы всё это дошло до сознания. На площади, за школой лежат в беспорядке много искалеченных и окровавленных тел. На них только старые лагерные рубашки. Среди трупов бродит несколько полутруиов. Их стоны перемешиваются с жужжанием огромных туч мух, вьющихся над лужами свернувшейся крови и разбитыми черепами. Именно они являются источником того страшного брэнчания, которое вначале так удивило прибывших. Несколько трупов висит на заборе из колючей проволоки; некоторые из них были, по всей вероятности, выброшены из открытых ещё окон под чердаком.

Грабнер приказывает отыскать среди лежащих на земле тех, кто ещё в какой-то степени может говорить и прослушать их, как свидетелей происшедшего. Воснитца ходит между телами, напрасно стараясь отыскать между жертвами резни тех, которые могли бы произнести несколько слов. И тогда он берёт в качестве свидетелей несколько легко раненных, которые как раз в этот момент промывают у колодца свои раны. Расследование даёт следующую картину.

Эсэсовцы, охранявшие Буды, имели привычку провоцировать немок, чтобы те избивали еврейских узниц во время работы. Они пригрозили немкам, что если они не будут этого делать, то их самих погонят на „цепь большой стражи“ и застрелят „во время попытки к бегству“. Страдания еврейских узниц были для растленных эсэсовцев милым развлечением. Результатом всего этого был постоянный страх немок. Нечистая совесть говорила им, что если будет возможность, то узницы отомстят им за своё страшное существование. Но еврейки никогда не думали об этом; это были образованные женщины, например, студентки Сорбонны, артистки, которые не могли оказаться на уровне простых немецких проституток. Единственно понятный способ для одних, был для других абсолютно неприемлимым.

Накануне вечером какая-то еврейка-узница, жившая в школе, вернулась из уборной в помещение, где спали женщины. Одной из немок показалось, что в руке у неё был камень. Безусловно, это было только истерическим воображением. Внизу, при входе, стоял на вахте часовой с которым, как это было известно, у немки была связь. Через окно она позвала его на помощь, говоря, что еврейка её избивала. После этого все часовые, охранявшие лагерь, побежали в школу, потом по лестнице наверх, и вместе с немками, лишёнными всякого человеческого облика, бросились на евреек. Многих бросали с лестницы, одна падала на другую. Некоторых выбросили через окна, часть выгнали во

Буды около Освенцима. Здание школы в которой была женская штрафная команда.

двор. Спровоцировавшая все это осталась наедине со своим любовником. Вероятно именно это и было главной целью.

А в это время „революцию“ душили во дворе палками, прикладами автоматов и пулями. И даже секира послужила орудием смерти для одной из немок-капо. В смертельном страхе несколько евреек пробовали спастись, однако не смогли преодолеть забора из колючей проволоки и были убиты. Даже когда почти уже все еврейки лежали бездыханные на земле, обезумевшие от крови, мучители продолжали их избивать. Они хотели убить всех еще и потому, чтобы не было свидетелей, которые могли бы выявить их жестокость.

Около 5 часов утра коменданту доложили об успешном разгроме так называемого бунта. Несколько женщин, раненых немного легче и надеявшихся, что они уцелеют спрятавшись между трупами, стали подниматься с земли, думая, что они спасены. Но как только штурмбанфюрер СС Гесс, быстро окинув взглядом страшное место уехал, этих женщин застрелили.

На следующий день утром прибыла в Буды следственная служба

СС и санитары СС, которые должны были „заняться ранеными“. В основном это были женщины, которым удалось спрятаться ещё в начале драмы и они не показывались до тех пор, пока следствие не было закрыто. Следственная служба сфотографировала всё до мельчайших подробностей. Потом, соблюдая полную секретность, в фотолаборатории было сделано по одной фотографии с каждого негатива. Фотографии были отданы в распоряжение коменданта, а плёнка была уничтожена в его присутствии. Для санитаров СС приготовили специальное помещение и они начали свою работу. Одну за другой вносили узниц в которых ещё теплились искорки жизни; привычным движением санитары вбивали шприц под левую грудь и через некоторое время пациентка становилась трупом. Ей ввели в сердце два кубических сантиметра дешёвого дезинфицирующего средства, называемого фенолом.

На улице, на ступенях сидит старая женщина. Из-за своих религиозных убеждений она уже несколько лет находится в лагерях, где её воспитывали в духе национал-социализма; здесь, в лагерях она должна была, наконец, дорасти до понимания того, что „Международное товарищество изучения Святого писания распространяет ошибочные взгляды“, и всё-таки она не могла согласиться со всем происходящим. С ужасом смотрели остальные узницы, как с одной стороны дома в него вносили полуживых, ещё могущих жить людей, а с другой — выносили и бросали на телегу их мёртвые тела.

Шестеро немок, в большей или меньшей степени замешанных в этой резне, а также „королеву секиры“ Эльфриду Шмидт, девку этих мясников, увезли в 11 блок. Во время следствия немки признались во всём, и, вынужденные вечно молчать, лежали теперь в крематории. Еле заметные красные точки под левой грудью указывали на то, каким способом они умерли⁴⁰. Родители, как обычно, получили от коменданта выражения искреннего сочувствия. Им написали, что в такой-то день их дочь в результате такой-то болезни была доставлена в лагерный госпиталь и „несмотря на хорошую врачебную помощь и лекарства, не удалось её вылечить“. В конце этого шаблонного письма циничная фраза информировала о том, что умершая не изъявила последних желаний и комендант выражает родным своё соболезнование по поводу „этой тяжёлой утраты“. Даже урну с прахом высылали родственникам, если они этого хотели. Каждый, кто знал, как сжигают трупы в Освенциме, а сжигали сразу несколько трупов, принимал

⁴⁰ См. Дневник Кремера, стр. 211, запись От дня 24.10.1942.

ЛЮ за фарс. В персональных делах этих немок были врачебные рапорты о „ходе болезни” и точные причины смерти. Все эти документы были подписаны лагерным врачом СС. В действительности эти документы были написаны одним из узников, который прошёл специальную подготовку; его работа в лагере заключалась в том, что он должен был составлять такого рода тексты для каждого смертельного случая в лагере. Из свидетельств о смерти можно было сделать вывод, что все бесчисленные жертвы 11 блока, расстрелянные со „штрафным рапортом 2”, или умершие от вспыскивания фенола, от голода или от ран, полученных во время зверских истязаний — все они умерли обыкновенной смертью. К сожалению никто из них не смог противостоять своей болезни, протекающей таким предательским способом.

Смерть шестерых немок была, по мнению начальства, достаточной расплатой за убийства в Будах. Начальнику охраны было дано распоряжение, запрещающее входить часовым на территорию лагеря. Количество узниц было восстановлено, ведь каждый день с Освенцим прибывали новые эшелоны с евреями.

[УБИЙСТВО СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ]

Зимой 1941—1942 гг. в Освенцим прибыл транспорт с советскими военнопленными⁴¹, в нём было около 12000 человек. Из сухих официальных цифр видно, что уже через полгода от этого числа осталось в живых только 150. Однако этой группе удалось завоевать доверие эсэсовцев, особенно начальства лагеря. Поэтому их направили в рабочие команды, где условия работы были немного легче. Со временем доверие начальства так возросло, что из этих людей создали группу, которая искала беглецов проникших за „большую цепь стражи”. Каким-то странным образом не привлёк внимания тот факт, что никогда им не удалось отыскать узника, который спрятавшись, переждал погоню, чтобы ночью продолжить свою дорогу. Начальство лагеря было неприятно удивлено, когда однажды вечером пришёл рапорт о том, что девяносто русских во время „поисков” прорвали частую цепь стражников и сбежали⁴². Погоня началась незамедлительно, искали с помощью собак и других средств, бывших в распоряжении солдат. Но это не принесло значительных результатов.

⁴¹ Первый массовый транспорт с советскими военнопленными пришел в концентрационный лагерь Освенцим 7 октября 1941 г.

⁴² Это было 6 ноября 1942 г.

Но как же немногим удалось уйти из лагеря в Бжезинке в сравнении с теми тысячами, которые были уничтожены в крематориях или убиты.

Русским не придавали такого значения, как евреям. Кроме тех 12000 военнопленных, в лагерь почти каждый день привозили русских и украинцев, которые по мнению какого-нибудь коменданта лагеря для военнопленных были слишком активны политически или имели строптивый характер. Привозили их также из военных частей, состоящих из русских, но воевавших на немецкой стороне. Они попадали в лагерь, как „политически ненадежные” или их подозревали в том, что раньше они были советскими комиссарами. Обычно их расстреливали в 11 блоке, прежде, чем они вообще успевали понять, куда попали.

Такая же судьба постигла и тех русских, казаков и кавказцев, которые сотрудничали с немецкой разведкой и были приготовлены для политической подрывной работы в советском тылу. Когда кто-нибудь из них каким-то способом навлекал подозрение, его направляли в Освенцим. Часто их привозили в лагерь в легковых машинах и они не предчувствовали ничего плохого. Они падали с неба, когда сопровождающий их шофёр СД говорил им, что они должны здесь остаться, а сам уезжал. Так, например, было с русскими из команды „Цеппелин”⁴³, которых обучали шпионской работе недалеко от Освенцима. Их „учителем” был некий унтерштурмфюрер СД. Никто, а тем более их бывшие коллеги, не узнали о месте их пребывания.

Часто в Освенцим в предварительное заключение⁴⁴ попадали русские, бежавшие из Германии. Они были вывезены туда на принудительные работы. Тяжёлые условия жизни и тоска по Родине толкали их на побег. Они двигались на восток и по дороге бывали схвачены. Причина ареста была указана сухо и кратко: „Разрыв контракта о работе”. А потом наискосок шла надпись: „Следствие упрощённое. Советская рабочая сила”.

Это означало, что не имеет никакого значения факт, виновен или нет этот человек, будет он освобождён или останется в лагере. Ведь это была „советская рабочая сила”, недостатка в ней не было. И какая разница умрёт ли среди них на несколько тысяч больше или меньше.

Русские, привезённые в Освенцим зимой 1941—1942 гг. попали

⁴³ Полное название: „Зондеркомандо Цеппелин”.

⁴⁴ Т.е. в концентрационный лагерь.

в Бжезинку⁴⁵, где шло в то время строительство. Там разыгралась невероятная трагедия. Эти люди сходили с ума от голода. Они **дико** бросались на каждую лягушку, на каждую свёклу. Каждый вечер возили на телегах трупы в освенцимский крематорий. По-луживые, не в состоянии больше переносить голод, узники сами **пытались** влезть на эти телеги, а их добивали, как скот.

На телеге, на горе трупов, лежал какой-то русский. Жизнь едва теплилась в нём, голова бессильно свесилась через боковую перекладину. Один из эсэсовцев схватил палку и изо всех сил ударил его по голове. Русского отбросило, но через несколько секунд тело снова сползло; голова свисала теперь через переднюю перекладину. Другой удар снова отбросил голову. Это „развлечение“ нравилось эсэсовцу, и, несмотря на то, что несчастный был уже мёртв, солдат продолжал бить до тех пор, пока голова не превратилась в бесформенную кровавую массу.

Другой эсэсовец находил приятное развлечение в том, что вставал на тела полуживых людей и бил прикладом автомата по затылку или по горлу.

Наконец начальство лагеря решило покончить с этой нищетой. Тысячи военнопленных были расстреляны в лесу недалеко от Бжезинки; их тела закопали в огромных глубоких братских могилах. Длина могил 50—60 метров, глубина 4 метра и приблизительно такая же ширина. Лагерное начальство было вполне до-вольно разрешением русской проблемы.

А потом пришло время, когда все немецкие газеты начали кричать о Катыне. Это навело лагерное начальство на неприятные размышления о могилах русских военнопленных. И в это же самое время рыбные хозяйства недалеко от Бжезинки, например, в Харменжах, стали жаловаться на то, что в больших прудах погибает рыба. Специалисты определили, что причиной этого было заражение грунтовых вод трупным ядом. Но это было ещё не всё. Когда летнее солнце стало сильнее пригревать землю Бжезинки, трупы, которые не раскладывались, а гнили, начали шевелиться, и на потрескавшейся поверхности земли булькала чёрно-красная жидкость, распространявшая неописуемый запах.

Нужно было как можно скорее что-то с этим сделать. В свете событий Катыня нельзя было себе позволить на такие массовые могилы, где трупы не только не гнили, а даже показывались на поверхности.

⁴⁵ Лагерь в Бжезинке строился зимой 1 41/42 гг. советскими военнопленными, которые массово умирали в результате голода и невероятно тяжёлой работы. См. Воспоминания Гесса, стр. 56.

Гауптшарфюрер СС позднее оберштурмфюрер Франц Геслер, арестованный в 1945 году в Бельзен, получил приказ в полной тайне выкопать трупы и сжечь⁴⁶. Для выполнения этого задания он выбрал около 20—30 самых лучших эсэсовцев. Но даже и они должны были подписать специальный документ о том, что им известно, что в случае нарушения служебной тайны или какого-нибудь намёка на вид их службы, им грозит смерть. Безусловно никто не намеревался приказывать эсэсовцам, чтобы они хоть, раз копнули лопатой для уничтожения следов зверского убийства, для этого было достаточно узников. Геслер начал работу со специальной командой, которая состояла из евреев, привезённых из всех оккупированных немцами стран. Они работали в две смены⁴⁷. Тех узников, которые отказывались выполнять эту работу, убивали из пистолетов. Эсэсовцы, руководившие этой работой, имели право получать каждый вечер на кухне СС специальный паёк: литр молока, колбасу, сигареты и, конечно, водку. Откопанные трупы были не распавшимися, а только гнившими.

Узники зондеркоманды жили в Бжезинке в специальных блоках, отделённых от других лагерных помещений деревянный! забором. В течение нескольких недель в районе, окружавшим лагерь, не таком уж болотистом и даже живописном, можно было увидеть огромные беловатые тучи дыма. Хотя никто без специального пропуска не мог приблизиться к этому месту, запах и белые тучи над Бжезинкой подтверждали распolzавшиеся слухи.

Тяжёлые наказания ждали эсэсовцев, если кому-нибудь из узников этой команды удалось бы сбежать. Ночью ветер прижимал этот несносный дым к земле; никакой патруль не выдерживал с наветренной стороны. Этим обстоятельством и воспользовалось двое узников, которые понимали, что они ничего не теряют, а могут и выиграть. Под заслоной дыма им удалось скрыться в близлежащем лесу. Их отсутствие заметили только через два часа, когда пересчитывали команду.

Как свидетелей допросили многих узников, поиски были организованы в широком масштабе, но всё было напрасно. Беглецы исчезли.

Комендант был в бешенстве: как сообщить об этом рейхсфю-

* Это было закончено в конце ноября 1942 года, после двух месяцев работы, которую вел при помощи ковшовых экскаваторов. По словам Гесса в этих массовых могилках было 107 тыс. трупов людей умерших газом (евреев) и других убитых узников. См. Воспоминания Гесса, стр. 106.

" В то время в зондеркоманде было около 400 узников; после того, как вес трупы были сожжены, этих узников 3 декабря 1942 года убили газом в крематории № I в Освенциме.

реру⁴⁸ - Что может получиться, если этим двум узникам, французскому и греческому евреям, удастся перебраться или, по крайней мере, рассказать немецкому населению о событиях в Бжезинке? Это абсолютно невозможно! Часовых, которых сделали ответственными за этот побег, отправили на несколько месяцев в Матцкау, недалеко от Гданьска. Там находился лагерь для прощтрафившихся эсэсовцев.

Другой раз убежали с территории, где сжигали трупы, ещё двое узников. Они воспользовались тем, что в результате страшной жары и одурманивающего запаха, часовые совсем осовели. Узники бежали в разных направлениях, а снайпер СС Штруц до того оглушел, что не знал в кого стрелять. Прежде чем он решил что делать, узники скрылись в кустарнике. И он попал бы на долгое время в Матцкау, побледневший он сидел уже на допросе в отделе II. Однако его спас, полученный рапорт: беглецы заблудились в густом лесу и были схвачены недалеко от Освенцима на сеновале, где они заснули уставшие и голодные. После детального расследования, заданием которого, было в первую очередь, установить не собирается ли ещё кто-нибудь сбежать, узников отправили в II блок, из которого не было выхода. Штруц, у которого упал с сердца камень, возвратился к своей службе и решил в будущем быть внимательнее.

При выполнении всех мероприятий в Бжезинке Геслер имел очень ретивого помощника. Им был гауптшарфюрер СС Молль. Его и Палича можно зачислить в ряды самых кровавых мясников прошедшей войны. Карьера Палича окончилась в Матцкау. Многочисленные убийства, совершённые им, бесспорно только для пользы великой Германии и вытекающие из глубокого понимания расистского мировоззрения, не мешали ему однако устанавливать интимные отношения с врагами государства, среди которых были и евреи; особенно, если эти враги были женского пола, молодые и красивые. Не помогли позднейшие угрозы, что он их прикончит, если кто-нибудь из женщин его „всыпет“. Судьба Палича была решена. К счастью для него, его отношения с одной еврейкой не вышли на явь, но зато его любовная связь с узницей-латышкой Верой Луканс, а к тому же широко известный обычай откладывать для себя на старость часть дорогостоящих предметов, отобранных у людей прибывающих с транспортом — всё это окончилось для него лишением свободы.

Гауптшарфюрер СС Молль получил за свою беззаветную

⁴⁸ Гиммлеру.

службу в Бжезинке военный крест заслуги первого класса. И грудь Геслера тоже украшал КФК⁴⁹. После побегов из зондеркоманды, Грабнер и комендант лагеря стали серьёзно размышлять над тем, не поддать ли узников этой команды специальной обработке⁵⁰, что означало смерть в газовой камере. Однако казалось, что такое разрешение вопроса временно надо отложить — команда так хорошо показала себя в работе! Кроме того, узники зондеркоманды и так всё время умирали в результате заражения трупным ядом. На их место приходили другие, исключительно евреи. Зондеркоманда работала много недель, наконец следы резни советских военнопленных в Бжезинке были уничтожены.

Но зондеркоманде не суждено было отдохнуть⁵¹.

В 11 блоке, кроме камер с маленькими окошками, были и темницы. Через эти окошки нельзя было выглянуть, потому что они были расположены ниже уровня земли, но воздух они всё-таки пропускали. Он шёл по узкой трубе, один конец которой упирался в жестяную коробку, находящуюся на внешней стороне стены блока. Однажды 40 русских удушились в такой камере⁵². [...]

Кроме темниц, которые как никак имели площадь восемь квадратных метров, были ещё четыре „стоячие“ камеры. Они дополняли средства для истязания людей. В эти камеры не попадал даже самый маленький луч света, а их площадь была меньше квадратного метра. Чуть присев, в полной темноте, немало узников провело там страшные дни и даже недели. В такой камере нельзя было разогреться немного подвигавшись, и зимой, в мороз, люди испытывали дополнительные мучения. „Стоячий“ бункер был предназначен для узников, которые должны были „дозреть“ до показаний во время допроса. Как и темницы, „стоячие“ бункеры служили местом для отбывания кары. Для того, чтобы заставить людей говорить, эсэсовцы часто прибегали во время допросов к средневековой пытке. На чердаке этого страшного 11 блока людей подвешивали за руки, которые перед этим связывали за спиной за запястья. Ступни ног тоже привязывали, да ещё таким способом, что висящее тело находилось в напряжении. Подвешенные „на столбике“ обычно теряли сознание через 15 минут. Однако после избобрения „качелей“, они стали основным орудием пыток.

* Военный крест заслуги.

⁵⁰ Зондербехандлунг — шифр, обозначающий приговор к смерти.

⁵¹ Брод имеет в виду новую зондеркоманду, которую создали после 3 декабря 1942 года.

⁵² Дата случая, описанного Бродом неизвестна. Однако бесспорным является тот факт, что в марте 1942 г. в камеру № 20, находящуюся в подвале 11 блока было посажено 39 человек, из которых погибло 24.

[ГАЗ]

Однажды из одной темницы вытащили трупы советских военнопленных и положили их во дворе. Трупы были относительно свежие, но имели странные опухоли и голубой оттенок. Несколько старых узников, которые участвовали в первой мировой войне, припомнили, что видели на фронте такого рода трупы; и вдруг они поняли в чём дело... газ!

Это была первая проба перед началом массового уничтожения, запланированного Гитлером и его помощниками, и эта проба прошла удачно⁵³. Самая большая трагедия, жертвами которой должны были стать миллионы счастливых и невинных людей, наслаждавшихся жизнью, могла начаться!

Гауптшарфюрер СС Фаупель, сержант-шеф первой компании военной части СС „мёртвая голова“ выбирает шестерых солдат, пользующихся особым доверием. Предпочтение отдаётся наиболее старым членам СС. Они должны пойти к Геслеру. Последний принимает их и в разговоре подчёркивает, что по отношению к каждому должны хранить абсолютную секретность о том, что увидят через несколько минут. В случае разглашения тайны им грозит смерть.

Заданием этих шестерых является: сделать герметически закрытый круг на всех дорогах, ведущих к освенцимскому крематорию. Вход воспрещён для всех, вне зависимости от военного звания. Служебные помещения в здании напротив крематория должны быть пустыми; в госпитале для войск СС, который находился на втором этаже здания, стоящего около крематория, всем было строго запрещено подходить к окнам, из которых можно было увидеть двор и крышу мрачного крематория.

Когда все приготовления были окончены и Геслер убедился, что на оцепленной территории нет никого кто там не должен быть, на улице появилась понурая колонна людей. Она шла от железнодорожной платформы, находящейся на территории лагеря между складами хозяйственной команды и оружейным заводом; именно там выгрузили из товарных вагонов этих людей. Теперь они медленно идут навстречу неизвестному. У всех на бедной одежде большая жёлтая еврейская звезда. По угнетённым лицам видно, что эти люди уже много пережили; большинство из них уже старые. Из их разговоров можно понять, что до внезапного отъезда они

⁵³ Речь идёт о первой пробе циклона Б с целью умерщвления людей в подвале 11 блока. Это произошло 3 сентября 1941 г. См. также Воспоминания Гесса, стр. 85.

работали на фабриках, у станков, что хотят и дальше работать и быть всеми силами полезными. Колонну ведёт к крематорию всего несколько охранников без автоматов, но в карманах их спрятаны пистолеты. Эсэсовцы клянутся полным надежды людям, что каждый из них получит работу по профессии. Эсэсовцы поступают согласно инструкции, данной им Геслером; обычно солдаты, конвоировавшие людей в лагерь не скупились на удары палкой, чтобы „сохранить интервал“. Но в этот раз не было произнесено ни одного грубого слова. Тем более это было дьявольски продумано!

Открываются обе половины огромных въездных ворот в крематорий и, ничего не подозревая, колонна рядами входит во двор; всего 300—400 человек. Немного нервничает эсэсовец, который должен закрыть ворота за последним узником пересекающим порог. И вот ворота закрываются на засов. Грабнер и Геслер стоят на крыше крематория. Грабнер обращается к евреям, которые ничего не подозревают и ждут своей судьбы. „Сейчас вы вымоетесь и подвергнетесь дезинфекции, чтобы у нас в лагере не было эпидемии. После этого вы пойдёте в предназначенные для вас помещения, где вас ждёт тёплый суп; затем вас распределят на работу в зависимости от ваших профессий. Разденьтесь во дворе и сложите ваши вещи перед собой на земле“.

Все охотно следуют его словам, произнесённым в дружественном тоне совета. Некоторые радуются тёплому супу, другие тому, что окончилась неприятная неизвестность об их судьбе, которая действовала на нервы. Радуются тому, что злые предчувствия не сбылись; все чувствуют себя немного безопаснее после всех трудностей.

Граблер и Геслер продолжают давать с крыши крематория успокаивающие советы: „Поставьте сбувь рядом с одеждой, чтобы легче было найти её после бани!“ — „Есть ли тёплая вода?“ „Безусловно! Тёплый душ!“ — „Кто вы по профессии? Сапожник? Сапожники нам очень нужны. Прошу сразу после душа прийти ко мне!“

Разговоры в таком духе разбивают последние подозрения недоверчивых; первые уже вошли через предбанник в помещение для трупов. Всё сияет чистотой; только трудно дышать из-за какого-то специфического запаха. Напрасно смотрят в потолок, стремясь найти души или водопроводные трубы. А тем временем помещение заполняется. С шутками, ведя невинный разговор, входят в предбанник несколько эсэсовцев. Незаметно показывают друг другу на двери. Когда последний из транспорта входит в по-

мещение, эсэсовцы быстро отдаляются от дверей и немедленно закрывают их на засов. Двери сблты железом и проложены резиной, они завинчиваются на гайки, чтобы не проходил воздух. Закрытые изнутри люди слышат звук засова, их охватывает оловянный парализующий страх, они бьют в двери, стучат кулаками в бессильной злобе и отчаянии. В ответ им несётся иронический смех. „Только не обожгитесь, когда будете мыться” — кричит кто-то через двери. Некоторые заметили, что шесть отверстий в потолке были теперь открыты. Раздаётся крик животного страха, когда в одном из них показывается голова в маске. „Дезинфекторы” приступили к работе. Одним из них был унтершарфюрер СС Тейер, носивший военный крест заслуги. При помощи долота и молотка открывают несколько жестяных коробок. Они выглядят невинно, на них надпись: „Циклон для уничтожения паразитов. Внимание! Яд! Открывают только специалисты!” Коробки до краев наполнены голубыми зёрнами величиной с горох.

Как только коробки были открыты их содержимое высыпало в отверстия, которые сразу же прикрыли затворами.

А в это время по знаку Грабнера к крематорию подъехал грузовик. Шофёр включил мотор, и его оглушительный рокот был сильнее смертельного крика сотен людей, умирающих от газа. С научным интересом Грабнер следит за секундной стрелкой на своих часах. Циклон действует быстро, в нём есть цианистый водород, который улетучивается, когда банки открывают. Один из участников этого страшного мероприятия решается ещё раз приподнять затвор, чтобы сплунуть вниз. Немногим больше чем через две минуты крики стихают и переходят в хрипение; большинство уже без сознания. Ещё через две минуты, Грабнер опускает руку с часами.

Кончено. Глубокая тишина. Грузовик уехал. Охрана снимается. Одна из команд узников сортирует одежду, разложенную во дворе крематория.

И снова эсэсовцы, гражданские, работавшие на территории лагеря, идут по своим делам мимо заросшего холма, на одном из склонов которого, ветер спокойно колышет деревца. Только совсем немногие знают, какое страшное событие произошло в этом месте несколько минут тому назад, и какую картину можно увидеть за зелёной муравой в помещении с трупами.

Через некоторое время, когда вентилятор очистил воздух от газа, узники крематорийной команды открывают двери. Немного скорчившиеся, опирающиеся друг о друга, с широко открытыми ртами трупы, тесно сбились около дверей. В смертельном страхе,

люди стремились к ним, чтобы их выломать. Абсолютно апатичные, оцепевшие узники, делают свою работу, как роботы. Трудно вытащить трупы, соединившиеся в предсмертных конвульсиях; из-за газа тела потеряли эластичность и не гнутся. Из трубы вылетают густые тучи дыма. Так это началось в 1942 году!

Эшелон за эшелон пропадал в освенцимском крематории. Каждый день прибывало всё больше и больше эшелонов, нужно было наладить массовое убийство в огромном масштабе. Помещение было слишком маленьким, сжигание трупов занимало много времени, а Гитлер с нетерпением ждал уничтожения миллионов французских, бельгийских, голландских, немецких, польских, греческих, итальянских, словацких, чешских и венгерских евреев. Их привозили в Освенцим в товарных вагонах из пересыльных лагерей например, из Берн около Парижа, из Вестерборк в Голландии, из Терезина в Чехословакии и из Антверпена, Варшавы, Салоник, Кракова, Берлина, а позднее также из Будапешта. Вжезинку нужно было расширить. И через год это уже выглядело иначе.

[ДВА КРЕСТЬЯНСКИХ ДОМИКА]

На некотором расстоянии от Бжезинки, которая быстро расширялась, стояли в укромном месте два крестьянских домика, отделённые друг от друга лесом. Это были чистенькие, милые домики, оштукатуренные, выкрашенные ослепительно белой краской и покрытые соломой. Вокруг них росли фруктовые деревья, которых в этом районе было много. Таково было первое поверхностное впечатление. Никто не считал бы возможным тот факт, что в этих обыкновенных домах убито столько людей, что их количество могло бы равняться населению большого города. Внимательный наблюдатель обратил бы прежде всего внимание на вывески сделанные на разных языках: „На дезинфекцию“. Потом он бы заметил, что у домов нет окон, а зато непропорционально много, слишком массивных дверей с резиновыми прокладками. Двери эти закрывались на гайки, рядом с которыми находились небольшие деревянные клапаны. Не соответствовали виду этих домов и многочисленные конские бараки, такие же как те, что в Бжезинке служили помещениями для людей. Странными казались и дороги, ведущие к домам: на них были следы тяжёлых машин. Когда же оказывалось, что от задних дверей домов идут в направлении ям, закрытых плетёными крышками, рельсы узкоколейки, то уже не было сомнений, что эта территория имеет

специальное назначение. По бараку штаба комендатуры концентрационного лагеря Освенцим громко стуча сапогами, идёт унтер-офицер; пронзительный свисток разрывает тишину: „Прибыл транспорт!“ Усталые, ругаясь, выскакивают из-под тонких пуховых одеял эсэсовцы разных отделов: транспортного, управления имущества узников, отдела приёма прибывающих, руководства лагеря и „дезинфекторы“, которые уже работали этой ночью. „фердамт нохмаль!“⁵⁴ „Эти транспорты идут, как по конвейеру, нет ни минуты покоя. И что это прибыло сейчас?“ — „Кажется, Париж. А на вокзале уже стоит эшелон из Вестерборк. Это его должны подставить к платформе. А на завтра уже объявили транспорт из Терезиенштадт“.

„К чёрту! В Люблине⁵⁵ наверное ничего не делают. Все идёт к нам. Но может быть французы привезли по крайней мере много сардин!“ — Эсэсовцы уже оделись, перед баракком заработали моторы, машины стартуют в ночь. Из огромного гаража транспортного отдела выезжает шесть грузовиков. Они направляются в сторону железнодорожной платформы в Бжезинке. Санитары едут в своей машине; её трясёт на дороге, и каждый раз при толчке несколько жестяных банок падает и катится по полу машины. На них надпись: „Циклон“.

Примостились на боковых сидениях сонные „дезинфекторы“; висящие над их головами овальные железные коробки с газовыми масками, стучат одна о другую. Впереди около шофёра сидит обершарфюрер СС Клер; за постоянное участие в обслуживании транспортов его наградили военным крестом заслуги. В то время, как санитарная машина сразу же направляется к невинным крестьянским домикам, к „бункерам“, как обычно называли эти газовые камеры, грузовики и мотоциклы с солдатами едут на железнодорожный перрон в Бжезинке. На боковой ветке уже стоит Длинный товарный состав, вагоны закрыты, запломбированы. Проекторы заливают поезд и платформу ослепительным светом; за маленькими окошками, опутанными колочей проволокой, видны перепуганные человеческие лица. Часовые окружили вагоны стоящие у перрона; офицер рапортует начальнику эшелона, что охрана на местах, теперь можно приступить к разгрузке. Начальник конвоя, который сопровождал эшелон, почти всегда офицер полиции, передаёт соответствующие документы эсэсовцу из транспортного отдела; в этих документах указано откуда прибыл эшелон, номер поезда, а также год рождения и фамилии всех

⁵⁴ Ругательство.

⁵⁵ Имеется в виду концентрационный лагерь Майданек.

евреев, прибывших в Освенцим в этом эшелоне. А тем временем эсэсовцы из отдела начальника лагеря приступили к разгрузке вагонов. На платформе огромный хаос. Элегантные француженки в мехах и шёлковых чулках, бессильные старики и старухи, дети с головками в локонах, мужчины в расцвете сил, часть из них в вечерних костюмах, а часть в рабочей одежде. Выходят из вагонов женщины, неся на руках грудных детей. Выносят больных их собратья, спешащие прийти на помощь.

Прежде всего отделяют мужчин от женщин; страшные сцены прощания. Разделяют супругов, матери последний раз машут рукой сыновьям.

Колонны разделяют несколько метров, люди построены в шеренги по пять человек. Когда кто-то под влиянием боли разлуки пробует подбежать к другой колонне, чтобы подать руку дорогому человеку и сказать ему несколько утешительных слов, удар эсэсовца отбрасывает его назад. Теперь врач СС начинает делить людей на тех, кто по его мнению трудоспособен, и тех, кто непригоден к работе. Матери с детьми, по принципу, считались непригодными к работе, а также и те, кто производил впечатление слабого или бэльеого. К кузову грузовика подставляют передвижную деревянную лестницу. По ней нетрудоспособные люди должны взойти на грузовик; входящих по этой лестнице пересчитывают эсэсовцы из отдела приёма. Пересчитывают и трудоспособных, которые пойдут в женский и мужской лагеря. Весь багаж должен остаться на платформе; узникам объясняют, что его перевезут позже. Это почти что правда, с той только разницей, что никто из узников никогда уже не увидит своих вещей: всё попадёт в сейфы, на склады и кухню СС. Маленькие сумочки с самым необходимым, и то, что ещё есть на них, отберут у людей при приёме в лагерь.

После процедуры приёма в бане, несчастные жертвы безумной жажды уничтожения представляют жалостную картину. Недавно ещё элегантные и полные жизни женщины и девушки одеты теперь в мешковатую лагерную одежду в сине-белую полоску, волосы их острижены. Каждой из них на левом предплечьи вытатуировали лагерный номер; большинство скоро заломается под ударами судьбы.

Грузовики с нетрудоспособными людьми отъехали от платформы. Люди, находящиеся в них, спрашивают эсэсовцев, что означает огонь, видимый издалека. Молчаливые эсэсовцы дают малоубедительные ответы. Чаще всего они уже не стараются обманывать людей относительно их дальнейшей судьбы. Постоянные

передачи заграничного радио о Германии позволяли несчастным предчувствовать, что их ждёт в Освенциме. Но многие до последней минуты не считают возможным, чтобы немцы, которые любят говорить всему свету о том, что являются народом мыслителей и поэтов, были способны на такое варварство.

На платформе команда узников грузит на подъезжающие машины, оставленные узниками чемоданы и другие вещи, разбросанные повсюду. Машинист, который уже давно мог бы отвести состав, старается задержаться, он медленно обстукивает молотком паровоз, ожидая возможности украсть что-нибудь из лежащего на платформе будь то вещи или продукты. Эсэсовцы из отдела приёма со всей службистостью сравнивают результаты своих подсчётов со списком эшелона; небольшие различия не имеют никакого значения. На следующий день утром под стеклом на столе Грабнера лежит лаконичный рапорт: „Прибыло дня... транспортом №... 4722; из этого числа трудоспособных 612, нетрудоспособных 4110“. Каждый эсэовец получает специальный талон за участие в разгрузке транспорта⁶⁶. На этот талон ему выдают продукты и водку. Не удивительно, что алкоголь плывёт ручьями в штабе комендатуры. Высшие офицеры СС из команды лагеря получают продовольственные талоны автоматически, даже тогда, когда они не принимают участия в разгрузке эшелона. Через некоторое время платформа пустеет. Остались только деревянные лестницы, на которые входили сотни тысяч людей; жизнь их считалась уже только минутами.

Грузовики перевозят обречённых на смерть в бункеры. Уже сделано несколько рейсов. Людям приказывали раздеваться в бараках для лошадей, а потом их загоняли в газовые камеры. Часто случалось так, что таблицы с надписью „Дезинфекция“, болтовня эсэсовцев, и прежде всего крестьянские домики, вызывающие доверие своим невинным видом, приводили к тому, что люди не верили в смерть, думая что будут работать, да к тому же получают более лёгкую работу, соответствующую их здоровью.

Однако бывало и так, что целые транспорты не сомневались в том, что с ними хотят сделать. В таких случаях эсэовцы проявляли особую осторожность, потому что с ними могло случиться то же самое, что с одним унтершарфюрером СС, который был застрелен из собственного пистолета⁵⁷.

⁶⁶ См. Дневник Кремера стр. 201, запись от 5 сентября 1942 г.

⁵⁷ Брод имеет в виду факт, происшедший 24 октября 1943 г. В этот день из концентрационного лагеря Берген-Бельзен с транспортом главного управления имперской безопасности было привезено 1700 евреев из разных стран. Им говорили, что они поедут в Швейцарию, но на плат-

В ту минуту, когда все люди находятся в газовых камерах и двери за ними уже закрыты на засовы, большинство эсэсовцев кончает свою службу. Как до этого в старом освенцимском крематории, так теперь здесь, приступают к своей работе „дезинфекторы“. Только шум мотора грузовика кажется им ненужным. По всей вероятности осведомительная служба СС не знала, что жители не слишком отдалённой деревни Вэла⁵⁸, лежащей на другой стороне Вислы, не раз ночью были свидетелями этих страшных сцен. В блеске горящих внизу трупов, они могли различить вереницы обнажённых людей идущих от бараков-раздевалок к газовым камерам. Слышали ояи и крики избиваемых евреев, не хотевших идти в газовые камеры, и выстрелы. Это убивали людей для которых уже не было места в газовых камерах. Днём польские гражданские лица, строившие на расстоянии несколько сотен метров от крестьянских домиков новые большие крематории, видели как узники вытаскивали что-то из дверей этих „невинных домов“, потом грузили на плоские вагонетки и ехали в направлении огромных ям. Из этих ям днём и ночью поднимались тучи дыма. „Специалисты“ кляли в каждую яму, один на другой, тысячи трупов; их перекладывали дровами и поджигали метанолом этот „летний театр“.

Эсэсовцы из Освенцима убивали с радостью и систематически, не забывая о том, чтобы наполнить и кассы. Когда открывали газовую камеру и помещение её немного проветрилось приступали к своей наипрощнейшей принудительной работе узники специальной команды. При помощи инструментов они вытаскивали у трупов золотые зубы и собирали их в кастрюли. Продавали даже волосы узников, остриженных в бане!

Когда перед лежавшими на земле трупами мужчин и женщин, и словно заснувших детей, спрашивали какого-нибудь эсэсовца, почему нужно было уничтожить этих людей, падал ответ: „Так должно быть“. Пропаганда имела в лице этих людей слишком благодатную почву. Склонности к садизму, мания величия и духовная ограниченность — всё это позволяло этим существам, недостойным называться людьми, чувствовать себя представителями

форте железнодорожной ветки в Бжезинке, они поняли, что были обмануты и находятся теперь в лагере уничтожения. Тогда одна из женщин вырвала у эсэсовца револьвер и застрелила обершарфюрера СС Шиллингера, ранив одновременно унтершарфюрера СС Эммериха. Другие женщины бросились на эсэсовцев с голыми руками, те потребовали помощи. После этого часть узников расстреляли, других уничтожили гранатами, а остальных уничтожили в газовой камере крематория III. Их трупы были сожжены в крематориях II и III.

⁵⁸ Воля.

той расы, которая имела право отказать другим во всех жизненных правах и больше того, имела право их уничтожать любыми средствами. В еврее не видели человека. Кажется, никогда ещё поговорка „Смерть одного — хлеб другого“ не отразилась так полно, как в этом лагере уничтожения. Убийцы из Освенцима жили шумно и гордо до 17 января 1945 года, когда наступление русской армии положило конец этому кошмару.

Гиммлер был недоволен освенцимскими методами уничтожения. Прежде всего потому, что это шло слишком медленно. Во-вторых, огромные костры распространяли на многие километры такой запах, что невозможно было дышать. Ночью далеко было видно небо над Освенцимом; оно светилось красноватыми оттенками. Ведь без этих огромных костров не было абсолютно никакой другой возможности уничтожать бесчисленное количество трупов умерших в лагере и уничтоженных в газовых камерах. Труба освенцимского крематория и так уже была слишком видна в результате постоянного перегрева. Несмотря на то, что болтливых часовых наказывали драконовскими методами, обвиняя в том, что через них протекают тайны лагеря, невозможно было предотвратить того, что сладковатый запах и блеск огней ночью разносили вести о происходившем в лагере по близлежащим околицам. Железнодорожники рассказывали населению о том, что каждый день в Освенцим привозят тысячи людей, а лагерь не на столько расширяется, чтобы вместить всех. Полицейские, сопровождавшие транспорты подтверждали эту информацию. [...]

В самом лагере эсэсовцы относили к хорошему анекдоту тот факт, что немецкая печатка возмущалась катынским делом и восхваляла немецкую этику, моральность и гуманную систему ведения войны. Н?д этим искренне смеялись. Часовые имели возможность внимательно присмотреться к газованию, хотя об этом должны были знать только члены зондеркоманды. Отдел VI возглавлял обершарфюрер СС Книittel, который отвечал за морально-политическое воспитание войска. За свой театральный способ поведения он был прозван солдатами „военным спасителем“. Во время своих бесед он должен был прикладывать максимум усилий, чтобы поднять настроение среди своих подчинённых. Всё чаще слышалось, как обыкновенные солдаты говорили, что не представляют себе, когда кончится эта служба, не надеются быть свободными. Некоторые думали, что для сохранения тайны они, в конце концов, тоже попадут в газовые камеры. Знаменательно, что каждый считал, что Гиммлер способен на жестокость нужную Для такого шага. Плохое настроение углубилось ещё и потому,

что якобы ввиду распространения опасности эпидемии, почти на год лагерь объявили закрытым⁵⁹. Однако каждый знал, что настоящей причиной этого было стремление к тому, чтобы солдаты не имели возможности соприкосновения с гражданским населением.

[БУНТ В УКРАИНСКОЙ КОМАНДЕ СС]

Охранную службу в Освенциме несла и украинская воинская часть. Именно украинцы выражали мнение, что наступит день, когда охранные части будут уничтожены и они, как иностранцы, в первую очередь. Эти настроения впервые проявились открыто в тот день, когда украинцы должны были пойти в баню дня немецких войск, чтобы пройти дезинфекцию. Они отказались это сделать, и вошли в баню только после того, как им подал пример немецкий унтершарфюрер СС. Недоверие и враждебность среди охранного украинского отделения все время нарастала, и однажды ночью около 20 украинцев совершили побег⁶⁰, взяв с собой автоматы, карабины и амуницию. К преследованию было привлечено большое количество войск СС; когда украинцев настигли, они заняли выгодную позицию в каменоломне и забаррикадировались. Перестрелка длилась весь день; среди эсэсовцев было убито двое, украинцы потеряли семерых. Шестеро украинцев предпочли совершить самоубийство, чем попасть в руки СС. Один раненый был схвачен, а остальные сбежали. Этот раненый и трое предполагаемых сообщников взбунтовавшихся украинцев, были приговорены к смерти. Однако и после этого власти Освенцима всё же не чувствовали себя в безопасности и боялись заговоров. Поэтому все украинцы были переведены в концентрационный лагерь Бухенвальд⁶¹.

[ФАБРИКА СМЕРТИ]

Всё происшедшее указывало на то, что пришло время ликвидировать эти огромные костры и одновременно приступить к запланированным мероприятиям по уничтожению евреев в ещё более широких масштабах. Это должно было делаться в строгой тайне.

⁵⁹ Это означало аннулирование отпусков и пропусков для эсэсовцев.

⁶⁰ Ночью с 3 на 4 июля 1943 г. из команды охранников сбежало 16 эсэсовцев-украинцев, которые забрали с собой оружие и военную амуницию. Во время преследования беглецов один из них попал в плен, а 8 украинцев-эсэсовцев было убитых. Со стороны немецкой были убиты шарфюрер СС Рейнике и эсэсовец Стефан Рахбергер. Перестрелка имела место в районе Хелма Великого (прежде Хелма Силезского) около Беруния.

⁶¹ Речь идёт о переводе в гарнизон СС.

Всеми силами стремились, как можно быстрее, окончить строительство четырёх новых крематориев в Бжезинке. Два из них имели подземные газовые камеры, в которых одновременно можно было уничтожать 4 тысяч человек. К двум другим, которые были немного меньше, пристроили на уровне земли две газовые камеры, состоявшие из 3-х частей. Кроме того при каждой из этих фабрик уничтожения имелось огромное помещение, где „выселенные” могли раздеваться. В крематориях первым и вторым эти помещения находились под землёй. Каменная лестница шириной около 2-х метров вела вниз. Но ещё до того, как четыре новых крематория были пущены в ход, труба крематория I [II] лопнула и пришлось её ремонтировать. Крематории I [II] и II [III]⁶² имели по 15 печей, в каждую из них входило по 4—5 трупов. Центральное управление по строительству концентрационного лагеря в Освенциме так гордилось своими достижениями, что публично вывесило серию фотографий крематориев. Вообще не обращали внимания на то, что могут думать входящие и выходящие из здания этого управления люди. Гражданские лица имели возможность рассматривать фотографии расположенные в рчд; на них было пятнадцать крематорийных печей. Видящие эти фотографии задумывались пожалуй, не столько над техническими способностями руководства по строительству, сколько над смыслом этих сомнительных приспособлений гитлеровской Германии. Правда Грабнер вскоре постарался убрать эту своеобразную пропаганду, однако он не мог запретить начальнику строительства использовать гражданскую рабочую силу. Люди, работающие на строительстве, во всех подробностях знали устройство крематориев и повсюду рассказывали обо всём виденном.

Весной 1944 года Освенцим был в расцвете своей деятельности. Длинные составы курсировали между лагерем в Бжезинке и Венгрией, туда и обратно. Предполагали уничтожить всех венгерских евреев за один раз. Ответственность за это мероприятие нёс бывший комендант Освенцима штурмбанфюрер СС Гесс, возглавлявший теперь отделение Д I главного административно-хозяйственного управления СС в Берлине. Комендантом лагеря в Бжезинке был тогда гауптштурмфюрер СС Крамер, позднее продолжавший свою бесчестную деятельность в Бельзен⁶³. Железнодорожная ветка, ведущая к новым крематориям состояла из трёх путей. Это давало

⁶² Речь идёт о крематориях II и III. В скобках дана правильная нумерация
* Имеется в виду концентрационный лагерь в Берген-Бельзен.

возможность пропускать больше составов с людьми, обречёнными на смерть.

В среднем в Бжезинку привозили каждый день около 10000 человек. Процент людей, предназначенных для „специального помещения“⁶⁴ — с некоторого времени стали употреблять этот термин вместо „специальное отношение“ — был в этих транспортах особенно высоким; многие уже во время дороги сходили с ума в результате душевной депрессии и жажды.

А между тем вести об Освенциме разошлись во все концы. Когда люди, закрытые в переполненных товарных вагонах, видели через маленькое окошко вывеску с названием такой прославленной станции, никто уже не мог рассказывать им сказок.

Все четыре крематории работали в полную силу. Однако в результате перегрузки, снова перегорели печи и только крематорий III [IV] ещё дымил. Ничего не помогло, снова нужно было разжигать костры, чтобы уничтожить растущие за крематориями горы из тысячи трупов. Едва замирал последний стон, газовые камеры открывали для проветривания. Лагерные улицы были переполнены некончающимися колоннами новых жертв. Зондеркоманды работали лихорадочно⁶⁵, чтобы освободить как можно быстрее газовые камеры. Один из белых крестьянских домиков снова начал работать. Его назвали бункером 5 и Молль вёл там свои „весёлые“ дела. За крематории I [III] и II [III] отвечал сбершарфюрер СС Муфельд, который уже в Люблине набрал опыта по массовому уничтожению людей. Обершарфюрер СС Фосс отвечал за крематории III [IV] и IV [V]; работа в крематориях шла непрерывно.

В то время, когда вытаскивали последние трупы из камер и везли их через площадь, усеянную мёртвыми телами, чтобы сбросить в ямы, находящиеся за крематориями, в раздевалках газовых камер были уже следующие жертвы смерти. Едва хватало времени, чтобы убрать из раздевалок одежду. Иногда из-под горы вещей раздавались крики забытого ребёнка. Кто-нибудь из абсолютно озверевших палачей вытаскивал ребёнка, поднимал вверх и простреливал головку. Гесс всячески торопил эсэсовцев, которые часто бывали пьяны; они обслуживали пять объектов.

Русские заняли уже всю восточную Венгрию; нельзя было терять ни минуты. Прославленный Люблин, близнец Освенцима был уже в руках русских, и его газовые камеры не могли помо-

⁶⁴ „Гезондэрте унтербрингунг“ — шифр, обозначающий смерть в газовой камере.

⁶⁵ Во то время, когда было начато массовое уничтожение венгерских евреев, число узников зондеркоманды было увеличено до 1000 человек.

гать в массовом уничтожении людей⁶⁶. Поговаривали, что Гесс получит рыцарский крест к своему военному кресту заслуги.

Если предположить, что за несколько недель было уничтожено 1/2 миллиона человек, то эта цифра скорее будет занижена, чем завышена. В то же самое время регулярно прибывали эшелоны из Польши, Теризина и других мест.

Это массовое убийство страшно угнетало в лагере узников всех национальностей. Массовое умирание, которое в таком масштабе не было знакомо даже Освенциму, создало повсюду атмосферу депрессии. Многие потеряли своих последних родственников из Словакии или Польши, которые до 1944 года спасались на территории Венгрии. Узники-немцы⁶⁷ должны были смотреть на это уничтожение людей в бессильной ярости, полные стыда. Они понимали, что этот неповторимый позор падёт на немецкую культуру и войдёт в историю Германии несмываемым пятном.

Недели уничтожения венгерских евреев были одновременно апофеозом безумства и перелома в истории этого лагеря. Вскоре после этого гитлеровцы были вынуждены прекратить газование евреев; немцев вытесняли с оккупированных ими территорий. Прошло время, когда узники с серой безнадежностью смотрели на своё будущее; теперь они знали, что день освобождения не заставит их долго ждать. И эта уверенность позволила им собрать все свои силы, чтобы выдержать. И эсэсовцы чувствовали себя не очень-то уверенно во время обедов, где они ели оставшиеся после транспортов греческие фиги и венгерские колбасы. Про себя проклинали они татуировку под плечом и стали мягче относиться к узникам. Но забыть то, что произошло было невозможно. Из личных дел были вырваны все документы, имеющие отношение к „специальному помещению“ или „специальному отношению“. По распоряжению главного управления имперской безопасности так же поступили с документами, содержащими какие-либо сведения о наказании розгами.

[ВОССТАНИЕ В „ЗОНДЕРКОМАНДО“]

Осенью 1944 года⁶⁸ в Бжезинке произошла ещё одна страшная резня. В это время крематории стали работать меньше, а потому было решено сократить численность зондеркоманд. Из несколь-

⁶⁶ Советские и польские войска вошли в концентрационный лагерь Майданек 24 июля 1944 года.

⁶⁷ Брод имеет в виду немецких коммунистов и социал-демократов.

⁶⁸ Это произошло 7 октября 1944 г.

ких сотен узников зондеркоманд был составлен „транспорт в Гливице“. Они знали., что это означает. Людей погрузили на машины, которые сделали круг около Бжезинки, направляясь будто бы в другую сторону, а потом всех отвезли в газовые камеры.

Узники зондеркоманд были готовы на всё. Им удалось получить от своих товарищей⁶⁹, работавших на заводах фирмы Вейксель-Унион-Верке⁷⁰, взрывчатые вещества. Эта фирма выпускала военную амуницию. Из этих взрывчатых материалов изготовили примитивные гранаты и планировали взорвать одновременно все крематории. Сигналом к этому должен был послужить поджог крематория III [IV]. Но этот акт отчаяния потерпел поражение. Крематорий III [IV] был подожен и восьмидесяти узником, работавшим в крематории I [II] удалось преодолеть ограждение из колючей проволоки. Однако эти восемьдесят, как и сотни узников из других крематориев, особенно из крематория III [IV] вечером того дня лежали убитые перед разрушенным пожаром крематорием. Часть пойманных беглецов из крематория III [IV] загнали в неиспорченную газовую камеру. Оттуда их выпускали по 10 человек и приказывали ложиться ничком на площадке перед крематорием. Им стреляли в затылок. Так решили вопрос с „транспортом в Гливице“⁷¹.

Через несколько дней пятеро эсэсовцев гордо ходило по лагерю со „свежими“ железными крестами. Штурмбанфюрер СС Бэер⁷² выступил перед собравшимися отделами команд СС концентрационного лагеря Освенцим и подчеркнул, что это был первый случай, когда члены команд концентрационного лагеря получили от рейхсфюрера железный крест за „героическое усилие помешавшее массовому побегу“.

ЛИКВИДАЦИЯ ЦЫГАН

В программу уничтожения, которую поставила перед собой гитлеровская Германия, входили не только евреи и народы Востока, но и цыгане, которые „должны были исчезнуть из Европы,

⁶⁹ Точнее от узниц.

⁷⁰ В 1943 г. руками узников на территории внутри большой цепи стражи была построена оружейная фабрика, которая сначала принадлежала фирме Круппа, а потом фирме „Унион-Верке“.

⁷¹ Во время бунта погибло 451 узников членов зондеркоманды. Из них 250 погибло во время борьбы с эсэсовцами. Другие были убиты в ответ за смерть трёх унтершарфюреров СС и ранение 12 эсэсовцев.

⁷² Бэер.

как малостоящая раса". В феврале 1943 года комендант Освенцима получил по телеграфу важный документ из отделения V главного управления имперской безопасности, фигурирующего под названием управление уголовной полиции. В этом циркуляре говорилось, что вскоре в Освенцим будет направлено несколько тысяч цыган; в нём подчёркивалось, что временно „не надо относиться к цыганам, как к евреям". И вскоре в Освенцим прибыл живописный цыганский люд; это были цыгане из Франции, Венгрии, Чехии, Польши и Германии. Они приехали с детьми и со всем своим движимым имуществом.

Их поместили в Бжезинку, на специальном участке цыганского лагеря. Более подробные инструкции относительно судьбы цыган пришли в марте; это были срочные письма на бумаге с красной каймой. В них говорилось, что по приказу рейхсфюрера все цыгане „вле зависимости от степени смешания крови" должны быть направлены на работу в концентрационные лагеря. К исключению относились только те чистокровные и со смешанной кровью, которые имели постоянное местожительство, работу я были привычны к общественной жизни. Но это исключение существовало только на бумаге, потому что именно таких цыган легче было арестовать, и именно они составляли большинство среди находившихся в лагере. Девушки-машинистки из Вермахта, рабочие из ОТ⁷³, ученики консерваторий и другие, живущие солидно и работающие многие годы — все они вдруг оказались в лагере. Им вытатуировали номер на предплечьи, остригли волосы, одели в бело-голубую полосатую лагерную одежду. Но это было ещё не всё, безумство ширилось. Были привезены с фронтов сотни солдат, которые даже и не подозревали, что в них есть примесь цыганской крови. Им приказали снять мундиры, а затем доставили в лагерь только потому, что они имели двенадцать процентов или ещё меньше цыганской крови. Каждый день люди, награждённые железным крестом, вдруг становились „антиобщественными" и попадали за колючую проволоку в Освенцим. Это не должно было бы иметь места, если бы точно выполнялись секретные приказы, согласно которым в концентрационный лагерь должны были доставлять только тех солдат, которые не соглашались на стерилизацию и не имели военных наград. Но перед арестом их никто не спрашивал об этом. Всем говорили, что их везут в цыганскую деревню. Все приказы, полученные по цыганским делам из управления имперской уголовной полиции и из „Центра Рейха по уничтожению цыганского бедст-

вия", были подписаны советником по уголовным делам Отто, доктором Риттером. и Бёлгоффем.

В Освенцим было доставлено 16000 цыган⁷⁴. Через несколько месяцев больше чем $\frac{1}{3}$ из них умерла от сыпного тифа. Гитлеровцы хотели уничтожить всех цыган, но, хотя это и неправдоподобно, в Берлине испугались собственной отваги и долго медлили с разрешением цыганского вопроса; только в июле 1944 года Гимлер приказал оставить в лагерях всех трудоспособных, а остальных отправить в газовые камеры⁷⁵. Семьи были разделены; трудоспособные никогда ничего не узнали о своих родителях, детях, и никогда больше не увидели их. Всё что произошло с цыганами было уже слишком много даже для некоторых эсэсовцев из Освенцима; они встретили знакомых из родных мест и не могли понять почему испытанные, хорошие солдаты без малейшей вины, только из-за расовой принадлежности, должны находиться в лагере, да к тому же без всякой надежды на освобождение. В отдельных вопиющих случаях, шедших в разрез с секретными приказами, руководство лагеря посылало запросы в вышестоящую инстанцию с предложением освободить того или иного узника; оно очень несмело указывало на противоречие между приказом и его исполнением. Но уголовная полиция не хотела показать, что её инструкции часто не соответствовали основным приказам, а потому отрицательно реагировала на запросы руководства лагеря. Цыган говорит неправду, факты показывают, что он никогда не был награждён, что был известным скандалистом, что частые кражи, виновников которых не удалось обнаружить, прекратились после ареста данного цыгана — таковы были общие фразы, которые обосновывали арест. В центре знали, что всемогущий рейхсфюрер хотел полного уничтожения цыган, исчезновения их с лица земли. Было известно, что исключения из приказов, являются бумажными декорациями к главным приказам об уничтожении цыган, и что из-за мягкости было попасть в немиловость легко. Позже советник по уголовным делам Отто написал в Освенцим, что просит „позаботиться о том, чтобы таких писем в будущем не бы по“.

В отдельных случаях, когда речь шла о людях, имеющих высокие награды, давали согласие на их освобождение при условии, что они поддадутся стерилизации. Но почти никого нельзя было склонить к этому, потому что слишком хорошо были известны методы

⁷⁴ См. стр. 59, прим. 57.

⁷⁵ См. стр. 61, прим. 62.

стерилизации института гигиены. Было кое-что известно о многочисленных смертельных случаях среди тех, кто подвергался эксперименту. Некоторые добровольно отказывались от освобождения из лагеря, потому что их детей и жён хотели оставить в лагере, или потому, что тут же перед освобождением из лагеря они узнавали, что их семьи до этого остававшиеся на свободе, привезены в лагерь.

Ярким и страшным примером может послужить история цыганской семьи Дикулич-Тодорович. Это были хорватские граждане, 9 человек. Хорватское посольство получило от отдела уголовной потгации Рейха согласие на их освобождение. Всё движимое и недвижимое имущество цыган, так же как и евреев, переходило „в поьюзу Германии“, а потому согласию на освобождение этой семьи предшествовали переговоры о возвращении ей имущества. Наконец, летом 1943 года узники могли быть переданы Хорватии. Но Грабнер считал, что это идёт в разрез с его заботами о пользе государства; по его мнению цыгане испортили бы дружественные отношения между Хорватией и ГерхМанией, рассказывая о происходящем в Освенциме. Он самым обыкновенным способом медлил с выдачей приказа об их освобождении часто сообщая в Берлин, что эта семья не может прервать карантин из-за господствующей будто бы эпидемии сыпного тифа. А в это время члены этой семьи умирали один за другим, не выдержав условий жизни в лагере. И, в конце концов, в живых остался только четырёхлетний мальчик, любимец всех узников. Все его понемногу подкармливали. Но об его освобождении из лагеря уже никто не заботился. При уничтожении цыганского лагеря, когда трудоспособные были отправлены в концентрационные лагеря Бухенвальд, Миттельбау и Равенсбрюк, его вместе с другими нетрудоспособными детьми и старыми тюдми, отправили в газовую камеру.

[„ОТБРОСЬТЕ ВСЯКУЮ НАДЕЖДУ“]

Часто случалось, что через несколько часов после ликвидации транспорта, в Освенцим приходили телеграммы из главного управления имперской безопасности или из главного административно-хозяйственного управления СС. Они были подписаны штурмбанфюрером СС Эйхманом или оберштурмбанфюрером СС Либегеншлем, который позже стал комендантом Освенцима. Дело было в том, что когда транспорт уже находился в дорсте из Парижа или какого-нибудь другого города в Бжезинру, оказывалось, что в результате вмешательства дипломатического представитель-

ства одного из дружественных государств или собственной ошибки кто-то из транспорта не должен был оказаться в лагере, потому, что был арийцем. Бывало и так, что главное управление имперской безопасности по каким-то соображениям считало нужным освободить арестованного, уже направленного в лагерь уничтожения. Фамилии людей были занесены в общий список транспорта; начальник эшелона передавал его в отдел прчёма концентрационного пагеря, где его и хранили среди документов канцелярии.

Привезенных в лагерь на работу, регистрировали в отделе II, а кроме того на них заводили личные листы или карточки, которые шли в картотеку. В рубрике „причина прибытия” в лагерь писали обычно — „в соответствии с распоряжением главного управления имперской безопасности № ...”; номер зависел от того, откуда приходил транспорт. Фамилии прибывших заносили и в общий список согласно порядковому номеру. Фамилии лиц, указанных в телеграмме, искали прежде всего в списках прибывших в лагерь. Если фамилии не нашли, было уже поздно. Контроль транспортного списка в отделе приёма подтверждал, что разыскиваемое лицо прибыло в данном транспорте и как нетрудоспособное было подвергнуто „специальному отношению”. Не следует однако думать, что нетрудоспособными были только калеки, старые и тяжелобольные люди. Врач эсэсовец, производящий селекцию на платформе железнодорожной ветки среди толпы прибывших людей, принимал решения довольно произвольно. Не больше 10—15% людей из каждого транспорта признавали годными к работе. Гитлеровцы всячески уверяли, что самое важное — это сохранение рабочей силы. Но на деле их главным заданием было уничтожение как можно большего количества „врагов государства”. Иначе каждую ночь не ехали бы телеги с колбасой и мясом, отобранными у прибывших, с кухни узников на кухню СС. Кухней узников заведывал унтершарфюрер СС Эгерсдорфер, а кухней СС — обершарфюрер СС Шефлер. Когда эти двое бывали в ссоре, сейчас же прекращались „специальные поставки” и питание эсэсовцев значительно ухудшалось. В концентрационных лагерях было много нелогичных фактов. Например, с одной стороны стремились сохранить как можно больше рабочей силы и увеличить продукцию, а с другой — постоянно ухудшали условия жизни в лагере и массово уничтожали здоровых людей. Если запросы главного управления имперской безопасности относились к старым транспортам, как правило, трудно было что-либо установить. Старые транспортные списки уничтожались и ничего нельзя было узнать о судьбе данного

человека. Ответы формулировали расплывчато: лицо о котором запрашивали „не находится в списках“ или „не было в списках“ или „нет в картотеке“... В настоящее время, после уничтожения лагерных документов перед приходом русских, судьбы миллионов людей покрыты мраком неизвестности. Нет уже ни транспортных списков, ни списков прибывших⁷⁶.

Транспорты главного управления имперской безопасности состояли только из евреев предназначенных к уничтожению. Это были люди из всех стран, оккупированных гитлеровской Германией. Во всех других случаях к отдельным лицам применяли охранный арест — по политическим причинам и предварительный арест, если речь шла об уголовном деле; их осуждали тайная государственная полиция или уголовная полиция. Вся эта система была выдумкой нацистского режима и преследовала одну цель: создание условий для исчезновения на длительный срок или навсегда, без особых церемоний и судебных разбирательств, всех нежелательных соотечественников или иностранцев, которые казались подозрительными или опасными. Если исключить из числа узников концентрационных лагерей уголовников, то остальные содержавшиеся там люди, согласно немецкому законодательству, были арестованы без юридического основания. Абсолютное своеволие могло господствовать здесь без всякого контроля. В бесчисленных случаях узник вообще не знал на каком основании он арестован. Особенно на оккупированных территориях, при господствующим там терроре, было на повестке дня высылать в концентрационные лагеря на основании простого подозрения или по недоброжелательству какого-нибудь гестаповца. Это касалось людей, чувствовавших себя абсолютно невинными.

Примером того как часто попадали в лагерь из-за личной неприязни высших чинов полиции и СС, может послужить дело Коха. Инженер Георг Кох был доставлен в лагерь из Вроцлава; его обвиняли в том, что он обогатился на войне; материал, которым располагали обвинители был абсолютно недостаточен для нормального судебного разбирательства и поэтому к Коху применили „охранный арест до отмены“. Через несколько месяцев вроцлавское гестапо, направившее Коха в Освенцим, известило комендатуру Освенцима о скором прибытии судебного референта по делу Коха. Нужно было устроить встречу этого референта по фамилии Морава, с Кохом. Разговор состоялся в одной из

⁷⁶ Небольшое количество транспортных ведомостей и списков новопривывшие узников хранится в настоящее время в архиве Государственного музея в Освенциме.

комнат комендатуры, где Морава сказал Коху, что один бригадефюрер СС хочет купить его землю, стоившую около 1 миллиона марок. Кох однако не соглашался говоря, что купил её для своего сына, военного инвалида, который позже будет вести там хозяйство. Настойчиво, с угрозой, в форме исключаяющей всякие сомнения, Морава обратил внимание Коха на то, что его отказ вызовет недовольство влиятельного бригадефюрера и, что это будет иметь плачевные результаты. Кох знал, что его жизнь зависит от милости и немилости самовластия, и что нет способа защиты против этого шантажа. Абсолютно беспомощный в создавшейся ситуации, он, в конце концов, выразил согласие на продажу при условии, что его сын тоже согласится на это. Морава уехал, уверенный в своей победе. Он знал, что без труда получит согласие сына, беспокоящегося за жизнь отца, если к тому же намекнет ему, что судьба отца находится в руках СС.

Время от времени бывало и так, что узника присылали в лагерь на определённый срок. За это время нужно было решить продолжать держать его в лагере или освободить. Однако этому придавали мало значения, так же как и распоряжению о разной степени строгости режима в отношении к узникам. Таких степеней было три. Однако всё существовало только на бумаге, а в действительности было так, что хуже всего приходилось невиновным. Именно они получали самую тяжёлую работу, а узники-капо, надзиравшие за ними чаще всего имели несколько судимостей и были жестокими типами.

Редко, но бывало, что карательные органы, пославшие человека в лагерь, вдруг решали освободить его и обращались в комендатуру лагеря с запросом о его поведении, результатах его работы и политических взглядах. В первую очередь эти документы поступали к Грабнеру. Он просматривал личные дела и давал собственную полицейскую характеристику. Если это был узник по социальному положению относящийся к интеллигенции, то заранее можно было сказать, что никакой надежды на положительную характеристику быть не может. А если это был иностранец, то дело было абсолютно проигранным. Ненависть Грабнера к интеллигенции — при самом большом желании его к ней отнести было невозможно — была безгранична. Затем он интересовался поводом ареста и лагерными наказаниями. В зависимости от всего этого он писал на бумаге 1, 1/2, 2; за цифрами шла витиеватая подпись „Гр“. 1 — означало положительную характеристику. Чаще всего её получали капо кожевенного завода, промышленных предприятий, бойни, молочной фабрики и огородного хозяйства. Оттуда снабжали

Грабнера „налево“ мебелью, предметами домашнего обихода и продовольствием. 1/2 — это означало, что пока ещё характеристика отрицательна, но в следующий раз будет положительной. 2 — отрицательная характеристика.

С решением Грабнера характеристика шла дальше, к начальнику лагеря. Всегда точка зрения Грабнера принималась как основная. Если Грабнер ставил двойку, узник мог как угодно стараться перед начальством: в документе, выходящим из лагерной администрации говорилось, что узник ленив, непослушен, а его политические взгляды неясны. Часто эта характеристика заканчивалась словами: „... до настоящего времени пребывание узника в лагере не сделало из него человека ценного для общества, добропорядочного, а поэтому не соглашаюсь на его освобождение из лагеря. Комендант“.

А Грабнер, почти всегда, писал 2.

Когда же лагерные власти и в первую очередь Грабнер, были положительно настроены по отношению к узнику, тогда после определённого периода у него были перспективы на освобождение, конечно, если приходил запрос из учреждения, которое направило узника в лагерь. Но эти два положительных фактора в процентном отношении были очень редки.

Можно было несколько раз запрашивать лагерное начальство, но пока характеристика была отрицательной, нельзя было поставить вопроса об освобождении того или иного узника в главном управлении имперской безопасности. Но, конечно, комендатура лагеря не слишком часто должна была давать характеристики: запросы были довольно редким явлением.

Среди освенцимских узников было немного поляков. Обращал на себя внимание тот факт, что у них были маленькие номера. Они попали в лагерь по распоряжению краковского гестапо и его отделения; их привезли с первыми эшелонами, которые состояли из невинных людей, арестованных во время уличных облав, или попавших в руки гестапо в качестве заложников. Многих обвиняли в том, что они читали листовки польского движения Сопротивления и не доставили их немецким властям. Большинство из них пало жертвой лагеря, никто из этих транспортов не был освобождён, никогда не было ни одного ходатайства об освобождении. В Освенциме знали, что краковское гестапо потеряло все акты этих несчастных людей. Никто не хотел в этом признаться и просто ожидали пока не придёт извещение о смерти последнего из этих людей.

У Грабнера было большое воображение, граничащее с манией

преследования. Ему всё время казалось, что польская интеллигенция, находящаяся в лагере, организует подпольную работу и готовит вооружённое нападение; в каждой мелочи видел он акт саботажа, грозящего государству. И тогда в его мозгу зародился план, необъятность которого он сам не в состоянии был понять. Он приказал просмотреть все личные дела поляков с целью установить кого и в какой степени можно отнести к интеллигенции. На обложках личных дел узников-интеллигентов писали — СП⁷⁷, что значило „Зондерполе“. Таких дел было около 5000. Этих людей Грабнер хотел поочередно расстреливать в блоке 11. Однако Грабнеру не суждено было реализовать свои планы. Справедливая судьба заставила его расплачиваться за всё содеянное и привела его самого к тому, на что он обрекал тысячи людей — к ожиданию приговора смерти⁷⁸.

[„ЧЕСТЬ“ ЭСЭСОВЦА]

Политика Гитлера, направленная на уничтожение евреев, не сводилась только „кидеологическим мировоззрениям“ и „очищению Европы“; она служила в огромной степени финансированию и расширению немецкого военного потенциала. За время существования лагеря у людей, обречённых на смерть было отобрано неисчислимое количество немецких и иностранных денег. В больших сортировочных бараках отдела ценных предметов и на складах СС концентрационного лагеря Освенцим можно было увидеть бриллианты, тысячи золотых колец, цепочек, часов, горы мехов, одежды и других предметов. Одежду и хозяйственные вещи целыми составами высылали в Комиссариат Рейха для укрепления страны. Администрация лагеря была не в состоянии наладить сортировку наплывающих в огромном количестве разных предметов; в результате горы дорогого белья, высотой с дом, неделями лежали на улице и портились. Чемоданами носили в подвалы лагерной администрации ювелирные изделия, банкноты, монеты; не успевали всего просматривать и пересчитывать. Целый штаб людей день за днём считал деньги, получались астрономические суммы. Грузовые машины под охраной автоматчиков везли эти сокровища в Берлин.

Не один удивлялся тому, что СС, которая в начале войны едва могла закупить для себя необходимое оружие, через несколько

⁷⁷ Специальный поляк.

⁷⁸ Грабнер был отдан под суд СС. Ему было предъявлено обвинение в превышении своей власти. Его приговорили к смертной казни.

лет могла уже построить целые улицы с фешенебельными жилыми и административными зданиями.

В Бжезинке десятки тысяч буквально лежали на дороге: эти деньги выбрасывали с презрением люди, которых везли на грузовиках с железнодорожной платформы в газовые камеры. Большинство конвоиров, находя эти деньги, не могло удержаться от соблазна, и, несмотря на драконовские наказания, грозящие им, они припрятавали часть этих денег, или вообще ничего не отдавали в денежное управление.

На вокзале можно было купить у железнодорожников и спекулянтов любое количество водки; спекуляция давала огромные деньги. Продавали за золотые доллары, рубли или марки. У покупателей была разная валюта в достаточном количестве.

Всё это было известно в Берлине и там были недовольны этой коррупцией и отсутствием этики. Гиммлер выслал специальную комиссию, которая должна была принять острые меры и ликвидировать нежелательный дефицит. Во главе её стоял доктор Морген; в Освенциме работали прежде всего оберштурмфюрер Реймерс, гауптштурмфюрер Барт⁷⁹ и гауптштурмфюрер доктор Фишер. Все они были членами гестапо. В Освенциме дошло до того, что был взломан бункер лагерного денежного управления в котором хранили валюту. При большом количестве чемоданов с непересчитанными деньгами, было невозможно установить ни сколько чемоданов украдено, ни тем более суммы.

А в это время польское движение Сопротивления продолжало самоотверженно бороться, стараясь разоблачить тайны Освенцима, и рассказать миру обо всём, что там происходит. Много сведений дали те, кому удалось сбежать. Кроме того, гражданские лица, работавшие в лагере, выносили оттуда записки. Был составлен документ под названием „Лагерь смерти“. Возможно, что посторонние принимали этот документ, как немного преувеличенную пропаганду, однако в нём говорилось только о незначительной части того, что происходило в лагере. Один экземпляр этого документа был прислан из главного управления имперской безопасности в комендатуру Освенцимского лагеря. На нём была резолюция: „Прошу высказать своё отношение“. Берлин был взбешён, там хотели знать каким образом всё это просочилось наружу. Знали поляки и об убийствах в блоке 11!

Через некоторое время радио Довентри огласило приговоры смерти нескольким видным эсэсовцам из Освенцима за убийство

⁷⁹ Должно быть Барч.

немецких, французских, польских и русских граждан. Теперь Гиммлер потерял терпеливость и приказал комиссии в первую очередь заняться этими делами и начать расследование против всех, кто несёт за это ответственность. В конце концов, не он отвечает за то, что „без его приказа“ в каком-то концентрационном лагере решали о „жизни и смерти врагов государства“. Это было его привилегией и никто кроме него не имел права решать судьбы узников, особенно не евреев.

Должны были упасть головы наиболее ретивых помощников палачей. В то утро они должны были взять на себя всю вину для того, чтобы их сослуживцы стали безупречными в свете закона. Грабнер был арестован. Он говорил, что комендант и Мильднер знали о расстрелах и соглашались на них. Но это не помогло. В то время Мильднер был уже в Дании как инспектор полиции безопасности и службы безопасности; он был на недосягаемом расстоянии. Комендант вывернулся, давая ложную клятву; так же вёл себя Аумейер и другие ээсовские чины, имевшие решающий голос в делах 11 корпуса; например, гауптштурмфюрер СС Шварц, позднейший комендант подсобного лагеря в Моновицах или оберштурмфюрер СС Гофман. Это трусливое поведение отозвалось эхом и вызвало недовольство в широких кругах СС. Поэтому нельзя было сразу привести в исполнение планируемого смертного приговора. Казнь Грабнера всё время откладывали, вели следствие; это длилось месяцами. Грабнер находился в тюрьме гестапо. Когда приговор был окончательно принят — 12 лет тюремного заключения — Грабнер был, духовно и физически, абсолютно сломанным человеком. Наступление Советской армии закончило этот театральный процесс. Таким образом поведение, которое „рейхсфюрер так решительно осуждал“ получило возмездие, которого рейхсфюрер никак не желал.

В страшной панике покидали Освенцим в конце января 1945 года. Всех узников, которые ещё могли идти, погнали в глубь Германии, где большинство через три месяца было освобождено⁸⁰. Больных бросили в Освенциме и подсобных лагерях; их охотнее всего расстреляли бы, но страх уже сидел на шеи всех чинов СС и никто не имел смелости отдать приказа⁸¹.

⁸⁰ Эвакуацией в глубь Германии было охвачено около 60 тысяч узников и узниц. Они шли в колоннах, большинство из них погибло после прибытия в другие лагеря из-за полного отсутствия сил. Дожившие до апреля погибли во время следующей эвакуации узников (апрельской), когда узников стали перегонять ещё дальше в Германию.

⁸¹ Слабых и больных узников, оставленных в различных освенцимских лагерях, должны были расстрелять специальные отряды СС, которые затирали следы массовых убийств. Этот

Перед всеми служебными зданиями в Освенцимском лагере польхал огонь: горели документы. Крематории, служившие для проведения самого большого массового убийства в истории человечества, были взорваны. Где-то среди руин лежала снетённая жестяная миска, из которой какой-то узник ел когда-то водянистый суп. Неловкой рукой на ней была выцарапана лодка на бушующем море, а над ней надпись: „Don't forget the forlorn man!”⁸². На оборотной стороне был самолёт с американской звездой, который сбрасывал бомбу. Рядом была надпись: „Vox Dei!”⁸³.

приказ частично был выполнен в Бжезинке, где 25 января 1945 года было расстреляно 350 еврейских узников и узниц, а 27 января того же года, в подсобном лагере Фюрстенгрубе было застрелено или сожжено живыми почти 200 узников. Специальные отряды СС не успели однако выполнить приказа, потому что им грозило окружение советскими войсками Первого Украинского фронта. Освенцимский лагерь был освобождён войсками этого фронта 27 января 1945 года, в нем оставалось 7650 узников и узниц.

⁸² Нельзя забыть об уничтоженных людях.

⁸³ Голос бога.

ДНЕВНИК

ИОГАННА
ПАУЛЯ
КРЕМЕРА

[1940]

26.11.1940 Фюрер награждает меня почётной медалью за верную службу¹.

[1941]

10.4.1941 (зелёный четверг) В связи с тем, что меня зачислили в армейские соединения СС², я был направлен на медицинскую комиссию СС в Дюссельдорф (президиум полиции). После обеда был у Гретхен³. Хорошая предвесенняя погода, приятная прогулка по бульвару.

20.5.1941 Областная военная комиссия в Мюнстере дала мне приказ записаться в картотеку Вермахта 9. 5. 41. Вызван на понедельник, 12. 5. 41. Свидетельство о „крайней необходимости“ моего присутствия невозможно от Гейнемана⁴ получить. Бехер⁵ предла-

¹ В дневнике нет точного описания этой медали.

² Группы Ваффен СС насчитывали в начале войны в 1940 г. — 100 тысяч человек, а в конце войны, в декабре 1944 г. — 950 тыс.

³ Автор не указывает в дневнике фамилии этого человека.

⁴ Нет точного указания на то, какой пост занимало это лицо, вероятнее всего речь идёт о ком-то из университета.

⁵ Из записей от 4.12.1942 и 26.12.1943 ясно видно, что Бехер был деканом медицинского факультета. Кремер записал 14.10.1940 г., что: „... сегодня было опубликовано назначение Бехера директором Института анатомии“.

гает мне установить непосредственный контакт с СС. Документы отданы [20 мая 41].

- 30.5.1941   Статья: „Наследственные или приобретённые? Заслуживающая внимания проблема наследственности полученных увечий” выслана сегодня профессору Д-ру Г. Юсту, Берлин-Далем, с целью публикации в журнале, посвященном вопросам наследственности и конституции человека.
- 31.5.1941   Статья: „Новые основы исследований клеток и тканей” выслана сегодня редактору журнала „Микрокосмос”, д-ру философии Г. Штели, Штутгарт-О, Пфисерштр. 5—7. Руководство редакции прислало мне просьбу о том, чтобы я написал соответствующую статью.
- 3.6.1941   После обеда я поехал в Штельберг⁶; осмотр молодой абсолютно бесхвостой кошки Вурта⁷. Многочисленные саламандры и жабы личинки в пруду. Сфотографировал новую лошадь. Потом поехал в Оберфельд к Марии⁸, у которой скоро будет третий ребенок. Ужин. Возвратился через Штельберг на Гартегассе, куда Альберт⁹ принес мне еще „Петра”¹⁰ в спальном мешке и корзине, чтобы я его посмотрел. Рудольф снова потерял сознание¹¹.
- 14.6.1941   Приказ явиться 18 июня 1941, в 14.00, в санитарное управление СС в Берлине В 15, Кнезебекштр. 43—44.

* Населённый пункт недалеко от Мюнстера.

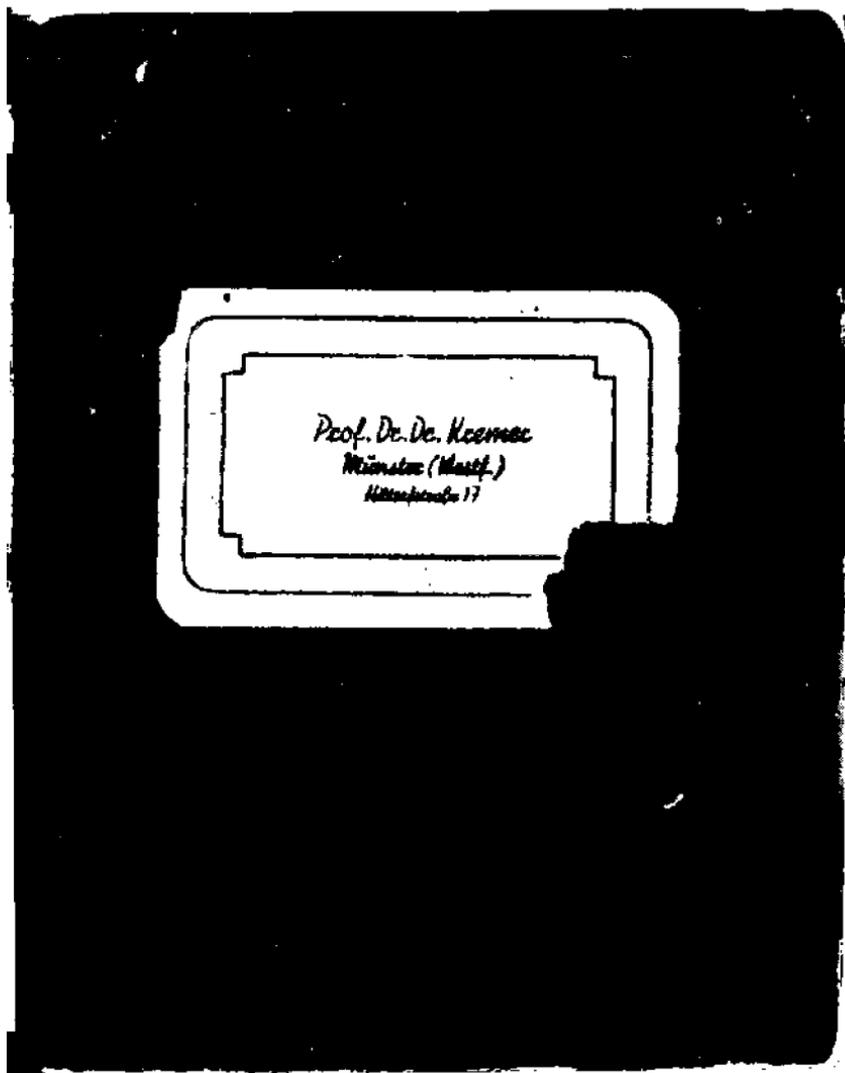
⁷ Нет более подробной информации об этой личности. Может быть речь идёт об одном из родственников матери Кремера, девичья фамилия которой Вурт. [Процесс команды освенцимского лагеря перед Верховным народным трибуналом в Кракове (цитируется далее — Процесс команды.) т. 59, кн. 9 и 13].

⁸ В дневнике нет подробных данных.

⁹ Альберт — вероятнее всего имя упомянутого выше Вурта.

¹⁰ Имя кота.

¹¹ Можно предположить, что это двоюродный брат, потому что в записи от 15.4.1905 г. указано: „в Штельберге родился мой двоюродный брат Рудольф”.

Сдна из тетрадей дневника Кремера с записями, сделанными им во время службы в концентрационном лагере Освенцим.

- 18/19.6.1941   Отъезд из Мюнстера в 22. 29. В Халш воздушная тревога. Прибытие в Берлин-Фридрихштрассе в 7. 08. Псбрился, вычистил обувь, потом автобусом № 1 на Кнезебекштрассе. Там огромное удивление: „Нет, на что это похоже, уже начали призывать профессоров!“. Явился к дивизионному врачу. Там был принят в армейские соединения СС — аванс на гауптшарфюрера и отпуск в Мюнстере до момента вызова. Заполнил анкеты и написал автобиографию. Потом обедал у Ашингера и затем „57“ вернулся на Кайзераллес на медицинскую комиссию. Потом снова на Кнезебекштрассе в санитарное управление, там долго ждал и, наконец, освобождение. Ужин в Линденресторане и после небольшой вечерней прогулки в 21.48 уехал переполненным скорым поездом. Всю дорогу стоял в коридоре и от Ганновера опять воздушная тревога. Приехал в Мюнстер 6.15. Не было ключа и из-за этого ждал перед домом. Наконец, открывает Ирмгард от Витцманов¹² и впускает меня наверх, но двери в комнату открыть не удалось. Потом к Глазер¹³, Киндерхаузерштр. 16 за ключами и канарейкой. Потом в анатомию¹⁴, а после обеда немного „подремал“, после того, как два дня и две ночи не снимал одежды.
- 30.6.1941   Юст отослал статью „Наследственные или приобретённые“ указывая на то, что её нужно наполовину сократить и ограничиться только представлением чисто фактического материала.
- 16.8.1941   Санитарное управление позвонило из Берлина на кафедру анатомии, сообщая, что я должен взять железнодорожный воинский билет и тот

¹² Фамилия соседей Кремера. Дальше Кремер пишет Витцман. Он был гауптштелленлейтером в гитлеровской партии.

¹³ Видимо речь идёт о дочери домработницы Кремера.

¹⁴ Институт анатомии — место работы Кремера.

час же выехать в госпиталь СС в Мюнхен-Дахау¹⁵. Гафиксбек¹⁶, который разговаривал по телефону не смог меня найти.

18.8.1941
(понедельник)

Когда я уже выходил фрау Люкке¹⁷ сказала мне, что в субботу кто-то хотел со мной говорить, потому что я куда-то должен „явиться“. В результате этого я пошёл в районную воинскую комиссию, где никто не знал о том, что я призван. После обеда ещё раз пошёл в центр, потому что послезавтра хотел поехать в отпуск в Марбург, и случайно встретил Гафиксбека, который, наконец, передал мне повестку о моём призыве. Эдом, которого я подробно расспрашивал ещё сегодня утром, не знал ни о чём. Короче, я сразу же пошёл в областную военную комендатуру и оформил воинский билет в Мюнхен-Дахау.

19.8.1941
(вторник)

Отметившись в комендатуре города, я выехал вечером в 7.32 через Дортмунд, Эссен, Кёльн, Майнц, Мангейм, Гейдельберг, Штутгарт, Аугсбург, Ульм в направлении Мюнхена.

20.8.1941

S

Прибыл в Мюнхен в 11.00, в 12.10 дальше в Дахау, был там приблизительно в 13.15. Явился к главному врачу штурмбанфюреру Росману, который направил меня в хирургический отдел. Получил форму и комнату, совершенно новую, в бараке санитарных врачей помещение № 17.

21.8.1941
Унтерштурм-
фюрер
Вольфбауэр.

Явился к начальнику хирургического отделения гауптштурмфюреру Мораве. После обеда вместе с ним был в поликлинике и при случае познакомился с его женой. Мораве работает хирургом

¹⁵ Можно предположить, что при концентрационном лагере Дахау существовал центр по повышению квалификации для врачей СС, которые направлялись на службу в концентрационные лагеря.

¹⁶ Нет точных указаний, возможно, это кто-то из университета.

¹⁷ Одна из соседок Кремера.

- Унтерштурм-
фюрер
Цейдлер. в Гаспль (?); его жена из Дуйсбурга. У них трое детей.
- 22.8.1941**
(пятница) Присутствовал при нескольких операциях: *Hyd.rozele funiculi spernatici*¹⁸, **Appendicitis**¹⁹, удаление осколка гранаты при эвипановом наркозе и сильном дрожании (понижение давления).
- 23.8.1941**
(суббота)
„Мальчиш-
“,²⁰ Читал книги. Наконец первый солнечный день, без дождя. После обеда пешком до Мариабрунн, очаровательный вид на Мюнхен и великолепная панорама Альп. Бутерброды с эдамским сыром без карточек. Хорошее пиво. Через лесной заповедник с очень живописными пейзажами вернулся в Дахау. Вечером в **8.00** был в красивом кинотеатре СС, пошёл в кино главным образом из-за новейшей недельной хроники из России.
- 24.8.1941**
(воскресенье) Ночью снова гроза с дождём, сумрачно и холодно. Днём медленное улучшение погоды. Я остался в лагере, готовил посылку и читал книги о операциях. Нет постоянной работы. Написал письма (Шпрингер, „Микрокосмос“)- Вечером снова пролётные дожди.
- 25.8.1941**
(понедельник) 3—4 лекции для начинающих санитаров (обмороки, потеря сознания, видимая смерть, замерзание и т.д.).
- 29.8.1941**
пятница Нашёл рентгеновские снимки к лекциям в Мюнстере у профессора гауптштурмфюрера Кестера из Гельзенкирхен.
- 1.9.1941**
(понедельник) Открытие нового казино в бараке врачей. **Первый** раз я был в лазарете.

¹⁸ Водянка семенного яйца.¹⁹ Аппендицит.²⁰ Название фильма.

- 2.9.1941** (вторник) Унтерштурмфюрер Людвиг (ухо, горло, нос) призван заменить Шнабла.
- 4.9.1941** (четверг) Получил ордер на сапоги. Четыре куска мыла и пачка мыльной стружки. Из Мюнстера прислали посылку с сигарами. На завтрак превосходное зернистое кофе, свежие булочки с большим количеством масла, мёд и абрикосовый джем. Во время второго завтрака бутерброды. После ужина великолепная прогулка с штурмбанфюрером в предместье Дахау, а вечером у Циглера в Людвиг-Тома-Штюбель²¹. Очень хорошая погода.
- 5.9.1941** (пятница) Оперировал с гауптштурмфюрером Мораве. Удаление осколка гранаты из локтя, из области паха, а также операция слепой кишки.
- 6.9.1941** (суббота) Суббота—воскресенье на дежурстве. Вечером принято на операцию мальчика с высокой температурой. Позднее в казино до 1.30 пили.
- 23.9.1941** Унтерштурмфюрер Людвиг снова уехал в Берлин.
- 24.9.1941** Начал лекции в школе санитарного оружия СС и лекции сб увечьях. Снова отослал корректуру Шпрингеру.
- 25.9.1941** В лазарет СС прибыл бригадефюрер Гравиц, посетил отделы, ел вместе с врачами в казино и вечером ещё долго оставался среди нас. Дал нам интересные разъяснения на тему будущего идейно-политического и хозяйственного положения. В пятницу утром прощание.
- 7.10.1941** Поехал в Байришцелль на должность заместителя ординатора дома выздоравливающих СС (Альпек-

¹ Название ресторана.

розе). Н. Панков должен выехать в Берлин. Очень хорошее питание, но мглистая погода.

- 8.10.1941 Поехал служебной машиной в „Бергтоф“ (фрау Теаго), осмотрел этот дом, который чудесно расположен и обставлен с большим вкусом. Оттуда в дом полиции и приём нескольких пациентов. Великолепная солнечная погода и очень хорошая видимость.
- 10.10.1941 Вернулся д-р Папков и сразу после обеда возвращение через Мюнхен в Дахау. В Мюнхене получил снимки polyphot и заказал их увеличение.
- 13.10.1941 Сапоги с колодками и ремнём получил с воинского одёжного склада в Дахау за 84 марки. Мне посоветовали смазывать подошвы льняным маслом, а голенища прозрачным или жёлтым гуталином. Вечером в воинском кино „Фрау Луна“²².
- 14.10.1941 Решение из Берлина, что завтра до вызова буду снова направлен в отпуск в Мюнстер. Ночью с 14 на 15 страшный шум, нарушающий порядок в казино, это Вольфбауэр, Керстен, Пфистер, Мецмахер и другие. Пробовали ворваться в мою спальню, разбили лампу на потолке, разлили везде воду, бросались кусками хлеба и разными железными предметами, пробовали выломать замок; страшный скандал.
- 15.10.1941 По совету Плётнера, Паули и Мораве я написал рапорт о ночном происшествии Кестеру, заместителю главврача. В полдень прощание в казино. После обеда отдал последнее обмундирование на склад, а в 8.00 поехал с двумя фармацевтами на вокзал, куда уже утром, в дождь отвёз свой

²² Название фильма.

чемодан. Из Мюнхена отъезд в **18.40** через Аугсбург, Штутгарт, Мангейм, Кёльн, Дюссельдорф, а в 9.32 утра приезд в Мюнстер. Фрау Даппе²³ сразу же пригатавливает мне обед.

9.11.1941 (воскресенье) Повышение на унтерштурмфюрера армейских соединений СС.

[1942]

14.1.1942 (среда) Именно сегодня получил извещение главного врача гарнизонного лазарета СС в Дахау о том, что 9 ноября **1941** г. как „фюрер резерв СС“ я получил звание унтерштурмфюрера СС.

16.1.1942 Поручник Гельмут Кремер из Гёрде погиб на Востоке.

21.1.1942 (среда) „Куклы танцуют“²⁴. Кажется издана моя статья „Заслуживающая внимания проблема наследственности полученных увечий“, потому что я только что получил от профессора д-ра Гофмейера и университетской клиники в Страсбурге (мужское отделение) просьбу прислать специальный отклик. Он был первым.

27.1.1942 (вторник) Советница медицины д-р М. Шиллер, Городской отдел здоровья, Штутгарт В. Ротебюльптр. 43, сообщает мне в связи с опубликованием вышеуказанной статьи, что шрам на одном из её ушей связан с ранением отца. К сожалению отца нет в живых. Кроме того она духмает, что она нашла пункт зацепки в деле „ошибки“, связанной с отвердением внутренней поверхности ладоней и **стоп**

²³ Одна из соседок Кремера.

²⁴ Этим способом Кремер хочет выразить свою радость, что, в конце концов, его работа вызвала какой-то отклик.

в одной семье. Эта же статья была опубликована в журнале, посвященном науке о человеческой наследственности (1942, сб-к № 2).

Оттиски ладони моего случая были для неё интересны.

30.1.1942
(пятница)

Проф. Ганс Вейнерт, директор Антропологического института при Кильском университете, Госпитальптр. **20**, написал мне следующее:

„Уважаемый коллега! — Безусловно я не являюсь первым, который обращается к вам после опубликования вашей статьи на тему о возможности передачи увечий по наследству. Сообщение это имеет огромное значение и хорошо получилось, что раньше оно перед этим не было использовано в публицистических целях; ведь ваши исследования позволили разрешить одновременно несколько проблем.

— Могли бы вы прислать мне несколько оригинальных снимков ладони (также и рентгеновских)? Я использую их для института. Готов к взаимным услугам.

Хайль Гитлер²⁵
К вашим услугам
подп. Ганс Вейнерт"

31.1.1942
(суббота)

Сегодня, в день 100-летия моего отца²⁶ первый раз я имею возможность посмотреть сборник с вышеуказанной статьёй в университетской библиотеке. Оттисков, однако, до сих пор у меня нет. В связи со столетней ГОДОВЩИНОЙ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ моего отца я послал сестре, Герману и Гретхен²⁷ длинные письма по этому случаю.

17.3.1942

Я посыпал канарейку порошком против насекомых, что он переносит плохо.

²⁶ Гитлеровское приветствие, употреблявшееся также и в конце частных писем.

²⁷ Вильгельм Кремер, отец автора дневника, был мельником, а потом хозяином, имевшим 70 моргов земли. Умер в 1900 г., в возрасте 58 лет. Мать (Элизабет, в девичестве Вурт) умерла в 1910 г. в возрасте 69 лет. В семье были 4 сына и одна дочь). Процесс команды, т. 59, кн. 13).

* Вероятнее всего речь идёт о сестре и девере Кремера (срав. запись от **11.8.1945**).

- 22.3.1942   Руководитель ячейки [партийной] Шпренгер собирает обо мне мнения разных людей.
- 23.3.1942   Геншен²⁸ издох в муках в 14.00. Мне было очень больно, потому что я был глубоко привязан к этому бедному, маленькому и всегда весёлому товарищу. Кремация. Вечером приходит руководитель ячейки Шпренгер и даёт мне политическую характеристику, которую требовали извне. [Последнее предложение вычеркнуто в оригинале — прим. переводчика].
- 9.5.1942   Сегодня (суббота) приезжает Агнес из Кёльна и хочет остаться до завтрашнего вечера. Снова привезла много вкусного (ветчину, солонину, колбасу).
- 19.5.1942   Приходит ответ Г. Вейнерта на мою работу: один случай совпал случайно с другим.
- 20.6.1942   Сегодня я передал документы моего процесса и брачное свидетельство²⁹ проф. Галлерману с целью возобновления бракоразводного процесса после того, как он неоднократно и с уверенностью говорил мне, что брак, после 20 лет разлуки, безусловно будет расторгнут. Однако алиментов мне неизбежать. А затем своей подписью уполномочил его вести процесс. — Пара скворцов высиживает птенцов второй раз. Сегодня заказал у одной торговки на рынке овощи.
- 25.7.1942   Сегодня в субботу я поехал на велосипеде на садовый участок Фрица Штейнкампа, который позволил мне нарвать бесплатно столько сморо-

²⁸ Имя канарейки.

²⁹ Крмер женился в 1920 г. и через несколько месяцев разорвал со своей женой. Однако официальный развод был получен им только в 1942 г. (срав. запись от 9.9.1942).

дины, сколько я смогу. Ещё привёз домой чёрную смородину, Либстёккель³⁰ и черешню. При этом с мальчишеской удалью я влез на вишню без лестницы.

Сегодня, по согласованию с председателем дисциплинарного суда НСД — [немецкого национал-социалистского] Союза врачей в Мюнхене, меня вызвал областной руководитель д-р Феннер и я получил экстренное назначение присяжным областного дисциплинарного суда НСД Союза врачей Вестфалия-Север.

4.8.1942

Сегодня под проливным дождём два часа я стоял за двумя селёдками. Потом лично представился областному партийному руководителю д-ру Феннеру, Эйзенбанштрассе 10. (Областное руководство по делам здоровья при НСДАП, [национал-социалистской немецкой рабочей партии] Союз врачей — Мюнстер в Вестфалии). Необыкновенный приём!

8.8.1942

На время каникул между двумя семестрами меня направляют в лазарет СС в Прагу.

14.8.1942
(пятница)

Отъезд в Прагу: Мюнстер отъезд в 20.40, Оснабрюк отъезд в 0.57, Дрезден приезд 10.12, Дрезден отъезд 11.22, Прага приезд 15.15-

15.8.1942

От Дрездена хорошая солнечная погода. С главного вокзала трамваем в лазарет Подоль СС и явка к шефу штурмбанфюреру д-ру Фитшу. Комната на Ш-ем. этаже для пациентов (№ 344). Врачи и т.д. Адъютант: гаупштурмфюрер Коэбель, аптекар, шеф администрации: штурмбанфюрер Дорн, хирургия: штурмбанфюрер Винне из Гданьска, терапевт: штурмбанфюрер Леппель из Кёльна,

¹ Вероятнее всего название приправы, употребляемой для супов в соусов.

кожные болезни: оберштурмфюрер Цуден из Дюссельдорфа,
глазной врач: оберштурмфюрер Фредеркинг из Лангендрера,
рентген: оберштурмфюрер Юнг из Ахен,
невролог: оберштурмфюрер Янцен

- 16.8.1942 (воскресенье) Полчаса осматривал город с обершарфюрером Фредеркингом и его женой из Лангендрера. Потом чашка кофе (1,50 марки).
- 20.8.1942 Вечер в казино при старых запасах вина и одновременно дежурство.
- 21.8.1942 Хотел заказать офицерскую фуражку СС в государственной одежной кассе СС в Берлине, но мой посланец ничего не сумел сделать.
- 24.8.1942 Купил бумагу, очки и ремень. Мой сосед по дому (пациент), унтерштурмфюрер Фриц Иоахим из Сент Андре, почта Сент-Рупрехт около Виллах (Корынтия) переведён в Гознлихен. Комната № 464.
- 27.8.1942 Бригадефюрер Генцкен³¹ по дороге в Карлови-Вари посетил лазарет. Говорил об отрицании интеллектуализма, особенно Геббельсом, о медленном опустошении школ и о министерстве по делам политики народонаселения.
- 28.8.1942 Меня послали купить фуражку в Берлин. Уже в приёмной, когда я выходил, мне сказали, что со мной хочет разговаривать служебный офицер. Он передал мне приказ унтерштурмфюрера Коэбеля, чтобы я не ехал в Берлин.

³¹ Речь идёт, по всей вероятности, о начальнике санитарной службы СС докторе Карле Генцкене, фамилия которого была записана неправильно. Генцкен был приговорён после войны к пожизненному заключению, но этот приговор позднее был смягчён.

- 29.8.1942** Откомандирование согласно Ф. Л. УССз 2150 28,42 1833 № 1565³² в концентрационный лагерь Аушвиц, потому, что кажется там из-за болезни нет одного врача.
- 30.8.1942 Отъезд из Праги **8.15** через Чешские Трюбау, Штабсшар- Оломоуц, Пршеров, Богумин. Прибыл в Аушвиц фюрер в **17.36**. В лагере карантин из-за многочисленных Вильгельмы³⁴ заразных болезней (сыпной тиф, малярия, поно- смотри сы). Через гарнизонного врача гауптштурмфюрера Вирховс Уленброка³³ получаю строго секретный информа- **Дрзе1936![?]** ционный приказ и располагаюсь в (26) номере гостиницы в доме войск СС³⁵.
- 31.8.1942 Климат тропический, 28° в тени, пыль и тучи мух. Казино снабжено превосходно. Сегодня вечером, например, была острая печенка за **0,40** м, к тому же фаршированные помидоры, салат из помидоров и т.д. Вода заразная и поэтому пью минеральную воду, которую выдают бесплатно (Маттони). Первая прививка против сыпного тифа. Фото для служебного удостоверения.
- 1.9.1942** Отправил в Берлин заказ на офицерскую фу- ражку, ремень и подтяжки. После обеда при- сутствовал при газовании одного из блоков цикло- ном Б, который должен был уничтожить вшей.
- 2.9.1942** В 3 часа утра я первый раз лично участвовал в спе- циальной операции³⁶. В сравнении с ней ад Данте

³² Кажется речь идёт о номере приказа согласно которому Кремер был направлен в кон- центрационный лагерь Аушвиц.

³³ Штурмбанфюрер СС Курт Уленброк, в августе 1942 г. был гарнизонным врачом в кон- центрационном лагере Аушвиц и в это время (29.8.1942 г.) произвёл отбор среди больных узни- ков, которых направил на смерть в газовые камеры.

³⁴ Обершарфюрер СС Антон Вилгельмы был в то время командиром группы СС при гарни- зонном враче СС.

³⁵ Здание гостиницы, расположенное около вокзала в Освенциме.

³⁶ В этот день в лагерь было привезено из концентрационного лагеря Дранси (Франция) 957 евреев, из которых только 12 мужчин и 27 женщин осталось в лагере, остальные погибли в газовых камерах. (Данута Чех — Календарь событий в концентрационном лагере Освенцим- -Бжезинка. Дальше цит.: Чех-Календарь... „Освенцимские тетради“, III 3, стр. 100).

показался мне почти комедией. Недаром Аушвиц называют лагерем уничтожения³⁷.

3.9.1942

Первый раз у меня начался понос, которым болеет каждый в лагере, рвота и колющие боли. Не пил ни капли воды и причина здесь другая. Хлеб тоже не может быть причиной, потому что болеют и те, которые ели только белый хлеб (диета). Видимо причиной является нездоровый континентальный и очень сухой тропический климат с массой пыли и всякими насекомыми (мухи).

4.9.1942

Против поноса: один день отвар и чай с мятой, а потом недельная диета; а между тем абсорбирующий уголь и танальбин. Видно заметное улучшение.

5.9.1942

Сегодня в полдень на специальной операции в жен-

³⁷ Кремер был одним из обвиняемых в процессе команды СС концентрационного лагеря Освенцим, который состоялся в Кракове перед Верховным народным трибуналом 24.11.—22.12.1947 г. Во время следствия Кремер был несколько раз допрошен и дал подробные объяснения на тему некоторых записей в своём дневнике. Фрагменты этих объяснений цитируются в настоящей публикации под соответствующими датами.

В протоколе допроса от 18.8.1947 г. в Кракове, Кремер дал следующие показания:

„Уже 2 сентября 1942 г. в 3 часа утра я был назначен и принял участие в газовании людей. Это массовое убийство совершали в маленьких домиках, находившихся недалеко от Биркенау, в лесу. На своём жаргоне эсэсовцы называли эти домики „бункерами“. В газовании людей последовательно принимали участие все врачи СС находившиеся на службе в лагере. Моё участие в этих газованиях, которые назывались „зондеракцион“ (специальная акция — прим. ред.) состояло о том, что я должен был находиться около бункера. Меня привозили туда на машине, я сидел около шофёра, а на заднем сидении находился санитар СС (СДГ) с кислородным аппаратом, предназначенным для спасения эсэсовцев, если кто-нибудь из них случайно подвергнется отравлению газом. Когда транспорт с людьми, предназначенными в газовые камеры, прибывал на железнодорожный перрон, офицеры СС выбирали среди них трудоспособных мужчин и женщин, а остальных: стариков, всех детей, женщин с маленькими детьми на руках и других нетрудоспособных — на грузовиках отправляли в газовые камеры. Я ехал за таким транспортом до самых газовых камер. Там людей загоняли сначала в бараки, где они должны были раздеться, а потом, уже голые, они входили в газовые камеры. Чаще всего это проходило спокойно, потому что эсэсовцы: успокаивали людей, говоря им, что они идут мыться и дезинфицироваться от вшей. Когда все уже были в камерах, их двери закрывались, а затем эсэсовец в маске вбрасывал циклон Б из банки в камеру; делал он это через отверстие в стене. Через это же отверстие можно было услышать крики и стоны людей в камере, которые боролись за жизнь. Однако это продолжалось недолго, но сколько »мнут точно, я не в состоянии указать“. (Процесс команды... т. 59. кн. 18).

ском лагере³⁸ (мусульманки)³⁹: ужас из ужасов. Гауптшарфюрер Тило, гарнизонный врач⁴⁰, был прав сегодня, говоря мне, что мы здесь находимся при анус мунди [анальном отверстии мира]. Вечером около 8 часов снова на специальной операции, транспорт из Голландии⁴¹. Участвующие в этом получают специальный добавочный паёк: 200 г водки, 100 г колбасы, 5 папирос и хлеб. Поэтому люди стремятся участвовать в таких операциях. Сегодня и завтра (воскресенье) служба.

6.9.1942

Сегодня в воскресенье великолепный обед: томатный суп, половина курицы с картофелем и красной капустой (20 г жиров); сладкий мусс и очень вкусное ванильное мороженое. После

³⁸ В этот день в женском лагере в Бжезинке была проведена селекция в результате которой 800 узниц было отправлено в газовые камеры. (Чех. Календарь... стр. 100).

Согласно протоколу от 18 июля 1947 г. в Кракове, Кремер следующим образом объяснил свою запись: „Особенно неприятным было газование истощённых женщин из женского лагеря, которых называли „мусульманками“; припоминаю себе, что один раз днём я принимал участие в газовании таких узниц; сколько человек насчитывала эта группа я не могу сказать. Когда я приехал, они сидели на земле около бункера. Они были одеты в старую лагерную форму, а поэтому их не выпустили в бараки-раздевалки и они должны были раздеваться на улице. По поведению этих женщин я понял, что они знают какая судьба их ждёт; они умоляли эсэсовцев оставить их в живых и плакали. Однако всех их загнали в газовые камеры. Как анатомист я видел много страшных вещей, имел много дел с трупами, однако то, что я увидел в то время, нельзя сравнить ни с чем. Под влиянием полученных впечатлений я записал в дневнике 5.9.1942 г.: „Ужас из ужасов. Гауптштурмфюрер Тило, был прав, когда сказал мне, что мы находимся здесь при” анальном отверстии света”. Я употребил это определение потому, что не мог себе представить что-то более отвратительное и ужасное”. (Процесс команды... т. 59. к. 20).

³⁹ Узника, который находился в стадии крайнего истощения называли на лагерном жаргоне „мусульманином“; люди эти напоминали скелетов. Их кости едва покрывала кожа, взгляд был затуманен. Апатия и сонливость были характерными признаками голодной болезни. Общему физическому истощению сопутствовало психическое.

⁴⁰ Производил отборы на железнодорожной платформе в Бжезинке и в лагерной больнице, выбирая больных в газовые камеры по собственному усмотрению.

⁴¹ В транспорте из Вестерборк (Голландия) было привезено в лагерь 714 евреев, из них в лагерь были направлены только 53 женщины. Остальные были уничтожены в газовых камерах. (Чех. Календарь... стр. 101). В протоколе допроса в Кракове от 18.7.1947 г. Кремер дал следующие выяснения: „При таком газовании всегда присутствовал врач СС. Они несли службу по очереди согласно их дежурствами; среди этих врачей я помню следующие фамилии: Тило, Китт, Уленброк, Виртс, Мейер, Эндрес. Мероприятия по газованию, которые были отмечены в моём дневнике, являются только частью тех мероприятий по уничтожению, которые были проведены за время, охваченное моим дневником. Несомненно, что их количество было значительно больше, только в них принимали участие другие врачи”. (Процесс команды... т. 59. к. 20).

Бжезинка. Лагерный воач оберштурмфюрер СС Хейнц Тило (обозначен X) проводит селекцию прибывшего эшелона.

еды первая встреча с новым, гарнизонным врачом оберштурмфюрером Вяртсом, из Вальдбрёлль. Штурмбанфюрер Фитш из Праги был его полковым врачом.

Я уже неделю в лагере, но всё ещё не могу вытравить из моего гостиничного номера всех блох несмотря на все употреблённые химические средства (Купрекс) и т.д.

Положительное впечатление произвёл на меня тот факт, что во время моего предварительного визита у адъютанта коменданта лагеря, над его кабинетом я прочитал на большом куске бумаги, написанный огромными буквами лозунг: „Велосипедисты слезать“⁴². В конце концов и в канцелярии нашего госпиталя СС висит плакат заслуживающий внимания:

⁴² Ироническое определение таких людей, которые склоняют голову перед начальством и попирают своих подчинённых.

„Когда в жизни тебе везёт,
видят это, кивают головами и проходят мимо;
но не забудет никто,
если хоть раз промахнёшься!“
Вечером около 8-ми снова на специальной операции⁴³

7.9.1942 Вторая прививка против сыпного тифа. Сегодня дождливая и прохладная погода.

9.9.1942 Сегодня утром я получил от моего адвоката Вижу мир в Мюнстере проф. д-ра Галлермана чрезвычайно радостное известие о том, что 1 сентября я получил развод со своей женой. Потом как врач, присутствовал при наказании плетью 8 узников⁴⁴ и при расстреле из малокалиберного оружия, Получил мыльные хлопья и два куска мыла, В полдень перед госпиталем СС подбегает к моему велосипеду какой-то тип в гражданском, словно хочет меня убить, и просит сказать ему не являюсь ли я государственным советником Гейнером из Вроцлава на которого я необыкновенно похож. Этот человек был с ним в армии во время первой мировой войны. Сколько же на свете у меня двойников?! Вечером снова на специальной операции (четвёртый раз)⁴⁵.

10.9.1942 Утром я был на специальной операции (пятый раз)⁴⁶.

⁴³ В этот день привезли в концентрационный лагерь Аушвиц 981 человек из концентрационного лагеря Дранси, это были евреи; из них направлено на работы в лагерь 16 мужчин и 38 женщин. Остальные были уничтожены в газовых камерах. (Чех. Календарь..., стр. 101).

⁴⁴ В предписании штрафного приказа, существовало указание о том, что перед выполнением наказания розгами на приговорённом узнике, он должен быть подвергнут медицинскому осмотру врачом СС, который затем должен присутствовать при выполнении наказания. Врач СС обязан был собственноручно заполнить графы бланка штрафного приказа и подписать его. Однако это предписание существовало только на бумаге, врач СС никогда не осматривал узника до выполнения наказания и нет никаких сведений о том, что хоть раз врач СС был против выполнения этого наказания.

⁴⁵ В этот день вечером в концентрационный лагерь Аушвиц прибыл эшелон с 893 евреями из лагеря в Вестерборк (Голландия). В лагерь было направлено 59 мужчин и 52 женщины, остальные были уничтожены в газовых камерах (Чех. Календарь..., стр. 102).

⁴⁶ В этот день в концентрационный лагерь Аушвиц прибыли евреи из лагеря в Малин (Бельгия); 21 мужчина и 64 женщины были направлены в лагерь, остальных уничтожили газом. Общее число прибывших неизвестно. (Чех. Календарь..., стр. 102).

- 11.9.1942 По случаю прибытия сегодня в лагерь оберштурмбанфюрера Лоллинга⁴⁷ и представления ему, я узнал только теперь, что замещаю гауптшарфюрера Китта, находящегося в отпуске в Оберзальцберге.
- 14.9. 1942 Освенцимская болезнь второй раз. Температура 37,8°. Сегодня мне сделали третий укол, и последний, против сыпного тифа.
- 17.9.1942 Заказал в Берлине в одежной кассе универсальный плащ, дал следующие портняжные мерки: до талии 48, вся длина 133, половина плеча 22, длина до локтя 51, длина рукава 81, окружность в груди 107, талия 100, окружность в бёдрах 124. К заказу приложил ордер на защитный плащ. Вместе с д-ром Мейером⁴⁸ был сегодня в женском лагере.
- 20.9.1942 Сегодня в воскресенье после обеда с 3 до 6 часов я слушал концерт капеллы узников, была великолепная солнечная погода; капельмейстер является дирижёром государственной варшавской оперы. 80 музыкантов. На обед была свинина, вечером жареный линь.
- 21.9.1942 Написал по делу Оттона в президиум полиции в Кёльне (отдел уголовной полиции). Вечером тука. Д-р Мейер рассказывает мне о передаче по наследству травмы коса в семье его тестя.
- 23.9.1942 Сегодня ночью я принимал участие в шестой и седьмой специальной операции⁴⁹. Утром в дом войск СС прибыл сбергруппенфюрер СС Поль

⁴⁷ Был начальником управления Д III (санитарного) в главном административно-хозяйственном управлении СС.

⁴⁸ Оберштурмфюрер СС Георг Франц Мейер был в 1942 г. лагерным врачом в лагере Аушвиц.

⁴⁹ В этот день пришёл из Словакии транспорт с евреями, после селекции в лагерь были направлены 294 мужчины и 67 женщин; из прибывшего в тот же день транспорта из Дранси в лагерь на работы направили 65 мужчин и 144 женщины. Все остальные были направлены в газовые камеры. (Чех. Календарь..., стр. 105).

Heute ausproben ich, mit dem ich eine ganz un-
 gewöhnliche Ähnlichkeit habe. Ich bin mit einem Herrn
 im 1. Weltkrieg in eine Kaserne gekommen. Mehrere
 Doppelgänger habe ich eigentlich in der Zeit in
 Abends bei einer Sonderaktion gesehen (Keller)

Morgens bei einer Sonderaktion gesehen (Keller) 10. September 1942

Heute Obersturmbaumführer Tolling im Lager, 11. September 1942
 bei dessen Vorstellung ich erst erkenne, daß ich
 Hauptdolmetscher Hilt vertriebe, der jetzt hier in Ko-
 lung auf dem Heilsberg sich befindet.

Zum 2. Male die Ausschüsse Frankreich. 14. September 1942.
 Temperatur 27,8. Heute die 3. und damit letzte
 Probe gegen Fleckfieber erhalten.

In Berlin bei der Kleiderkasse Allmettermantel 17. September 1942
 bestellt nach Schweizermaßen: Bisfalte 48, Kame-
 Länge 133, Halber Rücken 22, Bis Ellenbogen 51,
 Saum Armlänge 84, Oberweite 104, Taillenumweite 100,
 Hüfte 124. Uniformlangschon dafür beigegeben, ab-
 für einen Uniform-Widerrückentumantel. Heute
 mit H. Meyer das Frankfurter Bierhaus besucht.

Heute Sonntagsnachmittag von 3-6 Uhr Kommt 20. September 1942.
 des Kästlingskassette in hellichem Sonnenchein
 angeliefert: Edelsteinsten Mineral der Abwägen
 Haatypen. Es überleitet, Mißling gab Schneidma-
 ten, abends gefackere Schleis.

Morgen über an das Polizeipräsidium Köln (Abt. 21. September 1942
 Kriminalpolizei) geschrieben. Abends Entenblau.
 H. Meyer erzählt mir von einer Vererbung eines
 Traumes (das) in der Familie eines Polizeipolizei.

Heute Nacht bei der 6. und 7. Sonderaktion. 23. September 1942
 Morgens ist Obersturmbaumführer Tolling mit Ge-
 fühl im Haus der Waffens-17 abgetroffen.
 In der Tür steht ein Posten, welcher als erster
 einen Präsenzkriegs mit mir macht. Abends

со своими штабными офицерами. Перед входом стоит часовой, который салютует мне первым. Вечером в 8 часов ужин вместе с обергруппенфюрером Полем в офицерском казино, предстоящий праздничный ужин. Была подана жареная щука, можно было сколько хочешь, настоящее зернистое кофе, очень хорошее пиво и бутерброды.

25.9.1942

Группенфюрер Гравиц в госпитале и в лагере. Во время медицинского обхода хотел узнать от меня, что применяют врачи, в первую очередь, при всяких заразных болезнях. Действительно ничего я не мог ответить, потому что в этих обстоятельствах невозможно дать обобщённого ответа. А что он думал сам? Слушайте и удивляйтесь: прочищающее средство! Слово врач при каждом катаре, ангине, дифтерите, не говоря уже о брюшном тифе, может лечить слабительным! Нельзя же рассматривать медицину так схематично, не говоря уже о том, что несколько дней тому назад молодой неопытный врач, слепо прописывая больному, только что перенёсшему операцию язвы желудка, касторовое масло, вызвал смерть пациента.

27.9.1942

Сегодня в воскресенье после обеда, с 16 до 20 часов товарищеская встреча в клубе с ужином, бесплатным пивом и курением. Речь коменданта Гесса и музыкальные и театральные выступления.

30.9.1942

Сегодня ночью я присутствовал при восьмой специальной операции⁵⁰. Гауптштурмфюрер Аумейер⁵¹, отвечая на [мой] вопрос, сказал мне, что концентрационный лагерь Аушвиц насчитывает в длину 12 км, в ширину 8 км и занимает площадь 1232000 аров; из них 672000 аров занято

⁵⁰ В этот день в лагерь Освенцим пришёл транспорт с евреями, общее количество прибывших известно; в лагерь было направлено: 37 мужчин и 119 женщин; остальных направили в газовые камеры. (Чех. Календарь..., стр. 107).

Начальник материнского лагеря Освенцим.

полевыми культурами, а 112000 аров занято прудами рыбного хозяйства⁵².

3.10.1942

Сегодня закрепил абсолютно свежий материал из человеческой печени, селезенки и поджелудочной железы⁵³, к тому же заспиртовал вши взятые у больных сыпным тифом. В Освенциме целые улицы лагеря болеют тифом. Поэтому сегодня я приказал сделать мне первый укол против брюшного тифа. Оберштурмфюрер Шьарц⁵⁴ заболел сыпным тифом!

6.10.1942

Оберштурмфюрер Энтресс⁵⁵ попал на мотоцикле в аварию; оказана была помощь, комендант Гесс упал с лошади; оберштурмфюрер Виртс всё ещё ке вернулся.

⁵² Территория Освенцима (интересенгебит), занимаемая сельскохозяйственными культурами, животноводческими и птицеводческими фермами, овощными культурами и т.п., занимала около 40 км².

⁵³ Во время допроса 30.7.1947 г. в Кракове, Кремер следующим образом объяснил это дело: „В своём дневнике в нескольких местах я записал, что взял свежий человеческий материал. Это было так: я уже давно интересовался тем, какие изменения происходят в человеческом организме в результате голода. В Освенциме я говорил об это« Виртуе, который сказал мне, что для моих исследований я могу брать целиком свежий материал из тел тех узников, которых умерщвляют при помощи уколов фенола. Для того, чтобы выбрать нужные мне объекты, я ходил в последний блок с правой стороны (блок № 28), где осматривали больных узников, приходивших из лагеря. Во время этих осмотров, узники, бывшие врачами показывали больным врачам СС, объясняя что беспокоит больного, а врач СС в зависимости от того были ли надежды на выздоровление или нет, мог ли этот узник ещё работать или нет, решал можно ли этого узника лечить в больнице или амбулаторным способом, или нужно его ликвидировать. Предназначенных к ликвидации уводили санитары СС; это были в основном все те узники, у которых признавали „альгемайне кёрпершвехе“ (общее ослабление — прим. ред.). Я особенно внимательно наблюдал за этими узниками, и когда кто-то из них с особенно яркими признаками голодной болезни интересовал меня, я приказывал санитару оставить такого узника для меня к поставить меня в известность, когда он будет умерщвлён при помощи укола. В назначенное санитаром время, выбранных мной узников снова приводили в этот последний блок в зал напротив того, где он раньше был осмотрен. Его клали на секционный стол, я подходил к нему и задавал узнику несколько вопросов, например, о его весе до ареста, сколько потерял в весе после ареста, какие лекарства он принимал в последнее время и т.д. После этого к узнику подходил санитар и делал ему укол фенола в область сердца. Насколько я знаю для умерщвления употреблялись исключительно эти уколы; смерть наступала мгновенно. Я сам этих смертельных уколов никогда не делал“. (Процесс команды... т. 59, к. 23).

⁵⁴ В то время начальник трудового отдела лагеря.

⁵⁵ В Освенциме был лагерным врачом с 11.12.1941 г. по 20.10.1943 г. Занимая должность лагерного врача, Энтрес производил отборы, во время которых, по собственному усмотрению, выбирал больных узников в газовые камеры.

- 7.10.1942 Я присутствовал при девятой специальной операции (новоприбывшие и мусульманки)⁵⁶. Вирт снова на посту. Замещаю Энтресса в мужском лагере (осмотр больных и т.д.).
- 9.10.1942 Выслал в Мюнстер первую посылку с 9 фунтами мыла, обозначая цену в 200 марок. Дождливая погода.
- 10.10.1942 Взял и закрепил пробы со свежих трупов: печень, селезенка и поджелудочная железа. Приказал узникам сделать факсимиле с моей подписью. Первый раз в моей комнате затопили. Всё ещё повторяются случаи заболевания сыпным и брюшным тифом. Карантин в лагере продолжается⁵⁷.
- 11.10.1942 Сегодня в воскресенье на обед был кролик — большая толстая ножка — с галушками и красная капуста за 1,25 марки.
- 12.10.1942 Вторая профилактическая прививка против тифа; (Гсслер)!⁵⁸ вечером общая реакция организма (температура). Несмотря на это я присутствовал на ещё одной специальной операции из Голландии (1600 человек). Ужасающая сцена перед последним бункером! Это была десятая специальная операция⁵⁹.

⁵⁶ В этот день в концентрационный лагерь Аушвиц были привезены евреи; в лагерь было направлено на разные работы 40 мужчин и 58 женщин. Остальные (общее количество неизвестно) были уничтожены газом. (Чех. Календарь..., стр. 108).

⁵⁷ Из-за сильной эпидемии сыпного тифа лагерь находился на карантине, поэтому лагерные власти не принимали эшелонов с узниками.

⁵⁸ Был в то время в чине унтерштурмфюрера СС и отвечал за сжигание трупов в Бжезинке.

⁵⁹ В этот день в концентрационный лагерь Аушвиц были привезены евреи из Голландии. В лагерь было направлено 344 мужчины и 108 женщин. Остальные были уничтожены газом. (Чех. Календарь..., стр. 109).

В протоколе зафиксированы следующие выяснения, данные Кремером во время допроса в Кракове 18.7.1947 г. „В связи с мероприятием по уничтожению людей газом, о которой я записал в своем дневнике 12.10.1942 г. я выясняю, что тогда было убито газом около 1600 голландцев; это приблизительная цифра, которую я написал на основе услышанного от других. Этим Руководил офицер СС Геслер. Я припоминаю, что он хотел загнать в один бункер всю группу. Ему удалось это сделать, и только один мужчина никак не мог туда втиснуться, и Гесслер застрелил его из пистолета. В связи с этим я пишу в дневнике о страшных сценах перед последним бункером и упоминаю фамилию Геслера“. (Процесс команды..., т. 59, ко 20).

Освенцим. Зал ресторана для эсэсовцев в так называемом „Доме оружия СС“.

- 13.10.1942 Прибыл унтерштурмфюрер Феттер⁶⁰. Штурмбан-фюрер Цезарь⁶¹ тоже заболел тифом спустя несколько дней после смерти жены, скончавшейся от этой же болезни. Я присутствовал при выполнении наказания, а потом при смертной казни семи польских гражданских лиц⁶²
- 14.10.1942 Получил из Берлина защитный плащ (52 размер), цена 50 марок. По инициативе санитарного управления написал в ректорат университета в Мюнстере, спрашивая, когда начинается зимний семестр.
- 15.10.1942 Сегодня ночью первый иней; после обеда снова

⁶⁰ В то время был лагерным врачом в концентрационном лагере Аушвиц.

⁶¹ Начальник сельско-хозяйственного отдела при концентрационном лагере Аушвиц.

⁶² Вероятнее всего речь идёт об узниках, привезённых из тюрьмы в Мысловицах, они находились в блоке 11 (блок смерти) и были в распоряжении чрезвычайного суда.

солнечно и тепло. Взял абсолютно свежий материал из печени, селезёнки и поджелудочной железы от желтушечного больного.

- 16.10.1942   Сегодня в полдень выслал вторую посылку, указывая стоимость в 300 марок, на адрес фрау Виццман, на сохранение. Приказал сфотографировать в лагере еврея со сросшимися пальцами (тот же недостаток у отца и дяди).
- 17.10.1942   Был при наказании и 11-и смертных казнях. Взял препараты со свежих трупов (печень, селезёнка, поджелудочная железа) после укола поликарпина. Поехал с Виртсом в Миколов; до этого он сказал мне, что я буду должен остаться ещё⁶³.
- 18.10.1942   Сегодня в воскресенье утром я присутствовал при одиннадцатой специальной операции; холодная влажная погода (Голландцы). Отвратительная сцена с тремя женщинами, просившими не убивать их⁶⁴.
- 19.10.1942   Поехал с оберштурмфюрером Виртсом и фрау Гесс⁶⁵ в Катовице, чтобы купить погоны для защитного плаща. Вернулись через Миколов.
- 24.10.1942   6 женщин после бунта в Будах⁶⁶ „получили иглу“ (Клер)⁶⁷.

⁶³ Надо думать, что Виртс имел в виду, что Кремер останется в Аушвиц и дальше.

⁶⁴ В этот день в лагерь были привезены голландские евреи, общее их количество неизвестно; 116 женщин было направлено в лагерь. Остальные были уничтожены в газовых камерах. (Чех. Календарь..., стр. 110).

Кремер следующим образом объяснил свою дневниковую запись во время допроса 18.7.1947 г. в Кракове: „Во время мероприятия, описанного мной под датой 18.10.1942 г., три голландки не хотели войти в газовую камеру и умоляли сохранить им жизнь. Это были молодые здоровые женщины и несмотря на это их мольбы были напрасны. Эсэсовцы, участвовавшие в этом мероприятии застрелили их на месте“. (Процесс команды..., т. 59, к. 21).

⁶⁵ Гедвиг Гесс — девичья фамилия Гензель.

⁶⁶ Бунт в Будах описывает Пери Брод. См. стр. 150

⁶⁷ Во время допроса в Кракове 30.7.1947 г. Кремер следующим образом объяснил свою дневниковую запись: „Кроме того я ещё раз присутствовал при умерщвлении уколом фенола; это была одна из шести женщин, участвовавшая в, так называемом, бунте в Будах. Это было

Освенцим. Вход в один из больничных блоков (блок № 20). В первой комнате налево (обозначено X) эсэсовцы убивали узников уколами фенола. Фото Тадеуш Киновски.

25.10.1942

Сегодня в воскресенье при хорошей осенней погоде я ездил на велосипеде в Буды через Райско. Вильгельмы вернулась из своего путешествия по Хорватии (сливовица).

31.10.1942

Почти 17 дней чудесной осенней погоды, вызы-

сделано Клером в секционном зале последнего блока по правой стороне в Освенциме (блок 28 прим. ред.). Женщина эта вместе с пятью другими была умерщвлена Клером в сидячей позиции; это были здоровые женщины, кажется все были немками. Я был направлен присутствовать при этой экзекуции, в качестве врача, чтобы установить смерть. Я наблюдал только за умерщвлением первой из этих женщин, а потом вышел". (Процесс команды..., т. 59, к. 25).

вающей желание принимать солнечные ванны в саду дома войск СС. Даже ясные ночи довольно тёплые. Тило и Мейер уехали в отпуск домой и я занимаю пост гарнизонного врача. Из-за необходимости явиться к моим властям в лазарет СС в Праге, я подал заявление о предоставлении мне пятидневного отпуска.

1.11.1942

Сегодня, в воскресенье, после работы в госпитале прежде всего получение крови; выехал скорым поездом в 13.01 из Освенцима в Прагу. Дорогой шёл дождь, поезд переполнен. Вечером около 22.30 приезд в Прагу, где в абсолютной темноте, несколько раз делая пересадку с трамвая на трамвай, я добрался наконец до лазарета СС, и здесь, уже знакомая медсестра устроила меня на ночлег наверху в служебном кабинете д-ра Шрейбера, где я спал на „отоманке“.

2.11.1942

Уже очень рано д-р Шрейбер вырвал меня из снов и из очень примитивного ложа из конских попов. Позавтракав на кухне офицерского казино, я отправил третью посылку с сапогами и яблочным вареньем в Мюнстер, указав стоимость в 300 марок. Затем явился к шефу, штурмбанфюреру Фитшу, а потом с бед в „Немецком доме“ (Грабен). Позже получил свои галоши (32 марки) к а Герстекгассе и вернулся в 17.30 на очень хороший ужин из одного блюда с большим количеством мяса в офицерском казино; вечером был в комнате гауптштурмфюрера Рютнера, который рассказывал мне о своей новой технике удаления железных гланд, а кроме того, новые берлинские анекдоты (... О, ты бедное сельское хозяйство; Англия дальше всего от Европы⁶⁸; что бы вы сделали, если бы я поступил, как Гесс⁶⁹? Герман⁷⁰;

⁶⁸ Смысл этого анекдота в том, что гитлеровская армия, несмотря на несколько лет войны, так и не вступила на территорию Англии.

⁶⁹ Рудольф Гесс был заместителем Гитлера; 10 мая 1941 г. он сбежал в Шотландию, где был интернирован до конца войны.

⁷⁰ Речь идёт о Германе Геринге, маршале гитлеровской Германии.

Вождь⁷¹, мы идём за тобой! Геббельс: Вождь, мы благодарим тебя! и т.д.).

3.11.1942

После завтрака „17” был на рынке, где мне удалось купить замки и хорошую тёрку для картошки. Оттуда вернулся в центр, где заказал себе очки, чтобы читать за 14,50 марок, а потом в „Немецком доме” пообедал. В 3 часа пошёл напротив в кино-театр „Виктория”, чтобы посмотреть „Андреаса Шлютера”. Я был чрезвычайно удивлён очень элегантным и полным вкуса оборудованием кинотеатра и должен признаться, что никогда в жизни я ещё не видел такого изысканного кино. На фильм были израсходованы огромные средства, а Генрих Георг играл изумительно; он хорошо показал, как способней человек, предоставленный только самому себе, не находит в такой жизни признания у родственников и, в конце концов, погибает в результате интриг и враждебности. Поэтому в моей памяти остались последние слова фильма, которые соответствуют моим собственным жизненным наблюдениям: „Жизнь проходит, только творение остаётся”.

4.11.1942

Сегодня утром, прежде всего, попробовал сделать несколько снимков пражского замка со стороны здания Оберландрата [оберстаросты] и Манезбрюке. Солнечное освещение было очень капризным. Потом ходил по магазинам недалеко от старого рынка, купил самописку за 7,5 марки и дамскую сумку за **14,35** марок. Потом вернулся в лазарет и в 12.30 съел обед из одного блюда. Здесь мне сказали, что я должен освободить мою комнату, потому что в неё хочет вселиться какой-то оберштурмбанфюрер; речь шла о пациенте из П б из службы скорой помощи. В его комнату я перенёс свои чемоданы. Однако после еды он ещё раз мимоходом посмотрел мою комнату и сей-ЧРС же отказался переехать; я снова МОИ перенести

Речь идёт об Адольфе Гитлере, который носил титул фюрера (вождь партии).

свои вещи наверх. Речь шла об оберштурмбан-
фюрер Дейче, который сказал мне, что штурмбан-
фюрер Фитш был его полковым врачом. Отвечая
на мой вопрос сказал мне, что хорошо знает
и оберштурмфюрера Виртса и просил передать
ему привет. По его мнению, у него немного мягкий
характер, и поэтому разные трудности с женой
и детьми. После сбеда я снова пошёл в город и фо-
тографировал Венцельплац [площадь святого Ва-
цлава] как со стороны Ландесмузеум [Народного
музея], так и со стороны Тейнкирхе [костёла].
Потом получил очки и пошёл посмотреть фильм
Вилли Форста „Оперетка“, который пользуется
большим успехом. Он идёт уже вторую неделю
в кинотеатре „Астра“ на площади святого Вацлава.
Главная женская роль тоже сыграна очень хоро-
шо, её исполняет Мария Гольст. Я был абсолютно
очарован выходя из этого элегантно оформленного
кинотеатра; можно делать только одно: любить
или работать; одновременно делать две эти вещи
невозможно. Если человеку сопутствует удача,
тогда он как турист в горах, который взошёл
на вершину: цель достигнута, остаёшься один
в своём одиночестве. Во всяком случае этот фильм
со сценой на рынке, с его оперетками Штрауса
и тонким великолепным кабаре́том, безгранично
очаровал меня.

5.11.1942

Утром отправил четвёртую посылку фрау Вицман
определяя стоимость в 300 марок. В посылке
было: дамская сумка с самопиской, очки, галоши,
бумага, коричневые рубашки⁷², тёрка для кар-
тошки и т.д. Потом ходил по магазинам и пообе-
дал в „Немецком доме“. Пасмурная дождливая
погода. Вечером укладывал вещи, потому что
завтра уезжаю; вечером в 8 часов выпил в казино
целый литр очень вкусного красного болгарского
вина, которое привело меня в прекрасное распо-
ложение духа. Только в 12.00 лёг спать.

⁷² Коричневые рубашки носили гитлеровские штурмовые отряды (СА).

- 6.11.1942 Рано в 6 часов меня разбудила медсестра и вскоре после этого я был уже на вокзале (трамвай №№ 21 и 7); в 8.10 сел на скорый поезд до Моравской Остравы. В Пршерове пересел на скорый поезд Вена—Краков, и едва вошёл во 2-ой класс, как мне присоединился какой-то генерал-майор с которым мы всю дорогу были только вдвоём и который рассказывал мне о своих фронтовых переживаниях, а прощаясь пожал мне руку. Из Праги до Освенцима свыше девяти часов дороги. Прибыв на место сейчас же пошёл в офицерское казино и наконец-то досыта наелся.
- 8.11.1942 Сегодня ночью в дождливую пасмурную осеннюю погоду я участвовал в 2-х специальных операциях (двенадцатая и тринадцатая)⁷³. Утром в больнице приветствовал гауптштурмфюрера Китта, моего ученика из Эссена. После обеда ещё одна специальная операция, а значит четырнадцатая, в которой я принимал участие⁷⁴. Вечером милая компания в офицерском казино по приглашению гауптштурмфюрера Виртса. Подали красное болгарское вино и хорватскую сливовицу.
- 10.11.1942 Сегодня шёл первый небольшой снег, а ночью был мороз.
- 13.11.1942 Сегодня взял очень свежий материал (печень, селезёнка и поджелудочная железа) из трупа заранее сфотографированного, очень атрофичного⁷⁵ еврейского узника. Как обычно закрепил материал: печень и селезёнку в Карной, поджелудочную железу в Ценкере⁷⁶ (номер узника 68030)⁷⁷.

⁷³ В этот день привезли евреев из концентрационного лагеря в Люблине (Майданек). Из общего количества прибывших (точное число неизвестно) в лагерь было направлено 25 мужчин. Остальных направили в газовые камеры. (Чех. Календарь..., стр. 114).

⁷⁴ Видимо речь идёт о транспорте из лагеря в Дранси, в котором прибыло 990 евреев. В лагерь было направлено 145 мужчин и 82 женщины. Остальных уничтожили газом (Чех. Календарь..., стр. 114).

⁷⁶ Истощенный юлодом.

⁷⁶ Речь идёт о названии препаратов.

⁷⁷ Узник носивший номер 68030 прибыл в лагерь Освенцим 14.10.1942 г. в транспорте из Голландии; его фамилия Ионг (или Гонг — хотя это маловероятно) Ганс, он родился 18 февраля

- 14.11.1942 Сегодня в субботу концерт в клубе (великолепный!). Особенное удовольствие доставили танцевавшие собаки, два петуха-лилипута, кипятившиеся по команде, запакованный человек и группа велосипедистов.
- 15.11.1942 До обеда присутствовал при наказании.
- 16.11.1942 Послал Ми и Гретхен посылку с мылом (около 12 фунтов) с указанием стоимости в 300 марок.
- 17.11.1942 (14 кг.) Послал маленький чемоданчик фрау Вицман (пятая посылка) с указанием стоимости в 300 марок. В посылке было: 2 бутылки водки, витамины и укрепляющие лекарства, бритвы, мыло для стирки и бритья, термометр, маникюрные ножницы, пузырьки с йодом, медицинский спирт, рентгеновские снимки, рыбий жир, письменные принадлежности, конверты, духи, приборы для штопки, иголки, зубной порошок и т.д.⁷⁸ Вечером снежная метель превратила улицы в грязь и трясины. Подготовка к завтрашнему отъезду в Прагу. В госпитале [СС]: Ямбор, Браунер, Бидерман, Вилькс⁷⁹, а в больнице для узников: Клер, Шерпе⁸⁰, все „старые бойцы за колючей проволокой” и „лагерные лисы”⁸¹. Штабшарфюрер Онтль выпросил у меня ордер на бриджи. Аптекарь, гауптштурмфюрер Кремер⁸², как всегда был услужливый в доставке нужных средств. Зубной врач Заутер переведён в Минск.

1924 г., во Франкфурте. Погиб 13.11.1942 г. (Регистрационная книга лагеря т. 1, стр. 54; книга морга, т. 4, стр. 8 и регистрационная больничная книга блока 20 в Освенциме. Архив Государственного музея в Освенциме).

⁷⁸ Во время допроса в Кракове 30.7.1947 г. Кремер сказал следующее по поводу высылания посылок: „На чердаке блока, где вскрывали трупы, производилась сортировка разных лекарств, инструментов и других самых различных предметов домашнего обихода, которые привозили с собой люди в Освенцим, где их обрекали на смерть. Из этих предметов узники выдавали мне разные вещи, например, мыло, зубную пасту, нитки, иголки, инструменты для штопки, термометры, ножницы для ногтей и другие хозяйственные предметы. Эти вещи я упаковывал и отправлял посылки своим знакомым”. (Процесс команды..., т. 59, к. 25).

⁷⁹ Эсэсовцы, работавшие в канцелярии гарнизонного врача СС.

⁸⁰ Эсэсовцы, санитары СС.

⁸¹ В оригинале: „KZ-Nasel”, что значит — лагерные лисы.

⁸² Должно быть Кремер.

- 18.11.19   Сегодня в полдень в 13.20 отъезд через Богумин, Моравскую Оставу (пересадка), Пршеров и Оломоуц в Прагу, куда приехал в 22.11 и быстро доехал до лазарета. Там ночная медсестра Анна постаралась, чтобы я получил свою прежнюю комнату.
- 19.11.1942   После явки к главному врачу и завтрака взял свой чемодан с вокзала и пообедал в „Немецком доме”. После обеда вернул на склад части обмундирования и собрал чемоданы.
- 20.11.1942   Завтрак. Попрошался с заместителем гарнизонного врача Гимстедтом из Хамельн, штурмбанфюрером Мацом из Щецина, штурмбанфюрером Кютнером, гауптшарфюрером Гределлингом, унтерштурмфюрером Фашингом, гауптштурмфюрером Коэрбером и другими. Рентгенолог унтерштурмфюрер Юнг обещал мне хорошие рентгеновские снимки для моих лекций. После оформления билета на проезд багаж забрали на Гибернербангоф [Гибернерский вокзал]. Отъезд в 16.30 через Дрезден, Лейпциг, Ганновер, Оснабрюк. Приезд в Мюнстер в 6.38.
- 24.11.1942   Первый раз в новом бараке кафедры анатомии на Вестринг⁸³.
- 29.11.1942   Был на кафедре анатомии у Бехера, который официально информировал меня, что скоро будет создана кафедра биологии (наследственности). В результате этого я потеряю свой курс лекций на тему наследственности у людей. Я дал ему понять, что я сам рассчитывал на эту кафедру, имея в виду мою глубокую подготовку как в области биологии, так и в области медицины; кроме того эта кафедра была мне обгщена, когда меня пригласили читать лекции. Однако он делал вид, что ничего не понимает и не знает, и искал как

⁸³ Здание, в котором перед тем находился Институт анатомии, было разрушено в результате военных действий.

бы выкрутиться. В разговоре он сказал, что не считает меня „полным“ специалистом, что я сижу на двух стульях, а ведь он должен был знать что моё биологическое образование было сделано целиком по всем правилам и независимо от медицины. Я не изучал медицины вначале, чтобы потом сделать всё равно какую философскую диссертацию по прилегающей дисциплине, как это, например, произошло с ним самим и Квастом из Бонн. Когда позже он упомянул ещё о том, что партия интересуется вопросом руководства кафедры, я ответил ему, что был первым доцентом университета в Мюнстере, вступившим в партию.

1.12.1942

Был сегодня, чтобы представиться, у нового окружного начальника управления здоровья д-ра Феннера, который встретил меня очень дружелюбно и назначил председателем окружного дисциплинарного суда. В дальнейшем разговоре передал ему всё сказанное Бехером и он поклялся мне, что поддержит меня всеми силами, если это будет возможно.

3.12.1942

Разговаривал сегодня по этому делу с Мефиусом, ректором, который сказал мне, что я совершил большую ошибку, публикуя статью: „Заслуживающая внимания проблема наследственности полученных увечий“. Бог знает из скольких мест его уже запрашивали об этой работе; этим вопросом интересовалась даже тайная государственная полиция. Впрочем выкручивался самыми разными способами и не дал мне никаких связывающих его обещаний.

4.12.1942

Был сегодня утром у декана и Бехера, который в этот раз принял меня значительно любезнее. Ещё раз я осветил ему моё дело и рассказал о разговоре с Мефиусом. Ответил мне, что не придаёт большого значения опубликованной работе о наследственности. Потом говорил о том, что в своё время на собрании, где рассматривался вопрос

моего профессорского звания, он высказался в мою пользу. Я ответил ему, что тогда я высоко оценил этот факт. Затем я пространно рассказывал о моём изучении филологии⁸⁴, о моём богатом опыте в области хирургии и о том, что Йост⁸⁵ настаивал на том, чтобы я опубликовал мою работу о наследственности, находясь на нейтральной точке зрения. В конце разговора я попросил его, чтобы поддержка, которую он мне не раз оказывал, была такой же эффективной и на этот раз. Выходя от него я был настроен значительно более оптимистически.

16.12.1942   Сегодня совершенно неожиданно показываются „на сцене“ Герман и Альберт⁸⁶, прибывшие из Берлина. Альберт ненадолго приехал к Герману и тогда Герман, естественно, быстро взял отпуск и приехал домой вплоть до 30. Герман ещё выглядит человеком, который хорошо питается. Потом Альберт рассказал мне, что кот с купим хвостом в Штельберге в конце минувшего лета, куда-то пропал на несколько месяцев, а когда стало холодно, вернулся хорошо откормленный. У Фоссов в Обербриздам (?) и Тео Бальтифена (?) в Унтербюшен родились котята с кучими хвостами. Герман всё время торопился на поезд, хотел ещё ехать к Гретхен в Дюссельдорф (*ouï est la femme ?*).

22.12.1942   Меня назначили председателем окружного дисциплинарного суда.

[1943]

13.1.1943   Фрау Глазер выехала сегодня утром в Крефельд.
Нет арийской,   В управлении по делам народного здоровья Гюлькер доверительно сказал мне, что Феннер в округе
негроидной,

⁸¹ Вероятно Кремер ошибается, потому что кроме медицинского образования он окончил философский факультет.

⁸⁵ Раньше Кремер писал Юст. Срав. с записью от 30.5.1941. Это то же лицо.

⁸⁶ Родственники Кремера.

монголоидной
и еврейской
науки,
а только
настоящая
я фальшивая!

поддержал мою кандидатуру в деле кафедры биологии наследственности, но услышал в ответ, что я не иду в счёт из-за моей работы „Заслуживающая внимания проблема наследственности полученных увечий“. Кроме этого никто ничего не имеет против меня. Вот так выглядит провозносимая свобода науки! Большого затыкания рта невозможно себе вообразить! Наука с завязанными глазами есть и останется только фарсом. И так в действительности я стал жертвой моей чистой веры в научный идеал и неограниченную свободу исследований, потому что мне даже и не снилось, что в реальной жизни может существовать что-то такое как „наука с заткнутым ртом“. В результате этого, наука получила смертельный удар, а затем её выселили из страны! Видно, что в сегодняшней Германии не лучше, чем в иные времена, когда Галилей должен был взять своё слово обратно и когда науке затыкали рот с помощью палачей и костров. До чего всё это доведёт в 20 веке!!! Я почти что стыжусь того, что являюсь немцем. При таких обстоятельствах, я должен буду кончить свои дни, как жертва науки и фанатик правды.

27.1.1943

Был сегодня у Бехера, который открыто сказал мне, что моя дисквалификация является результатом моей работы. Я должен был занять какую-то позицию, такова была его точка зрения, которую он вероятнее всего позаимствовал от Мефиуса. Я показал ему свою переписку с фон Фершнером. Из всего этого было ясно, что я обязан был открыто выступить против наследственности приобретённых увечий, но этого не имели мужества открыто сказать. Моей просьбы о работе в этот раз и Бехер не мог удовлетворить; старается выкрутиться самыми разными способами.

30.1.1943

Повышение в чине до оберштурмфюрера СС в резерве.

- 1.3.1943   Был сегодня с заказом у сапожника Грефсмюля, где мне показали, присланную из Катовиц листовку социалистической партии Германии⁸⁷. Из неё вытекало, что мы уже ликвидировали 2 миллиона евреев при помощи массовых расстрелов и отравляющего газа.
- 5.3.1943   Сегодня я вынужден был выйти на улицу с консервной банкой, чтобы собрать на помощь от холода. В городе отнеслись к этому, по крайней мере как к настойчивости. Но наконец я имел шумный успех в окружном управлении по делам народного здоровья, где благодаря помощи Гюлькера, у меня буквально вырвали банку из рук; там нашелся даже банкнот в 10 марок. Воспользовавшись этим случаем Гюлькер рассказал мне, что начальник окружной службы здоровья д-р Феннер ещё раз высказался в мою пользу в округе, но встретил со стороны университета (Мефиус и Бехер) решительный отпор. Он предложил мне, во имя избежания натянутых отношений, чтобы мне однако дали госпиталь, без всякого сомнения, это желание университета, чтобы таким простейшим способом избавиться от меня. Как специалист-хирург, как он это неоднократно подчеркивал, я не встретился бы именно сейчас с трудностями. Так, например, я мог бы сразу возглавить окружной госпиталь в Гарфорде, в качестве главного врача. Я сразу же сориентировался, что постепенно начинаю действовать на нервы этим господам из университета своими научными достижениями и долголетней активной деятельностью в партии. У них очень нечистая совесть и они хотят избежать таким способом дальнейшей ответственности, чтобы потом иметь возможность умыть руки и сказать, что ведь я сам этого и хотел. Нет — надо хорошо обдумать

⁸⁷В оригинале: Социалистиче партией Дейчландс (СПД). Листовка была нелегальной, потому что СПД была объявлена вне закона.

это дело — у меня нет никакого желания, как у самого старшего партийного товарища среди мюнстерской доцентуры, позволить отодвинуть себя на бочные рельсы. Эти осведомленные лица очень недвусмысленно показывают своим отношением ко мне, что партийные заслуги, о которых без конца говорится, на деле не имеют для них никакого значения. Как мне, в конце концов, сообщил Гюлькер, он интересовался одновременно и в гестапо и узнал, что там ничего не знают такого, что свидетельствовало бы против меня. Поэтому мне кажется, что это снова какая-то интрига, инициатором которой является Мефиус.

По инициативе моей сестры Хильды Бургмер я напросился сегодня в Бренн, куда еду автобусом в 3.30. Там однако никто не имел ни малейшего понятия, что Хильда высказалась в этом смысле, потому что именно сегодня она поехала в Кёльн к Агнес. Несмотря на всё это, как обычно, я был чрезвычайно гостеприимно встречен Алоисом, Марией и Теей. Угощали меня гуральскими вафлями с кремом, ветчиной, тортами, а вечером ещё очень деликатным мозельским вином. Кроме этого Мария сказала мне, что Хильда вручит мне ещё „что-то“. Агнес постаралась достать мне книгу Озентая „Богатырь из Оммерброн“. Это был чудесный милый вечер, мне оказывали такое уважение, что оно почти граничило с посвящением, а гостеприимство предложило всё, что было самое лучшее на кухне и в чулане. И всё это было сделано самым сердечным, самым великодушным способом — и это даже не были родственники!

Самую яркую противоположность всему этому я должен был, к сожалению, испытать на следующий день у моего деверя на Гартегассе. Уже в предыдущие дни дошло не один раз до стычек

беспрерывно лающая собака, которая даже не постеснялась потребовать от меня 125 граммовых карточных талонов на масло за те несколько дней, которые я провёл там, решила даже отрицать то, что бедные фронтовики должны иметь право занимать в государстве соответствующие привилегированные посты. Надо оплевать такие недостойные мысли! Кроме того факт, что он предпочёл бы любого другого врача, чем я, потому что у меня нет никаких медицинских знаний, сви-

из-за его неслыханных политических взглядов, Это часто приводило во время обедов к ясно выраженному размежеванию с моей стороны, особенно когда мой деверь пробовал отказывать нашим солдатам в геройстве, любви к родине и готовности посвятиться своей родине, утверждая, что их принудительно гонят на неприятельские позиции их командиры. Кто не идёт вперёд, тех просто-напросто застреливают. На мой вопрос, откуда он такой мудрый и видел ли он это сам, он ответил мне, что так много обращался в свете, что может себе позволить судить на эту тему, Когда с полным обоснованием я попробовал отрицать то, что он утверждал и старался убедить его в том, что и я кое-что знаю о свете, он напал на меня в личном плане; ведь у него значительно больше опыта, чем у меня и к тому же он учился значительно дольше. То, чему выучился я, ничто по сравнению с его знаниями. Мои медицинские знания таковы, что он сам бы никогда не отдался под мою опеку. Я сделал уж столько глупостей — и тут шило вылезло из мешка — что позволяю себе быть „на содержании“ своих родственников. Моя сестра прислушивалась к нашей перепалке молча и добавила: „Ну, и хорошо, по крайней мере один раз всё высказали друг другу“. Благодаря этому я раз и навсегда решил как нужно вести себя по отношению к деверю, сказал ему, что для меня большая честь в том, что он нападает на меня таким способом; этим я хотел подчеркнуть, что по наследственности у него не все дома и что это соседствует с жестокой беспощадностью, отсутствием родственных чувств, с неутоленной жадной собственностью, космополитизмом и желанием противоречить в любой форме, а также настойчивым желанием ссориться. Характерно, что в моём присутствии он открыто высказался за создание Рейнской республики. Понятно, что такой дух разложения не может принадлежать к кругу нашей семьи. Я решил сегодня раз и навсегда исключить его из числа наследников после моей смерти, а также после его

детельствует только о том, как далеко я ушёл из его тесного круга умозаключений миропонимания, что он уже не способен выработать в себе ясную точку зрения на мои достижения. Людям, которые жили у него потому что их дом был разрушен в результате бомбёжки, он из принципа никогда не давал ключа и моя больная сестра была вынуждена каждый раз, по его желанию, вставать ночью и открывать дверь. Сам же он спокойно оставался в кровати и не заботился ни о чём.

смерти не быть на его похоронах. И удивительно! Всё то, в чём мой отец в Гарниш всегда обвинял отца моего деверя — это невероятное отсутствие политической и моральной ответственности — то же самое приказало мне теперь поднять брошенную мне перчатку раздора против внутренне никчёмной семье моего деверя. Отмежёвываясь публично от моего упрямого склочника, разбойника без роду и племени, ненасытного скупца, который — хотя никогда и не носил солдатской шинели — ответил иронично на мою защиту немецких солдат, мне, почти 60-летнему солдату посоветовал пойти добровольно на фронт, я защитил, думаю раз и навсегда, честь моей семьи и не в последнюю очередь честь моей бедной, замученной на смерть сестры, Этот несчастливый день в Штельберге и Оберфельде вернул мне равновесие, потому что мне несколько раз говорили о том, что все наши родственники сходят с дороги этого, так называемого деверя и никто ничего не хочет слышать о нём. Воспользовавшись создавшимся положением, Отто рассказал мне, что это политическое и моральное ничтожество, сразу же после смерти моей матери потребовало разделение оставшегося после неё, но мой старший брат, сразу раскусивший эту подлую собаку, показал ему на дверь. Моя мать ещё не остыла в могиле, когда этот скупец без всяких угрызений совести пробовал делать интересы. Тьфу! Можно только плюнуть на такой никчёмный, недостойный человека характер! В Штельберге Гер да испекла торт со сливами, а потом угощала ветчиной и свежими яичками. Сделали несколько снимков, К вечеру Анна, Отто и я поехали к Марии в Оберфельд, где встретили также Фрица и детей, Таи были поданы народные гуральские блюда: лепёшки с кусочками солонины и рисом. Мария дала мне также кусок копчёного окорока на дорогу. Она была в положении в последних месяцах, как и Анна прибывшая позже из Вюпперфюрта. Отто проводил меня потом на Гартегассе.

- 2.5.1943   Сегодня в воскресенье, я получил извещение из главного санитарного управления из Берлина, Кнезбекштр., о том, что мне присвоено звание оберштурмфюрера СС резерва от 30 января. Одновременно прислали 30 отпечаток из „Микрокосмоса“ за 25,30 [марок]. Из гонорара мне остаётся только 44,35 — 25,30 *= 19,05 марок.
- 22.5.1943   Письмом окружного начальника управления по делам кадров д-ра Грескера, я был приглашён сделать доклад по инициативе руководства Вестфалия-Север; назначил конференцию на понедельник, на **11** часов.
- 24.5.1943   Сегодня в **11** час. в окружном доме [партии] конференция с д-ром Греснером, который однако не разговаривал со мной о моём деле, а скорее о том, чтобы ввести меня в окружной аппарат пропаганды (политика народонаселения, расовая гигиена) в качестве лектора. Он предложил мне прс слушать в ближайшее время в Берлине-Бабельсберге курс лекций на тему этих основных проблем; проект безусловно — хотя бы для того, чтобы в Берлине снова лучше познакомиться с положением — был мною одобрен с радостью. Может быть это была одна из многочисленных причин, чтобы меня каким-либо способом сделать безопасным с научной точки зрения; не надо забывать о закулисных интригах университетских прислужников, для которых я всегда был и останусь бельмом в глазу, потому что я раньше всех вступил в партию. Итак, надо подождать.
- 20.6.1943   В **11.40** через Оснабрюк, Ганновер, Стендаль, Шпандау, Берлин-Зоо выехал в Государственную школу расово-политического управления в Потсдаме-Бабельсберге 2, Грипиштрассе 4, которая, как оказалось, помещается в бывшей вилле генерала Шлейхера. Прибыл в **19.30**. Было призвано около 50 участников из всех частей Германии. Жильё и питание хорошие, умственных способ-

ностей почти не требуется. Большинство времени посвящено оздоровительным упражнениям и ничему ке обязывающим беседам. Директором курсов является рейхсгауптштелленлейтер д-р Эрих Опперман, зоолог, который получил повышение у д-ра Поля Шульца в Ростоке. Интерес вызывали лекции бывшего католического теолога из Эйхштадта, товарища по партии Фернкорна и практикующего врача д-ра Л. Фельгута, а также специалиста по вопросам гигиены из имперского управления здоровья (Институт Беринга) д-ра Дара. Последний определил 25 июня 43 г. мою группу крови; это была группа А, которая была представлена, как наиболее характерно выраженная. В прошлую среду меня навестил (23.6.) Герман из Йютерборга. Он сказал мне, что Альберт уже в России и дал мне его адрес: рядовой Альберт Кремер, полевая почта 36759 Б. Мы посидели немного в бабельсбергском парке и в небольшом ресторанчике. На следующий день, в четверг после обеда я поехал в Финкенкруг, чтобы ещё раз посмотреть на майских жуков, которых я так люблю (*Galeruca Dahli*). Но весь этот район, где в прошлом была такая богатая фауна, был охвачен засухой и вся жизнь была уничтожена. Я нашёл только неважные пастбища с редкими *Melosoma 20punctatum*. Кроме того, во время курсов по утрам проводили небольшие пробежки по лесу; ездили также все вместе пить пиво в Никольское, проходило это в очень хорошей атмосфере, а великолепный пейзаж напоминал Россию. Ездили все вместе на экскурсию в замок Бабельсберг, припоминающий о старом императоре Вильгельме и его временах, импонирующих скромностью и простотой. Достойной внимания, была прежде всего палка Вильгельма I, которую он вырезал собственноручно и которой пользовался всю жизнь, отдавая ей предпочтение перед всеми подаренными. В последний день занятий выступил д-р Грос из политико-расового управления. Однако я вынужден был перед тем, как он кончил свой доклад, выйти из аудитории, вместе с не-

сколькими другими, чтобы успеть на скорый поезд в Берлин, который отправлялся в 12.05 на Запад с Силезского вокзала. И в этот раз, как и в дороге на курсы, мне удалось найти удобное место около окна в купе 2 класса, так что я не скучал во время пути до Оснабрюк, вскоре после которого навязал разговор с милой спутницей.

26.8.1943

Все принимают с тихой горечью и почти отчаянием налёты англо-американской авиации на немецкие города и ожидают ответных. Каждый знает, что должно что-то произойти, потому что дальше так продолжаться не может. Кто нападает на произведения искусства, тот ведёт войну против всей человеческой цивилизации, а не только против нас. Сегодня пришёл ответственный за наш дом партийный работник и спрашивал у партийных товарищей, есть ли у кого пистолет. Причины этого вопроса, как оказалось, нельзя было углубить.

12.9.1943

Сегодня от моего адвоката д-ра Галлермана получил письмо адвоката моей разведённой жены следующего содержания: „По делу Кремер — Винтерзель против Кремер. Получил Ваше письмо от 6 сентября 1943 г. из которого, к моему сожалению вытекает, что ваш клиент не хочет изменить своего предложения, которое, как мне кажется, является недостаточным и несоразмерным по отношению к доходам обеих сторон. По причине того, что моя клиентка хочет избежать процесса связанного с алиментами, она вынуждена принять предложение вашего клиента“. До развода я платил 153 марки, а теперь буду платить только 50. Этим самым вопрос содержания временно разрешён.

22.9.1943

Адвокат д-р

Альберт получил 16 дней отпуска по состоянию здоровья и со вчерашнего дня находится в дороге

Галлерман сказал мне 26.10.1943., что сам держал в руках обвинительный акт, где было написано, что ректор университета в Мюнстере получил ветчину, сделанную из незаконно зарезанной свиньи.

домой. Его новый адрес, как сообщает мне Герман: Альберт Кремер, Эре. Батл. 82. Гёттинген, Генес-Комп.

Сегодня ходил за грибами со Шгейнкампом, мы были в Берделе, между Вольбеком и Тельгте. но результаты были очень плохие. Мефиуса сняли с поста ректора. По Мюнстеру ходят самые невероятные сплетни. Я узнал из достоверного источника, что он брал для себя мясо из нелегального убоя от известного, уже судимого, подпольного торговца Баксмана из Билефельда, который затем повесился в тюрьме. Он был по профессии зубной врач. Мефиус попал в немилость, причём гнев обрушился на весь университет. Лучше состариться сохраняя честь, чем быть с позором снятым с ректорского поста! Наконец прогнали человека, которого я раскусил с самого начала и который в целой интриге, направленной против меня, играл вместе с Гейдерихом и Вальтером, главную роль. И несмотря на всё это, „этот уважаемый ректор“, ещё свободно ходит по улицам с поднятой головой, словно он только испортил себе желудок несвежим мясом.

5.11.1943
(пятница)

Сегодня в газете было опубликовано сообщение, что патолог, профессор Зигмунд, был назначен новым ректором. После обеда около двух часов, во время хорошей солнечной погоды, снова налёт на Мюнстер. На этот раз наиболее разрушенным оказался квартал клиник, куда упало прежде всего много зажигательных бомб. Целиком сгорело хозяйство у Эльферинга. Огнём охвачены корпус заразных детских болезней и старое здание студенческого общежития, построенного ещё при Пауле Краузе. Громадные клубы дыма видны за клиниками, над озером (Аазе) в направлении Ниенберга и за зданием хирургической клиники.

"• 11.1943

Я очень обижен тем, что в сегодняшних утренних газетах нет ни строчки об ужасах вчерашней бомбёжки. При чём, как я узнал, только в районе

Гифенбека было целиком уничтожено около 30 крестьянских хозяйств, не говоря уже о тех, которые находятся около Роксель и Мекленбека. Хотя вчера уже был налёт, сегодня утром снова была объявлена предварительная противоздушная тревога в то время, когда я покупал продукты у мясника.

26.12.1943

(воскресенье)

Я читал сегодня в праздничной газете „Мюнстерше Цейтунг“ следующую статью: „Профессору доктору Иоганну Кремеру исполнилось 60 лет. 26 декабря исполняется 60 лет одному из лучших специалистов в области человеческой наследственности Министерского университета, д-ру медицины и философии Иоганну Кремеру. Он родился в Штельберге около Кёльна и учился в Гейдельберге, изучая вначале философию, математику и естествознание, а затем медицину. В 1914 г. в Берлине он получил степень доктора в области философии, а в 1919 г. стал доктором медицины. Долгое время он работал в качестве ассистента врача при университетской хирургической клинике „Милосердие“, в отделе внутренних болезней городской больницы в Берлине — Нейкёльне, в университетской клинике в Кёльне и в качестве просектора в анатомических институтах в Бонне и Мюнстере. В 1929 г. Кремер защитил в Мюнстере докторскую работу в области анатомии и в этом же университете в 1936 г. стал заместителем профессора. В 1939 году ему было присвоено профессорское звание. Одновременно он начал читать курс лекций о человеческой наследственности“.

Ни слова, и к тому же отсутствие какой-либо точки зрения в отношении моих научных работ! Представителям ортодоксальной науки, книжным учёным не хватает отваги или способностей, чтобы критиковать мои научные работы. Тот, у кого есть собственные мысли, тот исключён из их рядов; они способны оценить только бездушный

фабричный товар с конвейера. Это позволяет мне понять, почему мне бросают колоды под ноги, когда речь идёт о моих научных работах; потому что они признают и говорят только о своих знаниях и утверждают, что только эти знания являются по-настоящему правдивыми. Этот догматизм заглушает потом всякую иную духовную позицию и бойкотирует каждое новое достижение, противоречащее их установившимся взглядам. Итак, несмотря на многочисленные поддержки моей кандидатуры у декана медицинского факультета и Бехера, я не получаю места в Институте анатомии, что целиком отрезает меня от научной работы. Поэтому я вынашиваю план организовать после войны при помощи своих собственных средств небольшую лабораторию. Собственно говоря, мне требуется срочно только микротом, потому что из Аушвиц я привёз материал, который безусловно должен быть обработан. Сегодня утром в связи со всем этим делом, мне пришла в голову одна идея. Издаю свои мысли в виде книги, может быть под названием: „Тканевое регрессивное образование“ или „Гистололиза“, чтобы по крайней мере не пропали мои знания и достижения, потому что они являются и останутся научной правдой, если даже вся ортодоксальная наука будет это отрицать. Ведь до настоящего времени она занимается только половиной человеческой жизни, говорит о гистогенезе, но ни слова об интегральной части гистологизиса; пишут книги о человеческом развитии, забывая при этом о другой важной части, о науке человеческого развития назад, существенной частью которой является старческая инволюция. Я думаю, что существует не только история развития, но и наравне с этим история человеческого регресса. Трудно описать, в какой тупик зашли эти книжные учёные при открытии лейкоцитов и фагоцитов, и если кто-то извне не поможет им, они никогда не смогут выйти из этого тупика. Я напишу эту гистологию развития назад и надеюсь, что к моему 65-летию она будет готова.

Главное в том, что в своей книге я ведь доказываю, что клетки, официально называющиеся лейкоцитами или фагоцитами, в действительности являются оторванными, более менее распавшимися или ещё достаточно сложными остатками старых тканей — настоящими клетками тканей, которые, как мне удалось доказать на имеющих пигмент клетках печени — оторвались от кровоснабжения и частично в результате этого, попавшие в другие органы, подверглись полному растворению. Сегодня праздничное пиршество: 250 г телятины с салатом из белых грибов.

[1944]

28.1.1944

Я послал сегодня следующее письмо евангелическому приходу, адрес: Пютцерлин, почта Мюлькентин Шецинская область — „Уважаемый пастор, вы наверное будете очень удивлены, что я обращаюсь к вам с такой странной и абсолютно чуждой вашей профессии просьбой. Речь идёт, позволю себе выразиться, о научной проблеме, касающейся вопросов наследственности, что мне дало смелость — я не знаю никого на месте с высшим образованием, кроме вас — обратиться с просьбой о точных сведениях. В этих обстоятельствах, я надеюсь, что вы извините меня за то, что я отнимаю у вас время, делами не касающимися ваших обязанностей. Дело в следующем: несколько лет тому назад я получил из Пютцерлина от своего знакомого, служашего полиции (Эрдмана) маленького котёнка с кучим хвостом, которого я отдал своему родственнику, жившему где-то над Рейном. Надо сказать, что животное очень хорошо позаботилось о продолжении своего рода и вы понимаете, что теперь со всех сторон хотят узнать чего-нибудь о происхождении, наследственности и т.д. тех котов с кучими хвостами. К сожалению, упомянутый выше служащий полиции,

куда-то пропал во время великих военных событий, так что с этой стороны я ничего не могу узнать. Однако может быть возможно, используя широкий круг людей, которых вы знаете, успокоить моё личное любопытство и заинтересованность других людей. Хочу вам открыто сказать, что в Мюнстерском университете я представляю науку о наследственности и поэтому этот случай меня особенно интересует. В сущности я был бы рад получить от вас ответы на следующие вопросы:

1. Есть ли люди могущие припомнить, когда более или менее появились в Пютцерлине коты с куджими хвостами и откуда они взялись?
2. Что думают люди о причине появления этого особого физического недостатка?
3. Есть ли люди, которые думают, что это явление было результатом того, что когда-то какой-то кот был искалечен в результате несчастного случая (попал под машину и т.д.) и, что позже эта травма передавалась по наследству?
4. Одинаково ли количество рождающихся котят с нормальными хвостами и куджими, сколько нормальных?
5. Заметил ли кто-нибудь, кроме котов с куджими хвостами другие коты с более тяжёлыми физическими недостатками?
6. Коты с куджими хвостами, все они чёрные с белыми пятнами, или встречаются серые, рыжие, или абсолютно белые или чёрные?
7. Можно ли узнать каким-либо способом при посредстве устных рассказов, откуда появились эти коты и особенно не имеют ли они отношения к английским бесхвостным котам с острова Ман (Ман кете)?
8. Считают ли люди, что коты с куджими хвостами имеют какие-то лучшие способности (например, лучше ловят мышей и т.д.), и как приблизительно соотносится количество котов нормальных к искалеченным?

Я был бы очень рад, уважаемый господин и глубоко обязан вам, если бы смог получить на все эти

вопросы подробные ответы, которые, безусловно вас ни к чему не обязывают. Остаюсь в надежде, что моя просьба встретит с вашей стороны полное понимание. Я...⁸⁸

2.3.1944⁸⁹

Сегодня снова направлен местной группой, как член „боевых союзов” на сбор денег на улицах. Нужно было доставить 100 наград, милых очаровательных сказочных персонажей из фарфора, которые, конечно, почти при первом же вопросе, вырвали у меня из рук в управлении здоровья при Эрфогштрассе. Оставшиеся были предназначены для фармацевтов и выбранных пешеходов. Для себя безусловно оставил комплект этих сказочных фигурок, в котором был даже „Счастливый Яся со свинкой на плече”. После обеда сразу же с банкой в руках к Вицеманам. В этот раз в дверях показался сам Вицеман, и когда я протянул ему банку прореагировал с такой „немильностью”, что я заметил сразу что он не хочет иметь со сбором ничего общего. Вначале довольно бесцеремонно хотел выкрутиться, что как раз у него кто-то есть, но однако ему неудобно было вынуть своего бумажника и не всыпать в банку несколько мелких монет, при чём разлился неожиданно говоря: „К тому же туда упала монета в 50 пфеннигов!”.

Во всяком случае неприятное переживание с гауптштелленлейтером партии, который в других обстоятельствах приписывает себе бог знает что благодаря своему членству в партии. Полное удовлетворение, которое доставила мне фра>Деппе, снова положившая в банку 2—3 марки, компенсировало мне эту несимпатичную встречу.

6.3.1944

И характерная противоположность: сегодня на лестнице фрау Вицеман сказала мне с блестящими

⁸⁹ Кремер не пересказывает дальнейшего содержания этого письма, вероятнее всего за этими последними словами следует только заключительная вежливая форма.

⁸⁸ Записи, посвященные событиям происшедшим с 9 февраля 1944 г., находятся во второй тетради дневника Кремера.

глазами, что её муж получил военный крест заслуги 1 класса. Во время первой мировой войны выслали на фронт мужчин, которым было около 45 лет и которые прятались в тылу, как резервисты. Сегодня такие же отсиживают укороченные служебные часы в учреждении и получают военные кресты заслуги 1 класса. Как мне с гордостью сказала фрау Вицман, её муж имеет военный крест заслуги 2 класса уже несколько лет. Но о таком, который, во-первых, целиком отдаёт свои силы работе, во-вторых, в возрасте 60 лет добровольно находится на военной службе и в-третьих, не получает никакой помощи, хотя его домработница мобилизована в Красный крест — о таком никто не подумает.

7.3.1944

Сегодня получил ответ на моё письмо от 28.1. от приходского пастора в Пютцерлине. После нескольких ошибочных доставок другому адресату, письмо наконец попало к нему и он обещает начать подробные поиски в деле котов с кучими хвостами. Из письма видно, что и он сильно заинтересовался этим делом. Адрес: Э. Рёкер, 4, Примхаузен через Старгард на Поморье.

18.3.1944

Сегодня я совершил первую весеннюю прогулку по Гифенбеке. Была хорошая предвесенняя погода. Вечером пережил страшное потрясение, когда слушая во время предварительной воздушной тревоги последние известия, я неожиданно услышал на той же самой волне сообщение по-немецки, которое вероятно передавалось подпольной радиостанцией: Винница, где фюрер в последнее время имел свой главный штаб, должна была быть отдана. Главный железнодорожный узел в центре восточного фронта был потерян, так что наши войска уже не имеют возможности отступить. Сказали, что собирается всё больше и больше войск, отступающих из Одессы и Крыма, но румынские суда берут на

борт только румынских солдат, и это приводит к „ворчанию" наших. Утверждают, что и в Румынии создалось неблагоприятное положение для нас, что у нас вроде бы нехватает самолётов в результате уничтожения заводов Мессершмитта, Дорниера и Цеппелина⁹⁰. Кроме того наши торговые суда, идущие через Балтийское море, постоянно подвергаются атаке со стороны русских бомбардировщиков. Позже дикторша противовоздушной службы объявила, что заграничная радиостанция, работавшая на той же самой волне, распространяла абсолютно ложную информацию.

20.3.1944   Сегодня официально сообщили, что отдали Винницу.

25.5.1944   Сегодня неожиданно зашёл ко мне Алоис Бургмер-старший, был недолго. Вот это была неожиданность! Он разговаривал с военными властями о переводе своего сына Иосифа, который был тяжело ранен в России в госпиталь в Линдларе; кажется ему удастся это сделать. Он ночевал у меня и должен был спать на софе. Мы оба имели возможность обо всём поговорить, например, об обвинительной мании моего деверя. Алоис прибыл из Гафиксбека, где провёл несколько дней. Фрау Глазер была очень возбуждена и напугана той перспективой, что должна будет дать Алоису несколько зёрен кофе. Для Алоиса я достаточно оторвал от своих собственных уст. Когда фрау Глазер заметила это, она не смогла удержаться от того, чтобы не пожаловаться Алоису на то, что я сижу на своём кофе и ничего не хочу дать. У меня нет ни одного спрятанного зерна, в то время как фрау Глазер каждый день после обеда пьёт кофе из своих запасов, сделанных незаконным путём и никогда не подумает даже

¹ Все упомянутые промышленные предприятия были авиационными.

дать мне хоть одну ложечку. Но так бывает в жизни: одни не могут успокоиться до тех пор, пока не используют того, что им положено, а потом требуют от тех, которые нашли в себе силы экономить, чтобы отдали им сэкономленное.

21.6.1944

Сегодня в центре города меня застала воздушная тревога и я поспешил в бомбоубежище при костёле святого Антония. Пастор и монашки очень торопились и показали, что мало доверяют богу, если это касается их лично. Но монашкам не хватало спортивной подготовки, разучились бегать, одна старалась помочь другой, но последняя остановилась, повторяя несколько раз, что не может идти дальше. Это были женщины в среднем возрасте, лет 30—35, но обращал внимание тот факт, что постоянная бездеятельность нижних конечностей помешала им сейчас быть наравне с остальными пешеходами. Из этого видно, какие результаты даёт систематическая беззаботность о физическом состоянии тела. Перегоняя их, у меня создалось впечатление, что у одной из монашек был сердечный приступ. Портной Гюльсман принёс мне сегодня, после нескольких лет ожидания, пиджак от моего нового костюма...

13.9.1944

Разрушения после вчерашнего налёта очень большие, и как все единодушно считают, значительнее, чем 10 октября прошлого года. В этот раз пострадала вся южная часть города, от Вольбекерштрассе начиная до Каппельбергердам, и до такой степени, что целые дома являются редкостью. Наиболее сильно разрушен район вокзала около Мариенплац и Йосеффиртель [квартал Йозефа] (Августаштрассе, Дальвег). Вокзал скорее всего похож на руину, как и костёл святого Антония, а в костёле святого Йозефа разрушены два купола. На Августаштрассе стоит только один дом (Альгорн), все остальные сгорели. Бросали глав-

ным образом зажигательные бомбы, но много было и фугасных. На Домплац [Кафедральной площади] снова наводят страх две огромные воронки, также и на Зальцштрассе. И на этот раз снова досталось почте. Кайзергоф [Цезарская площадь], гостиница „Континенталь“, Кюппер-Фехтруп абсолютно сожжены. Исчезли целиком Везелерштрассе и Шарнгорстштрассе, начиная от Кларысек. Строительная школа превратилась в гору камня, также и Нейер Круг. Многочисленные крестьянские хозяйства за клиниками снова стали жертвами гангстеров. На Гаммерштрассе не осталось почти ни одного жилого дома, который можно было бы ещё использовать. Очень пострадали здания Вестфальского крестьянского товарищества на Людгертплац, сельско-хозяйственная сберегательная касса и кредитная, их должны были эвакуировать из помещений. Много бомб упало на Бреуль, одна из них уничтожила памятник Германии на тамошних бульварах. Много попаданий было в здание вокзала. Сегодня весь город окутан тучами дыма и во многих местах при помощи огнетушителей пробуют остановить огонь. Везде помогает войско. „Большая“ газета вышла сегодня на малом формате; типография была разрушена. Невозможно описать несчастья, которые постигли отдельные семьи, например, живущая недалеко от меня на Гюфферштрассе семья Еллентруп. Их единственная дочь, из которой так и пёрло здоровье, занимавшаяся спортом девушка, была призвана на службу на почту около вокзала. Родителям принесли велосипед и портфель, а от дочери не осталось никакого следа. Старый отец безуспешно спрашивал во всех больницах до самой ночи, не была ли привезена туда их дочь, до того момента когда его принудили работать на расчистке города говоря: „Дочь, сейчас это второстепенное дело“. Сегодня утром я видел несчастную женщину, которая со страхом ожидала вернётся ли не только её дочь, но и муж. К счастью муж вскоре возвратился, но никакого следа дочери найти так и не удалось. Но самое

страшное наступило через день, когда эта семья получила извещение, что их единственный оставшийся в живых сын, погиб в Италии. После обеда я поехал на велосипеде в Фенне, чтобы получить разрешение на сбор ягод. Кроме брусники нашёл ещё место, где было много черники целыми „букетами“, видимо в связи с благоприятными атмосферными условиями — другой урожай. Принёс домой 500 гр. черники для блинчиков. В Фенне я видел, как сотни четырёхмоторных неприятельских самолётов летали в направлении промышленного бассейна.

15.9.1944

Пошёл в центр города, чтобы лично убедиться в страшных разрушениях. И действительно, это произошло всё, что было раньше. После обеда был в лугах за Гифенбеком где, особенно на лугах Мертенса, нашёл много шампиньонов; принёс домой целую корзину, все очень хорошие, почти нет червивых. Грибы просто выстрелили из земли несмотря на холода и отсутствие дождей. В этот раз, кроме хорошего грибного блюда осталось ещё и для сушки на зиму. На улице стало довольно тепло и небо начало понемногу хмуриться. Воды и света всё ещё нет. Сегодня я прочитал в газете, что 12 сентября был террористический налёт на Аушвиц⁹¹, и что депутаты в рейхстаг Брейтшейд⁹² и Тельман⁹³ погибли во время террористи-

⁹¹ Налёт описанный Кремером действительно был совершён, но 13.9.1944 г. Самолёты сбросили бомбы на предприятия ИГ-Фарбениндустри в Дворах недалеко от Освенцима. В самом лагере было уничтожено два жилых барака эсэсовцев, где погибло 15 человек, а 28 было ранено. Разрушено было здание где помещались одежные мастерские. Там погибло 40 узников, 65 было тяжело ранено, а 13 засыпано. В Освенцим II попали две бомбы; одна из них вывела из строя железнодорожное полотно и насыпь ветки, ведущей к крематориям; вторая попала в убежище между рельсами, убивая 30 гражданских рабочих. В Освенциме III — на предприятиях ИГ-Фарбениндустри — бомбы нанесли материальный ущерб, повредив фабричное оборудование. (Чех. Календарь..., „Освенцимские тетради“, № 7, стр. 85).

⁹² Рудольф Брейтшейд (род. 2.11.1874 г.) немецкий политик и социал-демократический Деятель; с 1912 г. член СПД. В 1918—1919 гг. министр внутренних дел Пруссии, в 1920—1923 гг. член рейхстага. Один из главных руководителей фракции социал-демократической партии Германии. В 1933 г. эмигрировал во Францию. В 1940 г. он был арестован гестапо и погиб в 1944 г. в концентрационном лагере Бухенвальд.

⁹³ Эрнст Тельман (род. 16.4.1886 г. в Гамбурге) деятель международного и немецкого рабочего движения, один из руководителей коммунистической партии Германии (КДП). После

ческого авиационного налёта на концентрационный лагерь Бухенвальд около Веймара.

5.10.1944
(четверг)

Сегодня незадолго до полудня, при немного затянутым облаками небе, был совершён один из наиболее ужасных террористических авиационных налётов на Мюнстер, которые я когда-либо видел. Это касается не только времени продолжения налёта, но и наводящего страх вытъя моторов и взрывов. Незадолго до этого я спустился в подвал, где вместе с тремя „весенними детьми“¹⁴ пережил этот ужас, поняв при этом, что означает смертельный страх. Всё это продолжалось и продолжалось и не хотело окончиться, и при каждом новом заходе неприятельских бомбардировщиков, создавалось впечатление, что теперь наша очередь. Морально разбитый, терзаемый мучительным страхом, я смог только втиснуться в угол подвала чтобы переждать этот ад. Приносимый с востока дым поднимался над городом, закрывая солнце, как бы чёрным плащом. И снова городу был нанесён большой ущерб. Сильнее всего были разрушены: район Мауриция и Варендорферштрассе, больница святого Францишка. Железнодорожный узел при Больвег не существует, а потому варендорфские поезда не могут прибыть на вокзал. С другой стороны, пассажиры в направлении Хамм должны садиться на поезд и сходить на Штилле, потому что и главный вокзал тоже вышел из строя. Говорят, что такое же положение и с вестфальской железнодорожной линией, которая доходит теперь только до Граумендорф, потому что полотно железной дороги вдоль Лодденгейде полностью уничтожено. Вокзал снова был разрушен. На Фюрстенбергштрассе (архив Вестфалии) в противовоздушном окопе

прихода Гитлера к власти, Тельман вместе с другими видными членами компартии 5.3.1933 г. был арестован и после 11 лет пребывания в тюрьмах, он был убит (18.8.1944 г.) в концентрационном лагере Бухенвальд. В глазах общественного мнения Тельман был в течение многих лет символом борьбы передовых сил Германии против гитлеризма.

¹⁴ Значение этого определения не удалось установить.

Моя старая квартира Шютценгассе 47/51., где я жил во время моей службы в 1907—1908 тоже абсолютно разрушена.

Это произошло ещё 30.9

погибло много солдат. Снова горели портовые кварталы. Центр города — Домплац и Ибервассеркирхплац — это сплошные воронки. Бомба упала на хоры костёла Ибервассеркирхе и от него ничего не осталось. Опять нельзя пройти через Шпикергоф, потому что всё покрыто огромными руинами. Одна бомба упала на лестничную клетку университетского здания и полностью разрушила её. От служебных помещений старых зданий коллегий осталось немного, так что продолжение занятий в Мюнстере, хотя бы из-за этого, стало делом невозможным. Университетская библиотека не понесла большого ущерба: только окна и двери; я видел директора библиотеки, который собственноручно, метлой, убирал камни с ковровой дорожки. Напротив снова сильно пострадало здание вестфальского страхового общества, а на Пфердегассе опять много домов исчезло с лица земли. На Агидийштрассе перед Кольпингхаус такая большая авиационная воронка, что улица закрыта для движения. Однако больше всего пострадала арка. Перед городским винным заводом бомба сделала большую яму, и балкон, как и большинство других архитектурных украшений этого здания, был разрушен. Рядом старое здание ратуши тоже сильно пострадало, с его крыши исчезли два ангела. Около костёла Ламберта абсолютно уничтожен Клуксен, так же как и третий дом за ратушью на углу маленькой улочки (шляпный магазин). Сильно был разрушен бывший Английский двор (теперь Петцольд), если говорить о переднем левом фланге, а небольшая мастерская, делавшая стулья абсолютно исчезла. По другой стороне цепи воронок стоят ещё, правда, фасады с историческими деталями архитектуры, но большинство домов проглядываются насквозь, потому что жилые помещения сильно пострадали от бомб со стороны Домплац. Также и фотограф Хейнкель потерял свою лабораторию. Историческое кафе Миддендорф (Ромбергкаффе) было разрушено, в этот раз не пощадили и района клиник. Самые

близкие бомбы упали на кучи кадши на Гинденбургплац и на внутреннюю часть здания вестфальского суда и разрушили значительную долю помещений. Мощная воронка открывается тут же перед дверью моего портного Гюльсмана на Грюненгассе. Безусловно в результате этого и его квартира значительно пострадала. Однако моё пальто, которое я дал ему переделать, к счастью уцелело. Опять нет воды, а с 12 сентября у нас всё ещё нет электричества.

16.11.1944

Сегодня первый снег. Очень ясно слышно артиллерийскую канонаду со стороны фронта, люди говорят об этом между собой с озабоченными лицами. У нас всё ещё нет ни газа, ни воды. Несколько дней тому назад Вицман поручил монтёру со своего предприятия подвести к нам ток от соседнего дома. К вечеру в солдатском мундире пришёл герр Каттинг, с которым ещё раньше я познакомился через фрейлен Альтгофф из Дарфольда; он рассказал мне, что сам слышал по заграничному радио, что проф. Эш был снят со своей должности за то, что в каком-то медицинском журнале выступил против привлечения женщин к работе. Это была шведская информация.

18.11.1944
(суббота)

Новый день ужаса для Мюнстера. После обеда, около 3 часов террористы-лётчики снова уничтожили бесценные произведения культуры и многочисленные человеческие существа. В этот раз прилетели совершенно неожиданно, так что воздушная тревога была объявлена сразу же, без предупреждения. Собрал вещи и по возможности быстро вышел из квартиры, чтобы на велосипед доехать до бомбоубежища в Гифенбеке. Едва я заехал за Коэсфельдер Крейц, как за мной в центре города послышались взрывы, а около гарнизонного госпиталя я услышал над головой ужасный вой моторов. В страшной спешке мне

удалось благополучно добраться до убежища. Вскоре после этого совсем рядом по соседству послышались сильные взрывы, и мужчины, которые до этого спасаясь от опасности бросались на землю в уличную грязь, теперь, едва дыша вбегали в убежище. Я встретил там фрау Гюнебек с дочерью и рассказал им о пикирующих атаках неприятельских самолётов на нашу землю. Объявили отбой, и когда мы оказались на улице, перед нашими глазами была неприятная неожиданность. Второй от убежища дом в направлении города, рядом с которым я как раз поставил свой велосипед, превратился в гору камней. К счастью велосипед уцелел, но как выглядел мой проволочный ослик ? От страха побелел, как мел, пыль покрыла его белым лаком. Я был рад почувствовать его под собой и дать драпака. Вскоре с левой стороны я увидел разрушения в восточной стороне гарнизонного лазарета, которые были нанесены воздушной миной. Из-за глубоких воронок я вынужден был два раза слезать с велосипеда и на Гитторфштрассе увидел, наконец, бесчисленные разрушенные крыши и вырванные окна, в то время через сад замка видно было пламя, горевшего Института ботаники. Милостью бога, квартира была цела, только на передней части крыши не хватало полдюжины черепиц. Вечером снова объявили воздушную тревогу И вскоре от товарищей по несчастью в подвале можно было услышать чего-то больше: бомба попала в убежище на Шютценгсф и оно не выдержало. Много трупов лежало под руинами, а в Гюфферштифт всё еще оперируют тяжело раненных, среди них проф. Кознена. Фугасная бомба, как говорят, нового типа, попала на крышу убежища и взорвалась. Её разрушительная сила была так велика, что она достигла даже пола убежища. Люди, бывшие там, рассказывали мне, что не заметили в первые секунды попадания. Вскоре разошлись разные слухи, всё более фальсифицированные, по-видимому в целях успокоения. В газете написали, что бомба попала как раз в наиболее слабое место

Передняя
часть
кладбища
Ибервассер-
фридгоф
с могилой
Гамана,
сильно
пострадала.

убежища, с другой стороны говорили, что вообще убежище было плохо построено, и что вместо цемента был использован какой-то малостоящий непрочный материал и т.д. Указали число погибших — 86. В подвале на улице Мюнцштрассе, где всегда было много народа, погибло 60 человек. Речь идёт здесь о старом пивном подвале. Было попадание и в крыло здания главной квартиры штаба на улице Рокселерштрассе, под которым находилось бомбоубежище. Однако там паника была меньше. Разрушения в жилых кварталах очень велики, так например в середине Рокселерштрассе, где жил Верминг, и особенно угол Рокселер-Вильгельмштрассе. Громадная гостиница Вестенд превратилась в гору камня и так далее Д° самых Новых ворот. Моя булочная фрау Бюше тоже не существует. При Новых воротах было снесено левое крыло главного командования, а дальше много уничтожено на Йюдефельдерштрассе — в бойню Эссена снова было попадание, нужно отметить, так же как и в Бринке. Страшно выглядит Фрауэнштрассе, пересечённая горой камня высотой с дом. Брюнинги и Вильмзены абсолютно уничтожены. Так же и Гюфферштрассе снова была затронута налётом, вблизи дворцового сада нет ни одного дома, в котором можно было бы жить. Двое безногих мужчин в Мюнстере: адвокат Гольткёттер и продавец сигар Ламмердинг в Дросте — Гюльенофф-Аллее потеряли в бомбёжке свои красивые домики. В самом городе целиком сгорели казармы Агидии, в которых я проводил один год добровольной военной службы в гг. 1907/08. Ещё в среду 22 ноября я видел там сильный пожар. Сильно досталось также и Крейцфиртель, так например, жилой дом проф. Роземана на городском рынке. Ба, если осмотреться поблизости от костёла святого Креста (Штудтштрассе, Гертруденштрассе и Финкенштрассе и т.д., и т.д.), без всякого сомнения можно прийти к заключению, что в этот раз больше всего пострадал Крейцфиртель.

[1945]

27.1.1945
(суббота)

По глубокому снегу я пошёл сегодня на рынок, чтобы попробовать достать мяса. Было открыто только полдюжины маленьких мясных лавочек. Когда я был в первой лавочке у Коха, фрау Кох, тучная тридцатилетняя женщина в очках разговаривала с какой-то женщиной, отказываясь отпустить ей солонину на карточные талоны „жиры-мясо“. Время от времени она кричала своей помощнице: „Да, да сейчас приду!“ Я не увидел в этом, ничего особенного и пошёл в другие лавки, но вскоре однако вернулся ничего не купив, чтобы пройдя около костёла, пойти в направлении дома. Там я увидел и пережил то, что напомнило мне реалистические полотна голландца Брёгля⁹⁵ из жизни крестьян. Едва я миновал лавочку Коха, как увидел сзади неё фрау Кох, когда она отправляла свои естественные потребности присев известным способом, прямо на голом снегу. Её толстый голый зад обтянутый подвязками был обращен прямо в мою сторону, моё присутствие ничем её не смутило. Эта картинка является иллюстрацией истории войны: это случилось в центре Мюнстера, на Домплац.

После обеда я пошёл в огород Штейнкампа, чтобы собрать капусту. Около входа на участок я увидел перед собой женщину с санками, нагруженными множеством каких-то старых манаток. Она спросила меня, есть ли у меня здесь участок, а потом рассказала, что здесь страшно воруют. У неё украли пять кур и петуха, убив до этого собаку. Так как её дом был разрушен бомбёжкой, она прятала там своё барахло и запасы сахара и т.д. и это всё было украдено. Не оставили ей ничего, кроме курьих голов, специально разбитых стаканов и большой кучи говна под дверями. В до-

⁹⁵ Известная семья голландских художников; Пётр (отец 1530—1569) посвящал свои полотна изображению с большим юмором деревенских празднеств и торжеств; был учеником Петра Кука вон Альста.

мике Штейнкампа двери тоже оказались выломанными и в этот раз я не смог их починить. С портфелем полным капусты я вернулся домой.

21.2.1945

Вот уже неделя, как в Мюнстере можно купить сколько хочешь рыбы; я купил сегодня у Гамброка за 6 марок копчёного дорша, которого съел за один день. Есть также треска, маринады, везде полно рыбной пасты, так что она почти приелась. Вицман бурчал сегодня, что должен в воскресенье явиться в Фольксштурм⁹⁶, причём он умудрился попасть во вторую мобилизацию. Не может нагордиться тем, что во второй половине марта наступит с нашей стороны „сильный удар”, в то время, как все отдают себе отчёт в том, что наша участь предрешена. Я поспорил с ним на всё что у меня есть, что не может быть ни зерна правды во всем этом деле, но он отважился только на то, что имел при себе. Воздушные налёты становятся всё более и более сумасшедшими, так что в действительности неизвестно предпринимается ли что-нибудь против них, или это пассивное сопротивление. Я купил у Дёббелера к моему старому велосипеду хороший современный багажник.

23.2.1945

Это стоит записать: Вицман сказал мне сегодня вечером по дороге к гарнизону: „До начала марта война кончится и к тому же в нашу пользу”.

14.3.1945

Сегодня я услышал по неприятельскому радио с занятой территории, что англичане и американцы обещают населению, как первый подарок, полную свободу вероисповеданий, чтобы сделать людей податливыми и терпеливыми.

⁹⁶ Всеобщая мобилизация. Под конец войны в Германии были призваны мужчины, которые

¹⁵⁰ 'воему возрасту были уже не годны к военной службе.

30.3.1945 фронтовая канонада становится всё слышнее. Я всё ещё чиню крышу моего дома и работаю в огороде. Небо хмурое, холодно, идёт дождь. Вечером около 10 часов раздалась над северной частью города многочисленные сильные взрывы. Горорят, что наши солдаты взорвали склад военной амуниции около Гревен. Люди думали, что начался обстрел Мюнстера и укрылись в подвалах клиник.

31.3.1945 На рынке невозможно было ничего купить у Нимера, Зальцштрассе, достал только бутылку яблочного сока. Люди стояли в очередях перебулочными и мясными магазинами. Нет электричества и ходят самые невероятные слухи; неприятель должен обойти Мюнстер и прийти со стороны Рейна и Гревена. Стараются угадать был ли Мюнстер объявлен открытым городом или его будут защищать. Думают, что неприятель сжал клещи около нас и всего промышленного района таким образом, что мы теперь отрезаны от остальной части Германии. После обеда пришли люди с Гитторфштрассе и принесли четвертушки целых коров; это мясо раздавали у Феннемана от стороны Гаммерштрассе. Это было мороженное мясо для фронта, которое некуда уже было везти дальше. Выглядело это очень странно: приезжали мужчины и женщины с целым коровьим передом поперёк велосипеда. Как уверял меня мясник Гессинг, мясо было великолепное. Он и его жена рассказывали мне, кроме всего другого, что Дортмунд и Хамм уже оставлены нашими войсками. Гафиксбек защищался и его сравнили с землей. Вскоре потом пришла от Конерингов фрау Глазер и принесла овощи и три бутылки водки, которую достала бесплатно на Гельшеровском спиртном заводе, находящемся в направлении Ниенберга. Можно было получить сколько хочешь; крестьяне вроде бы наполнили уже даже крынки для молока и фрау Конеринг быстро послала фрау Глазер в дорогу, снабдив её несколькими бутылками. Там должно было быть невероятное

положение: пьяные солдаты и гражданские, помещение плавало в спирте, а пьяные вояки, шутя, нацелили свои карабины в толпу. Не существовало никакого надзора, каждый мог взять сколько хотел. Кроме того фрау Глазер говорила, что в провиантном управлении на Штейнфуртерштрассе можно было взять для себя уголь в любом количестве. Сотни запряжённых телег и ручных тачек находятся в дороге и свозят уголь. В магазинах около казарм и на Штейнфуртерштрассе можно было достать на карточные талоны мясные консервы. Поэтому я сразу же сел на велосипед, чтобы, по крайней мере, хоть что-то достать. На дороге, ведущей туда, было как во время процессии; все торопились конно, на велосипедах, с ручными тачками, ранцами, рюкзаками или сумками, чтобы чего-нибудь достать. Перед дверями стояла уже длинная очередь, я встал последним. Длилось это ужасно долго потому, что наши люди лезли без очереди. В конце концов, приехала из казарм, находящихся напротив, новая тяжело нагруженная телега и её начали разгружать через окно. Добродушный солдат сказал, что охотно дал бы каждому по ящичке мясных консерв, потому что их так много, что не знают как с ними поступить. Прошло немного времени, как кто-то, из стоявших близко к возу взял себе с него, без всяких препятствий со стороны солдат ящик с консервами. Когда толпа увидела это, мужчины и женщины бросились на телегу, рвали, пихались, снимали ящик за ящиком и тащили всё несмотря на то, что телега стала отъезжать и была пуста. В каждом ящичке было 16 консервных банок. Это была страшная картина, когда человеческая свора набросилась на телегу, вырывая друг у друга всё из рук в безграничной жадности. Какой-то мужчина около меня заметил, что такого разбоя не было даже в 1918 г. Теперь двери магазина опечатали, давая нам понять, что всё распродано, и что привоз нового товара не предвидится. Я уже было взялся за велосипед, чтобы без всякого резуль-

тата вернуться домой, когда вдруг разошлась весть, что теперь начнётся продажа в магазине напротив. Тогда весь народ ринул в сторону того магазина. Так как я должен был поставить на предохранитель велосипед, я оказался около магазина последним. Через некоторое время сказали, что предыдущий магазин всё-таки ещё получит одну телегу с продуктами. Услышав это, я вернулся к первому магазину, где были ещё 2—3 покупателя. И здесь я уже не позволил водить себя за нос, хотя хозяйка магазина и говорила сначала, что нового товара уже не будет. Но все вокруг утверждали, что товар придёт второй раз. Ждать нам надоело, продолжалось это почти 2 часа, но после этого показалась долгожданная телега со 100 ящиками. Таким способом я, наконец, достал хорошие мясные консервы (наверху слой смальца, а под ним свинина). Каждый получил по карточкам 4 банки консерв, каждая по 1,60 марки. Для себя и фрау Глазер я достал 8 тяжёлых баков, которые с трудом впихнул в портфель. Всего я отстоял на улице при ветряной, холодной погоде 4 часа и всё время имел возможность наблюдать за пьяными, которые раскачиваясь в разные стороны, шли из Ниенберга по домам. Среди них был пожилой, абсолютно седой мужчина, который уже не мог удержаться на ногах и балансировал, как танцор на проволоке с одной стороны улицы на другую. Вдруг он опрокинулся назад, тяжело ударяясь затылком о камни мостовой. К нему быстро подбежал какой-то солдат, помог ему встать на ноги, выбрасывая одновременно из кармана пьяного пустую бутылку, а другую полную быстро пряча в свой брючный карман, к радости публики. На обратной дороге недалеко от города, я был остановлен двумя полицейскими, которые „обязали меня к военной службе“. Мы должны были — мужчины, духовные, мальчишки, девчата и другие принести для передней части баррикады частично вручную, частично на тачках, куски железа, рельсы, клубы колючей проволоки. После одного такого тура я мог дальше

ехать до своего дома. Фрау Глазер уже ждала меня и продовольственную карточку и сейчас же в наступающей темноте пошла на Гюфферштрассе к Швейтцеру, где ещё выдавали рис. Довольно скоро она вернулась с 4 фунтами хорошего риса для каждого. Молока не было, а потому я постарался достать у Конерлиига достаточное количество жирного молока и сейчас же в кастрюле оказалась великолепная рисовая пасхальная баба. Ко всему этому соседи принесли ещё довольно много дармовой говядины, так что в Мюнстере во время пасхи 1945 г. ни один человек не голодал — грустное пиршество, так как враг, который уже был кажется в Альбахтене, Ниенберге и Рокселе, страшно бил из тяжёлых пушек. Особенно после 22 часов казалось, что идёт страшная битва на юго-востоке. Недавно, когда я возвращался из казарм напротив со стороны Ниенберга приехало несколько полицейских с американским военнопленным. Однако мало людей обратило на то внимание в этом страшном балагане.

1.4.1945
(Пасха)

Грозовая дождливая, влажная и холодная погода. Ночь прошла спокойно, без тяжёлых переживаний. Невозможно больше считать налёты. Только сильная артиллерийская канонада со стороны Рокселя возрастает ещё больше, чтобы потом умолкнуть на несколько часов. Неизвестно что происходит, потому что со вчерашнего дня нет электричества, так что невозможно включить радио. Сегодня был феодальный пир: мясной суп с клёцками, фасоль с солониной и картошкой, яблочное повидло и брусника. А до этого на завтрак бутерброды с маслом и ветчиной, зернистое кофе и много необезжиренного молока. В 16 часов кто-то к нам позвонил: фрау Гессинг из дома напротив сказала с большой поспешностью, что на университетском стадионе с казарменного склада можно достать много разных хороших продуктов: горох, сухари, макароны и т.д. Вскочить на велосипед и быстро поехать туда было

делом одной минуты. В помещении склада мне сразу начал улыбаться великолепный золотисто-жёлтый лушенный горох и когда я принялся за работу, наполняя две большие авиационные сумки этой ценной добычей, какой-то капитан сзади меня потребовал очистки помещения, потому что казармы находились под артиллерийским обстрелом. Однако две женщины помогли мне пересыпать горох из двух сумок в наполовину наполненный мешок, который я оттранспортировал. Тогда-то и появилась фрау Глазер, которая освободила меня от той работы. Тем временем я обеспечил себя ещё ящиком сухарей и шестью большими пачками сухарей. Фрау Глазер уже успела перенести со склада на улицу два больших тюка с хлебом и два ящика макарон. Хотя приказ капитана освободить склад становился всё более и более суровым, я всё-таки рискнул пойти ещё раз на склад и добыл там ещё две большие авиационные сумки зелёного гороха. Помещение выглядело ужасно: горох был рассыпан на полу в ширину пальца, толпа людей давила его, стараясь одновременно собрать как можно больше и погрузить на велосипеды, тачки и телеги. Все дороги на подступах к складу, вся площадь перед ним были засыпаны горохом, макаронами и т.д. Фрау Глазер и мне удалось на двух велосипедах без потерь довести всё до дома; было в общей целостности: 50 фунтов жёлтого лушёного гороха, 20 фунтов зелёного горошка, 8 фунтов макарон, около 70 фунтов сухарей — запасы, которых могло бы хватить на годы.

3.4.1945
(пасхальный
вторник)

События следуют одно за другим, по пятам! На улице дождливая ветреная погода, а барометр предсказывает „изменчивая"! Уже с утра на улице людей охватывает беспокойство. Около 7 часов утра я пошёл наверх к кухонному окну, потому что звуки канонады дошли до моих ушей. И только посмотреть! В дожде со стороны Коэсфельдер-крейц через Вестринг приближались танки, с двух сторон густо окружённые пехотинцами. Началось

движение и на Гитторфштрассе, т.е. среди немногих, которые не спрятались в подвалах клиник или в бункерах. Вывешено — даже трудно поверить — простыни или белые занавески в качестве белых флагов или довольствовались в крайнем случае, белыми платками, которые раскладывали на оконных парапетах (Гердеман, церковное управление, люди над Вухерпфеннигами и т.д.). Все это не продолжалось долго и вскоре показались первые американцы в мундирах землистого цвета с нацеленными автоматами в руках; они прочёсывали дом за домом в поисках наших рассеянных повсюду солдат, которых оставили офицеры, и которые теперь были предоставлены своей собственной судьбе. Из моего окна я смог видеть как на Гитторфштр. 13 от Лоза вывели из подвала около 30 мужчин. Бедные парни должны были поднять руки вверх, терпеть все обиды, и, построившись по двое в шеренгу, быстро идти вперёд. Через некоторое время я лично познакомился с первым американцем, разговаривавшим во дворе перед дверями с фрау Глазер и фрейлен Фрёлинг. Он производил впечатление спокойного рассудительного человека и даже разделил между дамами и мной часть своих сигарет. Фрау Глазер, беря молоко у Конердингов, принесла домой большую военную продовольственную сумку с кексами, сухофруктами, жевательной резинкой, сигаретами, сахаром и белым кофе. Она нашла это на улице под дождём. Кроме того безусловно большое удивление вызвали американцы, которые под зонтами играли в оловянные солдатикки. В большинстве своём это были молодые люди хорошо откормленные, среднего роста, среди которых иногда ясно можно было различить метисов. Во всяком случае они были вооружены и обмундированы очень хорошо. Сегодня произошёл со мной фантастический случай, это было около 16 час, когда вернулась фрау Глазер, и я хотел спуститься в подвал, чтобы принести кое-что. Абсолютно неожиданно на последних двух ступеньках подвальной лестницы, я наткнул-

ся на два страшных существа, которые перевертывали вверх дном наш подвал. Они неожиданно осветили меня мигающим светом, почти догоревшей свечки. Один из этих „визитёров" влез в наш подвал через окно и я видел только его спину, другой же стоял в коридоре подвала и светил ему, держа в руках свечку. В первую минуту я подумал, что это воры, американские солдаты, добравшиеся до наших запасов. Однако вскоре, обменявшись с ними несколькими словами, я понял, что они ищут убежища, спрятанное оружие, амуницию и т.д. Однако я „сел им на шею" и разговаривая с ними всё время, я сумел всё-таки отвлечь их внимание и вскоре мне удалось убедить их не обыскивать всего дома. Позже я узнал, что те же самые люди разбили у Люкков окно на первом этаже и, обыскав квартиру, спустились в подвал, где просмотрели всё очень тщательно. В то же самое время у проф. Ленгарца был отобран его автомобиль, приготовленный к отъезду и стоявший в гараже за домом. Вечером на несколько минут сильное солнце пробилось через утихавший дождь и я увидел такую великолепную радугу над городом Мюнстер, какую редко мог увидеть в своей жизни. Однако война продолжалась, с неслабеющей силой гремела артиллерийская канонада, много военных машин проходило через город. Расходились самые невероятные слухи о драконовских распоряжениях.

6.4.1945

Сегодня утром фрау Глазер и я привезли домой целую тачку и сумку брикетов и два мешка угля из воинских запасов на Гревенерштрассе. Я хотел поехать ещё раз, но фрау Глазер отказалась, говоря, что очень устала. Поэтому я сел на велосипед и поехал ещё раз на воинский казарменный склад в Эйнем, откуда привёз большую поклажу (около 30 фунтов зелёного горошка, 50 фунтов жёлтого лущёного гороха и много сухарей). Со своей стороны фрау Глазер пошла на артилле-

рийский склад и принесла оттуда множество электрических лампочек, туалетной бумаги, половников, мыла, щётки, смазочного вещества для кожи и пачки сухарей. Сегодня после обеда к Люккам снова заквартировали людей (*military police*)⁹⁷. Выломали входные двери и потом спрашивали меня нет ли у нас ключа к проходным дверям. Проходило всё это в приятельской атмосфере, а когда офицер ушёл, оставшийся солдат заговорил по-немецки и предложил фрау Глазер и мне сигареты.

15.4.1945
(воскресенье)

Сегодня у нас спокойное холодное дождливое воскресенье. Американцев почти невидно. Гитторфштрассе ещё свободна и меня снова охватывает соблазн перенести оттуда кое-что (сову, картины писанные маслом, кухонную утварь, повидла и т.д.). Всё ещё ходят сплетни, что нам не разрешат остаться на постоянное жительство и в нашей новой квартире⁹⁸. Вообще невозможно даже представить, что тогда будет делаться при том бесконечном количестве вещей. Нельзя забыть о том обстоятельстве, что грабящая и уничтожающая чернь бродит по городу в белый день, нападая на жителей, врывается в подвалы и забирает у самых бедных последние остатки спасённых вещей. Человек является беззащитной добычей этой банды. Уже нигде нет покоя, наш народ идёт на Голгофу по бесконечной дороге.

18.4.1945

Ночью я сильно испортил желудок свежим хлебом. После обеда я ещё раз сажал картошку в огороде. Страшно душно. Я узнал от фрау Глазер, что мой дом на Гюфферштрассе 62 был отдан квартирным управлением двум семьям. Об этом она узнала от женщины с верхнего этажа.

Военная жандармерия.

⁹⁸ 8.4.1945 г. Кремер был вынужден освободить свою квартиру, занятую американскими

19.4.1945

Сегодня ночью снова всё перерыто в нашей предыдущей квартире, взломали книжный шкаф, из нашей комнаты украли приёмник фирмы Деппе Менде. По распоряжению военных властей я зарегистрировал этот аппарат на Мюнцштрассе; что с ним будет никто не может сказать. После обеда на садовом участке я посадил остатки картошки. Возвращаясь домой принес оттуда стенные часы, которые оставили там иностранцы, и простыню на перину от Агетенов, а также знамя со свастикой. Кажется, что часы в отличном состоянии, звон у них чудесный, и я надеюсь, что они останутся со мной на всю мою жизнь и расскажут свою историю. На обратной дороге я испытал чувство удовлетворения, когда увидел знакомого мне молодого идиота, всё ещё с энтузиазмом приветствовавшего проезжавшие американские машины. У других я такого поведения не заметил.

4.5.1945

Всё ещё очень холодная дождливая погода, иногда грозы. Ветер дует всё время с запада. Перед обедом неожиданно пришёл Вицман, говоря что идёт на работу. Живёт на Эйпенерваг у знакомого. Теперь он охотится за украденными у него вещами (коньяк, яйца, маринады и т.д.). С партией, как он неожиданно утверждает, у него не было ничего общего. Гауптштабслейтером он был только в Крестьянском товариществе, а не в партии. Директором он уже не был, а что с ним будет дальше, того он ещё не знает.

22.5.1945

Американцы в большинстве случаев снимали вывески с домов ка Гитторфштрассе” и приговтавливаются к отъезду, чтобы уступить свое место англичанам. Не исключено, что англичане будут продолжать отбирать квартиры. Я принёс

” В доме № 17 на этой улице Кремер жил до того дня, когда был выселен американскими властями.

головы ангелов и старое стекло из костёла святого Петра (Петрикирхе) за университетом (большая антикварная ценность!). Из-за холодов в огороде много улиток. Ещё раз посеял марковку и горох.

10.6.1945

Пасмурная и холодная погода продолжается, тепло никак не приходит. В городе всё ещё большинство американцев. Стыдно смотреть на то, как матери сводят с ними своих дочерей за глоток кофе. Ежедневно вижу, как рядом со мной к фрау Мюллер заходят американцы, как она стирает их мундиры и как пользуется своей дочерью Элизой, как приманкой на кофе. Каждые два дня там происходят длинные разговоры за кофе, на которые фрау Фрёллинг тоже посылает свою дочь Вальтрауд, чтобы та подцепила для себя какого-нибудь американца. А при этом, те же самые люди еле-еле переносили немецкого офицера, теперь же американскому пехотинцу отдаются по согласию родителей. И фрау Гюннебек уже ищет знакомства с теми заговорщиками-организаторами супружеской жизни, потому что и она видимо, хотела бы сцапать для своей дочери Элизабет американского миллионера. На наших бедных солдат, возвращающихся в полевых мундирах, эти люди не обращают никакого внимания.

И 6 1945

Сегодня вечером ко мне пришёл пастор Грюнднер, чтобы выцганить у меня мою машину, которая необходима ему, чтобы посещать его коммуну. Военные власти признали ему право иметь машину и он получил одну из реквизированных, но с неоткрывающейся крышей. Он случайно видел мой кабриолет в гараже и хотел бы узнать не продаётся ли он, потому что в духоте закрытой машины он летом не выдерживает, а он узнал, что и так все машины в ближайшее время будут

реквизированы. Эта старая евангелическая красная лиса, которая была первой на месте, когда можно было от наших солдат достать горох, мясные консервы, уголь и т.д., которая своим евангелическим сестрам (Сальковским) помогла только сохранить мебель, и, наконец, при вступлении американцев, как приходский гарнизонного госпиталя бросилась к ним, приказывая вывезти на своём доме в американском стиле рекламную вывеску с флагом о том, что там проходят евангелическо-лютеранские мессы, и этот человек сейчас же постарался раздобыть у американцев автомашину, потому что езда на велосипеде была наверное ниже его достоинства, и быстренько получил её, несмотря на широкоизвестные преследования со стороны оккупантов. И всего этого недостаточно, он пользуется этим трамплином, чтобы незамедлительно воспользоваться принудительной ситуацией своих ближних и заставить их продать собственную машину за несколько пфеннигов. Мой кабриолет, который находится ещё в хорошем состоянии, оказался ему подходящим объектом. Кабриолет и так был бы реквизирован, и он приходит, чтобы спасти меня от этого несчастья тем способом, что купит его у меня конечно за более низкую цену. Таким образом я избегну хлопот и к тому же у меня будут деньги, стоимость которых конечно возрастет. Конечно я не согласился на такое выманивание служителем евангелической коммуны, только просто-напросто запомнил это более чем низкое ничённое поведение этого слуги религии.

Ю.7.1945

Фрау Реббе с дочерью выехали сегодня с большим пакетом наспекулированных вещей, привезли они на своё содержание только 1/4 фунта масла. Потом я заполнил анкету, присланную военными властями и отдал её в администрацию университета. На одном из бланков под рубрикой Д добавил: „Никаких речей и публикаций“. Отметить

нужно только одну, [...] а именно: „Заслуживающая внимания проблема наследственности полученных увечий“. Вечером пришёл какой-то герр Шмидт из управления дорожного движения, предьявляя мне письмо по делу о конфискации моего „опеля“. Согласно этому документу, я должен, в соответствии с § 15 устава об обязанностях по отношению к государству — незамедлительно передать мою машину обербургомистру — управлению уличного движения — со всеми принадлежностями, как дословно было сказано. Заинтересованное лицо — доктор Гумпе — не показался больше.

20.7.1945

Сегодня фрау Гессинг сказала мне, что люди говорят, что в ближайшее время русские продвнутся вперёд в направлении Вестфалии и Надрейнской области. Я послал первые почтовые открытки в Штельберг, Гартегассе и Марбург. Вчера герр и фрау Люкке сказали мне, что фрау Фрёллинг получила на прошлой неделе извещение о смерти мужа, который в чине майора принимал участие в защите Гильверзум.

23.7.1945

Сегодня утром я встретил при входе в сберегательную кассу, герра Зуэрмана с Гюфферштрассе; я его еле узнал, так он был угнетён и похудел. Из-за его последнего места службы, он был послан на земельные работы (по засыпке ям на Прусском стадионе), кажется он обязан этим своим приятелям доктору Рейхлингу и Току. А этот человек 34 года был служащим и потерял своего единственного сына, молодого врача. Открытка из Мар бурга вернулась. Внизу фрау Демпе обвиняла весь мир в смерти своей матери, которую она поместила в последнее время в „Гюлле“¹⁰⁰ в Тельгте. Не носит траура, потому что не признает обычая ношения траура в течение

Здесь в значении „в гробе“.

года, что означает упадок традиций у этой бабы, которая однако, каждое воскресенье лицемерно и демонстративно бежит в костёл, чтобы в экстазе прочиститься.

31.7.1945

Бывшие партийные деятели должны были сегодня под угрозой наказания явиться на городской рынок. Поэтому сегодня в последний день я послушался этого приказа для своего собственного спокойствия. Получил открытку от Германа, который сообщил мне о своём благополучном возвращении в Штельберг.

6.8.1945

Вчера вечером и сегодня ночью у меня были боли в области мочевого пузыря, правой почки и правого мочевого протока, которые были вызваны, как мне кажется, выходом почечного камня. Сегодня я получил от обербургомистра Цухорна предписание явиться для регистрации. Начало работы завтра в 19 часов на Серваттиплац. Чему-то такому нужно подчиниться, потому что я был врачом СС, потому что никто не спрашивает потерял ли человек своё место из-за национал-социалистской партии, как на деле это было со мной, потому что я нанёс партии один из самых тяжёлых ударов в области мировоззрения, опубликовав мою работу о наследственности приобретённых увечий.

10.8.1945

Сегодня я был на официальном допросе у военных властей на Варендорферштрассе в связи с моим членством в СС. Несмотря на мою тяжёлую болезнь я должен был ожидать там часами. Наконец мне сообщили, что в воскресенье в 9 час утра я должен явиться к англичанам на Вюльнерштрассе. Был там и Фосгольт, который сказал мне, что получил справку от врача, находящегося на государственной службе, о том, что он тяжело

болен. Я пошёл туда же. Тот же врач, мой бывший студент, сейчас же дал мне такую же справку, которая освободила меня на август от земельных работ. Он считал, что кожные нарывы это опоясывающий лишай. После моего возвращения домой, наш местный врач по кожным болезням коллега Вухерпфенниг, подтвердил этот диагноз и выразил мнение, что все другие болезни происходят от этого. Я успокоился, потому что мои подозрения о тяжёлой болезни почек, оказались напрасными. Он предписал мне против нарывов сухую присыпку.

11.8.1945

Фрау Глазер отнесла сегодня кинжал СС, который потребовали власти. Мне стало легче, но аппетита ещё нет. Ночью я должен был принять снотворное, потому что из-за боли не мог заснуть. Мой страх о том, что мои вещи оставленные у сестры на Гартегассе могут быть украдены „друзьями“¹⁰¹, к сожалению оправдался: сегодня я получил одновременно от моего деверя и от Гретхен сообщения о том, что мои вещи за небольшим исключением — несколько рубашек и бумаги — попали в руки проходящих войск. Речь шла о предметах высокой ценности: двое золотых часов, четыре больших золотых перстня с бриллиантами и драгоценными камнями, лазуритом (*Lapis lazuli*) и жемчугами и новый бинокль¹⁰².

¹⁰¹ Определение относящееся к американским войскам.

¹⁰² Предыдущие записи о присвоении чужих вещей позволяют думать, что упомянутые драгоценности были взяты со складов „Канады“ концентрационного лагеря Освенцим. На этом дневник кончается.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

МЕЧИСЛАВ КЕТА

Мы отдали в руки читателей три необычных свидетельства о концентрационном лагере Освенцим, о лагере, название которого навсегда вошло в историю человечества. На всех языках нашей планеты это слово является наиболее трагичным и выразительным символом того времени, когда гитлеровская Германия подняла беззаконие до ранга закона, насилие и жестокость стали гражданскими достоинствами, а убийство — основой этики и морали.

Я думаю, что перед читателем, перевернувшим последнюю страницу этой книги, открывается дорога для глубоких размышлений.

Не случайно издательство — Государственный музей в Освенциме — выпустило в свет именно сейчас сборник этих трех документов, вышедших из-под руки эссовцев, занимавших разные позиции в лагерьном гарнизоне СС, отличающихся друг от друга кругом своей ответственности, возрастом, культурным уровнем. Несмотря на эти различия, на разницу во времени написания этих документов, несмотря на причины и обстоятельства, в которых они были написаны, их связывает одна тема — тема концентрационного лагеря Освенцим, а значит события в которых они участвовали, которые они вызвали к жизни или были свидетелями.

С этого времени прошло более четверти века. В нашей стране и в Европе выросли новые поколения, к счастью, не знающие или не помнящие войны. В поисках правды и сведений о времени газовых камер, когда уничтожение миллионов человеческих существ было поднято до уровня промышленного производства, эти поколения должны обратиться к историческим источникам или рассказам.

Поиски этой правды имеют не только историческое, научное и познавательное значение; они имеют большой гуманный смысл, моральный и политический. Эти поиски воспитывают сознание, они являются импульсом рождающим мысли, размышления, они формируют оценки и предложения.

Познанию и правде о том, чем в своей сущности был Освенцим в системе гитлеровского геноцида, служат документы этого издания. Добавим, что они принадлежат не жертвам уничтожения, а его соавторам и соучастникам.

Более тридцати лет прошло со дня освобождения Освенцимского лагеря, за это время сведения о нем очень пополнились и правда была подтверждена документами. Этому помогла не только богатая мемуарная и художественная литература в которую внесли свою немалую долю бывшие узники Освенцима; этому способствовали научные исследования, монографии, и, конечно, юридические документы судебных процессов: акты суда над Гессом (1946 г.), акты суда над 40 членами эсэсовского освенцимского гарнизона, который состоялся в Кракове в 1947 году, а также акты трех Освенцимских процессов во Франкфурте-на-Майне (1963—1967).

Но судебные акты, по своей сущности, это только сжатые подтверждения фактов и обстоятельств, необходимых для юридической процедуры. Плоды научно-исследовательских работ являются их объективным сопоставлением, конфронтацией и оценкой. Воспоминания и сообщения бывших узников — это сумма наблюдений, переживаний и опыта как собственных, так и услышанных. И естественно, что в них содержится большой эмоциональный элемент, что они субъективны и из-за этого в определённом смысле односторонни. Но их искренность и субъективизм — это качества заслуживающие уважения.

Время неумолимо. Каждый год уменьшает горсточку бывших узников концентрационного лагеря Освенцим, которые были живыми свидетелями освенцимского преступления. Скоро их голос исчезнет; останутся только документы, книги, записанные воспоминания. Останется только история, которая с течением времени станет мёртвой, всё более далёкой, ничего не дающей воображению. Таков закон жизни.

Когда уйдут из неё последние свидетели Освенцима, уже никто и никогда не сможет показать ужасающей глубины и размеров этой трагедии. Она находится за границами человеческого воображения. Так же, как невозможно вообразить четыре миллиона погибших в Освенциме. Современник не переживший Освенцима, не находившийся в его страшной реальности не понимает этой цифры, для него это отвлечённое обезчеловеченное понятие; только цифра и не более. А что же говорить о поколениях XXI века. Для них сороковые годы нашего столетия будут всё более и более покрываться пылью истории, новые события отодвинут границы прошлого.

А ведь эта цифра, это не только 4 миллиона людей превращенных

„пепел, это также 4 миллиона сложившихся личностей, это люди, которые могли дать новые жизни. Это та же цифра индивидуальностей, судеб, радостей и драм, переживаний, чувств, жизненных планов и надежд, которые развеялись с дымом крематориев и костров, разожжённых фашистскими убийцами.

Это голая правда об Освенцимском лагере, правда касающаяся одновременно узников лагеря и их палачей. Одни и другие знали эту правду по собственному опыту, только эти первые испытали её на себе, знали её острее, знали что она направлена против человечества, против гуманности, против их самих. Они испытали на себе её результаты.

Эсэсовцы, начиная с обыкновенного часового, кончая на коменданте Освенцимского лагеря, планировали эту правду, вводили её в действие; каждый на своём участке, каждый в меру своего служебного положения, компетенции и ответственности. И поэтому значение воспоминаний Гесса, записей Кремера и Брода не ограничивается только исторической важностью, это не только подтверждение этой правды, парализующий ужас и размеры которой воскрешали в памяти вышние узники Освенцима. Это также особого рода исследование об складе ума и характеров освенцимских убийц, их звериных моральных критериях и образе их мышления.

Над этим стоит задуматься. Люди людям создали освенцимский ад. Люди против людей, против целых народов, превратили убийство в геноцид.

Необходимо об этом помнить, потому что случившееся один раз • — может повториться. А также и потому, что — как сказано было в Освенцимской поверке в честь 20-летия освобождения Освенцима в 1965 г. — чему один раз человеческое богатырство и общие усилия положили конец, тому в человеческих возможностях преградить дорогу в будущем. Преградить дорогу возрождению идеологии Гесса, Кремера, Брода; сделать немислимым повторение их практики для их возможных последователей; нужно предотвратить возрождение фашизма, этой идеологии человеконенавистничества и массового уничтожения людей.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПОКАЗАНИЕ СТАНИСЛАВА ДУБЕЛЯ ПОКАЗАНИЯ ЯНИНЫ ЩУРЕК БИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ПОКАЗАНИЕ СТАНИСЛАВА ДУБЕЛЯ

Освенцим, 7 августа, 1946 г. Окружной следственный судья Ян Зен, действующий на основе Декрета от 10 октября 1945 г. (Журнал Уставов ПНР, № 51, ст. 293) о Главной и Окружных комиссиях по расследованию немецких преступлений в Польше, прослушал в качестве члена Главной комиссии на основании статей 255, 107, 115 Уголовно-процессуального кодекса нижеуказанного гражданина, который показал следующее:

Меня зовут Станислав Дубель, я родился 13 ноября 1910 г. в Хожове, мои родители Клеменс и Анна Петжок, я исповедываю римско-католическую веру, национальность — поляк, гражданин ПНР; в настоящее время проживаю в Хожове I, ул. Повстанцев 49.

Я находился в концентрационном лагере Освенцим с 6 ноября 1940 г. до 18 января 1945 г.; мой лагерный номер 6059. Почти с самого начала я работал как огородник у начальника лагеря Фрича, который занимал этот пост до конца 1941 г., затем у Аумейера, сменившего Фрича на посту начальника лагеря в январе 1942 года. Фрич был тогда переведён во Флоссенбург. 6 апреля 1942 г. меня направили в качестве огородника к коменданту лагеря Рудольфу Гессу. Я работал у Гессов до того момента, когда Рудольф Гесс был отозван со своего поста и даже дольше: пока из Освенцима не уехала его семья. Гесс был переведён из Освенцима в центр осенью 1943 г., а его жена с детьми уехала из Освенцима летом 1944 г. Работая в огороде и выполняя одновременно разные работы по дому, я имел возможность близко наблюдать как самого Гесса, так и его семью. Гесс очень часто заходил домой днём, часто ездил верхом или разными средствами транспорта по территории всего лагеря. Он заглядывал всюду и интересовался всеми лагерными делами. Значительно реже он работал в своём служебном кабинете. Дела, требовавшие его подписи, приносили ему домой, где он всё и оформлял. Он часто принимал у себя разных высоких чинов СС, среди них дважды был Гиммлер. Во время своего первого

приезда в Освенцим¹ Гиммлер разговаривал с Гессом и его женой очень сердечно; он брал детей на колени, а те называли его „дядя Геня“. Эти сцены были сфотографированы, а увеличенные фотографии висели потом на стенах в доме Гесса. Во время второго приезда Гиммлера в Освенцим, незадолго до того, как Гесс перестал быть комендантом Освенцима², во время разговора в саду, Гиммлер говорил Гессу, что тот должен оставить свою должность в Освенциме, потому что английское радио слишком много говорит об уничтожении узников в Освенциме. В разговоре, который вёлся на эту тему Гесс высказал мнение о том, что он был уверен, что своей деятельностью в Освенциме оказывает добрую услугу своей отчизне. Он сказал это сразу же после того, как Гиммлер затронул вопрос газования людей. Часть этого разговора я слышал сам, а остальное рассказали мне две узницы, входившие в сект\ „Свидетелей Иеговы“, они служили в доме Гесса. Это были немки, рынские противницы гитлеровского режима. Одна из них, Офья Штипель, была из города в котором родился сам Гесс, т.е. из Мангейм-Людовигсхафен; она знала его с детских лет, потому что они жили на одной улице. Именно она и говорила мне, что во время второго разговора с Гиммлером Гесс сказал буквально следующее: „Я думал, что этим хорошо служу моей родине“. Мне кажется, что сейчас С фья Штипель живёт у своей дочери в Гейдельберге. Как Штипель, так и её подруга передавали нам поделушанные разговоры о лагерных делах, предупреждали нас, когда нужно сохранять специальную осторожность, если грозил провал. Благодаря им, мы часто имели возможность предотвратить несчастье. Частым гостем Гесса был также инспектор концентрационных лагерей обергруппенфюрер СС Шмаузер³ и раз пять был у него шеф главного административно-хозяйственного управления обергруппенфюрер СС Поль. Когда в гостях бывал Поль, настроение бывало очень сердечным. У нас было впечатление, что Гесс давал Полю какие-то подарки. Во время всех этих визитов Гессы устраивали великолепные приёмы; нужные для этих вечеров продукты я должен был, по распоряжению жены Гесса „организовать“. Перед каждым таким приёмом жена Гесса говорила мне, что ей будет нужно или приказывала мне спросить об этом кухарку Сефью. Ни денег, ни продовольственных карточек необходимых для покупки продуктов, она мне не давала. Я устроился следующим образом: через моего товарища Адольфа Мацевского, который был капо в продовольственном складе для узников, я установил более тесные контакты с начальником того же склада унтершарфюрером СС Шебеком, к которому я ходил каждую неделю за продовольственными пайками для узниц, работавших в доме Гесса. В разговорах с ээсовцем, я давал ему понять, что подслушал разговор во время которого Гесс высказывался о продвижении Шебека по службе. Последней очень хотел служебного повышения, он спросил меня не нужно ли чего-нибудь для семьи коменданта и таким способом я установил с ним контакт. Вместе с продуктами для узниц я забирал всегда товары, предназначенные для хозяйства Гессов. Всё это я спокойно мог

¹ Вспоминая первый визит Гиммлера у Гессов, Дубель фактически говорит о втором посещении Гиммлером дома Гесса 17—18 июля 1943 г. Дубель не мог быть свидетелем первого визита Гиммлера (1 марта 1941), потому что в то время работал огородником у начальника лагеря Фрича.

² Это было третье посещение Гиммлером концентрационного лагеря Освенцим (точная дата неизвестна). Гесс в своих воспоминаниях, может быть, имея в виду тему разговора, описанного Дубелем, ничего не сказал об этом визите.

³ Инспектором концентрационных лагерей был группенфюрер СС Рихард Глюке. Упомянутый Шмаузер был командующим юго-восточного округа СС во Вроцлаве и главнокомандующим СС и полиции этого округа.

отнести на дом Гессам, потому что мне помогал Шебек; таким образом в течение одного года я отнёс туда три мешка сахара по 85 кг каждый. Жена Гесса говорила мне абсолютно ясно, что никто из эсэсовцев не должен знать об этих делах. Я заверил её, что всё это делаю со своим товарищем; с Шебеком тоже мы условились, что он будет вести себя так, как будто ничего не знает, я убедил его в том, что Гессу об этих делах ничего неизвестно. Однако, в конце концов, я сказал ему правду, говоря, что „организирую“ продукты по молчаливому согласию Гесса, и что открытие этой ТЕЙНЫ м³жет плохо кончиться для нас обоих, потому что без всякого сомнения Гесс всё будет отрицать. Я сказал это потому, чтобы он знал, что в случае сохранения тайны нам ничего не грозит. Это положение я использовал для того, чтобы помочь моим товарищам; вытягивая от Шебека побольше товаров, я мог позднее передать их в лагерь для узников, которые остро нуждались в еде и прежде всего для больных товарищей.

Вначале я носил продукты в дом Гесса в корзине, а потом пользовался тележкой. Продовольственный склад был в то время хорошо снабжен, потому что туда поступали продукты, отобранные у евреев, привезённых в Освенцим в многочисленных эшелонах; большинство из них были направлены прямо в газовые камеры. С этого склада я брал для хозяйства Гесса сахар, муку, маргарин, приправы для супов, макароны, овсяные хлопья, какао, циннамон, манку, горох, кондитерские полуфабрикаты и другие продукты. Жене Гесса нишда не было достаточного всего этого и она часто возобновляла со мной разговоры о том, чего ещё нехватает в её хозяйстве, давая таким способом понять что ещё я должен ей достать. Эти продукты жена Гесса использовала не только для своей семьи, но и частично посылала своим родственникам в Германию. Таким же способом я снабжал кухню Гесса мясом, которое брал прямо с б. йни, и кроме того, молоком. Я хочу обратить внимание на то, что на основе продовольственных карточек, жена Гесса должна была получать 1 1/4 литра молока; ежедневно я брал с лагерного молочного пункта 5 литров молока для семьи Гесса, а нередко, по распоряжению его жены, и сметану. Молочный пункт получал деньги только за ту норму молока, которая полагалась семье Гесса. За другие продукты, т.е. за всё что шло на кухню и в домашнее хозяйство Гессов с лагерного продовольственного склада, Гессы ничего не платили. Другим источником снабжения Гессов был начальник гарнизонной кухни и беини Энгельбрехт, который за время своей службы в Освенциме продвинулся с обершарфюрера СС до оберштурмфюрера СС. Он снабжал дом Гессов мясом, колбасами и сигаретами. Я видел там ящики, в которых было по 10000 югославских сигатер „Ибар“, их можно было взять только с лагерного склада. Жена Гесса угощала меня этими сигаретами, а также платила ими за „левые работы“ узникам, которые выполняли их, подвергались опасности самых суровых наказаний. Знаменательно то, что Гессом был выдан приказ, запрещающий выполнение „левых работ“; к своему же дому он этого приказа в жизнь не приводил. Я утверждаю, что он знал о моих поставках для его дома, случилось, что он заставал меня на кухне в тот момент, когда я распаковывал только что привезённые продукты. Видел он и растущие горы продуктов в чулане и кладовой дома, пользовался ими сам и устраивал приёмы для других. О предвзятости Гесса в домашнем хозяйстве свидетельствует тот факт, что выезжая неоднократно в Венгрию уже после того, как он оставил свою службу в Освенциме, Гесс присылал оттуда вино целыми ящиками. Он ездил в Венгрию в качестве специального уполномоченного по делам массового уничтожения евреев в Европе, так официально называла его жена, сказавшая мне однажды в разговоре, что врагам Гесса не удалось повредить ему, а даже

наоборот, его продвинули по службе и поручили выполнить ещё более важное задание. Ещё раз подчёркиваю, что даже самые мелкие предметы, нужные в домашнем хозяйстве я должен был „организовать“ для семьи Гесса, например, гуталин, обувные щётки. Интересно, что жена Гесса заменяла бельё, предназначенное для узниц, работавших у неё в доме; это было бельё из „Канады“, отобранное у евреев, прибывших в лагерь; время от времени я приносил его для узниц-домработниц. На тех же принципах основывалось всё в доме Гесса: мебель, электрооборудование. Все работы выполняли узники из лагерных материалов. В доме была великолепная мебель, ящики письменного стола были отделаны кожей со складов кожевенной фабрики. На этих складах хранили кожаные вещи, отобранные у евреев, пробывших в транспортах. Кожу и кожаные изделия доставлял Гессам бывший узник, профессиональный преступник Эрих Гренке, которому Гесс помог освободиться из лагеря, а затем сделал его директором кожевенной фабрики. Гренке каждый день приезжал к Гессам и привозил галантерейные изделия, всякого рода обувь — дамскую, мужскую, детскую; различную одежду для детей и для самого Гесса шили на фабрике, руководимой Гренке, это делали лучшие портные, сначала поляки, а позже известные всему свету портные-евреи из Франции, Бельгии и других стран. Почти полтора года в доме Гесса работали две портнихи-еврейки, шившие для жены Гесса и его дочерей, из материалов, доставленных Гренке со складов, где хранили добро, отобранное у евреев. Я хочу обратить внимание на то, что на складах кожевенной фабрики одежду и другие вещи, оставшиеся после загаванных евреев, тщательно проверяли, стараясь найти дорогие предметы, в первую очередь золото, валюту и бриллианты. Я слышал от самого Гренке, что в одежде находили много дорогих предметов; это подтверждал мой товарищ Станислав Ярош, работавший на сортировке вещей. Они работали в специальном закрытом помещении; найденные драгоценности они отдавали Гренке без всякого подтверждающего это документа. Я думаю, что и сам Гренке и Гесс (при посредничестве первого) извлекали из этого выгоды.

Жена Гесса, для которой я выращивал в саду и парниках наиболее редкие цветы, не задавала себе вопроса, как я мог делать это, располагая только теми возможностями, которые существовали в рамках лагеря. Она посылала ээсовцев домой к моему товарищу, работавшему вместе со мной узнику Роману Квятковскому (Бендзин, Лонки 1); отсюда ээсовцы привозили, заказанные ею семена и рассаду. Нередко всё это привозили сыновья Квятковского, делали они это по распоряжению жены Гесса, переданного через посредников. Я не хочу пройти мимо следующего факта свидетелем которого был я сам. Гесс приказал одному узнику с бойни сделать для его семьи консервы из свинины; это было сделано недостаточно хорошо и консервы оказались испорченными. Убедившись в этом, Гесс приказал отправить испорченные консервы на лагерную кухню для узников, а на их место взял с бойни у Энгельбрехта свежий товар. Используя таким образом для личных целей труд узников и лагерные товары, Гесс устроил себе такой великолепный дом, что его жена сказала: „Здесь хочу жить и здесь умереть“. В их домашнем хозяйстве было всё, и при огромных запасах всякого рода добра находившегося в лагере, им никогда не грозили недостатки того или другого. Кроме уже упомянутых поставщиков, требуется назвать и роттенфюрера СС Гартунга, который отвечал за огороды в Ранске. Оттуда, в тайне от шефа сельскохозяйственного отдела в администрации лагеря д-ра Цезаря, доставляли тысячи горшков с цветами, семена, рассаду, а осенью особенно много овощей на зимние запасы. Для каждой зимы я должен был „организовать“, безусловно вместе с моими товарищами, 70 тонн кока на отопление дома, а прежде всего для парников. Гесс видел всё это,

Дел множество разных вещей в доме, знал, что я занимаюсь их доставкой, однако никогда не спрашивал меня, откуда я беру всё это и как это оплачивается. У меня нет ничего удивительного в том, что при такой предусмотрительности Гессы собрали в так называемом «доме Гесса» столько товаров, что когда его семья должна была уехать из Освенцима в результате его перевода на другую службу, понадобилось четыре железнодорожных вагона.

Из того, что говорила жена Гесса, я понял, что тот очень хотел остаться в Освенциме, что перевод в главное административно-хозяйственное управление СС, хотя это и было повышением по службе, не устраивало его; он считал, что это было результатом интриг начальника сельскохозяйственного отдела лагеря Д-ра Цезаря, с которым Гесс был в натянутых отношениях. В дружественных отношениях был Гесс с начальником строительного отдела лагеря Бишоффом. О том, что политический отдел лагеря и в частности его начальник Грабнер подчинялись коменданту лагеря, т.е. Гессу, свидетельствует то обстоятельство, что я был выпущен из бункера и вычеркнут из списка лиц, предназначенных этим отделом к расстрелу. Я был арестован за принадлежность к тайной польской организации, что должно было быть отмечено в моём личном деле, находившемся в политическом отделе. Этот факт был причиной того, что мою фамилию трижды вносили в списки лиц, приговоренных к расстрелу. Первый раз — 12.6.1942⁴, когда вместе со 192 товарищами я был взят из блока и должен был выйти во двор блока № 11. Гесс потребовал тогда моего освобождения и возвращения на работу, что и было сделано. В тот же день после обеда к Гессу прибыл Грабнер в сопровождении адъютанта Гесса и Геслера. Они пришли в огород, где я в то время работал и потребовали от Гесса вернуть меня для приведения в исполнение расстрела. Гесс и прежде всего его жена, категорически отказались это сделать и настояли на своём. Второй раз я попал в список, приговорённых к расстрелу в июле или августе 1942 г.⁵, а последний раз 28 октября того же года. В этот день я должен был быть расстрелян вместе с 280 узниками из Любельского воеводства⁶. И снова Гесс отстоял меня. Эти факты жена Гесса напоминала мне очень часто, принуждая как можно старательнее выполнять всё то, что она мне приказывала и что я уже описал выше. Я хочу отметить, что ни Гесс, ни его жена не питали ко мне особых чувств, защищая меня, потому что оба были отъявленными врагами поляков и евреев; ненавидели всё польское. Жена Гесса говорила мне часто: „Все поляки должны заплатить за убийство совершенное в Быдгощи“. Они существуют только для

⁴ 1942 год был в концентрационном лагере Освенцим годом исключительного террора. Массовые расстрелы безоружных узников, которые проводил политический отдел лагеря были мстью за подпольную борьбу против оккупантов, которую вели подземные организации на территории страны. 12 июня 1942 г. во дворе блока № 11 под стеной смерти было расстреляно 60 политических узников-поляков, привезённых в лагерь в транспорте из Силезии и Кракова-Тарнова в 1940 и 1941 гг. (См. Д. Чех — Календарь..., „Освенцимские тетради“ № 3, стр. 77).

⁵ 14 июля 1942 г. во дворе блока № 11 было расстреляно около 200 политических узников-поляков, привезённых в лагерь в транспорте силезских, краковских, любельских, лодзких, радомских и варшавских в 1940 и 1941 гг. (См. Д. Чех — Календарь..., „Освенцимские тетради“ № 3, стр. 84).

⁶ Среди около 280 политических узников-поляков расстрелянных 28 октября 1942 г. были главным образом те, которых направили в лагерь полиция безопасности и СД из Люблина и Радомя. (См. Д. Чех — Календарь..., „Освенцимские тетради“, № 3, стр. 112).

⁷ 3 сентября 1939 года немецкие диверсанты попробовали с оружием в руках овладеть Быдгощью. Эта попытка была подготовлена СС при участии национал-социалистской немецкой Рабочей партии. Задачей этой диверсии было между прочим, спровоцирование активного

того, чтобы работать пока не слохнут". О евреях она говорила, что они должны исчезнуть с земного шара до самого последнего, что наступит время, когда дойдёт очередь и до английских евреев.

Прочитано. На чём прослушивание и протокол закончены.

выступления польского населения, что дало бы возможность „обоснования” в будущем политики экстерминации польского народа. В боях против диверсантов участвовали находившиеся в городе отдели польской армии, патрули народной обороны, среди которых были харцеры и молодёжь средних школ. До 5 сентября, т.е. до момента вступления в город гитлеровских войск было убито в боях и расстреляно по судебному приговору около 150 гитлеровских диверсантов; около 700 было арестовано и затем большинство из них были выпущены. Поляки потеряли 240 солдат. В ответ за разгром и за воображаемое преследование немецкого меньшинства, гитлеровцы заняв Быдгощ произвели первые расстрелы, а 9—10 сентября массовые расстрелы: погибло 1500 поляков. Общие потери польского населения в Быдгощи за время оккупации, в результате дальнейших репрессий равняются 36500 человек. Фальсифицируя события в Быдгощи 3—4 сентября 1939 г., гитлеровская пропаганда назвала их „кровавым воскресеньем” и развязала клеветническую пропаганду о польских зверствах и убийствах представителей немецкого меньшинства в Быдгощи (См. Большая всеобщая энциклопедия. Варшава, 1970, т. 13, стр. 74).

ПОКАЗАНИЯ ГРАЖДАНКИ ЯНИНЫ ЩУРЕК

13 января 1963 г., в Освенциме, гражданка Янина Щурек (девичья фамилия Пжибыла) род. 24 ноября 1909, проживающая в настоящее время до адресу: Освенцим, ул. Гурницкого, дом 9, дала следующие показания, относящиеся к периоду её работы в доме Гессов и помощи, которую она оказывала узникам.

Я не помню точно ни месяца, ни дня, когда ко мне пришла жена коменданта концентрационного лагеря Ядвига Гесс, предложившая мне шить у неё в доме. Кто направил её ко мне неизвестно, может быть трудовой отдел, потому что я была зарегистрирована там, как портниха.

Я шила на дому женскую одежду, и у меня были ученицы-помощницы. Я не могла отказаться и согласилась, не зная ещё, что имею дело с женой коменданта концентрационного лагеря Освенцим.

В назначенный день, пешком, я отправилась на оставленный адрес и только там сориентировалась в том, где мне предстоит работать.

Сначала я боялась ходить одна и для безопасности брала с собой свою помощницу Брониславу Урбанчик, по мужу Тепла из Старых Ставов.

В доме Гесса я первый раз увидела узников; помню их фамилии: Бронислав Яронь из Кракова, Вильгельм Кмак из Грибова и Квятковский, его имени не помню. Яронь и Квятковский были у Гесса отгородниками и часто бывали в квартире выполняя тяжёлую домашнюю работу. Яронь всегда чистил обувь. По его просьбе я установила контакт с гражданкой Станкевичовой и её дочерью Елешей Квятковской. Тесть Квятковской имел в Освенциме магазин к. аптекарскими товарами; от них я приносила в дом Гесса сыворотки для укулов, витамины и серую мазь. Лекарства брали у меня или самые узники или домработница Ангела — Анеля Беднарская, проживающая в Освенциме. Анеля тайком выносила всё это в сад, добавляя продукты, „организованные” с кухни Гесса. Очень часто Анеля давала мне деньги из своей полочки и на них я покупала лекарства для узников. Проработав несколько дней, я перестала ходить к жене Гесса; я была голодная, получала есть только один раз в день (это было одно блюдо, т.н. „эйнтопф”), мне платили три марки. Я могла заработать значительно больше дома. Тогда жена Гесса, через Анелю, вызвала меня к себе и повысила мне зарплату до 10 марок, одновременно обещая кормить меня лучше. Часть своей еды я отдавала голодным узникам, которые тайком искали на пемейке разные очистки, хотя за это их сильно били капо.

Узник Кмак всегда был в доме Гесса, красил стены и двери на которых постоянно рисовали дети Гесса; он делал это очень медленно и просил чтобы мы не мешали детям рисовать. Это было для него единственным контактом с нами и цивилизованным миром¹.

Желая как можно дольше разговаривать с узниками, я говорила, что машина плохо шьёт, и, когда никого не было дома, я информировала узников о происходящем в свете.

¹ Вильгельм Кмак, род. 24 января 1904 г. в Грибове, по профессии лакировщик. Попал в лагерь 30 августа 1940 г., носил номер 3456, работал маляром в лагерных мастерских. 31 августа "43 г. он был брошен в бункер блока № 11 вместе с двумя своими товарищами за то, что они тайком выносили мясо и колбасу с бойни и передавали это в лагерь. Во время следствия, которое велось политическим отделом лагеря, он назвал фамилии ээсовцев для которых тоже „организовал” колбасу. Для затушки дела и свидетелей он был расстрелян вместе с двумя своими товарищами 4 сентября 1943 г.

Я очень часто приходила в дом Гесса, чтобы шить, и не раз его «сена вызывала меня, чтобы гладить. Когда я собиралась уходить, то Ане ля, по приказу хозяйки дома, рвала для меня цветы и делала букет. В него она клала продукты. Я стояла обычно в подъезде и смотрела не идёт ли кто-то из эсэсовцев. Безопаснее было подкладывать еду вечером, когда Гессы уезжали в театр или кино. Больше всего боялись мы воспитательницы детей Гесса, это была немка Эльфрида из Хаме льна.

В отношении к нам жена Гесса была лояльна, специально за нами не следила; дети, за исключением старшего Клауса, тоже не делали узникам плохого, бегали по саду и приглядывались к тому, как те работали. Однажды они пришли ко мне и попросили, чтобы я сшила им такие же нашивки со знаками, какие носили узники. Я не понимала, к чему может это привести; Клаус наложил себе на рукав повязку капо, другим детям я пришила на одежду разного цвета треугольники.

Дети были очень довольны и, бегая по саду, встретили отца, который посрывал им повязку и треугольники и привёл домой. Меня не наказали, но запретили делать такие вещи.

В доме Гесса я шла до тех пор, пока в лагере не была организована пошивочная мастерская; с этого времени мою работу стали выполнять узницы - еврейки.

На этом показания окончены.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Думейер

Ганс,

*шт. унтерштурмфюрер СС**(род. 20.8.1906 г.)*

Член НСДАП, т.е. национал-социалистской немецкой рабочей партии (номер партийного билета 164755) и СС (№ 2700). Служил в концентрационном лагере Дахау с момента его основания, а затем в следующих лагерях: Эстервеген, Лихтенбург, Бухенвальд, Флоссенбург, откуда он был направлен в январе 1942 г. в концентрационный лагерь Освенцим. В этом лагере он занял должность первого начальника лагеря, до него этот пост занимал Карл Фрич. На этом посту Аумейером было совершено несколько служебных злоупотреблений, в связи с чем, по предложению Гесса, он был освобождён от своих обязанностей и направлен 18 августа 1943 г. в Эстонию, где он стал комендантом лагеря Вайвара. После того, как были ликвидированы все концентрационные лагеря в Прибалтийских странах, Аумейеру было поручено руководить трудовыми лагерями, находившимися недалеко от Ландсберга. В январе 1945 г. он был переведён в качестве руководителя в новый концентрационный лагерь Грини на территории Норвегии, недалеко от Осло. Верховный народный трибунал в Кракове приговорил Аумейера 22 декабря 1947 г. к смертной казни. Это было во время судебного процесса над членами гарнизона СС концентрационного лагеря Освенцим-Бжезинка. Приговор был приведён в исполнение.

Барецки

Стефан,

*ротенфюрер СС**(род. 1919 г.)*

После начала войны, как фольксдейч, переселился в Германию; осенью 1942 г. он был направлен в гарнизон СС в концентрационный лагерь Освенцим. До января 1945 г. он был начальником блока в мужском лагере в Бжезинке. Суд присяжных во Франк-фурте-на-Майне приговорил его 19 августа 1965 г. к пожизненному заключению.

Барч (Барт)

Гельмут,

гауптштурмфюрер СС

Судья СС, член специальной комиссии по расследованию злоупотреблений в СС.

Бер

Рихард,

*шт. унтерштурмфюрер СС**(род. 9.9.1911 г.)*

Член национал-социалистской немецкой рабочей партии (номер партийного билета 454991) и СС (№ 44225). Свою службу в концентрационных лагерях начал в 1933 г. в Дахау, в охранном подразделении. В 1939 г. был переведён в дивизию „мёртвая голова“, где получил контузию, после которой был направлен в 1942 г. в качестве адъютанта в концентрационный лагерь Нейенгамм, а позже в 1943 г. в концентрационный лагерь Освенцим. Пробыв там три дня был отозван в главное административно-хозяйственное управление и назначен адъютантом

Поля. В ноябре 1943 г. возглавил управление Д1 (политическое управление) в инспекторате концентрационных лагерей. 11 мая 1944 г. стал комендантом Освенцима, а 27 июля того же года и начальником гарнизона. После эвакуации концентрационного лагеря Освенцим его назначили комендантом в Миттельбау. В результате вывиха ноги Бер выехал перед капитуляцией Германии в Штирию (Австрия). До декабря 1960 г. он скрывался под чужей фамилией и работал в лесном хозяйстве недалеко от Гамбурга. После ареста находился в следственной тюрьме во Франкфурте-на-Майне, где неожиданно умер в июле 1963 г.

Бехер

Курт,

*штандартенфюрер СС
(род. 1909 г.)*

До 1942 г. работал на предприятии торговавшим пшеницей. Летом 1942 г. был назначен руководителем комиссии, занимавшейся покупкой оружия для СС. Вёл переговоры о покупке СС у барона фон Општейма его знаменитой животноводческой фермы Шлендерхан. За продажу этой фермы барону разрешено было эмигрировать. В 1944—45 гг. Бехер от имени Гимmlера вёл переговоры с представителями еврейского финансового мира о том, за какую сумму возможно спасти от уничтожения часть словацких и венгерских евреев. Бехер был свидетелем во время судебного процесса над главными военными преступниками в Нюрнберге.

Бишофф

Карл,

штурмбанфюрер СС

С 1 октября 1941 г. до осени 1944 был вторым очередным начальником строительства концентрационного лагеря в Освенциме. Затем был продвинут по должности и стал начальником строительной инспекции войск СС и полиции в Силезии, центр которой находился в Кохловицах вблизи Катовиц.

Блобель

Пауль,

*штандартенфюрер СС
(род. 13.8.1894 г.)*

Член национал-социалистской немецкой рабочей партии (№ 844662) и СС (№ 2910). С июня 1941 г. до января 1942 командовал „зондеркомандой 4а“ (входившей в состав оперативной группы „С“), действовавшей на Украине в районе Киева и Полтавы. В 1942 г., по приказу Генриха Мюллера, Блобель начал мероприятия имевшие целью затереть все следы массовых экзекуций на территории Польши и СССР. После войны он был арестован и обвинён в убийстве 60 тысяч человек. Американский военный трибунал № II в Нюрнберге, во время судебного процесса над командующими оперативными группами, т.н. „эйнзатцгрупен“ (дело № 9) приговорил Блобеля к смерти. Приговор был приведён в исполнение 8 июня 1951 г.

Богер

Вильгельм,
 обершарфюрер СС
 (род. 19.12.1906 г.)

Член национал-социалистской немецкой рабочей партии (№ 153652) и СС (№ 2779). В 1933 г., как член СС, был призван во вспомогательную полицию; в 1937 г. был назначен комиссаром по уголовным делам и в 1939 г. направлен служить в гестапо в Цеханове, а затем 1-го декабря 1942 г. в концентрационный лагерь Освенцим. Вплоть до ликвидации лагеря Богер служил там в политическом отделе. В феврале-марте 1945 г. он служил в таком же отделе в концентрационном лагере Миттельбау. В июне 1945 г. американская жандармерия арестовала Богера, но в ноябре 1946 г. он сбежал во время перевозки в Польшу. Сначала он скрывался, а позже работал в Штутгарте в качестве торгового служащего. Приговор суда присяжных во Франкфурте-на-Майне, вынесенный 19 августа 1965 г., лишил его навсегда гражданских прав и обрёл на пожизненное заключение.

Браунер

Фердинанд,
 унтершарфюрер СС
 (род. 24.4.1911 г.)

С 1942 г. вплоть до самой эвакуации концентрационного лагеря Освенцим работал в канцелярии гарнизонного врача.

Брахт

Фриц,
 бригадефюрер СС
 (род. 18.1.1899 г.)

Член национал-социалистской немецкой рабочей партии, с 1935 г. был заместителем гаулейтера, а с 1941 г. был гаулейтером и оберпрезидентом Верхней Силезии.

Вебер

Бруно,
 гауптштурмфюрер СС

Д-р медицины, бактериолог, был директором Института гигиены СС в Раиске около Освенцима. Умер 23 сентября в Гомберге.

Вибек

Герхард,
 Унтерштурмфюрер СС

Д-р юридических наук, судья СС, член специальной комиссии СС по расследованию преступлений служебного характера в концентрационных лагерях.

Виганд

Арпад,
 оберфюрер СС
 (род. 13.1.1906 г.)

Член национал-социалистской немецкой рабочей партии (№ 30682) и СС (№ 2999), был инспектором полиции безопасности и службы безопасности во Вроцлаве, в его компетенции входил и правительственный округ в Катовицах. Затем занимал пост командующего СС и полиции в Варшавском округе. Под конец войны перешёл на службу в главное управление имперской безопасности.

Вильгельмы

Антон,
 оберфюрер СС
 (род. 26.10.1912 г.)

С лета 1940 г. до сентября 1942 г. был начальником роты при гарнизонном враче в концентрационном лагере Освенцим. Затем служил в подсобном освенцимском лагере Буды.

**Вилькс
Мартин,
унтершарфюрер СС
(род. 1916 г.)**

С октября. 1941 г. до момента эвакуации был в Освенциме начальником бухгалтерии при гарнизонном враче СС.

**Виртс
Эдуард,
оберштурмбанфюрер СС
(род. 4.9.1909 г.)**

В начале войны был направлен в армейские соединения СС и был в действующей армии. В 1942 г. его перевели на службу в инспекторат концентрационных лагерей, а 6 сентября 1942 г. он стал врачом гарнизона СС в концентрационном лагере Освенцим. Он нес ответственность за работу врачей, зубных врачей и вспомогательного санитарного персонала СС в Освенциме и его подсобных лагерях. В его компетенции находились также врачи и санитары бывшие узниками. После того, как в 1943 г. в помещении блока № 10 материнского лагеря начала действовать экспериментальная лаборатория доктора Карла Клауберга, Виртс начал проводить там исследования над раком и осуществлял операции на узниках-евреях, у которых подозревали рак или у которых уже была эта болезнь. После эвакуации Освенцимского лагеря он поочередно был врачом в концлагерях: Миттельбау-Дэра, Берген-Бельзен и Нейенгамм. Был арестован английскими властями и рассказал о своей деятельности. В сентябре 1945 г. находясь в тюрьме покончил жизнь самоубийством.

**Гартенштейн
Фриц,
оберштурмбанфюрер СС
(род. 3.7.1905 г.)**

Член национал-социалистской немецкой рабочей партии и СС. С 1938 г. служил в войсковых соединениях СС, сначала был командиром батальона, а затем роты в охранном гарнизоне концентрационного лагеря Саксенхаузен. В 1939 г. незначительное время был начальником, трудового лагеря Нидернхаген-Вавельсбург. В 1940—1942 гг. служил в дивизии „мёртвая голова“. В 1942 г. был назначен командиром гарнизона СС концентрационного лагеря Освенцим, откуда позднее был переведён на должность коменданта концентрационного лагеря Натцвейлер и его подсобных лагерей. Первый раз был приговорен к смерти 5.6.1946 г. английским судом в Вуппертале, а во второй раз 2.7.1954 г. французским судом в Меце. Не был судим за преступную деятельность в концентрационном лагере Освенцим. Умер в тюрьме.

**Геббельс
Йозеф,
(род. 29.10.1897 г.)**

Д-р юридических наук, член национал-социалистской немецкой рабочей партии. С 1926 г. гаулейтер Берлина, в 1928 г. член рейхстага и руководитель партийной пропаганды. С 1933 г. становится министром пропаганды и просвещения. В июле 1944 г. был назначен уполномоченным представителем по

делам тотальной войны. За несколько дней до капитуляции Германии, 1 мая 1945 г. совершил самоубийство вместе с женой, отравив предварительно шестеро своих детей.

Гебгардт,
штурмбанфюрер СС

До мая 1942 г. был командиром СС в Освенциме.

Генцкен
Карл,
группенфюрер СС
и генерал-лейтенант
войск СС.

Д-р медицины, член национал-социалистской немецкой рабочей партии и СС. В 1940 г. был главным врачом больницы СС в Берлине и осуществлял надзор за санитарным персоналом в концентрационных лагерях. С мая 1940 г. стал шефом санитарного управления войск СС, а в 1942 г. возглавил санитарную службу войск СС в управлении Д главного управления имперской безопасности. Несёт ответственность за проведение экспериментов с сульфамидами и сыпным тифом на узниках концентрационных лагерей. Американский военный трибунал № I в Нюрнберге приговорил его 20 августа 1947 г. к пожизненному заключению. Это был процесс врачей СС.

Геринг
Герман,
имперский маршал
(род. 12.1.1893 г.)

Один из главных руководителей гитлеровской Германии, член национал-социалистской немецкой рабочей партии с 1922 г. вскоре становится шефом СА. С 1928 г. депутат рейхстага, в 1932 делается его председателем. В 1933 г. занимает пост министра авиации и премьер-министра Пруссии; был организатором гестапо и инициатором создания концентрационных лагерей. С 1935 г. главнокомандующий военной авиации. В 1936г. участвует в создании четырехлетнего экономического плана и руководит развитием военной промышленности Германии. В 1937 г. возглавил руководство огромного государственного концерна (угля, железа и стали) „Герман Геринг“, которому во время войны подчинялись военные предприятия Австрии, Чехословакии и Польши: Был одним из самых старых и близких соратников Гитлера, который видел в нём своего преемника. С 1943 г. влияние Геринга стало ослабевать в связи с неудачными попытками разгромить авиацию западных союзников; немецкие воздушные силы не смогли выполнить этой задачи. В 1945 г. незадолго перед капитуляцией совершил неудачную попытку государственного переворота; Гитлер исключил его из партии, разжаловал и лишил всяких функций. Международный военный трибунал в Нюрнберге во время суда над главными военными преступниками приговорил Геринга 1 октября 1946 г. к смертной казни. 15 октября

1946 г. Геринг совершил самоубийство в тюремной камере в Нюрнберге.

Геслер

Франц.

гауптштурмфюрер СС

(род. 4.2.1906 г.)

Член национал-социалистской немецкой рабочей партии и СС (№ 41940). В 1940—1941 гг. был начальником лагерной кухни в концентрационном лагере Освенцим и не очень долго начальником рапорта. В 1942 г. отвечал за рабочую команду узников, строившую дом отдыха для эсэсовцев в Мендзыбродзе недалеко от Живца. Зимой 1942—1943 гг. был начальником рабочих команд узников в Бжезинке, в том числе и зондеркоманды, а позднее служил в трудовом отделе лагеря. С 27 августа 1943 г. до января 1944 возглавлял женский лагерь в Бжезинке. Переведённый в Дахау был там до июня 1944 г. начальником команды в одном из подсобных лагерей. В июне 1944 г. снова вернулся в Освенцим на должность начальника основного материнского лагеря, где и оставался вплоть до эвакуации лагеря. В 1945 г. входил в состав гарнизона концентрационного лагеря Миттельбау-Дора, после эвакуации которого оказался в концентрационном лагере Берген-Бельзен. Приговором Британского военного суда в Люненбурге во время процесса членов гарнизона СС концентрационного лагеря Берген-Бельзен был приговорён 17 ноября 1945 г. к смертной казни. Приговор был приведён в исполнение 13 декабря 1945 г. в Хамельне.

Гесс

Рудольф,

(род. 26.4.1894 г.)

В 1920 г. вступил в ряды национал-социалистской немецкой рабочей партии, с 1925 г. был личным секретарём Гитлера и его ближайшим сотрудником. С 1933 г. был министром без портфеля и заместителем Гитлера на посту руководителя национал-социалистской немецкой рабочей партии. Был членом тайного совета правительственного кабинета и совета министров обороны. В 1939 г. был назначен Гитлером вторым его заместителем после Геринга. 10 мая 1941 г. Гесс полетел в Англию с целью представить английскому правительству мирные предложения Германии. До окончания войны был интернирован в Шотландии. Международный военный трибунал в Нюрнберге, судивший главных военных преступников приговорил Рудольфа Гесса 1 октября 1946 г. к пожизненному заключению. До настоящего времени находится в тюрьме в Шпандау.

Гефле

Ганс,

гауптштурмфюрер СС

(род. 19.6.1911 г.)

Член национал-социалистской немецкой рабочей партии и СС (№ 307469). Был штабным офицером в Люблине у группенфюрера СС Глобощника, занимавшая одновременно должность комиссара по делам депортации евреев из Варшавского гетто.

Гиммлер

Генрих,

*рейхсфюрер СС**(род. 7.10.1900 г.)*

Один из главных соратников Гитлера. После первой мировой войны служил в националистических добровольных отделах. В 1922 г. вступил в национал-социалистическую немецкую рабочую партию (№ 14303), а в 1925 г. в СС (№ 168). 6 января 1929 г. был назначен рейхсфюрером СС. С 31 января 1933 г. возглавлял баварскую полицию, а с осени того же года стал во главе политической полиции в Мекленбург, Любеке, Баден, Гессен-Анальт и Бремен. С 1934 г. принял от Геринга руководство гестапо.

С 10 февраля 1936 г. Гиммлер возглавляет всю немецкую полицию в имперском министерстве внутренних дел, а в августе 1943 г. становится одновременно и министром внутренних дел. Кроме того, с 7.10.1938 г. Гиммлер был имперским комиссаром по делам укрепления немецкого языка, а в 1943 г. он становится главным уполномоченным по делам администрации Германии. В июле 1944 г. Гитлер назначил его командующим резервных соединений немецкой армии, а в декабре того же года главным командующим армии Рейн; в январе 1945 г. он получает под своё руководство армию Рейн-Висла. Компетенция Гиммлера была очень широкой и он сосредоточил в своих руках сильную власть, что позволило ему создать мощную организацию, какой была СС, реорганизовать полицию и тесно связать её с СС. Был главным инициатором массовых убийств политических противников и евреев, а также организатором использования подневольной рабочей силы оккупированных стран. С этой целью он приказал организовать концентрационные лагеря и центры массового уничтожения. Незадолго до окончания второй мировой войны Гитлер исключил его из партии и лишил всех должностей в результате того, что армия Рейн-Висла потерпела поражение и не сумела задержать наступление советских войск, а также потому, что Гиммлер пробовал установить контакт с западными союзниками в целях заключения перемирия. 21 мая 1945 г. он был арестован английскими офицерами, признался кем является и был отправлен в ставку Второй британской армии в Люнебурге. Там во время допроса совершил самоубийство.

Гатлер

Адольф,

(род. 20.4.1889 г.)

С 1921 г. возглавлял национал-социалистическую немецкую рабочую партию. В 1922 г. создал террористические отряды этой партии, называвшиеся штурмовыми отрядами (СА). В ноябре 1923 г. возглавлял неудавшийся путч в Мюнхене, и в результате в 1924 г. был приговорён к 5 годам тюремного заключения. Во время пребывания в тюрьме

в Ландсберге написал книгу „Мейн кампф“, в которой изложил шовинистическую и расистскую программу немецкой гегемонии в Европе. После освобождения из тюрьмы в конце 1924 г. реорганизовал и укрепил свою партию и создал охранные отряды в её рядах (СС), которые со временем стали наиболее преступной гитлеровской организацией. В 1932 г. Гитлер выставил свою кандидатуру на пост президента Германии и получил в выборах 36,8% голосов; 30 января 1933 г., благодаря мощнейшей поддержке крупного капитала, получил из рук президента Германии Гинденбурга пост канцлера. 30 апреля 1934 г. учинил кровавую расправу („ночь длинных ножей“) со сторонниками оппозиции, возглавляемой Эрнстом Ромем (СА) и другими противниками. В этом ему оказали большую помощь Герман Геринг и Генрих Гиммлер. После смерти Гинденбурга 2 августа 1934 г. Гитлер сосредоточил в своих руках власть президента и канцлера Германии, открывая дорогу власти жестокого террора и политического шантажа. Приступив к организации планов, намеченных еще в книге „Мейн кампф“, Гитлер приводит в жизнь захват Австрии в 1938 г. и Чехословакии в 1939 г. В апреле 1939 г. он подписывает договор о ненападении с Польшей, но 1 сентября 1939 г. немецкие войска нарушают польскую границу, начав таким образом вторую мировую войну. Был инициатором убийства миллионов граждан, особенно поляков и граждан СССР, а также инициатором массового уничтожения евреев на территории оккупированных стран. Его приказы санкционировали все преступные действия и начинания в оккупированных странах; он нес ответственность за все преступления. Когда стал очевиден провал всех его планов и поражение Германии превратилось в реальность, он оформил 29 апреля 1945 г. свой союз с Евой Браун и на следующий день вместе с ней совершил самоубийство в подземном бункере здания имперской канцелярии в Берлине.

Глобозник
Одло,
группенфюрер СС
(род. 21.4.1904 г.)

Член национал-социалистической немецкой рабочей партии (№ 429939 и СС (№ 292776)). В 1933 г. был судим за участие в убийстве ювелира-еврея, которое произошло в Вене. После освобождения принимал активное участие в событиях, связанных с аншлюсом Австрии и позже был назначен заместителем гаулейтера Вены. Был снят с этого поста уже в январе 1939 г. за спекуляцию валютой, а в ноябре того же года Гиммлер назначил его командующим СС и полиции в Любельском округе, в так называемом Генеральном губернаторстве. Оставался на этом посту до сентября 1943 г., т.е. до момента своего

назначения на пост высшего командующего СС и полиции в Триесте. Вероятно именно там 31 мая 1945 г. совершил самоубийство.

Глюке

Рихард,
группенфюрер СС
(род. 22.4.1889 г.)

Член национал-социалистской партии (№ 214855) и СС (№ 58703). В 1936 г. стал штабным офицером в инспекторате концентрационных лагерей в Ораниенбурге. После начала второй мировой войны, когда Теодор Эйкке стал командующим дивизии «мертвая голова», Глюке сменил его на посту инспектора концентрационных лагерей. Судьба его неизвестна.

Гофман

Франц-Иоганн
оберштурмфюрер СС
(род. 1906 г.)

Член национал-социалистской немецкой рабочей партии. С сентября 1933 г. служил в охране концентрационного лагеря Дахау, откуда в декабре 1942 г. был переведён на службу в концентрационный лагерь Освенцим. Вначале был вторым начальником материнского лагеря в Освенциме, а затем начальником цыганского лагеря в Бжезинке. В декабре 1943 г. получил должность первого начальника материнского лагеря в Освенциме; принимал участие в селекции транспортов, прибывавших в Бжезинку на уничтожение. Летом 1944 г. был переведён на службу в концентрационный лагерь Натцвейлер. Решением суда присяжных в Мюнхене от 19 декабря 1961 г. был приговорён за свою преступную деятельность в Дахау к суровому пожизненному заключению. Второй раз предстал перед судом присяжных во Франкфурте-на-Майне, где был приговорён 19 августа 1965 г. за преступную деятельность в Освенциме к пожизненному заключению.

Грабнер

Максимилиан,
унтерштурмфюрер СС
(род. 2.10.1905 г.)

Член национал-социалистской немецкой рабочей партии (№ 1214137), секретарь уголовной полиции. Работал в Катовицах в управлении государственной полиции, откуда был переведён в только что созданный концентрационный лагерь Освенцим на должность начальника политического отдела, которую занимал до 1 декабря 1943 г. В связи с целым рядом злоупотреблений был снят с должности и арестован; в 1944 г. специальный суд СС приговорил его к 12 годам тюремного заключения. Верховный народный трибунал в Кракове, во время суда над членами гарнизона СС концентрационного лагеря Освенцим-Бжезинка, приговорил Грабнера 22.12.1947 г. к смертной казни. Приговор был приведён в исполнение.

Гравиц

Эрнст Роберт фон,
обергруппенфюрер СС
(род. 8.6.1899 г.)

Профессор медицины, член национал-социалистской немецкой рабочей партии (№ 1102844) и СС (№ 27483). Был главным врачом СС и шефом главного санитарного управления СС. В апреле 1945 г. совершил самоубийство.

- Гюнтер**
Ганс,
гауптштурмфюрер СС
- С 22 июля 1939 г. заместитель начальника еврейского реферата в главном управлении имперской безопасности. Руководил перевозкой чехословацких евреев; утверждают, что он погиб в Праге в 1945 г.
- Деяко**
Вальтер,
унтерштурмфюрер СС
- Был в руководстве строительства концентрационного лагеря Освенцим.
- Заутер**
Эрих,
(род. 8.8.1905 г.)
- Д-р медицины, до октября 1942 г. работал зубным, врачом в госпитале СС в концентрационном лагере Освенцим.
- Зейдлер**
Фриц,
гауптштурмфюрер СС
(род. 18.7.1907 г.)
- Член национал-социалистской немецкой рабочей партии (№ 3693999) и СС (№ 135387). С ноября 1940 г. занимал пост второго начальника лагеря, получил его после Франца Майера. С октября 1941 г. до марта 1942 г. он был одновременно заместителем начальника лагеря для советских военнопленных. Позже был переведён в концентрационный лагерь Маутхаузен-Гузен.
- Кадук**
Освальд,
унтершарфюрер СС
(род. 26.8.1906 г.)
- С 1940 г. член СС; с 1942 г. до января 1945 служил в концентрационном лагере Освенцим, где был сначала начальником блока, а позже начальником рапорта. Принимал участие в селекции узников как в лагерной больнице в материнском лагере, так и в Бжезинке; активно участвовал в экзекуциях. 24.3.1947 г. Советский военный трибунал приговорил его за принадлежность к организации СС к 25 годам принудительных работ. Кадук находился в тюрьме в Баутцен, откуда был досрочно освобожден в 1956 г.
- Суд присяжных во Франкфурте-на-Майне приговорил его 19 августа 1965 г. к пожизненному заключению и лишению навсегда всех гражданских прав.
- Китт**
Бруно,
оберштурмфюрер СС
(род. 9.8.1906 г.)
- Д-р медицины, был главным врачом больницы в женском лагере Освенцим II (Бжезинка), где проводил селекции больных узниц для отправки в газовые камеры. Занимал также пост врача в концентрационном лагере Нейенгамм. Во время судебного процесса над командой этого лагеря Британский военный суд приговорил его в 1946 г. к смертной казни. Приговор был приведён в исполнение 8 октября 1946 г. в Хамельне.
- Клауберг**
Карл,
почетный бригаденфюрер СС
(род. 28.9.1898 г.)
- Гинеколог, профессор медицины, по приказу рейхфюрера СС Гимmlера проводил в концентрационном лагере Освенцим преступные опыты на узницах, изучая методы стерилизации женщин. После войны находился в тюрьме в Советском Союзе, был осво-

бождён в 1956 г. и вернулся в Кёльн. Вскоре после своего возвращения был арестован и посажен в следственную тюрьму, где он умер 9 августа 1957 г.

Клер
Йозеф,
обершарфюрер СС
(род. 17.10.1904 г.)

В августе 1938 г. был призван в СС и направлен на службу в охранное отделение концентрационного лагеря Бухенвальд. С 1940 г. был санитаром СС в больнице для узников и в эсэсовской больнице в Дахау, а в начале 1941 г. был переведён на ту же службу в Освенцим в больницу для узников. Весной 1943 г. возглавил дезинфекционный отдел и проводил массовое уничтожение узников при помощи газа. В июле 1944 г. был назначен начальником больницы в подсобном лагере Глейвиц I и нёс ответственность за санитарные дела в подсобных лагерях Глейвиц I—IV. В качестве санитара принимал участие в селекции транспортов прибывших в Бжезинку на уничтожение, а также узников в лагерной больнице. Кроме того умерщвлял узников при помощи укулов фенола в область сердца. Суд присяжных во Франкфурте-на-Майне приговорил его 19 августа 1965 г. к пожизненному заключению и лишению навсегда всех гражданских прав.

Книттель
Курт,
обершарфюрер СС
(род. 23.9.1910 г.)

Был начальником VI отдела в комендатуре концентрационного лагеря Освенцим, отвечал за учебно-политическую работу среди эсэсовцев гарнизона лагеря. После ликвидации Освенцима был переведён в концлагерь Миттельбау.

Кох
Карл Отто,
штандартенфюрер СС
(род. 2.8.1897 г.)

Член национал-социалистской немецкой рабочей партии (№ 475586) и СС (№ 14830). В 1935 г. был начальником караульного отделения в концлагере Эстервеген и комендантом концлагеря Колумбия-хауз в Берлине. В 1936 г. был назначен комендантом лагеря в Эстервеген. 1 августа 1937 г. уже в чине полковника Кох стаёт во главе концентрационного лагеря Бухенвальд, где и остаётся до декабря 1941 г. В результате совершённых им финансовых злоупотреблений и нечеловеческого террора в лагере — даже по утверждению СС — был отозван со своего поста коменданта лагеря. В конце 1941 г. был арестован, но благодаря заступничеству Гимmlера, его освободили и назначили комендантом концентрационного лагеря в Майданке, откуда в августе 1942 г. он был переведён на службу в почтовую охрану. В декабре 1943 г. он вновь был арестован и приговорён судом СС к смертной казни; приговор был приведён в исполнение в начале 1945 г.

- Краммер
Йозеф,
гауптштурмфюрер СС
(род. 10.11.1906 г.)
- С декабря 1931 г. член гитлеровской партии (№ 733597), а через год вступает в ряды СС (№ 32217). С 1934 г. работает в концлагерях: 1936 г. — Дахау, 1937 — Саксенхаузен, а затем в Маутхаузен, где он служил адъютантом. С мая до ноября 1940 г. он служил адъютантом в Освенциме, а позже был назначен начальником лагеря в Дахау. В апреле 1941 г. был начальником лагеря Натцвейлер, а с октября 1942 г. комендантом того же лагеря. С 8 мая по ноябрь 1944 г. снова служил в Освенциме в концлагере Освенцим II, где был комендантом. На этой же должности был потом и в концлагере Берген-Бельзен. Был подсудимым в процессе над членами эсэсовского гарнизона концлагеря Берген-Бельзен в Люнебурге и был приговорён к смерти 17 ноября 1945 г. Британским военным судом. Приговор был приведён в исполнение 13 декабря 1945 г. в Хамельне.
- Кремер,
штурмбанфюрер СС
- Д-р фармацевт, был начальником аптеки СС в концентрационном лагере Освенцим; умер 18 февраля 1944 г.
- Лангефельд
Иоанна,
- Была надсмотрщицей в первом женском лагере в Норинген („Крейс Нордгейм“), а с 1941 г. до апреля 1942 г. была начальницей женского лагеря в Равенсбрюке. В апреле-октябре 1942 г. занимала пост начальницы женского лагеря в Освенциме. С октября 1942 г. до апреля 1943 г. была на той же должности в Равенсбрюке.
- Либегеншель
Артур,
оберштурмбанфюрер СС
(род. 25.11.1901 г.)
- Член национал-социалистской немецкой рабочей партии № 932760) и СС № 39254). В 1934 г. был адъютантом в концлагере Лихтенбург, а в 1936 г. перешёл на службу в инспекторат концентрационных лагерей в Берлине. Сначала был в политическом управлении рядовым сотрудником, а позже Возглавил это управление (позднейшее управление Д1). В ноябре 1943 г. был переведён на должность коменданта материнского концлагеря Освенцим, возглавляя одновременно гарнизон этого лагеря. В мае 1944 г. был комендантом концлагеря в Люблине, а после эвакуации этого лагеря его перевели в Триест в управление высшего командующего СС и полиции Глобошника. Верховный народный трибунал в Кракове приговорил Либегеншля 22 декабря 1947 г. во время суда над членами гарнизона концентрационного лагеря Освенцим-Бжезинка к смертной казни. Приговор привели в исполнение.

Лоллинг

Энно,
штардартенфюрер СС
(род. 19.7.1888 г.)

Д-р медицины, член национал-социалистской немецкой рабочей партии (№ 4691483) и СС № 179765). Во время войны был призван в военные соединения СС и сначала был лагерным врачом в Дахау, а позже главным врачом в инспекторате концентрационных лагерей. После реорганизации возглавил санитарное управление (ДШ) в главном административно-хозяйственном управлении СС (ВФХА). В 1945 г. покончил жизнь самоубийством.

Лорип

Ганс,
оберфюрер СС
(род. 21.12.1895 г.)

Член национал-социалистской немецкой рабочей партии (№ 298668) и СС (№ 4165). До апреля 1936 г. был комендантом концентрационного лагеря Эстервеген, потом комендантом Дахау, а с начала 1940 г. до 31 августа 1942 г. комендантом концентрационного лагеря Саксенхаузен.

Майер

Франц Ксавер,
унтерштурмфюрер СС

Член СС (№ 69600) был откомандирован из бухенвальдской дивизии СС „мёртвая голова“ в новый лагерь Освенцим на пост второго начальника, который занимал недолго и был отдан под военный суд за совершённые злоупотребления.

Мауэр

Герхард,
штардартенфюрер СС
(род. 9.12.1907 г.)

Член национал-социалистской немецкой рабочей партии (№ 387103) и СС (№ 12129). С 1934 г. сотрудничал с Полем, который направил его сначала в отдел контроля, а позже во вновь организованное центральное управление предприятий СС. В 1941 г. главный инспекторат концентрационных лагерей был включён в главное административно-хозяйственное управление СС, как группа Д; возглавлявший это управление Поль, назначил Мауэра шефом управления ДП (вопросы труда узников), которое было им значительно расширено. Он создал в каждом концлагере отдел труда узников, этот отдел занимался вопросами применения рабочей силы узников в военной промышленности. В 1943 г. Мауэр становится заместителем Глюкса (инспектора концентрационных лагерей), который постепенно передавал ему все важные дела. Воеводский суд в Кракове приговорил Мауэра 6 декабря 1951 г. к смертной казни. Приговор был приведён в исполнение.

Мейер

Георг Франц,
оберштурмфюрер СС
(род. 5.9.1917 г.)

Д-р медицины, был лагерным врачом в Освенциме. Живёт и работает в Вене.

Мейер

Макс,
унтерштурмфюрер СС

Член СС (№ 289455); в 1940 г. из инспектората концентрационных лагерей был направлен на пост начальника лагерной администрации в концентрационный лагерь Освенцим.

Мильднер

Рудольф,
штандартенфюрер СС
(род. 10.7.1900 г.)

Д-р юридических наук, член национал-социалистской немецкой рабочей партии (№ 614080) и СС (№ 275741), правительственный советник, шеф государственной полиции в Катовицах. Был председателем специальной комиссии, которая в ноябре 1941 г. производила отборы среди советских военнопленных. Был также председателем чрезвычайного суда (штандгерихт), заседавшего в материнском лагере в Освенциме.

Молль

Отто,
гауптшарфюрер СС
(род. 4.3.1915 г.)

С 2 мая 1941 г. находился на службе в концентрационном лагере Освенцим. Сначала отвечал за проведение сельскохозяйственных работ, а потом возглавил команду. Когда в Бжезинке были пущены в ход крематории, Молль стал начальником зондеркоманды, работавшей при сжигании трупов в ямах рядом с бункерами 1 и 2. За свою преступную деятельность в Освенциме Молль получил от Гитлера 30 апреля 1943 г. военный крест заслуги первого класса. С сентября 1943 г. до марта 1944 г. он был начальником освенцимского подсобного лагеря „Фюрстенгрубе“, а в марте-апреле того же года начальником нового освенцимского подсобного лагеря „Глейвиц I“. В мае 1944 г. Рудольф Гесс, бывший в это время ответственным за уничтожение венгерских евреев, отзывает Молля из Глейвиц в Освенцим, и направляет снова на должность начальника крематориев в Бжезинке; Молль отвечает за сжигание трупов на открытом воздухе. Молль был автором плана ликвидации концентрационного лагеря Освенцим при помощи бомбардировки (т.н. „План Молля“)- После ликвидации венгерских евреев Молль вернулся в подсобный лагерь Глейвиц I на прежнюю должность. В январе 1945 г. он руководил эвакуацией глейвицких подсобных лагерей. Решением Американского военного суда в Дахау был приговорён 13 декабря 1945 г. к смерти. Приговор был приведён в исполнение 28 мая 1946 г.

Морген

Конрад,
штурмбанфюрер СС
(род. 8.6.1908 г.)

Д-р юридических наук, судья СС, шеф специальной комиссии СС по расследованию злоупотреблений СС в концентрационных лагерях. Начиная с июля 1943 г. до середины 1944 г. он вёл расследование против членов команд СС концентрационных лагерей Бухенвальд, Люблин, Освенцим, Ораниен-

бург, Герцогенбуш, Дахау, а также в Варшаве и Кракове-Плашове. Был свидетелем во время суда над главными военными преступниками в Нюрнберге, затем в процессе служащих главного административно-хозяйственного управления СС, который вёл Американский военный трибунал № IV в Нюрнберге, и наконец в процессе Мульки и других перед судом присяжных во Франкфурте-на-Майне.

Мусфельдт

Эрих,
обершарфюрер СС
(род. 18.2.1913 г.)

Вступил в члены СС в 1940 г. и, пройдя специальную подготовку, был направлен в концентрационный лагерь Освенцим. Сначала был надзирателем в одной из команд узников, а затем начальником одного из блоков. 15 ноября 1941 г. был переведён в Люблин (Майданек) на пост начальника команды узников, которая закапывала трупы умерших и замученных узников лагеря. В июне 1942 г. в Майданеке вступил в строй крематорий и Мусфельдт стал отвечать за его работу. Кроме того, он принимал участие в смертных казнях. В июне 1944 г. Мусфельдт вновь возвратился в концентрационный лагерь Освенцим, где осуществлял надзор за зондеркомандой крематориев №№ II и III, а позднее стал начальником всех крематориев. После войны Американский военный суд приговорил его 23 января 1947 г. к пожизненному заключению за преступления, совершённые в концентрационном лагере Флоссенбург. Переданный польским властям, он, по решению Верховного народного трибунала в Кракове, был приговорён 22 декабря 1947 г. к смертной казни во время процесса над членами эсэсовского гарнизона концентрационного лагеря Освенцим-Бжезинка. Приговор был приведён в исполнение.

Мюллер

Генрих,
группенфюрер СС
(род. 28.4.1900 г.)

Член национал-социалистской немецкой рабочей партии (№ 453199) и СС (№ 107043). Возглавлял управление IV (гестапо) в главном управлении имперской безопасности и одновременно был заместителем начальника полиции безопасности и службы безопасности. После войны не найден.

Небе

Артур,
группенфюрер СС

Организатор и начальник уголовной полиции в главном управлении имперской безопасности в 1933—1945 гг. До ноября 1941 г. был командующим оперативной группы Б, действовавшей в Белоруссии. Незадолго до окончания второй мировой войны был повешен за участие в покушении на Гитлера 20 июля 1944 г.

Онтль

Фридрих,
обершарфюрер СС
 (род. 25.8.1909 г.)

Заведовал складом в госпитале для эсэсовцев в концентрационном лагере Освенцим. В сентябре 1943 г. был начальником канцелярии гарнизонного врача. В июле 1943 г. служил санитаром СС в подсобном освенцимском лагере „Ней Дакс” в Явожне.

Палич

Герхард Арно Макс,
гауптшарфюрер СС
 (род. 17.6.1913 г.)

Член национал-социалистской немецкой рабочей партии (№ 1965727) и СС (№ 79466), а также соединенный „мёртвая голова”. Служил в охране в концентрационных лагерях Лихтенбург, Бухенвальд и Саксенхаузен, где был сначала начальником блока, а позже рапортфюрером. В мае 1940 г. был переведён на службу в концентрационный лагерь Освенцим на пост рапортфюрера и с 11 ноября 1941 г. лично расстреливал узников из мелкокалиберного оружия под „стеней смерти” во дворе блока № 11. Когда был открыт цыганский лагерь в Бжезинке (участок „ВПе”), Палич становится начальником этого лагеря.

Палич сеял ужас среди узников., отличался необыкновенным садизмом. Оставлял для себя много разных вещей, отобранных у людей, привезённых в лагерь: деньги, драгоценности, одежду и т.д. Во время мероприятий по массовому уничтожению евреев его воровство достигло таких размеров, что он был переведён в Брно на должность начальника подсобного освенцимского лагеря, а позже его арестовали и отдали под суд СС. Судьба его неизвестна.

Поль

Освальд,
обергруппенфюрер СС
 (род. 30.6.1892 г.)

Член национал-социалистской немецкой рабочей партии (№ 30842) и СС (№ 137614). Начальник главного административно-хозяйственного управления СС; во время судебного процесса над служащими СС этого управления Американский военный трибунал № IV в Нюрнберге, приговорил его 3 ноября 1947 г. к смертной казни. Приговор был приведён в исполнение 8 июня 1951 г. в Ландсберге.

Тило

Хейнц,
оберштурмфюрер СС
 (род. 8.10.1911 г.)

Д-р медицины, с 9 октября 1942 г. был лагерным врачом в Освенциме II. Участвовал в проведении селекции на железнодорожной платформе в Бжезинке и в лагерной больнице, направляя нетрудоспособных и больных в газовые камеры. В конце 1944 г. был переведён на службу в концентрационный лагерь Гросс-Розен. По неточным информации умер 13 мая 1945 г. в Гоэнельбе или 20 ноября 1947 г. в Берлине.

Уленброк

Курт,
штурмбанфюрер СС
 (род. 2.3.1908 г.)

Д-р медицины, был врачом эсэсовского гарнизона в Освенциме в августе 1942 г. Проводил там отборы среди больных узников, направляя их в газовые камеры. Был обвиняемым в первом Франкфуртском

процессе, но расследование было приостановлено после внесения кауции.

Феттер

Гельмут,
оберштурмфюрер СС
(род. 21.3.1910 г.)

Д-р медицины, был лагерным врачом в Дахау, Освенциме и Маутхаузене. В качестве сотрудника ИГ-Фарбениндустри и фирмы Байер исследовал воздействие новых лекарств на узниках концентрационных лагерей. В 1947 г. Американский военный суд, во время процесса над членами гарнизона концентрационного лагеря Маутхаузен приговорил его к смерти. Приговор был приведён в исполнение 2 февраля 1949 г.

Фишер,

гауптштурмфюрер СС

Д-р юридических наук, член специальной комиссии по расследованию злоупотреблений СС в концентрационном лагере Освенцим, работник гестапо.

Фрич

Карл,
гауптштурмфюрер СС
(род. 10.7.1903 г.)

Член СС (№ 7287); в мае 1940 г. был направлен в качестве начальника из концентрационного лагеря Дахау в новый концентрационный лагерь в Освенциме; в январе 1942 г. Фрича перевели на службу в концентрационный лагерь Флоссенбург, а затем в один из подсобных лагерей концентрационного лагеря Миттельбау. Умер в мае 1945 г.

Цезар

Иоахим,
оберштурмбанфюрер СС
(род. 30.5.1901 г.)

Доктор сельскохозяйственных наук, член национал-социалистической немецкой рабочей партии (№ 626589) и СС (№ 74704). После прихода Гитлера к власти был бургомистром в Гольштейне, а с 1934 г. стал штатным служащим учебного управления СС, заняв позднее место начальника этого управления. В концентрационный лагерь Освенцим он прибыл в феврале 1942 г., 12 марта стал руководителем сельскохозяйственного отдела лагеря. В его подчинении находились животноводческие и земледельческие хозяйства и экспериментальная растениеводческая станция в Раиске. До настоящего времени не был судим и является директором прачечной в одном из городов ФРГ.

Шварц

Генрих,
гауптштурмфюрер СС
(род. 14.6.1906 г.)

Член национал-социалистической немецкой рабочей партии (№ 786871) и СС (№ 19691). После начала второй мировой войны он был направлен в войсковые соединения СС и служил в Маутхаузене, откуда в ноябре 1941 г. его перевели в концентрационный лагерь Освенцим на должность начальника трудового отдела. В ноябре 1943 г. он был назначен комендантом концентрационного лагеря Освенцим III, в который входили освенцимские подсобные лагеря. Когда этот лагерь был эвакуирован он стал начальни-

ком концлагеря Натцвейлер. Французский военный суд приговорил его в 1947 г. к смертной казни за преступления совершённые в этом лагере. Приговор привели в исполнение.

Шварцгубер

Иоганн,
обертурмфюрер СС

Служил в концентрационных лагерях Дахау, Саксенхаузен, Освенцим и Равенсбрюк. С 22 ноября 1943 г. возглавлял мужской лагерь в Бжезинке (Освенцим II), а с 12 января 1945 г. был начальником в Равенсбрюке. После войны был арестован и судим в Гамбурге, 3 февраля 1947 г. приговорён к смерти за преступления совершённые в Равенсбрюке. Приговор привели в исполнение 3 мая 1947 г.

Шебек

Франц,
унтершарфюрер СС
(род. 15.9.1907 г.)

Член СС (№ 301333). 25 июня 1940 г. он был переведён из концентрационного лагеря Ораниенбург в концлагерь Освенцим, где стал начальником продовольственного склада, который снабжал продуктами кухню для узников. После войны его судили в Вене и приговорили к 10 годам тюремного заключения.

Шерпе

Герберт,
обершарфюрер СС
(род. 20.5.1907 г.)

Член национал-социалистической немецкой рабочей партии и СС, служил в Освенциме с лета 1940 г. Сначала был санитаром в госпитале для эсэсовцев, а с января 1942 г. до марта 1943 г. в больнице для узников в материнском лагере Освенцим. С апреля 1943 г. отвечал за больницу узников в подсобном освенцимском лагере в Голешове, а в апреле 1944 г. в подсобном лагере Блехгаммер. В качестве санитаря СС принимал активное участие в селекциях среди узников, находившихся в лагерных больницах, а также делал уколы фенола в область сердца больных узников. Суд присяжных во Франкфурте-на-Майне приговорил его 19 августа 1965 г. к 4 годам и 6 месяцам сурового тюремного заключения и лишил его гражданских прав на 4 года.

Шефлер

Ганс,
обершарфюрер СС
(род. 8.12.1912 г.)

Член СС (№ 218602). 16 мая 1940 г. был переведён из Бухенвальда в концентрационный лагерь Освенцим, где работал поваром в кухни СС. 1 июля 1944 г. был назначен начальником кухни СС.

Шиллинг ер

Йозеф,
обершарфюрер СС

В концентрационном лагере Освенцим был поочерёдно: рапортфюрером, начальником рабочей команды узников в подсобном лагере в Хелмке и шефом кухни в мужском лагере в Бжезинке. Конвоировал колонны евреев с железнодорожной платформы в газовые камеры. 23 октября был застрелен на железнодорожной платформе одной из евреек, прибывшей в этот день с транспортом из концлагеря Берген-Бельзен.

Щмаузер

Эрнст Генрих,
обергруппенфюрер СС
(род. 18.1.1890 г.)

Член национал-социалистской немецкой рабочей партии (№ 215704) и СС (№ 3359), в 1941—1945 гг. был командующим юго-восточного округа СС во Вроцлаве и одновременно главным командующим СС и полиции того округа. Несёт ответственность за проведение смертных казней узников в концентрационном лагере Освенцим и его подсобных лагерях.

Альберт,

(род. 19.3.1905 г.)

В 1942—45 гг. министр вооружения и военной промышленности гитлеровской Германии, одновременно возглавлял главное управление по делам техники в национал-социалистской немецкой рабочей партии; был председателем национал-социалистского союза немецких техников, генеральным инспектором по делам строительства дорог, а также по делам водного хозяйства и энергии. Международный военный трибунал в Нюрнберге приговорил его 1 октября 1946 г. во время процесса главных военных преступников к 20 годам тюремного заключения. После отбывания тюремного заключения был освобождён в 1967 г.

Штрейхер

Юлиус,
(род. 12.2.1885 г.)

Член национал-социалистской немецкой рабочей партии, до 1940 г. возглавлял партийный округ во Франконии, был редактором антисемитского журнала «Дер Штюрмер». Международный военный трибунал в Нюрнберге приговорил его 1 октября 1946 г. к смертной казни. Приговор был приведён в исполнение.

Шуман

Хорст,
оберлейтенант авиации,
штурмбанфюрер СС
(род. 11.5.1906 г.)

С 1930 г. член национал-социалистской немецкой рабочей партии и СА. В 1933 г. получил степень доктора медицины, в августе 1939 г. возглавил психиатрическую больницу Графенек в Вюртенберг, где душевнобольных уничтожали при помощи углекислого газа. После того, как эта больница была закрыта, он стал директором такого же лечебного учреждения в Зонненштейн в Саксонии. После того, как Гитлер приказал остановить реализацию программы по уничтожению неизлечимых больных и применить эту же программу к нетрудоспособным узникам под криптонимом «14 Ф 13», Шуман был членом разных медицинских комиссий, которые должны были провести селекцию среди узников, выделяя нетрудоспособных или малопродуктивных; это было в концентрационных лагерях Освенцим, Бухенвальд, Дахау, Флоссенбург, Гросс-Розен, Маутхаузен, Нейенгамм, Нидернхаген. Первый раз он прибыл в Освенцим 28 июля 1941 г. и произвёл селекцию выделив 575 узников-инвалидов, хронических больных и с разными физическими недостатками. По его приказу они были переведены в Зонненштейн, где их умерщвили при помощи углекис-

слово газа. Второй раз он прибыл в концентрационный лагерь Освенцим в ноябре 1942 г. в целях проведения экспериментов в поисках метода массовой стерилизации женщин и мужчин, не требующего больших финансовых расходов и времени. В блоке № 30 женского лагеря в Бжезинке Шуман проводил опыты по стерилизации мужчин и женщин при помощи рентгеновских лучей. В блоке № 10 материнского лагеря в Освенциме им делались операции по кастрации мужчин. Жертвы этих экспериментов умирали в результате ослабления, психического кризиса или полученных ожогов. Тех подопытных узников, которых уже нельзя было использовать для опытов, умерщвляли уколами фенола или в газовых камерах; только немногочисленные жертвы пережили всё это. В апреле 1944 г. Шуман передал свой отчёт о действии рентгеновских лучей на половые железы человека в канцелярию Гитлера, а оттуда доклад переслали рейхсфюреру СС Гиммлеру. В середине 1944 г. Шуман прибыл в Равенсбрюк, где продолжал свои эксперименты по стерилизации и кастрации на цыганских детях. После войны, до 1951 г. Шуман жил в ФРГ, откуда сбежал в Йокагамму за день до ареста. 4 года служил врачом на морских кораблях. С 1955 г. работал в Судане, в 1959 г. сбежал в Нигерию, а затем в Либерию. В 1960 г. поселился в Гане, работая врачом. 14 июня 1961 г. ректорат университета в Халле лишил Шумана докторской степени. В марте 1966 г. Шуман был арестован в Гане и передан судебным властям ФРГ; 16 ноября 1966 г. он был заключён в тюрьму в Бундбах. Судебный процесс начался 23 сентября 1970 г. во Франкфурте-на-Майне перед судом присяжных, но в апреле 1971 г. был прерван из-за болезни подсудимого. Шумана обвиняется в том, что он обрёк на смерть в психиатрических учреждениях Графенек и Зонненштейн 13720 психических больных и 765 нетрудоспособных узников во время мероприятий „14 Ф 13" из концентрационных лагерей Освенцим и Бухенвальд. В добавочном обвинительном акте ему ставят в вину проведение экспериментов по стерилизации и кастрации узников и узниц в концентрационном лагере Освенцим. В момент начала процесса уже не было среди живых 54 свидетеля из 115.

Эгерсдорфер
Карл,
унтершарфюрер СС
(род. 20.7.1902 г.)

С 1934 г. был членом национал-социалистской немецкой рабочей партии, а также СС (№ 289457). 31 марта 1941 г. он был направлен на службу в гарнизон СС в концентрационный лагерь Освенцим. С июля 1941 г. был начальником кухни для заключённых в материнском лагере. Британский военный

суд в Люнебурге признал его 17 ноября 1945 г. невиновным. Это был судебный процесс над членами гарнизона СС концентрационного лагеря Берген-Бельзен.

Эйкке

Теодор,
обергруппенфюрер СС
(род. 17.10.1892 г.)

Член национал-социалистской немецкой рабочей партии (№ 114901) и СС (№ 2921) был одним из организаторов концентрационных лагерей (за исключением Дахау), и именно он придал им тот характер, которые имели концентрационные лагеря при фашизме. В 1933 г. Гиммлер назначил Эйкке комендантом концентрационного лагеря Дахау, а через год Эйкке стал главным инспектором концентрационных лагерей, прикладывая много стараний на усиление охранной службы в лагерях. В результате усилий Эйкке Адольф Гитлер выдал приказ о создании 25 охранных рот для концентрационных лагерей; в дальнейшем эти подразделения всё время увеличивались и позже стали называться „мёртвая голова". Во время военных действий на территории Польши, в которых участвовали отдельные соединения 4-го полка соединений „мёртвая голова", Эйкке получил приказ экстренного формирования целой дивизии под тем же названием; одновременно он получил от Гитлера звание генерал-лейтенанта. Должность главного инспектора концентрационных лагерей Эйкке передал Рихарду Глюксу. Эйкке погиб на восточном фронте во время разведывательного полёта в районе Харькова в марте 1943 г.

Эйхман

Адольф,
оберштурмбанфюрер
СС (род. 19.3.1906 г.)

Член национал-социалистской немецкой рабочей партии (№ 899895) и СС (№ 45326). В сентябре 1933 г. начал свою службу в СС и через год был переведён в чине шарфюрера СС в штаб рейхсфюрера СС Гиммлера, в главное управление имперской безопасности (РСХА). Там Эйхман становится референтом в департаменте, занимавшимся расовыми вопросами и переселением. Точнее это было в управлении II 112, круг его работы: секты, масонство, марксизм и еврейские дела; именно в области последних и стал специализироваться Эйхман. В 1937 г. он отвечал за эмиграцию евреев из Германии. В 1938 г. после аннексии Австрии он был откомандирован в Вену на пост начальника центрального управления по делам эмиграции евреев. После захвата Гитлером Чехословакии Эйхман, как специалист по делам эмиграции евреев, был послан туда во второй половине 1939 г. Его задачей было — организовать „эмиграцию" евреев из Чехословакии. В декабре 1939 г. Гиммлер назначил Эйхмана специальным референтом в РСХА по делам связанным с выселением поляков с территорий вошедших в состав Рейха. Специальный реферат, который

должен был заниматься этими делами, был обозначен „IVD 4“; в связи с тем, что РСХА постоянно реорганизовалось, обозначение этого реферата неоднократно изменялось, но он всегда подчинялся департаменту IV, задачей которого были поиски и уничтожение внутренней оппозиции, т.е. бывшему гестапо. В 1941 г. после очередной реорганизации реферат Эйхмана получил обозначение „IV B4“. В середине 1941 г. гитлеровское руководство решило приступить к так называемому „окончательному решению еврейского вопроса“. Организация этого мероприятия была поручена РСХА, конкретнее реферату „IV B4“, руководимому Эйхманом. Получив приказ, Эйхман разработал план „переселения на Восток“ евреев из оккупированных стран. Эйхман хорошо понимал, какую ответственность несёт он за совершенные преступления, а потому после капитуляции Германии скрывался на территории Германии. Позже ему удалось выехать в Италию и на Ближний Восток, а оттуда в Аргентину. 11 мая 1960 года он был схвачен в Буэнос-Айресе членами добровольческой организации Израиля, которая давно разыскивала Эйхмана и тайком перевезла в Иерусалим. Там состоялся судебный процесс над Эйхманом, он длился с 11 апреля по 15 декабря 1961 г. Эйхман был приговорён к смерти через повешение, приговор был приведён в исполнение 1 июня 1962 г. Труп Эйхмана был сожжён, а пепел рассыпан в открытом море.

Энтрес
Фридрих Карл Герман,
гауптштурмфюрер СС
(род. 8.12.1914 г.)

Д-р медицины, был лагерным врачом в Гросс-Розен с 3 января до 10 декабря 1941 г. 11 декабря 1941 г. он был назначен на такую же самую должность в концентрационный лагерь Освенцим и оставался на этом посту до 20 октября 1943 г. Принимал участие в селекции больных узников в лагере, а также транспортов главного управления имперской безопасности. С 21 октября 1943 г. до 24 июля 1944 г. он работал в концентрационном лагере Маутхаузен в качестве гарнизонного врача СС, одновременно выполняя функцию первого лагерного врача. Следующим назначением Ф. Энтреса с 3 августа 1944 г. до начала 1945 г. была должность первого лагерного врача в концентрационном лагере Гросс-Розен. Американский военный суд в Дахау (1946 г.) во время процесса называемого „Маутхаузен“ приговорил его к смертной казни, которая была приведена в исполнение 28 мая 1947 г. в Ландсберге.

Ямбор
Эдуард,
унтершарфюрер СС,
(род. 13.7.1900 г.)

Был писарем гарнизонного врача СС в Освенциме. После эвакуации этого лагеря его перевели в Берлин. Умер 24 июля 1945 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Агетсны 256
Агнес 197, 223
Алоис 223
Альберт 188, 220, 227, 228
Альтгофф 243
Амброс Отто 43
Анна 218, 225
Апфель Герард ПО
Аумейер Ганс (СС) 12, 29, 88, 105, 132, 134, 135, 136, 137, 143, 149, 184, 207, 267, 275
- Ашннгср 190
- Баксман 229
Бальгифен Тео 220
Барановски Герман (СС) 35
Барески Стефан (СС) 14, 275
Барт см. Барч
Барч Гельмут 183, 275
Батавия Станислав проф. 15, 16
Баэр Рихард (СС) 22, 174, 275
Беднарская Анеля 41, 273
Бер см. Баэр
Бехер проф. 187, 218, 219, 221, 222, 231, 276
Бехер Курт (СС) ПО, 276
Бёлгофф (СС) 176
Бидерман (СС) 217
Бисмарк 53
Бишофф Карл (СС) 271, 276
Блобель Пауль (СС) 22, 106, 107, 2/6
Богер Вильгельм (СС) 30, 140, 277
брандаъ Терезе 77
- Браун Ева 282
Браунер Фердинанд (СС) 217, 277
Брахт Фриц (СС) 44, 60, 277
Брейтшейд Рудольф 239'
Броад Пери (СС) 5, 8, 10, 13, 14, 24, 25, 26, 27, 28, 30, 31, 50, 51, 58, 72, 87, 91, ~ III, 120, 127, 136, 142, 145, 160; III, 210, 265
Брошат Мартин *ββ*
Бургмер Алоис 236 .
Бургмер Хильда 223
Бюше 245
- Вальтер 229
Вальтрауд 257
Вебер Бруно 149, 150, 277
Вейнерт Ганс проф. 196, 197
Вейс Мартин (CQ) 37
Вейтер Эдуард (СС) 37
Веккерле Гильмар (СС) 37
Величкер Арье Лейб (Леон) 107
Верминг 245
Вибек Герхард (СС) 20, 277
Виганд Арпад (СС) 32, 277
Вильгельм I 227
Вильгельмы Антон (СС) 200, 212, 277
Вилькс Мартин (СС) 217, 278
Винне (СС) 198
Вингерзель 228
Виртс Эдуард (СС) 132, 202, 203, 208, 209, 211, 215, 216, 278
Виццман см. Виццман
Вихай 101
Виццман 190, 215, 217, 234, 235, 243, 247, 256

- Возняк Ежи 149
 Войтыга Юзеф 149
 Вольфбауэр (СС) 190, 194
 Восницца (СС) 151, 152
 Вурт 188
 Вурт Элизабет см. Кремер Элизабет
 Вухерифенниг 261
- Галилей 221
 Галлерман проф. 197, 204, 228, 229
 Гамброк 247
 Ганжаз Юзеф 149
 Гармата 105
 Гаргунг (СС) 270
 Гартенштейн Фриц (СС) 68, 79, 278
 Гафиксбек 191
 Геббельс Иозеф 66, 199, 214, 278
 Гебгард (СС); 279
 Гейдериx 229
 Гейдрих Рейнхард (jCC) 22, 30, 34, 76, 84, 87
 Гейне Генрих 30
 Гейне Отто 41
 Гейнман 187
 Гейнер 204
 Генцкен Кар ль 199, 279
 Геншен 197
 Георг Генрих 214
 Герда 225
 Геринг Герман 213, 279, 280, 281, 282
 Герман 196, 220, 227, 229, 260
 Геслер Франц (СС) 68, 106, 158, 159, 160, 161, 162, 209, 271, 280
 Гесс Гедвиг 211, 273
 Гесс Рудольф Франц (СС) 5, 6, 8, 9, 13, 15-26, 28-31, 40, 41, 44, 46-49, 52, 53, 54, 59, 60, 61, 64, 65, 68, 70, 75, 79, 80, 83, 85, 89, 90, 97, 100, 102, 105, 106, 107, 109, ПО, 113, 115, 117, 125, 127, 133, 153, 157, 158, 161, 171, 172, 173, 207, 208, 211, 213, 227, 264, 265, 267, 268, 269, 271, 274, 275, 280, 288
 Гессинг 251, 259
 Гессы 20, 267, 269, 271, 273
 Гёфле Ганс (СС) 87, 280
 Гешчикевич Мариан проф. 50
 Гизефиус Ганс 11
 Гиммлер Генрих (СС) 6, 22, 28, 30, 39, 40, 42, 43, 44 58, 59-61, 67, 70, 80, 82, 83, 95, 99, 100, 101, 106, ПО, 113, 116, 134, 143, 169, 176, 183, 184, 267, 208, 276, 281, 282, 284, 285, 294, 295
- Гимстедт (СС) 218
 Гинденбург Пауль 282
 Гитлер Адольф 5, 11, 29, 30, 33, 35, 42, 43, 64, 66, 83, 84, 143, 261, 164, 182, 196, 214, 240, 279, 280, 281, 288, 289, 293, 295
 Глазер 190, 220, 236, 248, 249, 250-255, 261
 Глобопник Одило (СО 81, 87, 95, 280, 282, 286
 Глюке Рихард (СС) 31, 34, 39, 40, 44, 79, 84, 95, 115, 268, 283, 295
 Гольст Мария 215
 Гольткёттер 245
 Гофман Франц — Иоганн (СС) 184, 283
 Гофмейер проф. 195
 Грабнер Максимилиан (СС) 20, 23, 30, 133, 135, 136, 137, 139, 143, 151, 152, 162, 167, 171, 177, 180-183, 271, 283
 Гравиц Эрнст Роберт фон (СС) 95, 108, 193, 207, 283
 Гределинг (СС) 218
 Греснер 226
 Гретхен 187, 196, 217, 220, 261
 Грэфсмюль 222
 Гренке Эрих 18, 19, 21, 270'
 Грос 227
 Грыншпан Г. 66
 Гргонднер 257
 Гумпе 259
 Гюлькер 222, 223
 Гюльсман 243
 Гюнебек 244, 257
 Гюнтер Ганс (СС) 115, 284
- Давидовский Роман 123
 Данте 27, 200
 Дани Луиза 77
 Дёппе 195, 259
 Дар 227
 Дейбель Гейнрих (СС) 37
 Дейч (СС) 215
 Деяко Вальтер (СС) 106, 284
 Дёббелер 247
 Дикунлич-Годорович 178

- Дорн 198
 Драгон Шлама 88
 Дубель Клеменс 267
 Дубе ль Станислав 18, 19, 267, 268
 Влентруп 238
 Зауер 70
 Зауер Эрих 217, 284
 Зейдлер Фриц (СС) 39, 41, 284
 Зен Ян 15, 16, 17, 18, 267
 Зигмунд 229
 Зурен Фриц (СС) 70
 Зуэр.ман 259
 Иоахим Фриц (СС) 199
 Ионг (*Gonz*) Ганс (СС) 216
 Ирмгард 190
 Кадов 6
 Кадук Освальд (СС) 14, 30, 284
 Кальтенбруннер Эрнст (СС) 34
 Каттинг 243
 Кауц 139, 145
 Квятковскад Елена 273
 Квятковский Роман 270, 273
 Кегель Отто (СС) 70
 Керстен (СС) 194
 Кета Мечислав 263
 Кестер (СС) 192, 194
 Киновский Тадеуш 31, 97, 212
 Китт Бруно (СС) 149, 202, 205, 216, 284
 Клауберг Карл проф. (СО 132, 150, 278, 284
 Клаус 274
 Клер Йозеор (СС) 10, 165, 211, 212, 217, 285
 Кмак Вильгельм 273
 Книгтель Курт (СС) 169, 286
 Конеринг (Конерлинг) 248, 251, 253
 Конерлинг см. Конеринг
 Кох Карл Отто (СС) 34, 35, 285
 Кох Георг 179, 180, 246
 Коэбель (СО 198, 199
 Козн проф. 244
 Коэрбер (СС) 218
 Крамер (СС) 41, 171
 Краузе Пауль 229
 Кремер Альберт 229
 Кремер Вильгельм 196
 Кремер Гельмут 195
 Кремер Иоганн (СС) 5-9, 12, 13, 14, 24-31, 87, 89, 154, 167, 187, 188, 190, 191, 195, 196, 197, 200, 201, 202, 208, 209, 211, 217, 227, 228, 230, 239, 241, 255, 256, 262, 269, 270
 Кремер Элизавета 196
 Кремер (СС) 217, 286
 Крупш 174
 Кузнецов Виктор 57
 Кук 246
 Куликовский Мечислав 149
 Кютнер 218
 Ламмердинг 245
 Ланг Франц см. Гесс Рудольф
 Лангенфельд см. Лангефельд
 Лангефельд Иоанна 74, 75, 286
 Левенталь Залмен 93
 Ленгарц проф. 254
 Лешель 198
 Лехерт Гильдегард Марта 77
 Либгеншель Артур (СС) 12, 22, 29, 59, 68, 177, 286
 Лоллинг Энно (СО 95, 205, 287
 Лорнц Ганс (СС) 31, 35, 37, 287
 Луканс Вера 159
 Луковский Станислав 54
 Людвиг 193
 Люкке 191, 254, 259
 Майер Франц Ксавер (СС) 284, 287
 Манд ель Мария 29, 77
 Мандельсбаум Генрик 88
 Мария 188, 223
 Марциш Чеслав 149
 Маурер Гегхард (СС) 108, 109, 119, 287
 Мауэр см. Маурер
 Мац (СС) 218"
 Мацевский Адольф 268
 Мейер Макс (СС) 37, 39, 44, 85, 202, 205, 213, 288
 Мейер Георг Франц (СС) 205, 287
 Менгеле 92, 122
 Мефнус 219, 221, 222, 223, 229
 Мецмахер 194
 Мия 217
 Мильднер Рудольф (СС) 95, 138, 142, 143, 145, 146, 148, 149, 184, 268

Модль ОТТО (СС) 113, 135, 159, 172, 288

Морава 179, 180, 191, 193, 194

Морген Конрад (СС) 183, 288

Мулька 289

Муссолини 125

Мусфельдт Эрих (СС) 172, 289

Мюллер Генрих (СС) 30, 108, 257, 276, 289

Небе Артур 11, 289

Нимер 248

Нишли Миклош 88, 122

Новак Иоанна 76

Озенталь 223

Онгли Фридрих (СС) 217, 290

Оппенгейм фон 276

Ошперман Эрих 227

Орловски Алише 77

Орг Богу слав 149

Отто 176, 205, 225

Палич Герард Арно (СС) 20, 30, 34, 35, 39, 44, 50, 85, 88, 105, 148, 159, 290

Панков 194

Паули 194

Пауль Иоганн 6

Петжок Анна 26?

Печерский Александр 81

Пжибыла см. Шурек

Пиорковский Алекс (СС) 37

Плагте Людвиг (СС) 60

Плётнер 194

Погожев Андрей Александрович 57

Погоновский см. Скжегусквд

Поль (СС) 68, 74, 95, 108, 114, 205, 207, 276, 287, 290

Пфистер 194

Равич Ежи 5

Райзер Леон 149

Рапач Тадеуш 149

Рат Эрнст фон 66

Рахбергер Стефан (СС) 170

Ребе 258

Реймерс (СС) 183

Рейнике (СС) 170

Рейхлинг 259

Рёкер Э. 235

Риттер 176

Ром Эрнст 282

Росбах 6

Росман (СС) 191

Роттер Юзеф 149

Рудольф 188

Рыдзонь 101

Сальковские 258

Сикорский Эдмунд 149

Скшетуский-Погоновский Януш 149'

Софья 19, 268

Ставиньский Станислав 149

Таубер Генрик 88, 123

Теато 194

Теа 223

Тейер 163 ••

Тельман Эрнст 239, 240

Тепла см. Урбанчик

Тило Хейнц (СС) 27, 202, 213, 290'

Тирак 58

Тодорович см. Дикиulich

Тодт Фриц 109

Ток 259

Уленброк Курт (СС) 200, 202^ 290*

Урбанчик Бронислава 273

Фаупель (СС) 161

Фауст 80

Фашинг (СС) 218

Федеркинг (СС) 199

Фейнзильбер Альтер 88, 123

Фельгут Л. 227

Фельдгандлер Леон 81

Феннеман 248

Феннер 198, 220, 222

Фернкорн 227

Фершнер фон 221

Фетгер Гельмут (СС) 210, 291

Фитш 203, 213, 215

Фишовский Ежи 59

Фишер (СС) 183, 291

Фольтаньский Збигнев 149

Форст Вилли 215, 219

Фосс 220

Франко 125

Фрёлинг 253, 257, 259

Фриц 225

Фрич Карль (СС) 39, 44, 48, 85, 88., 102, 103, 267, 268, 291

- Хибинский Станислав 249
Ходыс Элеонора 20
- Цезар Иоахим **210**, 270, **271**, **291**
Пейдлер **192**
Цуден 199
- Чех Данута **117**, 200, 202, 204, 205,
207, 209, 216, 239, 271
- Шварц Генрик (СС) 41, 68, 208, 291
Шварцшубер Иоганн (СС) 41, 61, 68,
292
- Швейцер **251**
Шебек Франц (СС) 19, 268, 269, 292
Шерпе Герберт 217, **299**
Шефлер Ганс 178, 292
Шиллер 195
Шиллингер Йозеф (СС) 168, **292**
Шлейхер 226
Шмаузер Эрнст Генрих 106, 268, 293
Шмидт Эльфрида **154**, **259**
Шнабель 193
Шпеер Альберт 109, 293
Шпрингер 192, 193, 197
Шпрингорум 44
Шрейбер 213
Штейнгамп Фриц 197, 229, **246**, **247**
Штели Г. 188
Штивиц (СС) 134
Штиглиц София 268
Штраус **215**
Штрейхер Юлиус 65, **293**
Штруц (СС) **159**
Шульц Поль 227
- Шуман Хорст (СС) 100, **132**, 150,
293, 294
- Щурек Янина 267, 273
- Эдом 191
Эйзеншмидт 143
Эйкк Теодор 33, 34, 37, 44, 64, 65,
283, 295
Эйхман Адольф (СС) 20, 30, 86, 87,
95, 96, 99, 100, 101, 102, 103, 105-
-108, 113-116, 119, 124, 125, 177,
295, 296
Эгерсдорфер Карл (СС) 178, 294
Элиза 257
Эльферинг 229
Эльфрида 274
Эммерих (СС) 168
Энгельбрехт (СС) 19, 270
Энтресс Фридрих Карл 202, 208>
209, 296
Эрдман 232
Эш проф. 243
Эззея 64, 65
- Юнг (СС) 199, 218, 220
Юст Г. 188
- Яжембовский Казимеж 149
Ямбор Эдуард 217, 296
Янковский Станислав 88, 123-
Янцен 199
Яронь Бронислав 273
Ярош Станислав 270
Яся 234

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аазе 229
Австрия 116, 117, 276, 279, 282, 295
Альбахтен 251
Альпы 192
Англия 213, 280
Антверпен 164
Аргентина 296
Аугсбург 191, 195
Аушвиц см. Освенцим
Ахен 199
- Бабельсберг 227
Бабище 38, 72
Бавария 121, 226
Баден 281
Байришцелль 193
Балтийское море 236
Бауцен 284
Белжец 87, 121
Белоруссия 289
Бельгия 100, 116, 204, 270
Бендзин 270
Берген—Бельзен 77, 158, 167, 171, 278, 280, 286, 292, 295
Бердель 229
Берлин 6, 38, 58, 60, 70, 78, 99, 100, 101, 108, 115, 119, 164, 176, 177, 182, 183, 188, 190, 193, 194, 199, 200, 205, 210, 220, 226, 228, 230, 278, 279, 282, 285, 286, 290, 296
Берлин—Бабельсберг 226
Берлин—Дален 188
Берлин—Нейкёльн 230
Берунь 170
- Бельско 128
Бжезинка 6, 12, 20, 38, 40, 46, 47, 49, 53, 54, 55, 56, 59, 61, 62, 68, 69, 70, 71, 74, 76, 87, 88, 89, 92, 93, 101, 102, 105, 106, 107, 111, 112, 113, 114, 116, 118, 120, 128, 129, 132, 134, 156, 157, 158, 159, 160, 164, 165, 168, 171, 172, 173, 174, 175, 177, 183, 185, 200, 202, 203, 209, 280, 283, 284, 288, 290, 293, 294
Бжешче 41
Билефельд 229
Биркенау см. Бжезинка
Блехгаммер 292
Ближин 59
Богумин 200, 217
Болгария 117, 125
Бонн 219, 230
Бремен 281
Бренн 223
Бреуль 238
Бринк 245
Брно 290
Брошковице 38
Буг 120
Будапешт 113, 125, 165
Будзынь 59
Буды 26, 38, 72, 76, 150, 151, 152, 153, 155, 211, 213, 277
Бутцбах 294
Бухарест 124
Бухенвальд 11, 34, 44, 61, 170, 177, 239, 240, 275, 285, 288, 290, 292, 293, 294

- Буэнос-Айрес 296
 Быдгощ 271, 272

 Вайвара 275
 Вальдбрёлъ 203
 Ванзее 125
 Варшава 15, 54, 59, 70, 78, 115, 151,
 164, 272, 289
 Веймар 240
 Вена 216, 282, 287, 292, 295
 Венгрия 20, 113, 117, 124, 171, 172,
 173, 175, 269
 Берн 164
 Верхняя Силезия 44, 53, 87, 100,
 104, 107, 116, 138, 277
 Вестерборк 164, 165, 202, 204
 Вестфалия 198, 240, 259
 Виллах 199
 Винница 235, 236
 Висла 123, 127, 168
 Влодава 81
 Влоцлавек 106
 Вольбек 229
 Волька-Окронглик 120
 Воля 168
 Вроцлав 32, 38, 105, 106, 179, 204,
 268, 277, 293
 Вуппергаль 278
 Вюпперфюрт 225
 Вюртенберг 293

 Гамбург 276
 Гана 294
 Ганновер 190, 218, 226
 Гарниш 225
 Гданьск 159, 198
 Гейдельберг 191, 230, 268
 Гельзенкирхен 192
 Генеральное Губернаторство 116
 Германия 5, 6, 7, 8, 9, 11, 17, 19,
 28, 29, 30, 32, 35, 36, 37, 43, 47,
 51, 53, 58, 61, 66, 68, 70, 82, 94,
 100, 104, 105, 107, 108, 116, 121,
 125, 132, 142, 149, 150, 156, 159,
 167, 171, 173, 175, 177, 182, 184,
 213, 221, 222, 226, 238, 239, 240,
 247, 248, 263, 269, 275, 276, 279,
 280, 281, 282, 293, 295, 296
 Герцогенбуш 289
 Гессен-Анальт 281
 Гёрде 195

 Гёттинген 229
 Гливице 38, 113, 174, 285, 288
 Голешов 292
 Голландия 81, 100, 116, 164, 202,
 204, 2С9, 216
 Гольнтейн 291
 Гомберг 277
 Гоэпельбе 290
 Граумендорф 240
 Графенек 294
 Гревен 248
 Греция 117, 121, 125
 Грибув 273
 Грини 275
 Гросс-Розен 42, 290, 293, 296

 Дания 185
 Дарфольд 243
 Дахау 6, 21, 36, 37, 63, 64, 65, 191.
 192, 193, 194, 195, 275, 280, 283,
 285, 286, 287, 288, 291, 293, 295,
 296
 Дворы 40, 43, 239
 Дессау 85
 Дзедзице 104
 Ловентри 183
 Домбье 106
 Дортмунд 191, 248
 Дранси 200, 204, 205, 216
 Дрезден 198, 218
 Дросте 245
 Луисбург 192
 Дюссельдорф 187, 195, 197, 220

 Европа 47, 58, 121, 138, 174, 182,
 213, 263, 269, 282

 Живец 280
 Жулкевка 81

 Закопане 38
 Зам йщина 106
 Земля Варгты 100
 Зонненштейн 100, 293, 294

 Иерусалим 5, 296
 Иокогама 294
 Испания 125
 Италия 117, 125, 239

 Йютерборг 227

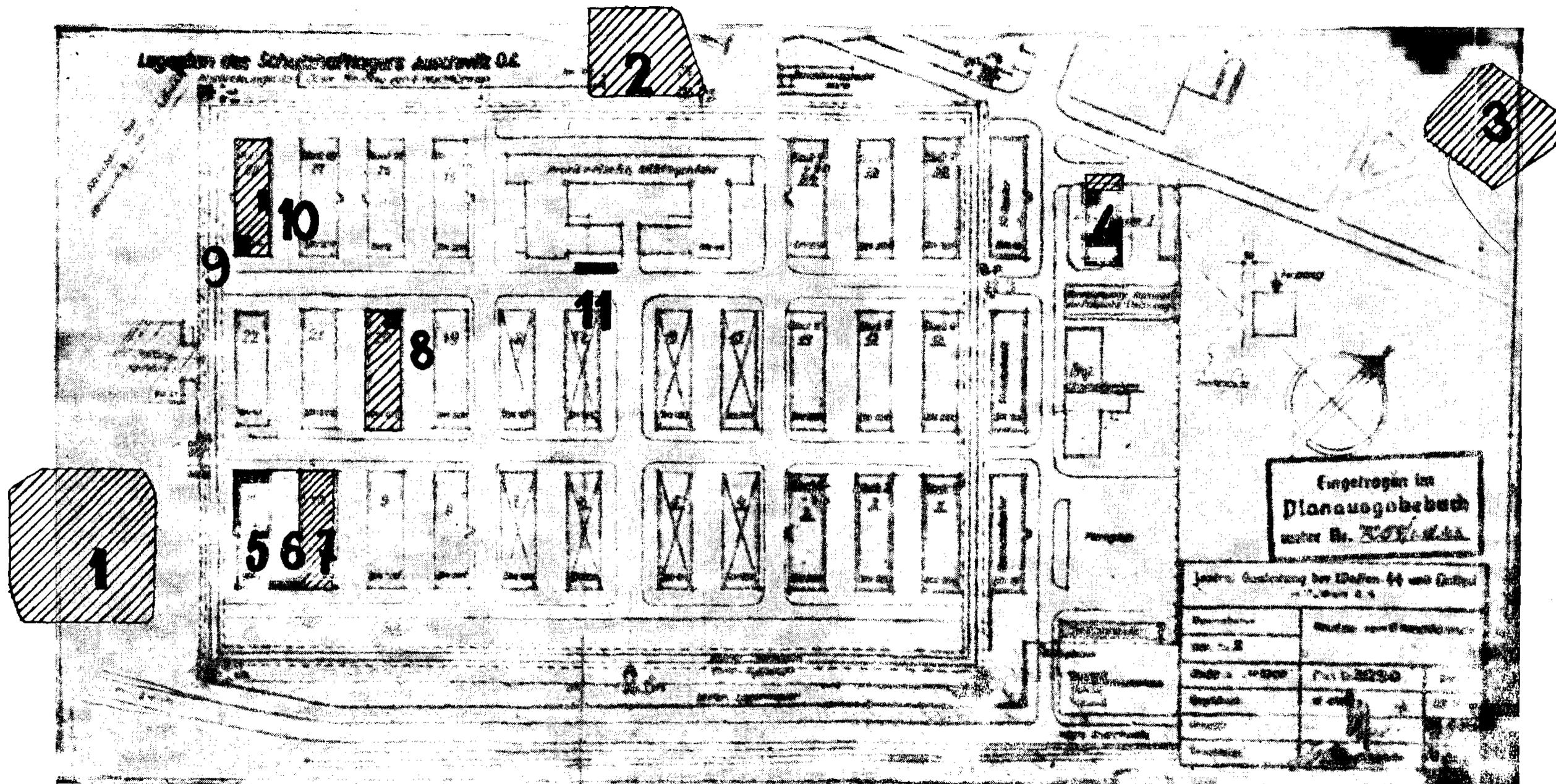
- Казимеж Бискупы 100
 Карлови-Вари 199
 Карпаты 125
 Катовице 50, 54, 84, 95, 138, 143,
 211, 222, 276, 277, 283, 288
 Катшер 105
 Катынь 157
 Кетж 105
 Кёльн 191, 195, 197, 198, 205, 223,
 330
 Киев 276
 Коло 106
 Колумбия-хауз 285
 Корынтия 199
 Косов 120
 Кохловице 276
 Краков 7, 29, 38, 50, 59, 76, 123,
 164, 188, 199, 201, 202, 208, 211,
 216, 217, 264, 271, 273, 275, 283,
 287, 289
 Краков—Платов 289
 Крефельд 220
 Крым 235
- Ламбиновице 53, 54, 57
 Ламсдорф см. Ламбиновице
 Лангендрер 199
 Ландсберг 275, 282, 290, 296
 Латвия 5, 117
 Лаузиц 105
 Лейпциг 58, 218
 Либерия 294
 Лидице 106
 Линдлар 236
 Литва 117
 Лихтенбург 275, 286, 290
 Лодзь 76, 100, 107, 120
 Львов 121
 Любека 281
 Люблин 120, 121, 165, 172, 216,
 271, 280, 288, 289
 Люнебург 280, 281, 286, 295
- Майданек 11, 59, 87, 121, 165, 173,
 216, 285, 289
 Майнц 191
 Малин 204
 Май 233
 Мангейм 191, 195
 Мангейм-Людвигсхафен 268
 Марбург 191, 259
- Мариабрунн 192
 Матцау 159
 Маутхаузен 11, 37, 42, 52, 286, 291,
 293, 296
 Маутхаузен-Гузен 284
 Меклембург 6, 281
 Мендзыбродзе 280
 Мерошов 105
 Мец 278
 Миколов 211
 Минск 217
 Миттельбау 177, 276, 277, 285, 291
 Миттельбау-Дэра 278, 280
 Моновице 49, 68, 80, 184
 Моравия 116
 Моравская Острава 216, 217
 Мысловице 50, 139, 142, 210
 Мюлькентин 232
 Мюнстер 7, 27, 28, 187, 188, 190,
 193, 194, 195, 198, 204, 209, 213,
 218, 219, 229, 230, 240, 242, 243,
 245, 246, 247, 251, 253
 Мюнхен 65, 190, 192, 194, 195, 198,
 281, 283
- Натцвейлер 278, 283, 286, 292
 Ней-Дакс 290
 Нсйенгамме 275, 278, 284, 293
 Нейзидлер 58
 Нигерия 294
 Нидерхаген 293
 Нидерхаген-Вавельсбург 278
 Норвегия 117, 275
 Норинген 286
 Нюрнберг 34, 87, 105, 115, 276,
 279, 280, 289, 290, 293
- Обербриздам 220
 Оберзальцберг 205
 Оберфельд 188, 225
 Оденбург 58
 Одесса 235
 Олсмоуц 200, 217
 Оммерброн 223
 Опполе 54
 Ораниенбург 31, 35, 61, 63, 78, 100,
 113, 115, 283, 288, 292
 Освенцим 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14,
 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24,
 25, 26, 27, 31, 32, 33, 34, 35, 36,
 37, 38, 39, 40, 41, 43, 44, 46, 47,
 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56,

- 58, 59, 60, 61, 62, 63, 67, 68, 69, 70, 72, 74, 75, 76-78, 80, 82-85, 87, 90, 95-97, 99, 100, 102-108, 119, 113-118, 120, 122, 124, 127-133, 138-140, 142, 144-148, 150, 151, 153-156, 158, 159, 164-177, 179, 181-184, 200, 201, 204-213, 216, 217, 231, 239, 261, 263-265, 267-269, 271, 273, 275-280, 283-294, 296
- Освенцим—Бжезинка 29, 45, 77, 78, 108, 114, 115, 200, 275, 286, 289
- Осло 275
- Оснабрюк 198, 218, 226, 228
- Палестина 61
- Париж 66, 163, 165, 177
- Плавы 38, 72
- Познань 28
- Полтава 276
- Польша 5, 6, 15, 31, 32, 53, 81, 87, 115, 120, 121, 127, 136, 173, 175, 267, 276, 277, 279, 282, 295
- Поморье 235
- Потсдам—Бабельсберг 226
- Прага 34, 76, 198, 200, 203, 213, 216, 217, 284
- Приемхаузен 235
- Пруссия 239, 279
- Пршеров 200
- Пютцерлин 232, 233, 235
- Рабка 38
- Равенсбрюк 70, 73, 74, 75, 77, 177, 286, 292, 294
- Радсм 59, 271
- Райско 38, 72, 73, 127, 132, 151, 212, 270, 277, 291
- Ракгвице 50
- Рейн 232
- Рига 121
- Рио-де-Жанейро 8
- Россия см. Советский Союз
- Росток 227
- Рот 105
- Румыния 124, 125
- Рыбник 57
- Саксенхаузен 6, 21, 31, 35, 36, 37, 44, 51, 66, 70, 119, 127, 278, 286, 287, 290, 292
- Саксония 293
- Салоники 164
- Сардиния 125
- Сент-Андре 199
- Сент-Рупрехт 199
- Слезия 5, 105, 271, 276
- Славеньщице 54
- Словакия 73, 76, 109, 117, 121, 173, 205
- С бибор 81, 87, 120
- Советский Союз 22, 53, 81, 99, 117, 192, 227, 236, 276, 282, 284
- Соколов Подляски 120
- С-ша 98, 127
- Сталинград 43, 47
- Старгард 235
- Старые Ставы 273
- Стендаль 226
- Страсбург 195
- Судан 294
- Судеты 38, 150
- Тарнув 127, 271
- Тельгте 229, 259
- Терезин 116, 164, 165, 173
- Терезиенштадт см. Терезин
- Томашов Любельски 121
- Треблинка 87, 120, 121
- Третий Рейх см. Германия
- Триест 117, 283, 286
- Турция 5
- Украина 117, 124, 276
- Ульм 191
- Унтербюшен 220
- Федеративная Республика Германии (ФРГ) 7, 8, 25, 291, 293
- Фенна 239
- Финкенкруг 227
- Флоссенбург 37, 42, 56, 267, 275, 289, 293
- Франкония 293
- Франкфурт-на-Майне 9, 10, 14, 20, 25, 140, 217, 264, 275, 276, 277, 283, 284, 285, 289, 292, 294
- Франция 76, 100, 116, 121, 175, 200, 237, 270
- Фридланд 105
- Фюрстенгрубе 288
- Фюстенберг 70

- Халль 294
 Хамельн 218, 274, 280, 284, 286
 Хамм 190, 248
 Харменже 38, 72, 76, 157
 Харьков 295
 Хелм Великий см. Хелм Силезский
 Хелм Силезский 171
 Хелмек 292
 Хелмно на Нере 100, 106, 107, 120, 121
 Хожув 267
 Хорватия 177, 212
- Цеханув 277
- Чехия 116, 121, 176
 Чехословакия 100, 106, 116, 164, 279, 282, 295
 Чешские Трюбау 200
- Швейцария 119, 167
 Шотландия 213, 280
 Шпандау 226, 280
 Штельберг 187, 220, 225, 230, 259, 260
 Штирия 276
 Штутгарт 188, 191, 195, 277
- Щецин 218
- Эйнем 254
 Эйхштадт 227
 Эссен 191, 216
 Эстервеген 35, 275, 285
 Эстония 275
- Югославия 117
- Явожно 290

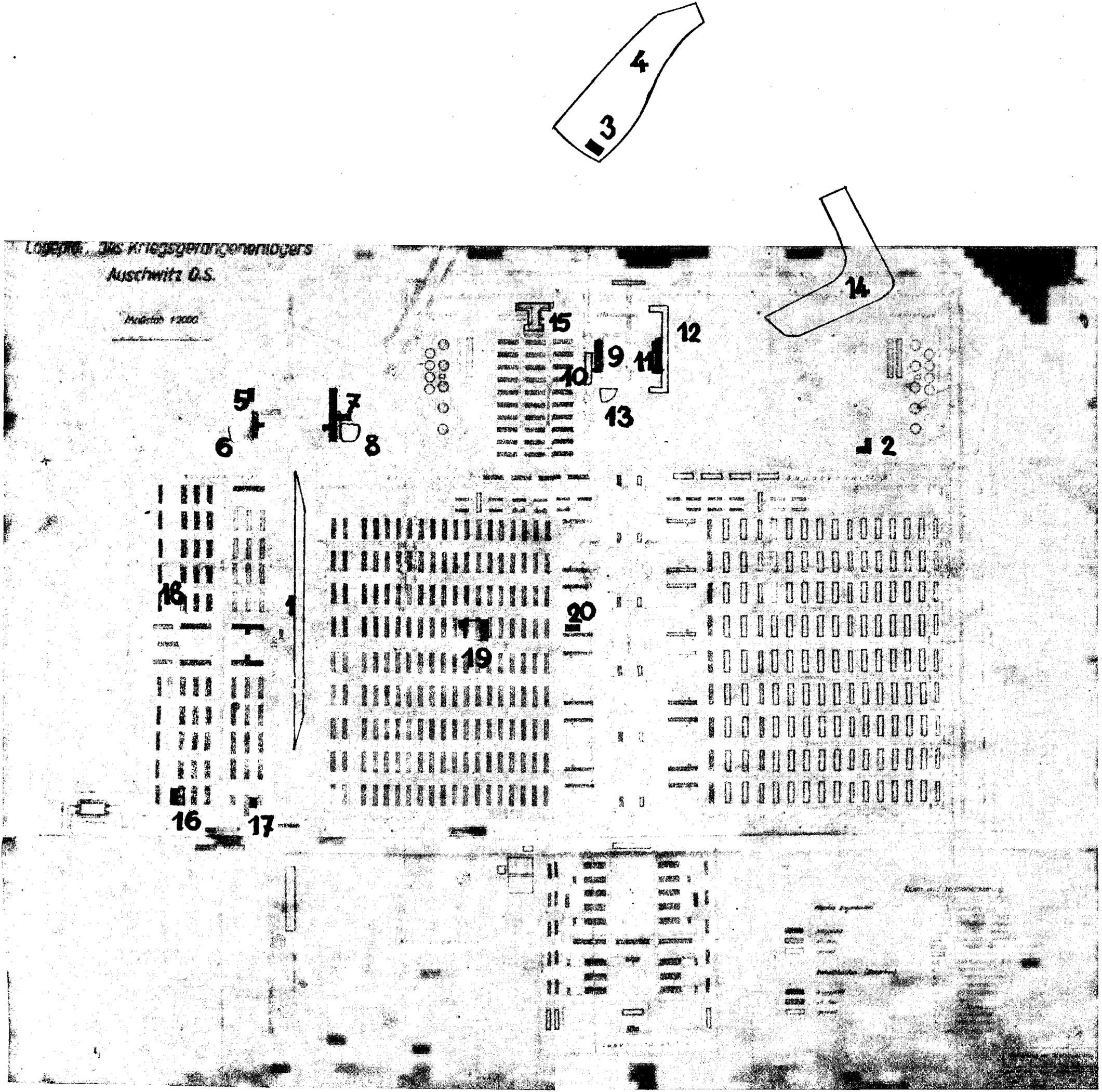
СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
1. Ежи Равич — Предисловие	5
2. Воспоминания Рудольфа Гесса	31
3. Воспоминания Пери Броада	127
4. Дневник Иоганна Пауля Кремера	187
5. Мечислав Кета — Послесловие	263
6. Приложения	
Показание Станислава Дубеля	267
Показание Янины Щурек	273
Биографические заметки	275
Указатель имён	297
Географический указатель	302

УСТРОЙСТВА И МЕСТА МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ В КОНЦЕНТРАЦИОННОМ ЛАГЕРЕ АУШВИЦ I (ОСВЕНЦИМ)

1. Ямы из которых брали гравий — „Кисгрубе“. Там расстреливали узников.
2. Ямы из которых брали гравий.
3. Ямы из которых брали гравий.
4. Крематорий I.
5. Блок 11 — „Корпус смерти“.
6. Двор блока № 11.
7. Экпериментальная лаборатория в блоке № 10.
8. Место где убивали узников путём впрыскивания фенола в сердце.
9. Место где убивали узников путём впрыскивания фенола в сердце.
10. Морг в подвалах блока № 28.
11. Общая виселица.

УСТРОЙСТВА И МЕСТА МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ АУШВИЦ II (БИРКЕНАУ).

1. Железнодорожная платформа.
2. Бункер № 1, первая газовая камера.
3. Бункер № 2, вторая газовая камера.
4. Ямы в которых жгли трупы.
5. Газовая камера и крематорий II.
6. Территория на которой закапывали пепел из крематория II.
7. Газовая камера и крематорий III.
8. Территория на которой закапывали пепел из крематория III.
9. Газовая камера и крематорий IV.
10. Территория на которой закапывали пепел из крематория IV.
11. Газовая камера и крематорий V.
12. Место на котором находились ямы для сжигания трупов.
13. Пруть, в который сыпали пепел из крематориев IV и V.
14. Территория на которой хоронили тела узников и советских военнопленных уничтоженных в лагере.
15. Зауна.
16. Блок 25 — „Корпус смерти“.
17. Экспериментальная лаборатория доктора Хорста Шумана.
18. Блок № 2 — мужская штрафная команда.
19. Блоки мужской штрафной команды и „зондеркоманды“.
20. Место казни через повешение.